ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Журнал издается с 2006 года **№ 41/2017**
Выходит 4 раза в год Часть II

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-40132 от 11.06.2010 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель, издатель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Кемеровский государственный институт культуры»

Адрес учредителя, издателя
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор
А. В. Шунков, доктор филологических наук, доцент
Ответственный секретарь
Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент
Технический редактор
О. В. Устимова

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин,*
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры», 2017

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

JOURNAL OF THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Journal is published since 2006 **№ 41/2017**
Published quarterly Part II

The Mass Media Registration Certificate ПИ No. ФС77-40132 of 11.06.2010 by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media

Founder, publisher
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education (FSFEI HE) “Kemerovo State University of Culture”

The address of the founder, Publisher
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, Voroshilov Str., 17.
Phone: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: priemnaya@kemguki.ru

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief
A.V. Shunkov, Dr of Philological Sciences, Associate Professor
Administrative Secretary
L.Yu. Egle, PhD in Culturology, Associate Professor
Technical editor
O.V. Ustimova

Editor *N.Yu. Maltseva*

Translation *A.A. Sherbinin,*
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M.B. Sorokina*
Design *A.V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, Voroshilov Str., 17.
Journal ”Bulletin of KemGUKI”
Phone: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© FSFEI HE ”Kemerovo State University of Culture”, 2017

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин Константин Константинович, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Члены совета:

Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ариарский Марк Ариевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, РФ).

Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», член Российского философского общества, член Научно-образовательного культурологического общества, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Белозерова Марина Витальевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Бородин Борис Борисович, доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой истории и теории исполнительского искусства, Уральская государственная консерватория им. М. П. Мусоргского, член Союза композиторов России (г. Екатеринбург, РФ).

Быховская Ирина Марковна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии, социокультурной антропологии

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Departman of the Editorial Council:

Kolin Konstantin Konstantinovich, Dr of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Acting Member of the International Academy of Sciences (Austria), Russian Academy of Natural Sciences and International Higher Education Academy of Sciences, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Members of the Editorial Council:

Antipov Aleksander Gennadyevich, Dr of Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Literature and the Russian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russia).

Ariarskiy Mark Arievich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Socio-cultural Activities, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation).

Astafyeva Olga Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the UNESCO Department of Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Director of the Center "Civic Society and Social Communications," Member of the Russian Philosophic Society, and Scientific Education Culturologic Society, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Belozerova Marina Vitalyevna, Dr of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Borodin Boris Borisovich, Dr of Art History, Professor, Department Chair of History and Theory of Performing Arts, Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Member of the Russian Composers Union (Yekaterinburg, Russian Federation).

Bykhovskaya Irina Markovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Department of Culturology, Socio-cultural Anthropology

и социальных коммуникаций, Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма (г. Москва, РФ).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша).

Гавров Сергей Назипович, доктор философских наук, профессор Российского нового университета, профессор кафедры социологии и рекламной коммуникации, Московский государственный университет дизайна и технологии (г. Москва, РФ).

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный университет экономики и управления (г. Новосибирск, РФ).

Игумнова Наталия Петровна, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки, член Российской Академии Естествознания, действительный член и член Президиума Отделения библиотековедения Международной академии информатизации, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Иконникова Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы (г. Санкт-Петербург, РФ).

Кинелев Владимир Георгиевич, доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, Российский новый университет, академик Российской академии образования, действительный член Российской инженерной академии, академик Академии естественных наук Российской Федерации, почетный академик Международной академии науки, образования и технологий (Германия), академик Российской академии наук (г. Москва, РФ).

Литерска Барбара, доктор гуманитарных наук в области искусствоведения, профессор института музыки факультета искусств, Зеленогурский университет (г. Зелена Гура, Польша).

Луков Валерий Андреевич, доктор философских наук, профессор, директор Института

and Social Communications, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (Moscow, Russian Federation).

Wlodarczyk Edward, Dr of Historical Sciences, Professor, Rector of the Szczecin University (Szczecin, Poland).

Gavrov Sergey Nazipovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor of Russian New University, Professor of Department of Sociology and Advertising Communications, Moscow State University of Design and Technology (Moscow, Russian Federation).

Donskikh Oleg Albertovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Philosophy, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

Igumnova Nataliya Petrovna, Dr of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian State Library, Member of the Russian Academy of Natural History, Acting Member and Member of Presidium of the Library Science Department International Informatization Academy, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ikonnikova Svetlana Nikolaevna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Department Chair of Theory and History of Culture, St. Petersburg State University of Culture, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, International Informatization Academy, International Higher Education Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation).

Kinelev Vladimir Georgievich, Dr of Technical Sciences, Professor, Department Chair of UNESCO, Russian New University, Academician of the Russian Academy of Education, Acting Member of the Russian Academy of Engineering, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Academician of International Academy of Science, Education and Technologies (Germany), Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Literska Barbara, Dr of Humanitarian Sciences in Art History, Professor of the Institute of Music of the Faculty of Arts, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland).

Lukov Valeriy Andreevich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Director of the Institute of

фундаментальных и прикладных исследований, Московский гуманитарный университет, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук Русской секции Международной академии наук, вице-президент Русского отделения Международной академии наук, вице-президент Международной академии наук (Австрия), академик Международной академии наук педагогического образования, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Мазур Петр, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Высшая государственная профессиональная школа в Хелме (г. Хелм, Польша).

Малыгина Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной деятельности, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Москалюк Марина Валентиновна, доктор искусствоведения, профессор, ректор Красноярского государственного института искусств, профессор кафедры музыкально-художественного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск, РФ).

Разлогов Кирилл Эмильевич, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный университет кинематографии им. С. А. Герасимова, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член Научного совета Российской академии наук по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель комиссии Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь Национальной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва, РФ).

Садовой Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Лабораторией этносоциальных проблем, Сочинский научно-исследовательский центр Российской академии наук (г. Сочи, РФ).

Смолянинова Ольга Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой информационных технологий обучения и непрерывного образования, директор Института педагогики, психологии и социологии, Сибирский

Fundamental and Applied Research of Moscow University for the Humanities, Academician-secretary of Humanitary Sciences Section of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of Russian Department of the International Academy of Sciences, Vice-president of the International Academy of Sciences (Austria), Academician of International Teacher's Training Academy of Science, Honorary Worker of Higher Professional Education, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Mazur Pyotr, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Pedagogy, State School of Higher Education in Chelm (Chelm, Poland).

Malygina Irina Viktorovna, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Vice-rector for Research, Department Chair of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russian Federation).

Moskalyuk Marina Valentinovna, Dr of Art History, Professor, Rector of Krasnoyarsk State Institute of Arts, Professor of Department of Music and Art Education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Razlogov Kirill Emilyevich, Dr of Art History, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Complex Problem "History of World Culture," Head of the Commission of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician-secretary of the National Academy of Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow, Russian Federation).

Sadovoy Aleksandr Nikolaevich, Dr of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethno-social Problems, Sochi Research Center of Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation).

Smolyaninova Olga Georgievna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Department Chair of Information Technology Study and Continuing Education, Director of Institute of Education, Psychology and Sociology, Siberian Federal University,

федеральный университет, член-корреспондент Российской академии образования (г. Красноярск, РФ).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова Светлана Григорьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва, РФ), лауреат премий Фулбрайта и имени М. В. Ломоносова, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Ужанков Александр Николаевич, доктор филологических наук, кандидат культурологии, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Академии Российской словесности, член Научного совета Российской академии наук по изучению и охране культурного и природного наследия, член Общественного совета и Совета по науке при Министерстве культуры Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Урсул Аркадий Дмитриевич, доктор философских наук, профессор, профессор факультета глобальных процессов, руководитель Центра глобальных исследований, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, академик Международной академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Москва, РФ).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель Секции информационной грамотности Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА), директор Исследовательского центра Университета Веракруза (г. Халапа, Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Krasnoyarsk, Russian Federation).

Sun Yuhua, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova Svetlana Grigoryevna, Dr of Philological Sciences, Professor, Department Chair of Theory of Teaching the Foreign Languages, President of Foreign Languages and Regional Study Faculty, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), Winner of Fulbright and Lomonosov Awards, Honorary Doctor of University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Uzhankov Aleksandr Nikolaevich, Dr of Philological Sciences, PhD in Culturology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Acting Member of Academy of Russian Literary Word, Member of of Scientific Council Russian Academy of Sciences for Studying and Protection of Cultural and Natural Heritage, Member of the Public Council and Council for Science of the Ministry of Culture of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Ursul Arkadiy Dmitrievich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Faculty of Global Processes, Head of the Center for Global Studies, Lomonosov Moscow State University, Academician of the International Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, President of International Academy of Noosphere (Sustainable Development), Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

Jesús Lau, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Section of Information Literacy of the International Federation of Library Associations and Institutions (IFLA), Director of Research Center, University of Veracruz (Xalapa, Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Культурология»

Казаков Евгений Федорович, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Москва, РФ).

Лесовиченко Андрей Михайлович, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры народной художественной культуры и музыкального образования, Новосибирский государственный педагогический университет (г. Новосибирск, РФ).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры, академик Российской академии естественных наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры театрального искусства,

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Culturology

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Dr of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher Research Centre Russian, State University Justice Ministry of Justice (RPA Russian Ministry of Justice), Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Moscow, Russian Federation).

Lesovichenko Andrey Mikhaylovich, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Folk Art, Culture and Music Education, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Martynov Anatoliy Ivanovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Minenko Gennadiy Nikolaevich, Dr of Culturology, Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Petrovskiy Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Art History

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, PhD in Art History, Associate Professor, Professor of Department of Theatre Art, Head of

заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, декан факультета режиссуры и актерского искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Синельникова Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой оркестрового инструментального исполнительства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства, Алтайский государственный университет, член-корреспондент Российской Академии Естествознания (г. Барнаул, РФ).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, доцент, профессор кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Российской Академии Естествознания, член Союза композиторов России (г. Кемерово, РФ).

Раздел «Педагогические науки»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии автоматизированной обработки информации, директор НИИ информационных технологий социальной сферы, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности (г. Кемерово, РФ).

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры

Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art History, Dean of Faculty of Directing and Acting Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Sinelnikova Olga Vladimirovna, Dr of Art History, Associate Professor, Head of Department of Orchestral, Instrumental Performance, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Stepanskaya Tamara Mikhaylovna, Dr of Art History, Professor, Head of Department of History of Native and Foreign Art, Altai State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History (Barnaul, Russian Federation).

Umnova Irina Gennadyevna, Dr of Art History, Associate Professor, Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural History, Member of the Russian Composers Union (Kemerovo, Russian Federation).

Section of Pedagogical Sciences

Gendina Natalya Ivanovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Technology of Automated Information Processing, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on Development of Indicators of Media and Information Literacy (Kemerovo, Russian Federation).

Zaruba Natalya Andreevna, Dr of Sociological Sciences, PhD in Pedagogy, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honorary Teacher of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Kostyuk Natalya Vasilyevna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of

педагогики и психологии, директор НИИ межкультурной коммуникации и социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Кудрина Екатерина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор, Кемеровский государственный институт культуры, академик Международной академии наук высшей школы, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естественных наук, академик Петровской академии наук и искусств, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Кемерово, РФ).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук (г. Кемерово, РФ).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры технологии документальных коммуникаций, Кемеровский государственный институт культуры, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово, РФ).

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, проректор по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Редлих Сергей Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Московский государственный институт культуры (г. Москва, РФ).

Pedagogy and Psychology, Director of R&D Institute of Intercultural Communication and Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Kudrina Ekaterina Leonidovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Kemerovo State University of Culture, Academician of the International Higher Education Academy of Sciences, Academician of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of Petrovskiy Academy of Sciences and Arts, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Kemerovo, Russian Federation).

Panina Tatyana Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of State and Municipal Management, Director of Institute for Continuing Professional Education, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Honorary Teacher of the Russian Federation, Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences (Kemerovo, Russian Federation).

Pilko Irina Semyenovna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Documentary Communications Technologies, Kemerovo State University of Culture, Member of Council of the Russian Library Association (Kemerovo, Russian Federation).

Ponomaryev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Vice-rector for Scientific Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

Redlikh Sergey Mikhaylovich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russia).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Sociocultural Activity, Moscow State University of Culture (Moscow, Russian Federation).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Виджай Кумар Шарма. Богатейшие традиции и удивительные культурные практики Киннаура.... 13

Мритунджей Шарма. Фольклорные музыкальные инструменты племенных территорий Киннаура..... 19

Гордеева Т. Ю. Понятие «певческая культура» сквозь призму певческого звука..... 23

Егле Л. Ю., Марков В. И. Трансформации музыкально-певческой культуры в инокультурном окружении..... 29

Двуреченская А. С., Марьина М. Г. Зарубежные и отечественные теории исследования массовой культуры в контексте определения научных перспектив культурологии..... 36

Филин Д. А. Апофатика Платона..... 42

Антипов А. Г., Рыбникова Е. Е. Фронтовой эпистолярий как источник русской лингвокультуры..... 49

Волкова Т. А. Потенциал гендерного дискурса в осмыслении семьи..... 55

Кульков Е. А. Антропологические матрицы современного коммуникационного пространства..... 61

Соловьев В. А. Интернет-коммуникации как фактор активизации общественно-политической деятельности студентов..... 66

Соловьев В. А. Технологии взаимодействия субъектов общественно-политической деятельности..... 70

Звягин С. П., Макарчук С. В., Тимербулатов Д. Р. Юрист в культурной жизни Омска в начале XX века: феномен В. В. Едличко..... 75

Цыремпилова И. С., Нетребина Л. А. Архитектурное наследие семейских (старообрядцев) Забайкалья в исследованиях современных ученых: культурологический дискурс..... 85

Амгаланова М. В. Драматургия Б. Барадина в национальной бурятской культуре..... 93

Сырыгин Д. С. Актуализация деятельности музея промышленных предприятий как специфическое социокультурное явление..... 99

Майзик Е. И. Музейная педагогика и музейное образование в КГПУ им. В. П. Астафьева..... 105

Алексеева Л. С., Оленич Л. В. Концепция «живого музея» священника Павла Флоренского и формы существования современных церковных музеев..... 111

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Фаттахова Л. Р. Формы литургического речитатива в богослужебной практике старообрядцев..... 122

Гумерова О. А. Духовные стихи Страстной недели и Пасхи в быту пензенских переселенцев Челябинской области..... 128

Русинова Е. А. Значение новых технологий звукозаписи в создании эстетического пространства кинофильма..... 138

Прокопова Н. Л., Прокопов В. Л. Речевое искусство актера: обновление технологии присвоения авторского текста..... 145

Чепурина В. В. Тренинг к спектаклю: от голосоречевой настройки актера к голосоречевой выразительности сценического образа..... 154

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Пономарев В. Д. Педагогика игрового сообщества и социальное творчество личности в сфере досуга..... 159

Давыдов В. П. Реализация принципа культуросообразности в хореографической педагогике (на примере подготовки специалистов-хореографов)..... 166

Скипор И. Л. Проектная деятельность специалистов библиотечно-информационных учреждений в контексте требований профессиональных и образовательных стандартов..... 174

Сергеева А. Ю. Периодические издания как одна из форм профессиональной коммуникации..... 181

Ерина Ю. С., Кокаева И. Ю. Формирование культуры информационной безопасности у студентов – будущих учителей – в процессе профессиональной подготовки..... 186

Сингач А. Н. Проблема профилактики студенческого экстремизма в контексте психолого-педагогических исследований..... 194

Вагайцева Е. С., Игонина Т. Б. Педагогические условия формирования гражданственности старших школьников в современном обществе..... 199

Костюк Н. В. Педагогический потенциал этнокультурной деятельности в многонациональном пространстве региона..... 210

Алфавитный указатель авторов..... 217

CONTENTS

CULTUROLOGY

Dr. Vijay Kumar Sharma. Incredible Traditions and Amazing Cultural Practices of Kinnauras..... 13

Dr. Mritunjay Sharma. Folk Musical Instruments of Tribal Area of Kinnaur..... 19

Gordeeva T.Yu. The Concept of "Singing Culture" through the Lens of Singing Sound..... 23

Egle L.Yu., Markov V.I. Transformations of the Musical and Singing Culture in the Innocultural Environment..... 29

Dvurechenskaya A.S., Maryina M.G. Foreign and Domestic Theories of Mass Culture in the Context of Determining the Scientific Perspectives of Culturology..... 36

Filin D.A. Plato's Apathetic Theology..... 42

Antipov A.G., Rybnikova E.E. Frontline Epistolary as a Source of Russian Linguaculture..... 49

Volkova T.A. Gender Discourse Potential in Family Reflection..... 55

Kulkov E.A. Anthropological Matrices of Contemporary Communication Space..... 61

Solovyev V.A. Internet Communication as a Factor of the Socio-political Students' Activities Improving..... 66

Solovyev V.A. Interaction Technologies of Subjects of Socio-political Activity..... 70

Zvyagin S.P., Makarchuk S.V., Timerbulatov D.R. A Lawyer in Omsk Cultural Life in the Beginning of the XX Century: the Phenomenon of V.V. Edlichko..... 75

Tsyrempilova I.S., Netrebina L.A. Architectural Heritage of the Transbaikalian Semeyskie (Old Believers) in the Contemporary Scientific Studies: a Culturological Discourse..... 85

Amgalanova M.G. Dramaturgy of B. Baradin in the National Buryat Culture..... 93

Syrygin D.S. Actualization of the Activities of Enterprise Museums is a Specific Phenomenon of Sociocultural Life..... 99

Mayzik E.I. Museum Pedagogy and Museum Education at the KSPU Named after V.P. Astafyev..... 105

Alekseeva L.S., Olenich L.V. The Concept of a "Living Museum" of Priest Paul Florensky and Forms of Existence of Modern Church Museums..... 111

ART HISTORY

Fattakhova L.R. Forms of Liturgical Recitative in the Liturgical Practice of Old Believers..... 122

Gumerova O.A. Spiritual Verses of Holy Week and Easter in Life of Penza Immigrants of Chelyabinsk Region..... 128

Rusinova E.A. The Meaning of New Sound Technologies in the Creation of the Movie's Aesthetic Space..... 138

Prokopova N.L., Prokopov V.L. An Actor's Speech Art: the Renovation Technology for Reflexing the Author's Text..... 145

Chepurina V.V. Training to Performance: from Actor's Voice-speech Settings to Voice-speech Expressiveness on Stage..... 154

PEDAGOGICAL SCIENCES

Ponomarev V.D. Pedagogy of the Game Community and Social Creativity of the Person in the Sphere of Leisure..... 159

Davydov V.P. Implementation of the Principle of Cultural Conformity in Choreographic Pedagogy (a Case Study of Choreographer Training)..... 166

Skipor I.L. Project Activity of Specialists of Library and Informational Institutions in the Context of Requirements of Professional and Educational Standards..... 174

Sergeeva A.Yu. Periodicals as a Form of Professional Communication..... 181

Erina Yu.S., Kokaeva I.Yu. Formation of Information Security Culture of Students – Future Teachers – in the Course of Vocational Training..... 186

Singach A.N. The Problem of the Prevention of Student Extremism in the Context of Psychological and Pedagogical Research..... 194

Vagaytseva E.S., Igonina T.B. Pedagogical Conditions of the Formation of Civic Consciousness of Senior Schoolchildren in Modern Society..... 199

Kostyuk N.V. Pedagogical Potential of Ethnocultural Activity in the Multinational Space of the Region..... 210

List of Authors in Alphabetical Order..... 217

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
CULTUROLOGY

УДК 008.009:39

INCREDIBLE TRADITIONS AND AMAZING CULTURAL PRACTICES OF KINNAURAS

Dr. Vijay Kumar Sharma, Member of Kalp Foundation, Institute of Integrated Himalayan Studies, Himachal Pradesh University (Shimla, India). E-mail: vijaysml39@gmail.com

Himalayan region has long been known for its mysterious ritualistic performances and traditions. The cultural ritualistic practices can be linked with religion and spirituality, healthcare, childcare, artistic expression, dietary preferences and gastronomic traditions, social institutions, natural resource management, architecture, governance, or it can be practices linked with "*Everyday life*." The rituals and festive occasions often take place at particular time and place and are closely linked to a community's insight of its history and reminiscence. Some villages in Kinnaur have legendary cultural history, which has been passed on from one generation in a form of oral traditions. An institution of a local deity is one of the significant components of socio-cultural life of Kinnaur. The local deity is not a statue but is a supreme authority, who behaves like common human beings with sentiments and sense of pride. An institution of a local deity is not a matter of chance, but there has been a legend behind each one of these deities and this practice has its roots in the midst of primeval time. Thus, a deity is the main monarch and symbol of indigenous culture in Kinnaur, one of the most archaic regions of the Indian Hymalayas.

Keywords: Himalayan region, Kinnaur, tradition, indigenous culture, ritualistic practices, local deity.

БОГАТЕЙШИЕ ТРАДИЦИИ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КИННАУРА

Виджай Кумар Шарма, доктор наук, член Фонда Калпа, Институт интегрированных гималайских исследований, Химачал-Прадешский университет (г. Шимла, Индия). E-mail: vijaysml39@gmail.com

Гималайский регион известен своими мистическими ритуальными практиками и традициями. Культурные ритуальные практики могут быть связаны с религией, медициной, воспитанием детей, искусством, гастрономическими традициями, социальными институтами, охраной природных ресурсов, архитектурой, управлением или тем, что может быть названо «повседневной жизнью». Ритуалы и праздники чаще всего приурочены к конкретному времени месту и тесно связаны с историей общины и ее памятью. Многие деревни Киннаура имеют свои легендарные истории, которые передаются из поколения в поколение через устную традицию. Важную роль в ритуалах имеют локальные божества, являясь важнейшим компонентом социокультурной жизни Киннаура. Локальное божество – это не статуя, а верховный авторитет, который ведет себя как человеческое существо, наделенное переживаниями и чувством собственного достоинства. Институт локальных божеств – не плод случайного появления, но за каждым из них стоит своя легенда, а их ритуальное почитание уходит во тьму веков. Таким образом, локальное божество является правителем и символом традиционной культуры Киннаура – одного из самых архаичных регионов индийских Гималаев.

Ключевые слова: Гималайский регион, Киннаур, традиция, традиционное общество, ритуальные практики, локальное божество.

Himalayan region has long been known for its mysterious ritualistic performances and traditions. Those who are simply view the region may believe these customs to be taboo. But those who actually have concern to understand the connotation of these beliefs will value them, despite their oddness. Cultural practices usually refer to the expression of a culture or sub-culture, particularly with regard to the customary practices of a particular ethnic community or any cultural group. Broadly speaking, this term can be related to any person revealing any feature of culture at any given point of time. However, practically it refers to the traditional customs, rituals and belief systems, which got evolved in any ethnic cultures, particularly those facets of culture that have been practiced since times immemorial. In the contemporary scenario, when we are talking about the changing cultures, cultural practices have become the subject of discussion in questions of cultural survival. If an ethnic group upholds its ethnic identity but loses its core cultural elements, practices or knowledge, or ability to continue them, questions arise as to whether the culture will be able to survive in future. The cultural practices can be linked with religion and spirituality, healthcare, childcare, artistic expression, dietary preferences and gastronomic traditions, social institutions, natural resource management, architecture, governance, or it can be practices linked with "*Everyday life*".

Culture is a term that has different and diverse meanings and can be appreciated in many ways, for instance it may be social behavior for many. According to Edward Taylor (1983):

"…culture is used to designate not merely something to which one belongs but something that one possesses, and along with that proprietary process, culture also designates a boundary by which the concept of what is extrinsic or intrinsic to the culture comes into forceful play…"

The term '*culture'* has been described from various angles by different scholars, for example, "culture may also be defined as the socially and historically situated process of production of meanings" (Barrett *et al*. 1979). The social practices and rituals are the representations of cultures. In the words of Sperber (1996):

"…those representations which are repeatedly communicated and minimally transformed in the process will end up belonging to the culture..."

Understanding culture as an exemplary part of cultural history, where we establish its parameters by theorizing some concepts and ideas. When communities practice their customs and rituals, they create a cultural network and share '*clusters of common concepts, emotions and practices*'.

Cultural practices, rituals and festive events are customary events that shape the lives of communities and organizations and can be of relevance to the members of that particular society. These practices are significant because they endorse the individuality of those who practice them as a group or a society. Social, ritual and festive occasions may be linked with the seasons, agricultural calendar or the phases of an individual's life. These may vary from small congregations to big social celebrations. The rituals and festive occasions often take place at particular time and place and are closely linked to a community's insight of its history and reminiscence. In some cases, access to rituals may be restricted to particular groups or individuals of a community. Social practices, rituals and festive events include a variety of forms, for instance:

- Worship sacraments.
- Birth, marriage and funeral rites.
- Conventional legal systems.
- Customary games and sports.
- Kinship ceremonies.
- Settlement patterns.
- Gastronomic traditions.
- Seasonal occasions.
- Hunting, fishing and gathering practices.

These include a variety of expressions and physical components, like unusual gestures, recitals, dance and music, folklore, special costumes, processions, animal sacrifice, special food, etc. an effort has been made to enlist a few rare and exceptional practices and rituals of indigenous people of Kinnaur.

Of the many villages in Kinnaur, some have legendary cultural history, which has been passed on from one generation in form oral traditions, for example, while talking about Kanam, people narrated:

"Once village Kanam was thickly populated and there was a gate at the entrance of the village. Everybody had to put-off their shoes outside the main gate. A ghost, residing nearby used to visit the village and count the number of shoes. In case of any

additional pair of shoes, he used to kill the outsider. Disturbed by the actions of ghost, the villagers prayed to Dabala, the local deity of the village. The deity later proposed to marry his sister with the ghost. It is believed that after their marriage, the ghost never killed anybody and the village was re-established."

Institution of a local deity is one of the significant components of socio-cultural life of Kinnaur. The local deity is not a statue but is a supreme authority, who behaves like common human beings with sentiments and sense of pride. The institution of local deity is not a matter of chance, but there has been legend behind each one of these deities and this practice has its roots in the midst of primeval time. The deity not only has control over the village administration but also direct the social and religious customs (BOSH). The people cannot afford to disobey the deity at any cost and in case it happens so, its wrath manifests in form of disease or any other mishap. There are incidences to elaborate this, as:

"…Once, few outsiders working near the place marked for the serpent deity polluted the site. As a result respondent's son, who was an allopathic doctor in Delhi, suffered from acute backache. When lama was asked to know about the cause, he revealed that the pollution of sacred site was responsible for the wrath of deity. The lama suggested appeasing of serpent deity through ritual worship, which was carried out and helped the victim in getting rid of pain…"

Thus, deity is the main monarch and symbol of indigenous culture. Almost all the festivals are linked with the deity, who presides over the festive occasions. During the festive occasion, the deity is invoked, who later make announcements and foretells the future. The oracle of the deity in trance reveals the will of the deity, which everyone is bound to follow. The women folk welcome a deity with local wine, which they carry in bottles. In addition to this, there are saints, whistling spirits, serpent deity and other mystic & sacred benign forms, revered for their supreme powers. People have faith that these supreme unseen powers meditate on Himalayan Mountains and legendary heaven, the land of ancestors and land of Yama, the god of death are located in the midst of Himalay. In some areas, certain week days or months of year and few sacred sites are spotted for making special offerings. In upper Kinnaur, people believe in the existence of fairies, locally named as *Vandevi*or *Saauni*, who are supposed to reside in the forests and lonely places especially at a very high altitude. Fairies are unseen powers, which are believed to control the life of indigenous communities. In order to propitiate these fairies, people celebrate *Lamoth*, a festival which comes in the month of February. Local wine, *chiltu* (an ethnic food) and curd are offered to appease them. It is thought that during this festival, *Vandevi*or *Saauni* takes a trip to entire district, which lasts for five days. Hence, the worship is made for two days each at the beginning and ending of their voyage. Starting the journey is considered auspicious while the return is considered ominous. People consider that on their way back, they take away the living beings with them; hence to stay away from such circumstances, people remain inside their houses and also keep the livestock in the sheds. To put in the picture, the existence of fairies, people have narratives. There are stories narrating the role played by fairies in the life of indigenous society:

"…Once a shepherd was moving with the flock of sheep. On his way he noticed that some of the sheep were missing. He was worried so he prayed to the fairy for helping him out in the situation. In the night, he got a dream, in which he was directed to move in a particular direction, which he did the next day and successfully located his sheep…"

Another similar incidence narrates:

"…A Shepherd use to take his sheep for grazing to a grazing land, and after leaving them in the grazing land, he uses to take a nap. The fairies of that area use to take him to the fairyland, where he was fed with sumptuous food. The awesome beauty and delicious food captivated him and he decided that he will take away with him, the food and serve it to his family. He did as desired and packed the food in a cloth bag. When he woke-up he found that his bag was full of cow-dung…"

Like all world religions, beliefs and customs are integral part of Himalayan culture. On one hand, the belief systems enrich religious ceremonies, which commemorate specific events with deep religious connotation and on the other, they reinforce sacred beliefs which console and support the unity of its followers. The world of spirits is central where good spirits provide protection against damage, bad luck, and sickness, cure illness, give rain for crops, and

safeguard cattle. Failure to follow the behavioral procedures often results in the wrath of spirits. In Himalayan societies, the ancestors, though not regarded as Gods, but are given reverence like living elders. Just as there are good spirits, there are also horrific or devil spirits, responsible for misfortune. Moreover, the indigenous communities living in Himachal believe in spirits that reside in nature. For getting relief from ancestral wrath and fulfill the wishes of departed soul, special feasts are organized, for instance, in Batseri, *fulaich* or '*the festival of flowers*' is celebrated in the month of August-September. On this occasion, the people bring *dongro* (brahamkamal flower) from high peaks. A local deity comes out from a temple and fair of *Singan-Nagin* (serpent deity) is organized. In Sunnam, on the occasion of *Fulaich,* the lineage deity is worshipped and people visit pastures and pay homage to demised souls. People bring *loskar* flower from heights and exchange flowers. While coming back, worship is performed at different sites. People host flag in the name of ancestors at pastures.

Chaitral of Pangi is celebrated in the month of February-March. During this festival, people release air of fountain gun in each other's ears. Burning embers are brought out from kitchen hearth on a piece of broken earthenware and family members take a handful of common salt, swivel over their head and throw it on burning embers. The earthenware is taken out and kept at cross road along with an earthen lamp. Viewing of each other's earthen lamp is considered ominous. The festival helps in evading the negative planetary influences. In Sunnam, during *Chaitral*, the palanquin of local deity is made to dance. *Pranjan*, a ritual barley cake is kept on the roof of temple and the same is thrown next day to conciliate the evil-spirit and ghost. Likewise, *losar* or New Year is celebrated in the last week of December. In Sunnam, Lippa and Kanam *Brangyas* or*misto* (ritual cake) is prepared using barley floor and festooned with ethnic food, fresh and dry fruits, garlands of pine nuts, sun, moon and stars made of butter. *Misto* is kept decorated for two days and its viewing is considered auspicious.

Homang is an annual ritual performed at community level in Pangi in the month of March. On this occasion, the oracle performs *homang*, or the sacrificial fire. The purpose is to protect the entire village community from witches. People inhale garlic for entire day. A knife is kept in a pocket of a child. The oracles, capable of recognizing the presence of witches, try to save people from the fury of witches.

Festival of *Budhhi Diwali* in Sangla is celebrated after main Diwali festival. A legend is associated with this festival, which states:

"Once there was a demon named Banna, who came all the way from Nirmand to Sangla. During his journey, he defeated many local deities and wanted to conquest Bairang Nag. But, when he reached Sangla, Bairang Nag killed him. In order to express the joy of assassinating the demon, people started celebrating *BudhhiDiwali*. The festival starts in the midnight and continues till early morning. The wooden poles are collected from the forests, which are twisted and shaped to a serpent. The wooden serpent is soaked in water and brought near temple premises. After this, people drink *tifasur*, a local wine, and the deity selects two people for chopping-off the wooden serpent. The serpent is chopped-off with a sickle. The anterior end of serpent is kept in the temple for one year and the posterior end is thrown away."

Initially, this ritual was performed by Bairang Nag to kill Banasur, who assumed the shape of serpent.

Khepa festival of Sangla is linked with demonic powers and on this occasion people bring a thorny stem of Himalayan Cherry and cling at the entrance of house. Animal sacrifice is made and horns of goat/sheep are burnt in hearth for whole night to avert evil-spirit through its smoke.

Likewise, there are rare traditions which are linked with birth, marriage and funeral rites. In addition to arranged marriage, which is common in entire Kinnaur, some aboriginal forms of marriages were common among indigenous people of Kinnaur. These marriages either involved elopement or capturing. In some villages of Kinnaur, *bagyshis*, marriage by elopement, was common previously but, rare incidence of this marriage can be witnessed at present. This type of marriage was organized if the parents did not agree for marriage. The boy and girl elope to some other place without informing their parents. Afterwards, boy's close relatives use to visit girl's house to convince her parents for marriage. The law-breaker couple was later received back by parents and marriage was arranged formally. *Dubdub* or *khuchis,* connoting the abduction or capture of

Local deity on the occasion of ritualistic

Oracle of deity in trance

Brangyas ormisto (ritual cake)

People welcoming deity with local wine

Man carrying the masks of deity during a ritual

bride was another form of marriage that was common in villages of Kinnaur. This used to be one of the most popular forms of marriage but no longer in practice. In the marriage by capture, both boy and girl knew each other but marriage cannot be solemnized due to unwillingness of parents. Therefore, abduction was the only way out. Most of the time, the capture was pre-arranged and took place during fairs and festivals. *Dumtangshis* was a kind of love marriage, in which the boy use to take his beloved to his house and rest of customs were organized in the similar manner as for *dubdub* marriage. *Haari* was another form of marriage in which a married woman either ran away with another man or was abducted by another man. In such cases, the new husband had to refund the expenditure incurred by ex-husband. The re-payment of money was called *haari*. This marriage is no longer in use. Earlier, short marriage was performed during which the *khukhari* (dagger) was sent in place of groom and the marriage party use to come back with bride.

In the rituals linked with death, when pyre is set on fire in cremation ground, at household level, *thunyaang* or crow feeding is done at household level. Milk, clarified butter, curd and preferred food of demised person are fed to crow. It is believed that the food offered during *thunyaang* directly reaches the soul. Feeding of crow is continued for five days. People narrate:

Once upon a time, three people got stuck-up in a glacier and two of them died. Their relatives thought that all of them have died and performed *thunyaang*. To their surprise, the offerings, which were made during *thunyaang,* were taken by a crow to the location where the person was buried. The crow left the eatables near the person who ate them and survive. Afterwards, he narrated the entire incidence. Hence, the belief that the food offered during *thunyaang* goes to the person for whom it is offered is substantiated with this instance.

Chhotpa, a post-funeral ritual is performed after ninth or tenth day of death. On this occasion, the monk brings *khanta*, a locally available shrub which is burnt during this ritual. A day before *chhotpa*, the goats are slaughtered and *chhantothupka*, a ritual soup is prepared by boiling goats' head and barley flour. On this day, the Buddhist monks and nuns recite holy hymn and traditional bread is distributed among friends and relatives.

However, with the passage of time, the social practices, rituals and festive events have been strongly influenced by the transformations which are taking place in the contemporary societies. Migration, especially of young generation is driving them away from the intangible cultural heritage thus posing threats to some of the cultural practices. The influence of modern means of entertainment and lack of interest are some of the reasons responsible for present state of affairs.

The social practices, rituals and festivals serve as special occasions on which the people return their homes to rejoice with their family and community. This reaffirms their individuality and links them with their traditions. People are apprehensive that though the setting-up of power projects and building of roads has increased the process of development, but the negative impacts of development can always be seen in the organizing of rituals and festivals. Ever since, the outsiders have entered the area, the unique culture is witnessing a downfall. Though the primitive customs are still prevailing in Kinnaur, but some traditions are on the verge of extinction and people believe that there is need of preserving the legacy of indigenous culture for the generations to come. Ensuring the continuity of these practices and rituals requires the mobilization of individuals and social institutions. In some instances, legal and formal actions must be taken to ensure the rights of the community to access its sacred sites and natural resources essential for performing these.

References

1. Barrett Metal. *Ideology and Cultural Production*. London, Croom Helm Print, 1979. (In Eng.).
2. Edward W.S. *The Word, the Text and the Critic*. USA, Library of Congress Cataloging in Publication Data, 1983. (In Eng.).
3. Gupta P. *Where Faith Heals the Ailing: A Journey of Metaphysical World Across Himalayas In Altai Himalaya: Two foundations of Eurasia*. New Delhi, Sathyam Publishing House, 2012. (In Hin.).
4. Sperber D. *Explaining Culture: A naturalistic approach*. Cambridge, Blackwell Publishing Print, 1996. (In Eng.).

УДК 008.009:39

FOLK MUSICAL INSTRUMENTS OF TRIBAL AREA OF KINNAUR

Dr. Mritunjay Sharma, Assistant Professor, Department of Music, Himachal Pradesh University (Shimla, India). E-mail: drmritunjaysharma@gmail.com

The folk music is an indispensable element of culture and daily life of people in Himachal Pradesh, an Indian State. Himachal, known as the '*Dev Bhoomi*' or Land of Gods, has rich music traditions. Kinnaur, one of the twelve districts of Himachal Pradesh, is a very hard area located at an altitude ranging from 2320 meters to 6816 meters. The cultural life of people in Kinnaur is reflected in their lifestyle, customs, rituals, languages, folk songs, folk dances, festivals, fairs, art and religion. While facing the challenges of living in the harsh climatic conditions in the inaccessible area of the Himalay, the *Kinnauras* have still preserved their cultural legacy. While deliberating on the folk music of Kinnaur, one finds relation between its folk dance, folk songs and instruments. Most of the musical instruments are used with folk dance. These instruments are played on all occasions from birth to death, hence, their significance cannot be ignored. The folk instruments of Kinnaur are very antique and if the care is not taken, they will lose their identity.

Keywords: Himachal Pradesh, Kinnaur, Folk Instruments, Folk Music, Playing technique.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПЛЕМЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ КИННАУРА

Мритунджей Шарма, доктор наук, доцент кафедры музыки, Химачал-Прадешский университет (г. Шимла, Индия). E-mail: drmritunjaysharma@gmail.com

Фольклорная музыка является неотъемлемым элементом культуры и повседневной жизни населения индийского штата Химачал Прадеш. Химачал известный как Дэв Бхуми (земля богов) имеет богатые музыкальные традиции. Киннаур – один из двенадцати районов штата Химачал Прадеш – довольно суровый регион, расположенный на высотах от 2320 до 6816 метров над уровнем моря. Культурная жизнь населения Киннаура находит отражение в их образе жизни, привычках, ритуалах, языке, фольклорных пении и танцах, праздниках, верованиях, а также в искусстве и религии. Несмотря на суровые и почти экстремальные климатические условия жизни в Гималаях, жители Киннаура сумели сохранить свое культурное наследие. Если обратиться к фольклорной музыке Киннаура, то можно заметить тесную связь между характером фольклорного пения, танцами и музыкальными инструментами. Большинство инструментов используется во время танцев. Их игра сопровождает все события жизни киннаурцев – от рождения до смерти. И эту роль невозможно проигнорировать. Музыкальные инструменты Киннаура чрезвычайно стары, и если о них не заботиться, то они быстро выходят из строя.

Ключевые слова: Химачал Прадеш, Киннаур, фольклорные инструменты, фольклорная музыка, музыкальная техника.

Indian civilization has an important place in the world. Civilization is the outer form of human life and culture is its soul. Major culture and civilizations of the world have flourished along the riversides and valleys. India has a rich tradition of folk music with numerous folk styles. Folk music is a rustic reflection of larger Indian society. Folk music, art forms, beliefs, rites and rituals, myths and handicrafts enrich the culture. The traditional wisdom linked with the life and art forms is transmitted by the word of mouth and lacks any well-transcribed documentation. The music is an indispensable component of religious rituals, weddings, engagements, birth and death.

Himachal Pradesh, a hill state of India, known as the '*Dev Bhoomi*' meaning '*Land of Gods*', has rich music traditions. The folk music is an indispensable component of culture and daily life of people in Himachal. It is one of the essential parts of every

socio-religious commemorations. The traditional folk music is played or sung by musicians who have inherited skill of playing the music and singing from their forefathers. The skill of singing and playing the instruments is passed on by orally from one generation to another, especially from father to son. In Himachal, each celebration begins with performance by traditional folk musicians. The instruments are made by local craftsmen and musicians by making use of locally available material.

Kinnaur, one the beautiful districts of Himachal is divided into three administrative areas namely – Pooh, Kalpa and Nichar. It is located at an altitude ranging between 2320 meters to 6816 meters. Kinnaur is famous for *Kinnaur Kailash*, a scared mountain considered to be the abode of Lord Shiva. Art is an integral part of any culture. Folk songs, music and dance all complement each other. The three are deeply interrelated. Folk songs are the main part of folk music. Most of folk songs ofKinnaur are linked with the gods and goddesses, rulers, historical events and heroic deeds of people, love affairs etc. Singing and dancing is accompanied by folk instruments. A number ofinstruments are used in folk music. The musical instruments are classified for the first time by Bharata, the writer of the *Natyashastra*. He classified them as '*Ghana Vadya*,' '*Avanaddha Vadya*,' '*Sushira Vadya*' and '*Tata Vadya*.'

1. Tata Vadya (String Instruments).
2. Avanaddha Vadya (Instruments covered with membrane).
3. Sushira Vadya (Wind Instruments).
4. Ghana Vadya (Solid metallic instruments which are stuck against one another).

In Kinnaur district, there is a relation of dance and musical instruments. Most instruments are used with folk dance. In some folk dances, instruments are not used. In traditional festivals, fairs, weddings, marriages etc, the music of the instrument beautifies the event.

Musical Instruments of Kinnaur

1. Baam

Baam is an old and sacred instrument and comes in the category of *Avanaddha Vadya* (Instruments covered with membrane). This instrument is hollow from inside and covered with thin leather membrane. This instrument sets rhythm in Kinnauri songs and dances. This folk instrument produces enthusiasm for devotion to its grim roaring. This instrument resembles Himachal's folk instrument *Nagara*, but bigger in size. Its sound is similar to the left part of the *Nagara*. This instrument is used only in temples of local deities during ritualistic performances and festive occasions. It is not used in other places on other occasions.

Playing technique: A wooden stick is used to play this instrument. The instrument is played by placing it on ground or by clinging it on the back by other person. The instrument is not played with hands. Playing ofproduces*Dha-Dha*sound, which makes the dance more rhythmic and delightful.

2. Tunu-Punu

This instrument is similar to Baambut, has a smaller size and has two parts. The left-hand side instrument is called Tunu and right-hand side is called Punu. Tunu is larger in size than Punu. This instrument is used with folk music and folk dances during traditional festivals. It is played along with other instruments.

Playing technique: This instrument is played with two half circled long wooden sticks. The right hand side of this instrument is played first and then left side is played. The sound of this musical instrument is week as compare to Baam.

3. Dhole

In Kinnaur this musical instrument also comes under the category of *Avanaddha* instruments (instruments covered with membrane). This instrument is made up of metal, like silver, brass or copper metal and is used during the procession of local deity and other religious festivals. That is a very old instrument and primarily used with other instruments. This instrument is made locally by the craftsmen.

Playing technique: In Kinnaur this instrument is played during every festival. The instrument is played rhythmically with the help of a stick on right-handside and withhand on the other side. This instrument is also played by hands without a stick.

4. Turang

Turang is an antique musical instrument, like Dhole but smaller in size. The instrument is used on festive occasion and traditional fairs but now its use is decreasing day by day.

Playing technique: This instrument is used for setting rhythm. The instrument is played with both hands simultaneously along with other instruments.

5. Shonnal

Shonnal, the wind instrument, is an old musical instrument of Kinnaur. This instrument has been played in Kinnaur for centuries. This instrument is similar to *Shahnai* (Clarinet) but larger in size. Both ends of Shonnal is embellished with silver. This instrument is used for playing the primitive tunes.

Playing technique: This instrument is like clarinet in which the sound is produced by blowing wind. In Shonnal, the mouth piece is made up of a leaf which is kept wet before playing. The dry leaves do not produce clear sound. Leaves soaked in water thus produce sweet tunes. The instrument is used especially during the local festivals, weddings, fairs, etc.

6. Kannal

This is a wind instrument of Kinnaur and is made up of brass and silver metal. This instrument is similar to Karnal of Shimla region but its size is larger. This instrument is played in pairs. This instrument is played on the occasion of religious festivals and temples. This instrument is also played with other rhythmic instruments along with folk songs and folk dances.

Playing technique: Kannal has two parts and is used on each occasion in pairs. This music plays mainly on note C and G. The sound of this instrument is like the word *Haun, Too* etc.

7. Ronshing

This folk instrument is made of silver, copper and brass and has three parts, which are combined together before playing. Usually two Ronshings are played together rather than one. This instrument is used during various festivals organised in ancient temples. This is one of the preferred instrument of Kinnaur. The sound of this instrument can be heard far in the valleys.

Playing technique: This instrument has three parts. The sound is produced by adding the three parts together and by blowing the air through mouth.

8. Baan

This instrument is an oldest instrument of Kinnaur. This instrument is made of copper mixed with bronze. This instrument is plate-shaped also makes singing, playing and dance attractive. This instrument is used during the religious festivals for setting up the rhythm and producing the vibrating sound.

Playing technique: The circular part of the instrument is bitten with a long stick.

9. Bugzal

Bugzal instrument is important in the ethnic area. This instrument is a big size of cymbals. This is made of brass or bronze. It is an oldest instrument in the category of cubic instruments. This instrument is used in temples, during devotional singing and dancing along with other traditional music.

Playing technique: The two parts of this instrument are moon shaped. The sound is produced by banging each other. This instrument is used with folk music and religious music.

10. Gobo

This instrument resembles the *Ektara* and is played with Bhaparo folk dance. The instrument is made up of wood. The wood is opened on the lower side in which leather skins are worn. It has a special artistic wooden work near its tip. There are four wooden dunes near the tip with four silk threads.

Playing technique: This instrument is played by striking the thread with a hand. The dunes are used to make the note up and down.

Talas (Rhythm)

Different folk *talas* (musical beats) are played in the Kinnaur with folk songs and folk dances. Some of the famous traditional folk *talas* are *Chashim Tala, Kayang Tala, Chashamic Tala, Ravlane Tala, Ghanekg Tala, Chatrang Tala, Moshyamik Tala, Grochak Tala, and Shupijaymik Tala*. Some of the Talas are played during religious functions, some are played during a wedding, while some are played during a crop ceremony etc.

Conclusion

The folk instruments of Kinnaur region are very old and played at almost every folk event whether religious festivals & fairs or rituals. Some of the instruments are rare and if not preserved they will lose their identity.

Baam

Tunu-Punu

Dhole

Kannal

Ronshing

Baan

Bugzal

Gobo

References

1. Justa H. *Himachal Pradesh Keloknritya*. Shimla, Sanmarga Publications, 1978. (In Hin.).
2. Keshav A. *Himachal kaloksangeet*. New Delhi, Sangeet Natak Akademi Publ., 1982. (In Hin.).
3. Negi T.S. *Kinnardeshkaitihas*. New Delhi, H.G. Publication, 2002. (In Hin.).
4. Paranjpe S.S. *Sangeet Bodh*. Bhopal, Madhya Pradesh Hindi Granth Academy Publ., 2004. (In Hin.).
5. Upeli H. *Bhartiya Janjatiyan*. Jaipur, Rajasthan Hindi Academy Tilaknagar Publ., 1982. (In Hin.).
6. Vasishta S. *Himachal*. Delhi, Atataram&Sons Publ., 1997. (In Hin.).

УДК 13.07.25 +18.01

ПОНЯТИЕ «ПЕВЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПЕВЧЕСКОГО ЗВУКА

Гордеева Татьяна Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музыкального образования, педагогики и музыкознания, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, РФ). E-mail: Gordeeva-muz@rambler.ru

На основе изучения существующих определений термина «певческая культура» автором делается вывод об отсутствии точного определения в связи с отсутствием системы критериев. Оттолкнувшись от тенденций, наметившихся у ученых при определении певческой культуры, автор выделил такие ее индикаторы, как духовная активность и телесная составляющая. Задачей статьи явился поиск базисного критерия, первоосновного элемента, соединяющего в себе амбивалентность духовности и телесности человека. Таким базисным универсальным критерием певческой культуры, по-видимому, предстает певческий звук. Лучшим способом подхода к певческому звуку в ракурсе базовой универсалии певческой культуры служит феномен «невыразимого». Именно «невыразимое» представляет собой причину и способ взаимоувязывания в певческом звучании мыслительной и телесной природы человека, так как запускает процесс «энтелехии» (самодвижения). Певческо-звуковая культура представляет собой самомоделирующуюся многоуровневую систему по «возделыванию» певческого звука через звуковое мышление человека, превращающего его телесность в подобие музыкального инструмента. Певческий звук обуславливает встречу мыслительной и телесной активности человека, при которой возникает проблема «невыразимого», что инициирует энтелехийный механизм развития культуры. Певческий звук составляет предмет певческой культуры.

Ключевые слова: духовная культура, певческая культура, певческий звук, невыразимое, энтелехия, хронотоп, певческо-звуковая культура.

THE CONCEPT OF "SINGING CULTURE" THROUGH THE LENS OF SINGING SOUND

Gordeeva Tatyana Yuryevna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department Chair of Music Education, Pedagogy and Musicology, Kazan State Institute of Culture (Kazan, Russian Federation). E-mail: Gordeeva-muz@rambler. ru

According to the study of the existing definitions of the term "singing culture", the author concludes that there is no precise definition of it due to the lack of evaluation criteria system. Taking into account the emerged tendencies in determining the singing culture, the author singled out its indicators of spiritual activity and material component. The article is aimed at searching a basic criterion, primary element, which will combine the ambivalence of spirituality and corporality of a human being. Such basic universal criterion of singing culture, apparently, is singing sound. The best approach to singing sound from the perspective of basic universal of singing culture is the phenomenon of the "inexpressible". It is the "inexpressible" that represents the cause and the way of interconnection between mental activity and corporal nature of human coincided in singing phonation, since it initiates the process of '*entelechy*' (self-movement). Examination of the singing sound through the lens of the "inexpressible" turns to the universal qualities of singing sound, closely related to the psychic unconscious and dual nature of body and spirit. Sound carries itself a double track of activity of psychic unconscious. The singing sound culture represents a self-modeling multi-level system for "cultivating" the singing sound through the sound mental activity of a person, transforming his corporality into the musical instrument simulacrum. The singing sound determines the meeting of mental and corporal human activity, which arises the problem of "inexpressible" which initiates the entelechy mechanism of cultural evolution. Thus, singing sound comprises the subject of singing culture.

Keywords: spiritual culture, singing culture, singing sound, "inexpressible," entelechy, chronotope, singing sound culture.

Результаты анализа термина «певческая культура» в научной и учебной литературе привели нас к выводу о слабой разработанности данного понятия, отсутствии четкого определения. Данное обстоятельство может быть объяснено отсутствием системы критериев. Репрезентируя понятие «певческая культура», авторы предлагают достаточно случайные или слишком обобщенные признаки, например, «наличие песенных образцов определенной традиции», «отнесенность к духовной культуре общества», «вхождение как части в понятие "музыка", а также в определенном контексте «удовлетворение определенным стилистическим нормам», «связанность с музыкальным смыслообразованием». Кроме того, в изученной литературе термин «певческая культура» большей частью растворяется в понятии «пение» и определяется, например, как «исполнение музыки голосом» (энциклопедия) или как «особый вид искусства, поглощающий собой музыку», как «душа, сокровенная сущность обряда», «психически инициируемая и психически регулируемая деятельность человека, во время которой музыкальным инструментом певца становится его организм», как «метод саморегуляции и самоорганизации человека», «искусство игры горлом», «выражение себя (самости) посредством себя же (собственного голоса)», как «звуковая проекция человеческого тела, его временного и пространственного самоощущения», как «"удержание" гармонии личности человека в целом, в неразделимом единстве его души, ума и тела», и, наконец, как «истина, изливающаяся из сердца» [3].

Несмотря на разноголосицу признаков из проанализированных толкований можно заключить, что певческая культура, во-первых, хотя и в довольно общем плане, связывается с духовной активностью человека, и перед нами встает необходимость конкретизировать эту связь. Во-вторых, все большее внимание ученых привлекает в певческом процессе телесная составляющая. Рождается задача выявить общие основания понятий «певческая культура», «вокальная культура» и др., связанных с телесным звукопроизводством.

Данное исследование посвящено вопросу поиска основного критерия, отличающего пев-

ческую культуру от любого другого результата духовной деятельности человека и предложению варианта формулировки термина «певческо-звуковая культура». Левинас Е. пишет: «…в культурном измерении, открытом знанием, где человеческое ассимилирует нечеловеческое и господствует над ним, осмысленное утверждается и подтверждается как возвращение Того же и Другого к согласию Единого; точно также согласие Единого – опять-таки в качестве осмысленного – подтверждается и утверждается в художественном выражении как единство души и тела, проявляясь уже в амбивалентности духовного и телесного… Все это определяет культуру – знание и искусство – как "преклонение" перед неоплатоническим идеалом Единого, к которому благоговейно обращается мировое множество, чтобы стать имманентным согласию Единого или чтобы подражать ему в автономии или свободе знания и техники и в высшей самодостаточности Прекрасного» [4, с. 17–18]. Выскажем предположение, что, вероятно, во всех сферах духовной деятельности человека имеется свой критерий, первоосновной элемент, соединяющий в себе амбивалентность духовности и телесности человека.

Полагаем, что таким базисным универсальным критерием певческой культуры может явиться певческий звук. Лучшим способом подхода к певческому звуку в ракурсе базовой универсалии певческой культуры служит, вероятно, феномен «невыразимого». Именно «невыразимое»[1] представляет собой причину и способ взаимоувязывания в певческом звучании мыслительной и телесной природы человека.

Человек архаики, погруженный в звучащий (ритмоорганизованный)[2] мир природы (голоса животных, птиц), природных стихий (ветра, грома, дождя и т. п.), вовлеченный в периодическую повторяемость событий, издавая звук и обнаруживая свою «телесностью», интуитивно чувствовал расподобление между чисто природным и собственно человеческим звучанием. Благодаря «звуку – звучанию» в теле рождались вибрации и соответственно появлялось ощущение себя как некоей пространственно обозначенной единицы подобно окружающему материальному миру, но и в то же время чувствовалось, что человек – нечто Другое. Осознание собственной пространственной телесности и объемности окружающего мира – сильнейшее впечатление человека архаики, которое воплотилось во всей художественно-бытовой практике этой и последующих эпох развития культуры. Лотман писал, что «одной из универсальных особенностей человеческой культуры, возможно связанной с антропологическими свойствами сознания человека, является то, что картина мира неизбежно получает признаки пространственной характеристики. Сама конструкция миропорядка неизбежно мыслится на основе некоторой пространственной структуры, организующей все другие ее уровни» [5, с. 466].

Исследование посредством звука своего внутреннего пространства вывело человека на осознание голографичности мироустройства (якутское олонхо) и побудило его к «наполнению» этого «пространства» бесконечным звучанием по аналогии с тем, что существует во Вселенной (например, у индусов постоянно пульсирующая первичная вибрация мира – нада, у греков – бесконечная музыка сфер). Именно пространственный звук, воссоздающий объемность, выстраивающий звуковую ауру, подобную Космосу оказался в центре внимания человека. Как отмечает Р. Штайнер, «рождаясь в телесной глубине, пение вырывается на большой акустический простор… Нацеленность пения – горизонт. Скругленная форма оперного или филармонического зала… вторит конфигурации храмового пространства… В свою очередь, храмовое пространство символизировало сферический предел мира, стянутый к сакральному центру. Поющий устанавливает себя в качестве центра мира и заполняет мир собой, своим переживаемым временем» [7, с. 24]. Эффект пространственности достигался благодаря использованию тела как природного резонатора, вместилища звуковых обертонов. Насыщенность тембра, игра динамической громкостью, продолжительность звучания представляли собой звуковые приемы наполнения «телесного сосуда» обертонами. Осуществлялся подсознательный поиск подручных средств. Так, А. С. Алпатова пишет, что у пигмеев северных районов Габона

[1] Невыразимое – остаток недовоплощенной внутренней формы звука в теоретической концепции Е. В. Синцова, которой мы придерживаемся.

[2] Ритм – сильно замедленный звук, частота вибрации, или , напротив, звук – сильно учащенный ритм, высокая частота вибрации.

применялся специфический прием глиссандирования, который усиливался «при помощи заложенной за голову и поворачивающей противоположную ушную раковину руки. Образующийся таким путем естественный полусферический резонатор дает возможность оптимального отражения и распространения звучания» [1, с. 26]. Использование звучащих предметов (например, морские раковины, стебель болотного тростника, тетива лука и т. п.), превращение их впоследствии в музыкальные инструменты (например, окарина, варган, гусли и т. п.) и поиск звучания в особо организованных пространствах – также свидетельство обращения в архаике именно к пространственному звуку. Например, человеку, тесно связанному в ту эпоху с окружающим миром, было известно, что звук долго не умолкает в горных ущельях, многократно отражаясь от скал, что он прекрасно распространяется по водной глади, преодолевая километровые расстояния, пребывает в горных пещерах. Современные исследования Е. Д. Резникова показали, что в архаике человек выискивал особо хорошо звучавшие залы и ниши пещер для отправления тотемических ритуалов.

Постижение человеком архаики пространственности себя и окружающей природы посредством всех свойственных человеку чувственных анализаторов и возможность непосредственного телесного контакта с ней отразились, трансформировались, переплавились в человеческом мышлении на уровне психоидного бессознательного в жестопластическую мыслительную активность, действующую в воображаемом мыслимом пространстве и ищущую реального выхода своей потенциальной энергии. Эта активность явилась основанием творческого мыследвижения человека и привела к возникновению всех видов художественной культуры, то есть к созданию реальных, действительных пространств, выстраиваемых и культивируемых человеком благодаря побуждающей работе мыслительной жестопластики. Хотя как бы ни воссоздавала телесность задуманный звуковой мысленный образ, она априори не в состоянии «объять необъятное», то есть необъятность бесконечного духа в виду своей материальной ограниченности. Она, вероятно, может предлагать только новые и новые варианты реального воплощения мысленных внутренних форм, частично порождать в действительных пространствах (обусловленных различными видами певческой человеческой деятельности) варианты воображаемых внутренних форм, отыскивая инвариант, стягивающий наиболее полно антологию мысленных внутренних форм и, тем самым взаимоувязать, примирить телесную и духовную организацию человека. Таким согласующим и побуждающим фактором является «невыразимое». Невыразимое в данном контексте представляет собой недовоплощенный остаток мысленных внутренних форм. Данная гипотеза подробно разработана в трудах Е. В. Синцова.

Важным моментом в проблеме телесности, с которой человек сталкивается в связи с певческим звуком, является процесс проживания «озвученного слова». Согласно пониманию данного процесса в эпоху древневосточных мистерий «певческий звук – протяженное слово» связывал границу двух миров – земного, материального и космического, откуда человеку древности «приходило» духовное знание. По антропософской теории Р. Штайнера при продуцировании певческого звука «печать слова в исходящем дыхании» устремлялась из груди наружу, а тепловая воздушная энергия звука поднималась в голову, пронизывала ее и получала возможность сопровождаться мыслью. Ритмическая вибрация воздушных ритмов «певческого звука» передавалась вниз и проходила по всему жидкому телу в человеческом существе. Получая звуковую волну от гортани жидкое тело человека начинало вибрировать, входя в резонанс с энергией мысли. Наблюдалась, говоря современным языком психологии, некая конгруэнтность между мыслью, словом и чувством, звучащая мысль откликалась в теле, единилась с телом. Слово, артикулировавшее нерасчлененный звуковой поток, вобрало в себя чувственность (резонирующее звучание) и интеллект (звуковое смыслообразование), объединило через протяженное слово, «звук-звучание» чувственность и телесность человека, и, таким образом, певческий звук предстал как объединенность телесности, чувственности и мыследвижения – основных качеств человека.

Левинас Е. замечал, что «чистая духовность идеалистического субъекта и чистая материальность природы – это созданные человеком абстракции, противостоящие друг другу» [4, с. 19]. Человек древности был другим, он понимал-

принимал одно через другое, духовное через телесное. Р. Штайнер писал, что человек «смотрел на свое “я” не как сотворенное снизу, средствами физических и эфирных субстанций, а как на дарованное милостью свыше… И, скорее, как повозку жизни, в которой он был вынужден передвигаться в физическом мире, – так представлял он себе свою физически-эфирную природу» [7, с. 45]. Размышления Е. Левинаса также говорят о том, что в древних культурах, «по-видимому, в конкретном восприятии между “Я” и “не-Я” сначала возникает отношение не противопоставления или коренного различия, а выражения; выражения одного в другом. ...Между мыслящим Я и внешним миром материи возникает осмысленность выражения, означаемое значимости, отличное от интериоризации знания и господства Того же над Другим» [4, с. 758]. «Невыразимое» в таком случае предполагается неким связующим началом между двойственной человеческой природой и его способом постижения окружающего мира. А собственно для певческого звука «невыразимое» является неким инструментом познания и критерием развития. Оно репрезентирует певческий звук как способ выражения между Я и Другим, имея в виду двойственную природу[3] певческого звука и превращая его в художественное явление.

«Невыразимое» – причина возникновения и развития всей творческой деятельности человека, и, в частности, культивирования певческого (художественного) звука, так как он связан с процессами творческого мыследвижения, с «энтелехией» (Аристотель). Еще Дамаский, рассуждая о “драматизации” внутренних состояний человеком, который испытывает их, будучи обращен к невыразимому, «тонко подметил напряженность экзистенциальной ситуации: экстатической тяги к тому, что за пределами внутреннего опыта и здешнего существования» [2, с. 23].

Мы придерживаемся теории жестопластических оснований творческого мыследвижения Е. В. Синцова. В контексте данной теории энтелехийные процессы возникают при осознании границы перехода воображаемых внутренних форм звука в реальное певческое воплощение. При этом звук становится условием встречи мыслительной активности и телесной (жестовой в своем телесном истоке), обеспечивая их встречу-переход и встречу-отталкивание (неравновесное тождество). «Невыразимое» указывает на проблему необъятности простора человеческого воображения и ограниченности его материальной составляющей, которая ярко заявляет о себе в момент этой встречи, и обращает человека к вопросу «звук и телесность», приводит его к осознанию существующего барьера между двумя ипостасями звука и «направляет» к отысканию способа преодоления непреодолимой границы. Это, в свою очередь, означает «запуск» энтелехийного процесса, направленного на культивации певческого звука, приближение жесткой материальной составляющей певческого звучания к более тонкой вибрационной субстанции духовной сферы.

И еще одно соображение – любой акт пения связан с определенным пространством, где оно совершается, и это действие обязательно длится какое-то время. Человек неразрывно связан с хронотопами… Эта взаимосвязь определяется телесностью человека. Воспроизводя звук, он невольно ощущает его своим телом. В связи с этим можно говорить, что каждый вид пения (певческой культуры) организует собой соответствующее пространственно хронотопов, то есть особых переживаний, мысленного настроя, физического состояния. Поэтому поднимая проблему определения певческой культуры во взаимосвязи с невыразимым невозможно пройти мимо проблемы хронотопов, потому что, стремясь к выражению, постижению невыразимого человек всегда осуществляет это в границах пребывания определенных хронотопов.

Таким образом, рассмотрение певческого звука через призму «невыразимого» обращает нас к универсальным качествам певческого звука, тесно связанным с психоидным бессознательным и двойственной природой человека – телесно-духовной. Когда звуковое мышление превращает телесность в подобие инструмента, раскрывая его многочисленные возможности звукопроизводства, певческий звук потенциально сосредотачивает в себе всю многообразную палитру голосовых звучаний, характерных для данной певческой культуры, ориентированной на определенный мысленный звуковой образ, подразумевающий

[3] Двойственная природа музыкального звука была исследована в авторской монографии «Музыкальный звук как феномен культуры» (М.: Флинта: Наука, 2007).

необходимые певческие технологии данного звукопроизводства, и, таким образом, определяющий собой качественный облик данной певческой культуры. Звук несет на себе двойной след активности психического бессознательного. Он мыслится и как потенциальное пространство, и как орнаментально-жестовые формы его наполнения. Это определяет его как фундаментальный критерий для исследования каждой из певческих или вокальных культур.

Таков певческий звук – явление, возводимое нами во главу угла певческой культуры и помогающее сформулировать ее определение. Певческо-звуковая[4] культура представляет собой самомоделирующуюся многоуровневую систему по «возделыванию» певческого звука через звуковое мышление человека, превращающего его телесность в подобие музыкального инструмента. Певческий звук обуславливает встречу мыслительной и телесной активности человека, при которой возникает проблема «невыразимого», что инициирует энтелехийный механизм развития культуры. Певческий звук составляет предмет певческой культуры.

Литература

1. Алпатова А. С. Человек в архаической музыке: об антропологическом методе в этномузыковедении // Музыковедение. – 2007. – № 2. – С. 24–32.
2. Гарнцев М. Дамаский о невыразимом // Логос. – 1999 (16). – № 6. – С. 23–30.
3. Гордеева Т. Ю. К вопросу определения понятия «певческая культура» // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово, 2017. – № 41/1. – С. 139–147.
4. Левинас Э. Философское определение идеи культуры. – М.: Директ-Медиа, 2007. – 24 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПБ, 2004. – 704 с.
6. Чередниченко Т. В. Музыка в истории культуры. – Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. – Вып. 1. – 216 с.
7. Штайнер Р. Всемирная история в свете антропософии как фундамент познания человеческого духа. – М.: Новалис, 2002. – 168 с.

References

1. Alpatova A. S. Chelovek v arkhaicheskoy muzyke: ob antropologicheskom metode v etnomuzykovedenii [Man in archaic music: an anthropological method in ethnomusicology]. *Muzykovedenie [Musicology]*, 2007, no. 2, pp. 24-32. (In Russ.).
2. Garntsev M. Damaskiy o nevyrazimom [Damascus on the Ineffable]. *Logos [Logos]*, 1999(16), no. 6, pp. 23-30. (In Russ.).
3. Gordeeva T.Yu. K voprosu opredeleniya ponyatiya “pevcheskaya kul’tura” [On the definition of the concept of “singing culture”]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*. Kemerovo, 2017, no. 41/1, pp. 139-147. (In Russ.).
4. Levinas E. *Filosofskoe opredelenie idei kul’tury [Philosophical definition of the idea of culture]*. Moscow, Direkt-Media Publ., 2007. 24 p. (In Russ.).
5. Lotman Yu. M. *Semiosfera [The Semiosphere]*. St. Peterburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2004. 704 p. (In Russ.).
6. Cherednichenko T.V. *Muzyka v istorii kul’tury [Music in the history of culture]*. Dolgoprudny, Allegro-Press Publ., 1994, iss. 1. 216 p. (In Russ.).
7. Shtayner R. *Vsemirnaya istoriya v svete antroposofii kak fundament poznaniya chelovecheskogo dukha [World history in the light of anthroposophy as the foundation for the knowledge of the human spirit]*. Moscow, Novalis Publ., 2002. 168 p. (In Russ.).

[4] Термин «певческо-звуковая культура» в отличие от термина «певческая культура» подчеркивает именно певческий звук как основной критерий данного явления. Е. М. Гороховик, говоря о музыкально-звуковой культуре, отмечает, что «базовым смыслонесущим элементом здесь является звук – концепт, обнимающий своими смыслами весь спектр результатов звуковой деятельности человека, ее причина и одновременно результат» (http://www.diary. ru/~worldmusiccenter/p163796918.htm).

УДК 008

ТРАНСФОРМАЦИИ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕВЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИНОКУЛЬТУРНОМ ОКРУЖЕНИИ

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры музыкознания и музыкально-прикладного искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: legle@mail.ru

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Контакты культурных миров рассматриваются в статье как системное явление, и этим обосновывается применение в исследовании системного подхода. На рефлексивно-методологическом уровне этот подход впервые появляется в XIX веке на волне реакции на механицизм естественных наук и созданный на этой основе позитивистский идеал науки. Далее были жестко-системные воззрения раннего Л. Уайта, развитие структурно-функциональной методологии Б. Малиновского и А. Р. Рэдклифф-Брауна, ожесточенные дискуссии о преимуществах и ограничениях системного мышления. Новый виток в развитии подхода возникает с первыми попытками сформулировать системный принцип как основу общенаучного метода в трудах Л. фон Берталанфи. При контакте культур возникает масса познавательных проблем, связанных как с этапами такого контакта, так и с его вариациями, обусловленными особенностями ситуации. Эти особенности определяются и характером соотношения систем ценностей вступающих во взаимодействие культур, и общими тенденциями эпохи. Но во многом и сферой культуры, в которой проистекает данный контакт. С этой точки зрения данная проблематика рассматривается именно в сфере музыкально-певческой культуры российских немцев, оказавшихся в инокультурном окружении, так как она принадлежит к эмоционально-чувственному, а значит, – ценностному ядру культуры.

Система музыкально-культурных взаимодействий православных с католиками, а затем и лютеранами начинает формироваться с момента появления немцев в России. Они образовывали моноконфессиональные поселения, основой жизнедеятельности которых были религия и религиозные общины, что способствовало консервации и обособлению музыкально-религиозных традиций. Первые годы колонисты использовали на службе привезенные сборники духовных песнопений, однако уже к началу XIX века возникает потребность в формировании собственных сборников. В XX веке уделом всех конфессиональных групп немецкого населения стала тайная религиозная жизнь без священников, пасторов и проповедников, она была сведена к тайным личным, семейным и групповым молитвам и духовным песнопениям. Неканонические молитвы, духовные песнопения воспроизводились по памяти или переписывались из сохранившихся песенников. В этот период сборники песнопений не только бережно сохранялись, но и нередко полностью или частично переписывались от руки. Таким образом, в статье подчеркивается, что воздействие на общество иной культуры является значимым фактором социокультурных изменений, происходящих в мире.

Ключевые слова: культурный контакт, инокультурная среда, музыкально-религиозная культура, духовные песнопения, сборники песен.

TRANSFORMATIONS OF THE MUSICAL AND SINGING CULTURE IN THE INNOCULTURAL ENVIRONMENT

Egle Lyudmila Yuryevna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Musicology and Musical Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: legle@mail.ru

Markov Viktor Ivanovich, Dr of Culturology, PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vikt-markov@yandex.ru

Contact cultural worlds are considered in the article as a systemic phenomenon, and it validates the submission of a system approach in the research. At the reflexive-methodological level, this approach first appears in the 19th Century on the wave of reaction to the mechanics of the natural sciences and the positivistic ideal of science created on this basis. The rigid-systemic views of the early L. White were next, the development of the structural-functional methodology of B. Malinovsky and A.R. Radcliffe Brown, a fierce debate about the benefits and limitations of systemic thinking. A new stage in the approach development arises with the first attempts to formulate the system principle as the basis of the general scientific method in the works of L. von Bertalanffy. In general, the development of mechanisms and instrumentally significant aspects of the system approach began only in the second half of the 20th Century. In particular, this is due to the formulation and allocation of the so-called "systemic effects." With the contact of cultures, a lot of cognitive problems arise, related, both, to the stages of such contact and to its variations associated with the peculiarities of the situation. These features are determined by the nature of correlation of value systems of interacting cultures, and general tendencies of the Epoch. But in many respects, it is also the sphere of culture, in which this contact flows. From this point of view, the problem is considered in the sphere of music and singing culture of Russian Germans caught up in a foreign culture environment. Since it belongs to the emotionally-sensual and, hence, the value kernel of culture.

Since of Germans had appeared in Russia, the system of musical and cultural interactions of the Orthodox with Catholics and then Lutherans, was being started to form. Germans, who migrated to Russia in the 18th Century, created favorable conditions for life and, first, freedom of religion. They formed mono-denominational settlements whose basis of life was religion and religious communities, which contributed to the preservation and isolation of musical and religious traditions. At the turn of the 20th and 21st centuries, the spiritual chants still occupy an important place in musical culture of Russian Germans. The impact on society of a different culture is an important factor in socio-cultural changes taking place in the world. Intercultural interactions are an integral part of development of culture and contribute to changes taking place in it for many centuries.

Keywords: cultural contact, innocultural environment, musical and religious culture, spiritual hymns, collections of songs.

Попадание некоей совокупности культурных феноменов в инокультурную среду может на понятийном уровне рассматриваться по-разному. Если речь идет о культурной интродукции самой по себе (независимо от того, насколько она добровольна с обеих сторон), – это один вариант. Но если эти феномены оказываются волей исторических судеб в чуждой среде вместе со своими исконными носителями, образующими анклав, – то это уже можно рассматривать как культурный контакт.

А контакты культурных миров – это системное в своей основе явление, и поэтому в подобных случаях вполне уместно применение системного подхода.

На рефлексивно-методологическом уровне этот подход, пожалуй, впервые появляется в XIX веке на волне реакции на механицизм естественных наук и созданный на этой основе позитивистский идеал науки. Поэтому первично все идеи системности сводились к расплывчатым формулировкам о целостности изучаемых явлений, внутренней взаимосвязи их элементов и т. д. К сожалению, в большинстве современных гуманитарных исследований, претендующих на применение системного подхода, и до сих пор вся «системность» сводится примерно к таким сентенциям. Хотя уже на такой, еще не отрефлектированной системной основе были созданы интереснейшие труды Н. Данилевского и О. Шпенглера. Позднее подобные подходы подвергали уничижительной критике за «биологические аналогии». Хотя, ретроспективно видно, что этот методологический органицизм на самом деле был лишь незрелой стадией системного мышления. Ведь системные закономерности действительно ярче всего проявляются именно в живых системах. И это, следовательно, были не биологические, а общесистемные аналогии и попытки использовать соответствующие интуитивно угадываемые закономерности для целей конкретных исследований. Впрочем, в современном мышлении такие аналогии уже воспринимаются как само собой разумеющиеся [7, с. 171–172].

Далее были жестко-системные воззрения раннего Л. Уайта, развитие структурно-функциональной методологии Б. Малиновского и

А. Р. Рэдклифф-Брауна, ожесточенные дискуссии о преимуществах и ограничениях системного мышления.

Но новый виток в развитии подхода возникает с первыми попытками сформулировать системный принцип как основу общенаучного метода в трудах Л. фон Берталанфи. Это приводит к многочисленным попыткам превратить этот общий и расплывчатый, по сути, принцип в некую операционально пригодную совокупность методов и эвристически значимых приемов исследования. Хотя задолго до того, в работах А. А. Богданова еще в начале XX века был осуществлен эксперимент по реализации системного мышления применительно к практической деятельности. Правда, только в достаточно узкой организационной сфере. Но в целом разработка механизмов и инструментально значимых аспектов системного подхода началась только во второй половине XX века. И, в частности, это связано с формулировкой и выделением так называемых «системных эффектов». К ним обычно относят эмерджентность и ряд других. В целях данного исследования наиболее важны два из них. Это эффект, связанный с неизбежной трансформацией любых элементов, в том числе и культурных феноменов, при попадании в другую систему. Суть в том, что каждое явление в системе обуславливается своими системными связями, своеобразно и ситуативно взаимодействующими с его собственной глубинной сущностью. Поэтому в новой системе, где оборваны старые системные взаимодействия и возникли новые, качественные преобразования неизбежны.

Но, опять-таки, если речь идет о вхождении в новую систему вместе с населением, в качестве анклава, возникает серьезный конфликт интересов. Ведь каждая живая система, прежде всего, стремится к собственному самосохранению и поэтому вступает в конкурентную борьбу с другими системами [1, с. 54]. Система-реципиент и ее народ естественно стремятся как можно быстрее и эффективней ассимилировать пришельцев. И их трудно в этом упрекать – система стремится к восстановлению гомогенности и, тем самым, внутреннего равновесия. И тоже естественно, что эти самые пришельцы хотели бы обратного – сохраниться как культура и народ.

Поэтому в таком сложнейшем типе взаимодействия и контакта культур возникает масса познавательных проблем, связанных как с этапами такого контакта, так и с его вариациями, обусловленными особенностями ситуации. Эти особенности определяются и характером соотношения систем ценностей вступающих во взаимодействие культур, и общими тенденциями эпохи, и многим, многим другим. Но во многом и сферой культуры, в которой проистекает данный контакт. С этой точки зрения весьма интересно рассмотреть данную проблематику именно в сфере музыкально-певческой культуры. Ведь она принадлежит к эмоционально-чувственному, а значит, – ценностному ядру культуры. К ее духу и душе в том смысле, в котором этот термин употреблял О. Шпенглер.

С момента появления немцев в России начинает формироваться система музыкально-культурных взаимодействий православных с католиками, а затем и лютеранами. Православное духовенство, заинтересованное в защите собственного народа от проникновения западных христианских конфессий, способствовало формированию неприязненного отношения к «латинянам». Они были ограничены в своих гражданских правах, им запрещалось бывать в православных церквях, «дабы не осквернять святыни» и т. д. Однако со временем, в XVII веке, в процессе влияния культуры представителей Запада на жителей Московского государства взаимосвязи народов и их культур расширяются.

Немцам, массово переселившимся в Россию в XVIII веке, были созданы благоприятные социальные условия жизнедеятельности, и, в первую очередь, – свобода вероисповедания. Немцы образовывали моноконфессиональные поселения (католические, лютеранские, меннонитские), основой жизнедеятельности которых были религия и религиозные общины, что способствовало консервации и обособлению музыкально-религиозных традиций. Однако нельзя сказать, что религиозная жизни внутри общины в этот период была недостаточно активной. В каждом поселении строились церкви (во внешнем и внутреннем убранстве резко отличавшиеся от русских церквей и своим архитектурным стилем напоминавшие оставленные на родине исторические образцы неоклассицизма), молельные дома, всей церковной общиной исполнялись духовные песнопения.

Музыка и пение всегда были важной частью христианского богослужения. Новый виток в развитии песнопений начинается во времена реформации. В своих многочисленных проповедях Мартин Лютер призывал: «Пойте, христиане! Хвалите господа!». М. Лютеру принадлежит заслуга широкого использования песнопений в церковном обиходе, он начинает переводить латинские литургические тексты на родной немецкий язык, отбирает и перерабатывает мелодии народных духовных песнопений и привлекает к их исполнению всю церковную общину. М. Лютер совместно с единомышленниками создал фонд песнопений, где звучащее слово было понятным, а мелодии хорошо знакомы. В этот период в лютеранских общинах наряду с богослужебным формируется и внебогослужебное пение.

Как подсчитали ученые теологического факультета университета Майнца, за пятьсот лет в Европе было создано около пятидесяти тысяч духовных песнопений.

Духовные песнопения – это уникальный по своей художественной и образной ценности комплекс народно-песенных и церковно-певческих произведений, объединенных общностью христианского религиозного содержания. В музыкально-поэтических образах в них сохраняются философско-религиозные идеалы народа, не утратившие за столетия своей ценности. Пение гимнов – это неотъемлемая часть лютеранского богослужения и личной духовной жизни прихожанина. Гимны исполнялись как в унисон, так и многоголосно, в сопровождении органа и без него. Для немцев, оказавшихся в инокультурном окружении, они обрели особое значение. Это была эмоциональная связь с Родиной и близкими, оставшимися там.

Первые годы колонисты использовали на службе привезенные сборники духовных песнопений, и богослужение мало чем отличалось от богослужения в Германии. Однако уже к началу XIX века возникает потребность в формировании собственных сборников песнопений в некоторых наиболее активно развивающихся немецких общинах в России. Это связано, с одной стороны, с ростом числа компактно проживающих немцев колонистов, с другой стороны, с необходимостью создания сборника, способного выступить интегрирующим фактором общины. Из шести основных групп (немцы Поволжья, Кавказа, Украины, Прибалтики, Москвы, Петербурга и Волыни) первые сборники появляются у лютеран Поволжья. В 1821 году сборник «Wolga-Gesangbuch» начал официально использоваться в волжских общинах.

Инструкции государственных органов управления жестко фиксировали обязанности колонистов перед церковью, подчеркивая тем самым общегосударственное значение религии. «Прихожане обязаны были повиноваться закону “своей церкви”, посещать молитвы во все воскресенья и праздничные дни, слушать “поучения” своих пастырей» [4, с. 16].

Влияние католических и лютеранских религиозных воззрений по-прежнему жестко регламентировалось, так если и разрешалось строить церкви, то только в колониях и не в городах, запрещалась миссионерская деятельность, обращение в свою веру православных наказывалось «под страхом всей строгости закона». Наряду с правом исповедовать и практиковать свою религию, немцам предоставлялись свободные земли, предназначенные к заселению, внутреннее самоуправление, освобождение от воинской службы. Все эти факторы, наряду с особым мировоззрением, национальным самосознанием, сохранением обычаев, способствовали консервации традиционных элементов культуры переселенцев и обособленности от православной музыкальной культуры.

В 1871 году принимаются «Правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях». С этого момента начинается процесс приравнивания в правовом отношении немцев к общей массе российского крестьянства. Несмотря на то, что культурные и конфессиональные свободы были по-прежнему сохранены, в местах дисперсного проживания происходит вынужденная ассимиляция немцев. Некоторые городские общины уже в конце XIX века столкнулись с проблемой недостаточного уровня владения немецким языком прихожан (эта проблема усугубилась вначале XX века, когда начинается процесс русификации образования). Как следствие этого процесса возникает необходимость издания русскоязычного сборника песнопений «Гимны для христиан евангелическо-лютеранского вероисповедания» (1872).

В местах же компактного проживания наблюдается этногрупповая консолидация. Так, в начале XX века в немецких протестантских колониях на Волге возникает потребность в издании сборника

христианских песен для общественного и бытового использования. Песнопения для данного сборника собирались проповедниками в немецких евангелических колониях Поволжья из сборников псалмов, провезенных из разных епархий Германии. Появление подобных сборников свидетельствует о том, что музыкальное мышление немецких колонистов приобретает самостоятельность, и они начинают сочинять собственные религиозные песнопения и формировать сборники из наиболее востребованных и отвечающих духовным запросам песнопений. Этот сборник был издан в 1908 году в Дорпате.

В 1929 году одновременно с коллективизацией в республике немцев Поволжья начинается беспрецедентная по масштабам и насилию антирелигиозная компания, в ходе которой в административном порядке закрывались церкви, а священнослужители подвергались репрессиям. Несмотря на это, религиозная жизнь в немецкой среде не останавливалась. Так, по данным НКВД, в ночь с 24 на 25 декабря 1935 года вечером собирались группы молодежи, изображая «младенца Христа», ходили по домам, раздавая детям рождественские подарки, пели религиозные песни» [4, с. 45]. Как мы уже отмечали, в основе традиционных народных праздников немцев была религия, поэтому, разрушая веру немецких переселенцев, в первую очередь уничтожали национальную культуру.

Тотальная дискриминация лиц немецкой национальности в период депортации середины XX века вызвала резкое усиление их религиозности. Как справедливо отмечает В. Вебер, «именно в эти годы немцы становятся одним из самых религиозных народов в СССР» [3, с. 373], и это несмотря на то, что в результате депортации моноконфессиональные лютеранские, католические поселения и религиозные общины прекратили свое существование. Был нарушен традиционный принцип моноконфессиональности поселений. В новых местах поселения, в том числе и в Сибири, немцы оказывались среди местного иноконфессионального и инонационального окружения, наблюдалось также смешение различных конфессиональных групп немецкого населения [2].

Тайная религиозная жизнь без священников, пасторов и проповедников стала уделом всех конфессиональных групп немецкого населения на долгие годы. Религиозная жизнь была сведена к тайным личным, семейным и групповым молитвам и духовным песнопениям [5]. Неканонические молитвы, духовные песнопения воспроизводились по памяти или переписывались из сохранившихся песенников, религиозных книг, привезенных из мест прежнего проживания. Духовная литература бережно сохранялась, в основном это были книги, изданные и переизданные на рубеже XIX–XX веков: «Старый завет», «Новый завет», «Настольная книга для праздников и будней», сохранился и «Сборник христианских песен для общественного и бытового использования в немецких протестантских колониях на Волге», упомянутый нами выше (рис. 1). Все эти книги были нами обнаружены в ходе проведенного исследования в местах дисперсного расселения немцев в Красноярском крае и Кемеровской области.

Однако и в этот период сборники песнопений не только бережно сохранялись, но и нередко полностью или частично переписывались от руки. Остановимся на одном из сборников, составленном в 60-е годы XX века Ф. Ф. Конради, депортированным из лютеранско-реформаторского села Бауэр Поволжья. Сборник состоит из пятисот одного песнопения, в конце в алфавитном порядке представлено содержание: название песни, в соответствии с первой строкой, и указание на ее номер в сборнике (рис. 2). Оформлен он по тому же принципу, что и изданные варианты: имеет сквозную нумерацию, тексты разбиты на две колонки, каждая из песен отдельно пронумерована. В сборнике представлены песнопения на весь церковный год [6]. В этом сборнике, в отличие от печатных вариантов, отсутствует указание на мелодию, соответствующую тому или иному песнопению. Этот песенник использовался в общине немцев-лютеран Красноярского края.

Свою роль в постепенном разрушении немецкой религиозной музыкальной культуры сыграли процессы межэтнической интеграции и ассимиляции, усиленные урбанизацией. В 1960–70-е годы среди немцев, проживающих в Западной Сибири, стала стремительно расти доля городского населения. В 1990-е годы значительно ускорились процессы этнической ассимиляции немцев. Ярким проявлением этих процессов является развитие немецко-русского двуязычия. Русский язык стал для немцев не только средством межэтнического, но и внутриэтнического общения.

Sammlung

Christlicher

Lieder

für die

öffentliche und häusliche Andacht,

zum Gebrauch

der deutschen evangelischen Kolonien an der Wolga.

XXII. Auflage.

Dorpat.

Druck von H. Laakmanns Buch- und Steindruckerei.

1908.

I. Vom Worte Gottes.

1.

Mel. Fahre fort :,: Zion fahre ꝛc.

Ich der Herr! :,: Aller Herren Herr bin ich. Mein ist Himmel, Meer und Erde. Meine Hand erhebt auch dich, daß dein Herz mein Opfer werde. Sage, wer beherrscht dich billiger? Ich der Herr! :,:

2. Ich bin Gott :,: und das allerhöchste Gut. Selig, wer mich sucht und findet, wer in meiner Gnade ruht! Aller andre Trost verschwindet. Glaub an mich und merk auf mein Gebot. Ich bin Gott! :,:

3. Ich bin dein, :,: Mensch, dein Gott, dein Eigentum. Mich besitzen, mein genießen, das ist Reichtum, das ist Ruhm! Gerne will ich überfließen; will dir Zuflucht, Trost und alles sein. Ich bin Dein! :,:

4. Du bist mein! :,: Mir allein gehörst du an, deinem Schöpfer und Erhalter, der dir lauter Gut's getan. Von der Jugend bis ins Alter sollst und kannst du keines andern sein. Du bist mein! :,:

5. Aus der Not :,: deines Falles führt ich dich, aus dem ewigen Verderben! Zur Erlösung gab ich mich, ließ dich rich in Sünden sterben. Ich erkaufte dich durch Blut und Tod, aus der Not! :,:

6. Meinen Bund :,: hab ich längst mit dir gemacht, dich zu meinem Volk gezählet und dich selbst dahin gebracht, daß du mich zum Gott erwählet. O, so fasse doch mit Herz und Mund meinen Bund! :,:

7. Folge mir! :,: Mein Gesetz sei deine Lust! weiche nicht aus meinen Schranken. Scheide dich von Sündenwust. Ewig wirst du mir's verdanken. Heil befehl ich. Gift verbiet ich dir. Folge mir! :,:

Ernst Gottlieb Woltersdorf. 1726—1761.

2.

Mel. Wie schön leuchtet der Morgenstern ꝛc.

Das Wort des Herrn ist recht und gut, erquicket unsre Seel' und Mut und gibt uns Kraft und Speise; des Herren Zeugnis ist ganz rein, gewiß, gut, ohne falschen Schein und macht die Albern'n weise; richtig, wichtig sind die Wege, sind die Stege

1*

Рисунок 1. Сборник христианских песен для общественного и бытового использования в немецких протестантских колониях на Волге (Sammlung christlicher Lieder für die öffentliche und häusliche Andacht zum Gebrauch der deutschen evangelischen Kolonien an der Wolga)

Рисунок 2. Рукописный сборник песен Ф.Ф. Конради

На рубеже XX–XXI веков в музыкальной культуре российских немцев важное место по-прежнему занимают духовные песнопения. Они исполняются отдельными мастерами и давно «спетыми» группами на собраниях. Вплоть до начала XXI века песнопения исполнялись на немецком языке и только в последний период в богослужениях наметился переход на русский язык. Неоднократно предпринимались попытки создания единого сборника песнопений, однако региональные традиции настолько сильны и самобытны, что это не позволяет перейти на использование единого официального сборника. Сегодня мы наблюдаем резкое сокращение количества прихожан не только в городских, но и в сельских общинах, основной причиной этого является возраст прихожан, который в среднем достигает семидесяти лет, незнание немецкого языка, утрата традиций семейного пения.

Воздействие на общество иной культуры является значимым фактором социокультурных изменений, происходящих в мире. Межкультурные взаимодействия являются неотъемлемой частью развития культуры и способствуют изменениям, происходящим в ней уже много веков. Сегодня сложно найти общество, закрытое от контактов, сохранившее аутентичную культуру. Можно сказать, что, оказавшись в инокультурной среде, немецкая общность сформировала подсистему, субкультуру. Основой чего стало давление чужой среды, угрожающее сохранению идентичности.

Литература

1. Аверьянов А. И. Системное познание мира: методол. проблемы. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Бургарт Л. А. Разрушение религиозного уклада жизни немецкого населения вследствие депортации и принципиальные подходы современной отечественной историографии к определению места и роли религии в истории немцев в России и СССР // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: мат-лы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2011. – С. 194–224.
3. Вебер В. Советские немцы: сохранить веру вопреки судьбе // На пути к свободе совести. – М., 1989. – 373 с.
4. Герман А. А., Плеве И. Р. Немцы Поволжья: крат. ист. очерк. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. – 131 с.
5. Егле Л. Ю. Тенденции трансформации современной музыкально-религиозной культуры // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37, т. 2. – С. 68–74.
6. Егле Л. Ю., Поморцева Н. В. Лютеранские песнопения: история формирования и современное состояние // Мир науки, культуры, образования. – 2015. – № 5 (54). – С. 477–479.
7. Петрушенко Л. А. Единство системности, организованности и самодвижения. (О влиянии философии на формирование понятий теории систем). – М.: Мысль, 1975. – 286 с.

References

1. Averyanov A.I. *Sistemnoe poznanie mira: metodologicheskie problemy [Systemic cognition of the world: Methodological problems]*. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 263 p. (In Russ.).
2. Burgart L.A. Razrushenie religioznogo uklada zhizni nemetskogo naseleniya vsledstvie deportatsii i printsipial'nye podkhody sovremennoy otechestvennoy istoriografii k opredeleniyu mesta i roli religii v istorii nemtsev v Rossii i SSSR [The destruction of the religious way of life of the German population as a result of deportation and the basic approaches of modern domestic historiography to the definition of the place and role of religion in the history of Germans in Russia and the USSR]. *Nachal'nyy period Velikoy Otechestvennoy voyny i deportatsiya rossiyskikh nemtsev: vzglyady i otsenki cherez 70 let: materialy 3-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [The initial period of the Great Patriotic War and the deportation of Russian Germans: views and assessments through 70 years. Materials of the 3rd International Scientific and Practical Conference]*. Moscow, 2011, pp. 194-224. (In Russ.).
3. Veber V. Sovetskie nemtsy: sokhranit' veru vopreki sud'be [Soviet Germans: to preserve faith contrary to fate]. *Na puti k svobode sovesti [On the road to freedom of conscience]*. Moscow, 1989. 373 p. (In Russ.).
4. German A.A., Pleve I.R. *Nemtsy Povolzh'ya: kratkiy istoricheskiy ocherk [The Germans of the Volga Region: A Brief Historical Sketch]*. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ., 2002. 131 p. (In Russ.).
5. Egle L.Yu. Tendentsii transformatsii sovremennoy muzykal'no-religioznoy kul'tury [Trends in the transformation of modern music and religious culture]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37, vol. 2, pp. 68-74. (In Russ.).
6. Egle L.Yu., Pomortseva N.V. Lyuteranskie pesnopeniya: istoriya formirovaniya i sovremennoe sostoyanie [Lutheran chants: the history of formation and the present state]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, education]*, 2015, no. 5 (54), pp. 477-479. (In Russ.).

7. Petrushenko L.A. *Edinstvo sistemnosti, organizovannosti i samodvizheniya. (O vliyanii filosofii na formirovanie ponyatiy teorii sistem) [Unity of system, organization and self-movement. (On the influence of philosophy on the formation of concepts of systems theory)]*. Moscow, Mysl' Publ., 1975. 286 p. (In Russ.).

УДК 008

ЗАРУБЕЖНЫЕ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ПЕРСПЕКТИВ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Двуреченская Анастасия Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: Dvurechenskaya@mail.ru

Марьина Марина Гумеровна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии, Кемеровский государственный медицинский университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: hasyanova@rambler.ru

В данной статье комментируются итоги и перспективы исследования массовой/популярной культуры. Отмечается, что ее изучение прошло определенные стадии: от академического «отрицания» данного феномена как самостоятельной области исследования до восприятия его как данности в культурном пространстве с собственным ценностным потенциалом; от философски ориентированных теорий массовой культуры до антропологических работ, акцентирующих свое внимание на отдельных ее проявлениях, прежде всего, на повседневном уровне. Концептуальные изменения в исследовании популярной культуры в то же время демонстрируют трансформацию зарубежных гуманитарных и общественных наук. Современная зарубежная гуманитаристика характеризуется методологической «размытостью», которая воспринимается как естественная научная среда.

Эта тенденция находит свое отражение в отечественной культурологии, которая продолжает свою «институционализацию» и потому чутко реагирует на противоречивые процессы, наблюдаемые в мировом научном сообществе. В определенной степени административно-политическая необходимость включения отечественных культурологических «текстов» в мировое исследовательское «поле» и, как следствие, признание их легитимности на основе существующих зарубежных школ изучения культуры привели к серьезной продолжающейся дискуссии о научном статусе культурологии и ее методологическом потенциале в целом, в том числе в сравнении с зарубежными исследовательскими концепциями.

Ключевые слова: научные школы, зарубежная гуманитаристика, *Cultural Studies*, отечественная культурология, философия культуры, теория массовой культуры, теория популярной культуры, методология культурологии, научные перспективы культурологии.

FOREIGN AND DOMESTIC THEORIES OF MASS CULTURE IN THE CONTEXT OF DETERMINING THE SCIENTIFIC PERSPECTIVES OF CULTUROLOGY

Dvurechenskaya Anastasiya Sergeevna, PhD in Culturology, Associate Professor, Department Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Dvurechenskaya@mail.ru.

Maryina Marina Gumerovna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Philosophy and Culturology, Kemerovo State Medical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: hasyanova@rambler.ru.

This article comments the results and prospects of the study of mass/popular culture. It is noted that its study passed certain stages: from the academic "negation" of this phenomenon as an independent field of research to its perception as a given in a cultural space with its own value potential; from the philosophically oriented theories of mass culture to anthropological works, focusing their attention on its individual manifestations, primarily on the everyday level. Conceptual changes in the study of popular culture at the same time demonstrate the transformation of foreign humanitarian and social sciences. Modern foreign humanitarian sciences are characterized by methodological "blurriness", which is perceived as a natural scientific environment.

This trend is reflected in the domestic cultural studies, which continues its "institutionalization" and therefore responsive to the contradictory processes observed in the world scientific community. The opinions of Russian scientists divided: some believe that the further development of Russian culturology should follow the global research concepts. In this case, it is inevitable to strengthen the applied nature of culturology without the existing methodological "core." Representatives of the opposite point of view disagree with this; they are convinced that the serious attitude of the public and the scientific community as a whole to a full-fledged independent field of research is impossible without substantiating its methodological component as any classical science, primarily from the position of a systemic approach. The author of this publication agrees with the opinion of the latter and shares the belief of the Moscow cultural scientist A.Y. Flier that culturology belongs to the theories of the so-called "middle level."

Keywords: scientific schools, foreign humanities, cultural studies, domestic culturology, cultural philosophy, theory of mass culture, theory of popular culture, methodology of culturology, scientific prospects of culturology.

Современная отечественная культурология представляет собой довольно интересное исследовательское «поле» с точки зрения применяемых научных методов и концепций. Начатая среди ученых-культурологов и продолжающаяся дискуссия о «месте» культурологии среди других гуманитарных дисциплин не только выявила противоположные, разновекторные позиции в отношении ее теоретико-методологического статуса, но и обозначила рефлексию самих исследователей в отношении перспектив ее развития в контексте мировых тенденций концептуальных изменений гуманитарного направления в целом. Теоретические «последствия» этой дискуссии находят свое отражение и в исследовании отдельных культурных феноменов, в частности, массовой культуры. Обобщение различных теорий массовой культуры современными отечественными авторами показывает, что ее изучение в зарубежной науке прошло несколько стадий: от методологического «неприятия» до признания полноценной исследовательской областью, от целостных философски ориентированных концепций до «мозаики» применяемых теорий и методов и, по выражению А. Я. Флиера, «жестко эмпирических антропологических штудий» [10, с. 6]. При этом параллельно шло уточнение самого термина, так как до недавнего времени термины «массовая культура» и «популярная культура» употреблялись как синонимы.

Уже ставший общеизвестным предлагаемый Е. Н. Шапинской обзор теорий массовой культуры наглядно демонстрирует эти «стадии». Автор выделяет следующие направления в исследовании массовой культуры:

- теории массовой культуры, рассматриваемой как культура «массового общества»;
- научные исследования Франкфуртской школы;
- структуралистская теория;
- марксистские и неомарксистские теории;
- теория феминизма;
- постмодернистские теории.

В более поздних работах Е. Н. Шапинская добавляет к этому перечню англо-американскую школу «культурных исследований».

Теория массового общества и функционирования в его рамках массовой культуры разрабатывалась в русле теории культурного модернизма, критически настроенной по отношению к массовой культуре. Шапинская пишет: «"Массовое общество", "массовый человек" – эти понятия становятся определяющими для исследований массовой культуры первой половины XX века, в которых ее особенности усматриваются в специфике социальных структур и меняющегося под

влиянием новых технологий общего характера культуры» [11, с. 81]. Основной оппозицией данных исследований, проводимых в социологическом, философском, литературном ключе, является противопоставление элитарной и массовой культуры, культуры меньшинства и культуры большинства. По замечанию Шапинской, в современных исследованиях ранние теории массовой культуры находят свои отголоски в виде использования все той же дихотомии «популярного» и «высокого».

Изучение массовой культуры, проводимое Франкфуртской школой социальных исследований, базируется на теории культурного производства, которая подкреплена эмпирическими данными: «Общий вывод, к которому пришли представители Школы, заключается в том, что массовая культура формирует конформизм, удерживает реакции потребителя в инфантильном, статическом состоянии, позволяет манипулировать его сознанием с помощью ложных обещаний или “либидинальных гратификаций”. Все теоретики Школы считают, что существует глубокий разрыв между прошлой культурой и современной, популярной… Трактовка проблем популярной культуры теснейшим образом связана с пониманием современного капитализма и его контроля над культурной индустрией, оказывающей мощное влияние на умы и действия людей» [11, с. 88]. Так же как и теория массового общества, Франкфуртская школа критична по отношению к культурной индустрии.

Первые две теории формировались скорее в русле классического философского осмысления феномена массовой культуры, несмотря на то что неклассическая философия и ее методы проявили себя уже в начале XX столетия. Структуралистские теории культуры, популярные во второй половине XX столетия, направлены не на поиск сущности массовой культуры и ее определения, а на нахождение наиболее адекватного способа ее анализа. Особую роль здесь играют идеи семиотики, на основе которых представители данной теории выявляют структурные элементы, составляющие «каркас» любого популярного (массового) произведения. Если предыдущие теории обращаются к вопросам качественного состояния культуры и социокультурной динамики, то структуралисты не склонны использовать оценочные характеристики по отношению к массовой и популярной культуре.

Структуралистские теории в какой-то степени предвосхитили «методологический поворот» в исследовании массовой культуры. Основоположниками этого «поворота» можно считать представителей постмодернистской философии. Обратимся к работе А. В. Костиной, в которой приводится систематизация наиболее значимых положений данной теории. Постмодернистская теория, в отличие от других теорий, исследующих массовую культуру, вводит новое понимание соотношения «элитарное-массовое». И, как отмечает Костина, «в новом плюралистическом проекте граница между элитарной и массовой культурой размывается, а процессы диффузии констатируются во всех культурных компонентах: элитарном, массовом, народном. При этом массовая культура начинает восприниматься не только как развлекательная, коммерческая, но и как полноправная и альтернативная – хотя и тривиально-бытовая, профанно-ненормативная, плоско-невыразительная – составляющая современной культуры» [2, с. 72]. Другое мнение в отношении постмодернистской теории массовой культуры высказывает Н. Л. Соколова, полагающая, что критичность восприятия массовой культуры у постмодернистов остается, при этом различения элитарной и массовой культур становятся условными [8]. Разные оценки постмодернистской теории связаны, скорее всего, с тем, что постмодернизм не представляет собой монолитный теоретический блок, он распадается на «утопический», теоретический и «коммерческий», обращающий особое внимание на исследование массовой культуры и средств массовой коммуникации. Одним из основных предметов изучения массовой культуры в теории постмодернизма становится проблема функционирования в отражаемом им социальном и культурном пространстве информации, а также особенности ее циркуляции, соотнесенность с реальностью, влияние на особенности культуры новейших информационных систем. Благодаря постмодернистам в «поле исследований» зарубежных гуманитариев включаются различные культурные артефакты и практики, формируемые массовой культурой и воспринимаемые как равноценные явления для научного анализа наряду с другими. Термин «мас-

совая культура» начинает постепенно вытесняться термином «популярная культура».

Не случайно, что в этот же период возникает совершенно новое направление исследований массовой / популярной культуры – Cultural Studies или «Культурные исследования». Н. Л. Соколова пишет, что оно «реанимирует» повседневный мир человека: «Культура в *Cultural Studies* рассматривается как набор подвижных культурных практик, которые приобретают ценность в зависимости от того, как они используются различными социальными группами. Исследователи этого направления делают акцент на критическом анализе культуры с точки зрения идеологии и властных отношений: популярная культура исследуется с учетом категорий класса, национальности, этничности, гендера и др.» [8, с. 64]. По этой причине «культурные исследования» некоторые авторы относят к неомарксистским теориям массовой культуры. Однако у англо-американской школы «культурных исследований» есть одно очень важное методологическое «отличие» от предыдущих теорий – ее междисциплинарная открытость. А. А. Стародумов характеризует этот период исследования массовой культуры как «рефлексивно-критический, сопровождающийся… расщеплением традиционных, “больших” объектов (в частности, “массовой культуры”) на фрагментарные предметные поля, не связанные напрямую друг с другом» [9, с. 4]. Методологическая логика этой междисциплинарности трудноуловима (особенно с точки зрения классических гуманитарных теорий). Анализируя специфику современных зарубежных исследований популярной культуры, В. В. Зверева отмечает, что «исследователи не предпринимают попыток целостной диагностики культурной ситуации. Нередко выносимые ими оценки выглядят как своеобразное подведение итога; складывается ощущение завершенности некоего периода в западной культуре... Кажется, что все тексты созданы в период между “большими работами” в области теории культуры. Но ощущается и общее ожидание новой концептуализации, которая пока отсутствует» [5, с. 16].

Феминистскую теорию массовой культуры Шапинская выделяет как самостоятельную среди других. Феминистский анализ массовой культуры интерпретирует ее через гендерные стереотипы. По мнению феминистских теоретиков, академические исследования, так же как и сама популярная культура, исключают, игнорируют или тривиализуют образ женщины. Репрезентация мужчин и женщин в популярной культуре и в медиа соответствует культурным стереотипам, призванным служить для воспроизводства традиционных половых ролей. Приверженцы данного направления приходят к выводу, что «в массовой культуре представлены не столько самые распространенные гендер-типы, сколько предписания для большинства… почти все сюжеты мыльных опер построены на преобразовании социостатуса и/или системы ценностей героев, которое влечет за собой другие изменения» [12, с. 62]. На наш взгляд, логичнее отнести данную теорию к Cultural Studies.

Систематизация теорий массовой культуры, предлагаемая зарубежными культурологами Ч. Мукерджи и М. Шадсоном, подтверждает логику периодизации концепций массовой / популярной культуры Е. Н. Шапинской. Обращение к массовой культуре и связанному с ней целому классу культурных явлений формирует новую междисциплинарную область знаний, подлежащую изучению в американских университетах. Оцениваемая с таких позиций современная массовая культура оказывается в центре исследований различных научных культурологических и не только культурологических направлений. Ч. Мукерджи и М. Шадсон предлагают свою классификацию научных теорий массовой культуры. Они считают, что на формирование общей тематики исследований по популярной и массовой культуре воздействовали интеллектуальные традиции и политические ориентации в отдельно взятых областях знания. В основу предлагаемой классификации Мукерджи и Шадсон кладут дисциплинарный принцип, по которому группируются подходы к исследованию популярной / массовой культуры: исторический, социологический, антропологический, литературоведческий (см. [7]). Необходимо заметить, что американские исследователи употребляют термин не «массовая культура», а «популярная культура», не разделяя формы современной массовой культуры (телевидение, реклама, телесериалы и т. д.) и исторические формы «народной» или популярной культуры. Важно отметить, что Мукерджи и Шадсон, давая краткий обзор теорий популярной культуры в различных

областях знания, постоянно акцентируют внимание на том, что теоретико-методологическая основа ее исследования в рамках любой гуманитарной дисциплины будет иметь свои недостатки и достоинства. Поэтому на современном этапе исследования популярной культуры, полагают авторы, сложился интегративный междисциплинарный подход к проявлениям данного феномена. Например, культурологи используют факты и теории других наук для подтверждения собственно культурологических выводов; в то же время представители других гуманитарных областей, анализируя свой специфический предмет исследования, выходят на объяснение функционирования различных форм массовой и популярной культуры в культурном пространстве. Причем, в современной зарубежной теории популярной культуры исследователи используют не только общеизвестную антропологическую, социологическую или философскую методологию, но и начинают привлекать для объяснения отдельных «артефактов» популярной культуры методы естественных наук. Однако тенденция методологической «мозаики» в зарубежной гуманитаристике продолжает усиливаться.

Тем более актуально, что в этом отношении предлагают отечественные ученые. В российской гуманитаристике исследования массовой культуры в концентрированном виде прошли и проходят все стадии, наблюдаемые и в зарубежной: от резкого неприятия и негативной научной оценки данного феномена, прежде всего, с позиций философии и эстетики, до полного признания отдельными авторами терминологии и методологии современной англо-американской научной школы изучения популярной культуры. Теоретический «дискурс» этого научного движения демонстрирует практически параллельно идущее методологическое осмысление культурологии отечественными учеными, в определенной степени продолжающее размышления зарубежных авторов неокантианской философии о различении двух групп методов: методов гуманитарного культуроведения и методов социального культуроведения. Ключевым вопросом дискуссии о научном статусе российской культурологии таким образом становится ее методологическая «устойчивость». Известный ученый В. М. Межуев полагает, что эта «устойчивость» достижима только при обращении к классическим философским теориям и культурология должна мыслиться, прежде всего, как философия культуры. Другой ученый, В. И. Марков, утверждает, что, несмотря на тесную связь с философией культуры, культурология является самостоятельной наукой «среднего уровня абстракции, изучающей… особые культурные целостности» [4, с. 49]. Московский исследователь Э. А. Орлова в своих работах ориентируется на зарубежные антропосоциологические теории, признавая за ними теоретическую доминанту в определении научных позиций отечественной культурологии. Не менее известные культурологи А. Я. Флиер и И. М. Быховская также в большей степени тяготеют к социологии культуры. Главное, в чем согласны большинство исследователей, – это убеждение в том, что культурология должна базироваться на системном подходе и целостной методологии в независимости от того, что будет предметом ее исследования.

Но такая точка зрения противоречит тому, что наблюдается в современной зарубежной гуманитаристике, изучающей культурные феномены и «артефакты». В. М. Дианова отмечает, что «сегодня реальная интеллектуальная жизнь и фактические научные тексты свидетельствуют о размытости дисциплинарных полей» [1, с. 4]. Проблема «вхождения» отечественной культурологии в мировое научное «пространство» остается, таким образом, открытой. Эвристическими в этом отношении являются размышления и предложения А. Я. Флиера, который отмечает формирование нового направления в зарубежных исследованиях культуры наряду с *Cultural Studies*: «Оно исследует не результаты культурных событий, а намерения людей, осуществляющих культурно значимые акции… Новый этап в изучении культуры сосредоточивается на осмыслении ее в качестве инструмента самоотождествления человека» [10, с. 6].

Отечественная культурология, используя накопленный методологический потенциал классической научной школы, имеет в таком случае все шансы стать в авангарде мировых гуманитарных исследований, так как в зарубежной теории новая концептуализация пока не сложилась, а анализируемое Флиером направление сосредоточено на поиске закономерностей в контексте деятельностных характеристик человека и осмыслении куль-

туры как системы, не только определяющей, но и прогнозирующей социокультурные изменения. Социальная востребованность культурологии, связанная с ее прогностической функцией, будет тем более высока в условиях кризиса современных научно-технических обществ (см. [6]). Можно предположить, что исследования массовой культуры в таком случае приобретут значимый прикладной характер, на основе чего уже будут выявляться некие социокультурные закономерности. А. В. Костина пишет, что «мифология массовой культуры, тесно связанная с процессом духовной саморегуляции, помогает человеку вернуть разрушенную самоидентичность… Архетипы современной мифологии сохраняют свой неизменный смысл и выступают как провокаторы ожидаемых реакций…» [3, с. 184]. Другими словами, «артефакты» массовой культуры буду интересны ученым, прежде всего, как «провокаторы» культурных намерений. Таким образом, большинство отечественных культурологов, критически принимая и используя различные методы зарубежной исследовательской школы, стремятся в изучении культурных артефактов и феноменов, в том числе массовой культуры, выработать и обосновать собственную методологическую позицию, базирующуюся чаще всего на классической философской теории.

Литература

1. Дианова В. М. К проблеме самоопределения культурологического дискурса // Обсерватория культуры. – 2012. – № 1. – С. 4–7.
2. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. – М.: Ком-Книга, 2006. – 320 с.
3. Костина А. В. Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе. – М.: Либроком, 2009. – 216 с.
4. Марков В. И. Культурология: истоки, границы, задачи // Вестн. Челябин. гос. акад. культуры и искусств. – 2011. – № 4 (28). – С. 47–51.
5. Массовая культура: современные западные исследования / пер. с англ., отв. ред. и предисл. В. В. Зверевой, послесл. В. А. Подороги. – М.: Прагматика культуры, 2005. – 339 с.
6. Миненко Г. Н. Философия человека «возможного» в контексте формирования открытой культуры России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37–2. – С. 13–19.
7. Мукерджи Ч., Шадсон М. Новый взгляд на поп-культуру // Полигнозис. – 2000. – № 2. – С. 87–114.
8. Соколова Н. Л. Популярная культура в парадигме Cultural Studies и философской эстетике // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Гуманитар. науки. – 2010. – № 3 (15). – С. 62–69.
9. Стародумов А. А. Символический обмен как феномен современной массовой культуры: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / С.-Петерб. Гуманитар. ун-т профсоюзов. – СПб., 2012. – 21 с.
10. Флиер А. Я. Науки о культуре после постмодернизма: постфутурология // Обсерватория культуры. – 2012. – № 2. – С. 4–11.
11. Шапинская Е. Н. Массовая культура XX века: Очерк теорий // Полигнозис. – 2000. – № 2. – С. 77–86.
12. Шмидт В. Р., Шуршин К. В. Массовая и элитарная культуры в зеркале гендерного подхода // Соц. исслед. – 2000. – № 7. – С. 60–67.

References

1. Dianova V. M. K probleme samoopredeleniya kul'turologicheskogo diskursa [To the problem of self-determination of cultural discourse]. *Observatoriya kul'tury [The Observatory of Culture]*, 2012, no. 1, pp. 4-7. (In Russ.).
2. Kostina A.V. *Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva [Mass culture as a phenomenon of post-industrial society]*. Moscow, Kom-Kniga Publ., 2006. 320 p. (In Russ.).
3. Kostina A.V. *Natsional'naya kul'tura – etnicheskaya kul'tura – massovaya kul'tura: «balans interesov» v sovremennom obshchestve [National culture - ethnic culture - mass culture: "balance of interests" in modern society]*. Moscow, Librokom Publ., 2009. 216 p. (In Russ.).
4. Markov V.I. Kul'turologiya: istoki, granitsy, zadachi [Culturology: origins, boundaries, tasks]. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*, 2011, no. 4 (28), pp. 47-51. (In Russ.).
5. *Massovaya kul'tura: sovremennye zapadnye issledovaniya [Mass culture: modern Western studies]*. The translation from English, Responsible editor and Foreword by V.V. Zvereva. Afterword V.A. Podorogi. Moscow, Pragmatika kul'tury Publ., 2005. 339 p. (In Russ.).

6. Minenko G.N. Filosofiya cheloveka «vozmozhnogo» v kontekste formirovaniya otkrytoy kul'tury Rossii [Philosophy of "possible" man in the context of the formation of an open culture of Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37-2, pp. 13-19. (In Russ.).
7. Mukerdzhi Ch., Shadson M. Novyy vzglyad na pop-kul'turu [A new perspective on Pop Culture]. *Polignozis*, 2000, no. 2, pp. 87-114. (In Russ.).
8. Sokolova N.L. Populyarnaya kul'tura v paradigme Cultural Studies i filosofskoy estetike [Popular culture in the paradigm of Cultural Studies and philosophical aesthetics]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki [Bulletin of higher educational institutions. The Volga region. Humanitarian sciences]*, 2010, no. 3 (15), pp. 62-69. (In Russ.).
9. Starodumov A.A. *Simvolicheskiy obmen kak fenomen sovremennoy massovoy kul'tury: avtoreferat dis. kandidata kul'turologii: 24.00.01 [Symbolic exchange as a phenomenon of modern mass culture. Author's abstract of diss. PhD in Culturology: 24.00.01]*. St. Petersburg, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., 2012. 21 p. (In Russ.).
10. Flier A.Ya. Nauki o kul'ture posle postmodernizma: postfuturologiya [Post-modern culture's sciences on post-modernism: postfuturology]. *Observatoriya kul'tury [The Observatory of Culture]*, 2012, no. 2, pp. 4-11. (In Russ.).
11. Shapinskaya E.N. Massovaya kul'tura XX veka: Ocherk teoriy [Mass culture of the twentieth century: an essay on the theories]. *Polignozis [Polignozis]*, 2000, no. 2, pp. 77-86. (In Russ.).
12. Shmidt V.R., Shurshin K.V. Massovaya i elitarnaya kul'tury v zerkale gendernogo podkhoda [Mass culture of the twentieth century: An outline of theories]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological research]*, 2000, no. 7, pp. 60-67. (In Russ.).

УДК 008

АПОФАТИКА ПЛАТОНА

Филин Дмитрий Анатольевич, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: dmitri.filin1@yandex.ru

Платон был первым в истории последовательно мыслящим апофатическим богословом. Все «верхние» ипостаси своей философии он определяет апофатически, так же как понятия света и красоты. Платон, первый из философов, рационально объясняет переход от единого к иному, от небытия к бытию, применяя диалектический метод в своем диалоге «Парменид». В нем Бог, запредельный всем существующим предикатам, мыслится как ничто. При этом он такое ничто, которое порождает иное, то есть фактически как единое содержит в себе последнее во всей полноте его смыслов. Он является, таким образом, органической совокупностью сверх-и-не-предикатов всего сущего. По сути Платон впервые в истории рационально обосновывает использование апофатического метода, без которого систематизация отрицательного богословия невозможна.

В апофатике платонизма божественная сущность всегда предстаёт тайной, которая является нашему мышлению как первооснова бытия. В этом отличие Платона от Канта. Для последнего понятие ноумена имеет лишь чисто негативное расширение по отношению к чувственному опыту. Это означает, что в эту эпоху из истории западноевропейской культуры постепенно начинает уходить понятие божественной тайны. Редукцию последнего можно видеть в полном иммаментизме Абсолюта человеческому познанию в философии Гегеля. Будучи у Фейербаха порождением человеческой фантазии, оно вообще исчезает полностью из его антропотеистической философии. В виду того что понятие божественной тайны постепенно уходит из жизни и мысли XVIII–XIX веков, человеческое существование все более предстаёт дурной бесконечностью человеческих загадок. Для того чтобы покончить с бессмыслицей жизни, современному человеку полезно обратиться к опыту Платона, в частности, к его апофатическому учению о Едином.

Ключевые слова: Платон, апофатика, ипостась, ум, благо, красота, свет, единое, иное, диалектика, тайна, ноумен.

PLATO'S APATHETIC THEOLOGY

Filin Dmitriy Anatolyevich, PhD in Philosophy, Associate Professor of Department of Culturology, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dmitri.filin1@yandex.ru

Plato was the first consistently thinking apothatical theologian in the history. All "upper" hypostasis of his philosophy he determines apophatically, so as the concepts of light and beauty. Plato is the first philosopher who explains rationally the transition from the unity of oneness to plurality, from non-being to being applying the dialectical method in his dialogue "Parmenides." In this dialogue, the God transcendental to all existent predicates is thought as the Nothing. Herewith He is the Nothing that generates the plurality. That is actually He contains in Himself the unity in all fullness of its senses. Thereby He is the integral whole of over-and-non predicates of all being. In fact, Plato for the first time in the history justifies the use of the apothatical method without which the systematization of the apothatic theology is impossible.

In the Plato's apothatic the divine being is always a mystery which is the fundamental principal of our thinking. It is the difference between Plato and Kant. For the latter one, the concept of noumenon has exclusively negative extension towards the sensitive experience. That means that in that period the concept of the divine mystery keeps gradually leaving the West European culture. One can see the reduction of the divine mystery in the total immanentism of the Absolute to the human cognition in the Hegel's philosophy. According to Feuerbach, it is a fantasy child and entirely disappears out of his philosophy. Due to the fact that the concept of the Divine Mystery keeps gradually leaving the life and the thought of the XVIII–XIX centuries, the human existence appears as the bad infinity of the human mysteries. To put an end to the absurdity of life, the modern human should use Plato's experience, his apothatic teaching of Unity of Oneness.

Keywords: Plato, apothatic, hypostasis, intelligence, good, beauty, light, the unity of oneness, plurality, dialectic, mystery, noumenon.

Древнегреческая философия является уникальным плодом развития древнегреческой культуры. Господство частной собственности, полисный менталитет, агональность и эстетизм стали теми началами, которые привели к возникновению метафизики. Мыслящая элита эллинского общества впервые в истории европейской науки начала рефлексировать по поводу оснований чувственно воспринимаемого космоса. Последний являлся для эллинов божеством. Его умозрительной основой в древнегреческой идеалистической философии был бесконечный разум. Мир культуры и мир природы в пантеистическом мировидении грека составляли единое целое. Их объединяющим основанием выступала идея идей. Она являлась по сути символической границей этих двух миров. Начавшийся бескорыстный поиск истины привел к тому, что в рамках философии возникло рациональное учение об идее как пределе осмысления всякой вещи. Ключевой фигурой в этом начавшемся метафизическом размышлении о действительности был Платон.

Понятие идеи как парадигмы существования и функционирования всякой вещи, введенное основоположником идеалистической философии в научный оборот, стало априорным пределом всякого бытия и всякой мысли вообще. Такой безграничный предел, в конце концов, не мог не мыслиться чисто апофатически. Однако диалектическое его рассмотрение привело к тому, что в рамках философии Платона возникло не только рациональное учение о безграничной границе человеческого познания, но при этом также впервые в истории был применен гипотетико-дедуктивный метод. Так, отрицательное богословие оказалась связано с теорией науки. Апофатический путь поиска истоков собственной культуры от античных философов «перешел по наследству» представителям последующих поколений европейского идеализма.

Практически Платон был первым в истории философии последовательным апофатиком. Досократики мыслили слишком материалистично, для того чтобы отрицать все предикаты у Первоначала как несовместимые с ним. Апейрон (греч. το απειρον) Анаксимандра представляется некой бескачественной природой или первоматерией сущего [23, с. 117–121]. А. В. Лебедев, толкуя по-

своему пассаж Ипполита, посвященный этому философу, предполагает, что она может быть отождествлена с «вечным и нестареющим бесконечным временем», из которого рождаются отдельно все вещи [11, с. 44–46]. При этом он убедительно доказывает, что субстантивация το απειρον происходит только в IV веке до н. э. в философии Платона и Аристотеля [10, с. 39–54]. Так что Платон здесь подлинно первый. Все «верхние» ипостаси в своей философии он определяет апофатически, так же как понятия света и красоты. Делается это им совершенно в различных «уголках» его диалогов, но всегда звучит торжественно и высоко. В «Государстве» относительно природы философов он пишет, что «их страстно влечет к познанию, приоткрывающему им вечно сущее и не изменяемое возникновением и уничтожением бытие» [18, с. 263]. Об Уме в «Законах» свидетельствует, что «мы не скажем, будто можем когда-либо увидеть Ум смертными очами и достаточно его познать» [19, с. 358]. Творца и родителя Вселенной нелегко отыскать [18, с. 432]. Благо же с необходимостью ставится им выше своих образов, выше истины, превосходя их своей красотою. Оно «несказанно прекрасно», поскольку «познаваемые вещи не только могут познаваться лишь благодаря благу, но оно дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно за пределами существования, превыше его достоинством и силой» [18, с. 291]. Особо в этом ряду апофатически определяемых начал стоит прекрасное. Речь идет о таком прекрасном, которое «никогда, нигде и никому не могло бы показаться безобразным, что бывает прекрасным для всех и всегда» [16, с. 399]. Восходя к нему, Платон начинает гимнословить, и восхищенный Дионисий Ареопагит присоединяется к нему, включая мелодии «Пира» с некоторыми изменениями в свою музыку апофатики: «Прекрасно же Оно как всепрекрасное и как сверхпрекрасное и вечно сущее одним и тем же образом и постоянно прекрасное; “не возникающее и не исчезающее; не возрастающее, не убывающее, не в чем-то одном прекрасное, а в чем-то другом безобразное; ни в одно время такое, а в другое время другое; ни по отношению к одному прекрасное, а по отношению к другому безобразное; ни здесь одно, а там другое; ни кому-то прекрасное, а кому-то не прекрасное”, но как Само по Себе с Самим Собой единовидное, вечно пребывающее прекрасным; и как преизбыточно и заранее в Себе имеющее источаемое им очарование всего прекрасного» [6, с. 313]. Единственное место у Ареопагита, где цитируется напрямую Платон, поневоле обращает мысль к эллинскому гению, в основе которого лежит безупречное чувство прекрасного, порождающее это текстуальное единство. Один художник здесь следует другому, а интеллектуальная систематизация отступает на второй план. «Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспоет по достоинству. Она же вот какова (ведь надо же, наконец, осмелиться сказать истину, особенно когда говоришь об истине): эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зримая лишь кормчему души – уму; на нее-то и направлен истинный род знания», – полагает Платон [17, с. 156]. Поэзия зеркальных отображений горнего в дольнем, постоянно присутствующая в его диалогах, достигает кульминации в знаменитом мифе о пещере. Невозможность поднять глаза и узреть истинный свет бытия является уделом каждого из узников этого подземного жилища. «Если заставят его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза и не отвернется он поспешно к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?». При этом «если же кто станет насильно тащить его по крутизне вверх, в гору и не отпустит, пока не извлечет его на солнечный свет, разве он не будет страдать и не возмутится таким насилием? А когда бы он вышел на свет, глаза его настолько были бы поражены сиянием, что он не мог бы разглядеть ни одного предмета из тех, о подлинности которых ему теперь говорят» [18, с. 296]. Перед нами мифологическое воплощение апофатического учения о свете и в тоже время образ качественно иного, абсолютно достоверного, разрешающего все противоречия человеческого познания ведения будущего века.

Наиболее же полно Платон как апофатик проявляет себя в учении о едином. Центр апофатического круга Платона именно здесь. Ибо чтобы быть прекрасным, добрым или истинным, надо прежде просто быть, а быть значит быть нечто единым. Причем философ раскрывает это учение настолько приземленно, что некоторые исследователи «находили здесь вполне беспредметное упражнение в диалектических выводах» и

не более того (см. [14, с. 337]). Однако сразу подчеркнем, что апофатизм и трансцендентизм своего учения о едином Плотин заимствовал именно из текста «Парменида» об абсолютном полагании одного (см. [15, с. 338]). Причем пассажи основателя неоплатонизма, посвященные духовному экстазу – субъективному корреляту Первоединого, имеют своим истоком также содержание этого диалога (см. [14, с. 279]). Сам же Платон в одном из писем подчеркивает, что у него по этим вопросам «нет никакой записи и никогда не будет. Это не может быть выражено в словах, как остальные науки; только если кто постоянно занимается этим делом и слил с ним всю жизнь, у него внезапно, как свет, засиявший от искры огня, возникает в душе это сознание и само себя там питает. Если бы мне показалось, что следует написать или сказать это в понятной для многих форме, что более прекрасного могло быть сделано в моей жизни, чем принести столь великую пользу людям, раскрыв всем в письменном виде сущность вещей? Но я думаю, что подобная попытка не явилась бы благом для людей, исключая очень немногих, которые и сами при малейшим указании способны все это найти; что же касается остальных, то одних это совсем неуместно преисполнило бы несправедливым презрением к философии, а других – высокой, но пустой надеждой, что они научились чему-то важному» (см. [9, с. 493]). Следует подчеркнуть, что вообще неоплатоники очень высоко ценили диалог «Парменид» [5, с. 21].

Вкратце, применительно к нашей теме учение «Парменида» о Едином таково. Абсолютно полагаемое единое по определению не может иметь частей, поэтому не является целым; не имеет ни начала, ни конца, ни середины. Значит вовсе не имеет предела, не может окружать или быть окруженным, то есть находиться ни в другом, ни в себе самом. Раз так, то оно нигде не находится. Поэтому-то и двигаться оно не может, также и покоиться; ни отличаться, ни быть тождественным. Значит единое никак не причастно бытию, выходит оно не может называться и единым. Следовательно, «не существует ни имени, ни слова для него, ни знания о нем, ни чувственного его восприятия, ни мнения» [17, с. 369–395]. Таким образом, абсолютное отрицание всех предикатов бытия относительно единого приводит к противоречию, которое наша мысль разрешает диалектически. Единое есть, следовательно, оно есть нечто, а не ничто, а значит нечто, причастное бытию, отличное от него и одновременно тождественное с ним. Как имеющее части оно предстает огромным беспредельным смысловым множеством, как целое в то же время оно имеет предел, начало, середину и конец, то есть причастно фигуре. Будучи всеохватным единством, находится в себе самом постоянно, то есть покоится. Однако это означает, что ни в одной из частей оно не содержится, но значит не содержится и в их механической совокупности. Следовательно, не находится и в самом себе, а значит находится будучи целым – в ином, то есть движется. Его характеризуют покой и движение одновременно! Выходит, что единое «отлично от другого и самого себя и в то же время тождественно ему и самому себе» [17, с. 378]. То есть и во всех остальных категориях единое и иное тождественны и различны между собой [17, с. 369–395]. И, таким образом, абсолютное отрицание одного дает всецелое отрицание как его, так и противоположной категории. Если же нет одного в относительном смысле, то мы полагаем отличие чего-то иного от нашего одного. Значит, если одного нет в относительном смысле, в нем есть все иное, то есть все категории вообще. Таким образом, это одно есть все! Таков еще один важный момент для нашей темы: относительное отрицание одного приводит к утверждению всего иного, помимо этого одного [17, с. 401–412].

Итак, апофатическое учение о едином в «Пармениде» дано в своей исчерпывающей полноте. Единое оказывается вовсе не существующим, если мыслить его изолированно от иного. Однако оно есть нечто, а не ничто, и поэтому остановиться на данном пределе невозможно. С необходимостью оно предполагает бытие иного. Диалектика одного и иного становится условием существования первоединого как порождающей модели. Платон получил первую структуру (по П. П. Гайденко «систему») мысли, которая лежит в основе всех остальных структур. Онтологическая характеристика здесь, совпадает с гносеологической. Подчеркнем также, что в «Пармениде» Платон впервые в истории человечества (исключая элеатов) применяет гипотетико-дедуктивный метод доказательства. Его дальнейшая логическая разработка принадлежит Аристотелю, а использование в математике – Ар-

хиту, Евдоксу и другим, современным основателю Академии ученым (см. [4, с. 119–125]). Конечно, нельзя назвать чисто случайным такое совпадение этих двух «впервые». Диалектику «Парменида» никак бесплодной не назовешь (см. [2, с. 405]). Гипотетико-дедуктивный метод применен здесь в предельно теоретическом ракурсе. Все остальные случаи применения этого метода уже исходят из этой первоструктуры мысли и используют ее же в содержательно ограниченных аспектах.

Однако для нашей темы особенно важно другое. В отличии от «Парменида» Платона Веды и Дао дэ цзин, приводя яркие моменты апофатического богословствования, не объединяют рационально переход от Единого к иному, от небытия к бытию (см. [24, с. 47–57]). Первый в истории человечества это делает Платон! Он впервые применяет диалектический метод к апофатике. В логическом плане «Парменид» является продолжением «Софиста». В последнем диалектика бытия и небытия раскрывается как условие возможности различения истины и лжи, то есть речь идет об их гносеологическом соотношении. В «Пармениде» же разъясняется и их онтологическая взаимосвязь!

Бог не может не мыслиться абсолютно запредельным всем мыслимым предикатам, и поэтому он является ничто [тезис: 137 c – 142 b «Парменида»]. При этом он такое ничто, которое порождает мир [142 b – 155 d; 157 b – 159 b, 164 b – 165 e «Парменида»]. И, таким образом, как его причина не может не быть сверхбытием, в преизбытке, содержащем все положительные предикаты бытия [антитезис: 160 b – 163 b «Парменида»]. Таким образом, божественное первоединое является органической совокупностью сверх-и-не-предикатов всего сущего. Выходя за пределы бытия, оно содержит последнее во всей полноте его благ [синтез: 142 b – 155 d; 157 b – 159 d; 164 b – 165 e «Парменида»; 16 c – 20 e «Филеба»]. Такова диалектическая логика апофатического богословия платонизма. Плотин в учении о благе как надкатегориальном истоке прекрасного использовал ее в эстетическом назначении (см. [15, с. 138–140]). С вершины «Парменида» открывается магистральный путь к всесторонней систематизации апофатики. В этом смысле Дионисия Ареопагита не было бы без Платона!

В апофатике платонизма божественная сущность всегда предстает тайной, то есть тем, что «по самому существу своему никогда не может быть раскрыто», но всегда является. И это ее явление не есть ее уничтожение или разрешение, но «такое ее состояние, когда она ясна, ощутима, представима, мыслима и сообщима – притом сообщима именно как тайна же». Божественные символы как синтезы знания и незнания – это и есть явление тайны Абсолютной самости [13, с. 337–338]. Таким образом, мир, погруженный в таинственное первоначало, бесконечно выходит за те три измерения, которые привычно его характеризуют. Здесь рациональный залог богочеловеческого преображения знания, которого агностическая апофатика Канта, к примеру, дать не может.

Вообще понятие ноумена у Канта самопротиворечиво. Оно имеет исключительно негативный смысл и в то же время является некоторым нечто. Оно неопределенно и указывает пределы чувственного опыта, то есть вполне в данном смысле определенно. Благодаря ему «рассудок приобретает негативное расширение, то есть, называя вещи сами по себе (рассматриваемые не как явления) ноуменами, он оказывается не неограниченным чувственностью, а скорее ограничивающим ее» [9, с. 248]. Остается недоумевать, откуда известно, что ноуменов множество, а не один, связанный со всей совокупностью чувственных явлений? Таким образом, апофатика Канта не стремится стать чистым негативом апофатики платонизма, то есть ограничиться только тезисом последнего, однако порождает соответствующую ей мифологию, окрашенную в холодно-возвышенные тона. Область рассудка становится у Канта островом, самой природой заключенным в неизменяемые границы. «Она есть царство истины (прелестное название), окруженное обширным и бушующим океаном, этим средоточием иллюзий, где туманы и льды, готовые вот-вот растаять, кажутся новыми странами и, постоянно обманывая пустыми надеждами мореплавателя, жаждущего открытий, втягивают его в авантюры, от которых он никогда уже не может отказаться, но которые он, тем не менее, никак не может довести до конца» [9, с. 237].

Кант отказывается от плаваний в тот океан, куда до него ходили многие мореплаватели и который он сам признает существующим на путях своей веры. Нравственный закон становится

тем кораблем, который позволяет вырваться из «вечного» плена «внутренней женщины» – чувственности и обрести подлинную бескрайнюю свободу интеллигибельной жизни [3, с. 64]. Долг становится на правах метафоры одушевленным кормчим корабля, без которого далекое плавание невозможно. «Долг! Ты возвышенное, великое слово, в тебе нет ничего приятного, что льстило бы людям, ты требуешь подчинения, хотя, чтобы побудить волю и не угрожать тем, что внушало бы естественное отвращение в душе и пугало бы», – восклицает Кант. «Достойным источником долга может быть только то, что возвышает человека над самим собой, как частью чувственного воспринимаемого мира», то есть личностью. Немецкий философ определяет ее как свободу и независимость от механизма природы, подчиненной особым, данным собственным разумом чисто практическим законам. И человек оказывается принадлежащим сразу двум мирам – чувственному и умопостигаемому, поэтому по отношению к своему второму и высшему назначению он должен питать почтение, питать величайшее уважение к его законам [8, с. 195–196]. Кант подчеркивает: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них – это звездное небо надо мною и моральный закон во мне». Любовь к звездному небу относится к эстетике возвышенного также как и существование нравственного закона, ибо оно «расширяет связь человека со всем сущим» [8, с. 257]. Наконец, предельно возвышенным понятием является сама вещь-в-себе, поскольку, как мы видим, она указывает пределы чувственного опыта, причем скорее ограничивает последние, чем наоборот! И категорический императив, и звездное небо над головой – предельные ориентиры кантовской «веры в пределах только разума», и сама вещь-в-себе как возвышенные понятия соответствуют духу западноевропейской культуры, в то время как эстетика платонизма исходит из основополагающей для греческого архетипа интуиции прекрасного тела (см. [25]). Понятие символа в апофатике Канта никак неприменимо. О вещи-в-себе нельзя сказать, что она – таинственная первооснова бытия, раскрывающаяся через символы. В то время как Единое платонизма не только запредельное, но и всепронизывающее, подобно солнечному сиянию, начало бытия. Эйдос прекрасен, поэтому тепл и ласкающ, а вот пределы кантовской философии сравнительно холодны и отрешенны, поскольку возвышенны [15, с. 898–899]. Конечно, философия Канта со своим критическим, антимистическим пафосом есть отражение духа эпохи Просвещения.

В XVIII веке понятие божественной тайны начинает уходить из западноевропейской философии и жизни. Редукцию этого понятия мы видим в полном имманентизме Абсолюта человеческому познанию в философской системе Гегеля. И еще более в тотальной попытке его развенчания Фейербахом. Тайна – это чудо, а чудо по Фейербаху есть «только фантазия и сила воображения» [22, с. 128]. Причем сам философ подчеркивает: «Если объяснение чудес из чувства и фантазии поверхностно, то в этом виноват не автор, а сам предмет – чудо» [22, с. 131].

Уже по этим гениальным вершинам немецкой классической философии видно, как постепенно Тайна уходит из жизни человека нового времени, мир становится поверхностным, одномерным и плоским. Абсолютная символическая глубина, постоянно являющая себя, уходит из мира. Частные тайны бытия «теряют» свою безусловную порождающую их первооснову и становятся дурной бесконечностью человеческих загадок. Отсюда, возникает чувство тупиковости пути, пройденного человечеством. Особенно характерно такое мироощущение для человека эпохи постмодерна. Таким образом, очевидна актуальность изучения апофатических традиций философии платонизма, утверждающего бесконечно разнообразное бытие во всех его проявлениях как чудо и тайну и оправдывающего в их горизонте жизнь и мысль отдельного человека, как путь, укорененный в вечности.

Литература

1. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
2. Виндельбанд В. Избр.: Дух и история. – М.: Юрист, 1995. – 687 с.
3. Виндельбанд В. От Канта до Ницше. – М.: КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998. – 496 с.
4. Гайденко П. П. История греческой философии в ее связи с наукой: учеб. пособие для вузов. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университет. кн., 2000. – 319 с.

5. Дамаский Диадох. О первых началах: Апории, относящиеся к первым началам, и их разрешение; Комментарий к «Пармениду» Платона. – СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т (РХГИ), 2000. – 1071 с.
6. Дионисий Ареопагит. Соч. Толкования Максима Исповедника. – СПб.: Алетейя, 2003. – 864 с.
7. Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 5. – М.: Чоро, 1994. – 414 с.
8. Кант И. Критика практического разума. – СПб.: Наука, 2005. – 528 с.
9. Кант И. Критика чистого разума. – М.: ЭКСМО, 2006. – 736 с.
10. Лебедев А. В. Το απειρον: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель // Вестн. древней истории. – М.: Наука, 1978. – № 1. – 236 с.
11. Лебедев А. В. Το απειρον: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель // Вестн. древней истории. – М.: Наука, 1978. – № 2. – 232 с.
12. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
13. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994. – 919 с.
14. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 846 с.
15. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм. – Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. – 960 с.
16. Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.
17. Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
18. Платон. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
19. Платон. Законы. – М.: Мысль, 1999. – 832 с.
20. Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI–IX / пер. с древнегреч. и послеслов. Т. Г. Сидаша. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. – 416 с.
21. Прокл. Платоновская теология. – СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, ИТД «Летний сад», 2001. – 623 с.
22. Фейербах Л. Соч.: в 2 т. – М.: Наука, 1995. – Т. 2. – 425 с.
23. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И. Д. Роджанский. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
24. Шейнман-Топштейн С. Я. Платон и ведийская философия. – М.: Либроком, 2010. – 200 с.
25. Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. – Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1993. – Т. 1. – 592 с.

References

1. Bulgakov S.N. *Svet nevecherniy. Sozertsaniya i umozreniya [Non going out light: Contemplation and speculation]*. Moscow, Respublika Publ., 1994. 415 p. (In Russ.).
2. Vindelband V. *Izbrannoe: Dukh i istoriya [Selected works: Spirit and History]*. Moscow, Yurist Publ., 1995. 687 p. (In Russ.).
3. Vindelband V. *Ot Kanta do Nitsshe [From Kant to Nietzsche]*. Moscow, KANON-press, Kuchkowo pole Publ., 1988. 496 p. (In Russ.).
4. Gaydenko P.P. *Istoriya grecheskoy filosofii v ee svyazi s naukoy [History of the Greek Philosophy in its Connection with the Science]*. Moscow, PER SE Publ.; St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000. 319 p. (In Russ.).
5. Damaskiy Diadokh. *O pervykh nachalakh: Aporii, otnosyashchiesya k pervym nachalam i ikh razreshenie; Kommentariy k "Parmenidu" Platona [Damascius Diadoch. Difficulties and Solutions of First Principles. Comments on Parmenides by Plato]*. St. Petersburg, Russian Christian Institut for the Humanities Publ., 2000. 1071 p. (In Russ.).
6. Dionisiy Areopagit. *Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Ispovednika. [Dionysius the Areopogite. Works. Commentaries by Maximus the Confessor]*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2003. 846 p. (In Russ.).
7. Kant I. *Sochineniya: v 8 t. [Works: in 8 volumes]*. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 5. 414 p. (In Russ.).
8. Kant I. *Kritika prakticheskogo razuma [Critique of the Practical Reason]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005, 528 p. (In Russ.).
9. Kant I. *Kritika chistogo razuma [Critique of the Pure Reason]*. Moscow, EKSMO Publ., 2006. 736 p. (In Russ.).
10. Lebedev A.V. το απειρον: ne Anaksimandr, a Platon i Aristotel [το απειρον: not Anaximander but Plato and Aristoteles]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, no. 1, pp. 39-54. (In Russ.).
11. Lebedev A.V. το απειρον: ne Anaksimandr, a Platon i Aristotel [το απειρον: not Anaximander but Plato and Aristoteles]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, no. 2, pp. 43-58. (In Russ.).
12. Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolisma i mifologii [Essays on Classical Symbolism and Mythology]*. Moscow, Mysl Publ., 1993. 959 p. (In Russ.).
13. Losev A.F. *Mif. Chislo. Sushchnost' [Sign. Symbol. Myth]*. Moscow, Mysl Publ., 1994. 919 p. (In Russ.).
14. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Sophisty. Sokrat. Platon [The History of Classical Aestethic. Sophists. Sokrates. Plato]*. Kharkov, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 2000. 846 p. (In Russ.).

15. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Pozdniy Ellinism [The History of Classical Aestetic. The period of Hellinism]*. Kharkov, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 2000. 960 p. (In Russ.).
16. Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t. [Plato. Works: in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1. 860 p. (In Russ.).
17. Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t. [Plato. Works: in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 1993, vol. 2. 528 p. (In Russ.).
18. Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t. [Plato. Works: in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3. 654 p. (In Russ.).
19. Platon. *Zakony [Plato. The Laws]*. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 832 p. (In Russ).
20. Plotin. *Shestaya enneada. Traktaty VI-IX [Plotinus. The Sixth Ennead. Essays VI-IX]*. St. Peterburg, Izdatelstvo Olega Abyshko Publ., 2005. 416 p. (In Russ.).
21. Prokl. *Platonovskaya teologiya [Proclus. Platonic Theology]*. St. Petersburg, Russian Christian Institut for the Humanities Publ., IDT "Letniy Sad" Publ., 2001. 623 p. (In Russ.).
22. Feerbakh L. *Sochineniya: v 2 t. [Feuerbach L. Works: in 2 volumes]*. Moscow, Nauka Publ., 1995, vol. 2. 425 p. (In Russ.).
23. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki [Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1. From epic tocosmology before the emergence of atomic theory]. Executive editor I.D. Rodzhanskiy*. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p. (In Russ.).
24. Sheynman-Topshteyn S.Ya. *Platon i vediyskaya filosofiya [Plato and Vedic Philosophy]*. Moscow, Librocom Publ., 2010. 200 p. (In Russ.).
25. Shpengler O. *Zakat Evropy: v 2 t. [The Decline of the West: in 2 volumes]*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma Publ., 1993, vol. 1. 592 p. (In Russ).

УДК 811.161.1'1

ФРОНТОВОЙ ЭПИСТОЛЯРИЙ КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: sante3@yandex.ru

Рыбникова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: ree-elena@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности языка и стиля писем времен Великой Отечественной войны. Цель статьи – описать фронтовой эпистолярий в лингвокультурологическом аспекте, в связи с чем и определяются задачи лингвокультурологического описания фронтового эпистолярия как объекта современной функциональной лингвистики. Актуальность статьи заключается в том, что авторами впервые предложена комплексная методика изучения этого уникального языкового материала, которая позволяет разноаспектно проанализировать и состояние письменной речевой культуры в этот сложный и трагический период нашей истории, и прочувствовать психологическое состояние героев Кузбасса, понять, что определяло их духовную сущность. В качестве источника исследования не случайно выбраны фронтовые письма кузбассовцев, поскольку, помимо лингвокультурологической информации, они несут духовно-нравственное начало, особо свойственное войнам-сибирякам, а также дают возможность проследить динамику разных уровней русского языка на конкретном временном отрезке. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что фронтовой эпистолярий является бесценным источником для изучения состояния языковой нормы русского языка середины двадцатого века и очень важен и интересен как стилистический, жанровый и ортологический феномен.

Ключевые слова: русская лингвокультурология, фронтовой эпистолярий, эпистолярный дискурс, лингвостилистические нормы.

FRONTLINE EPISTOLARY AS A SOURCE OF RUSSIAN LINGUOCULTURE

Antipov Aleksandr Gennadyevich, Dr of Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Literature and Rusian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sante3@yandex.ru

Rybnikova Elena Evgenyevna, PhD in Philology, Associate Professor, Department Chair of Literature and Russian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ree-elena@yandex.ru

The article features the language and style of letters from the front of the Great Patriotic War. Defining the objectives of linguacultural description of the frontline epistolary regional studies and its value as an object of modern functional linguistics. The purpose of this article is to describe frontline epistolary in linguistic and cultural aspect, and define the tasks of the linguistic and cultural descriptions of the front epistolary as an object of modern functional linguistics. The relevance of the article is that the authors first proposed a comprehensive methodology for the study of this unique linguistic material, which allows analysis in different aspects to perform as a written speech culture in this complex and tragic period of our history and to experience the psychological state of the characters in Kuzbass, to understand what determined their spiritual essence. As the source studies were not randomly selected letters from Kuzbass, since in addition to linguistic and cultural information, they are spiritual and moral, particularly characteristic of Siberians in war and gives the opportunity to trace the dynamics of different levels of the Russian language on a specific time interval. In the study, the authors came to the conclusion that the frontline epistolary is an invaluable source for the study of linguistic norms of the Russian language of the mid-twentieth century is very important and interesting from the point of view of functional stylistics, Russian genre studies within the context, discourse and psycholinguistic directions in the study of the Russian text, as well as ontologic phenomenon.

Keywords: Russian cultural linguistics, front epistolary, epistolary discourse, linguastilistic standards.

Семейный архив как полидискурсивное пространство имеет давние традиции исследования, однако в аспекте лингвокультурологии этот объект русистики еще требует своего обоснования. Актуальность этого особого пространства отражения и формирования норм языка и культуры определенной эпохи уникальна. Мы уже писали о семейном архиве как источнике комплексного разноаспектного анализа языка времен Великой Отечественной войны [1; 2; 5].

В границах этой статьи попытаемся представить возможные аспекты исследования фронтового эпистолярия как источника и объекта русской лингвокультуры военных лет.

Само понятие русской лингвокультуры не может не определять рамки научной картины мира и онтологической [3]. Поэтому для данной статьи нами избрано направление размышлений, которое связывают обычно с системной семиотикой в русской ее традиции – традиции Бодуэна и Потебни. Те аспекты, которые обозначаются нами, не являются аспектами по сути – это лишь возможные линии исследования русской лингвокультуры в контексте личных произведений создателей русского языка. (Следует отметить, что, используя терминопонятие «лингвокультура» и родственные ему, мы опираемся на представления русской филологии о речевой культуре народа, страны, государства).

Не углубляясь в проблему историко-лингвистической оценки языка и речи того периода, все же отметим, что созданный в это время народный культурно-речевой эталон (наряду с парадно-кафедральным, трибунным) позволил сохранить традиции русской художественной культуры эпохи Пушкина. Главную нормализаторскую роль, судя по хранящимся в Кемеровском архиве письмам с фронта (см., например, [4]), сыграли уроки русской словесности, русская живопись, советский кинематограф, язык радио и газет, через которые народные речевые формы соотносились и с новоязом, и с поэтическим языком русской классики. Через эти культурные традиции и знаки шло формирование особого письменного жанра тех

военных лет – писем с фронта, его кодификация как особого медитативного пространства письменной речи военного времени.

Как источник исследования письменной речевой лингвокультуры, фронтовой эпистолярий можно представить в следующих дискурсивных и стилистических плоскостях исследования русского текста.

Лингвокультурное текстовое пространство фронтового эпистолярия представляет собой источник формирования коммуникативных и иных норм эпистолярного дискурса. В традиционном дискурсивном контексте русской стилистики этот источник русской лингвокультуры интересен и важен как стилистический, жанровый и ортологический феномен.

1. Система функциональных стилей русского языка середины XX века служит одним из контекстов описания фронтовых писем, основной коммуникативной системой формирования и реализации языковых норм.

2. Жанровые особенности писем с фронта необходимы для описания лингвокультурной динамики тех трансформаций сознания или мышления, которые интерпретируют действительность в основных концептно-знаковых уровнях текста.

3. Область кодифицированной нормы выступает в качестве особой зоны исследования речевого эталона в тексте писем (включая стратификационные фрагменты текста, семантические блоки и ассоциативные части, репрезентирующие тот или иной тип национальной речевой культуры).

Данные направления изучения языка и стиля фронтовых писем важны в свете своей духовной составляющей. Эти знаки военной эпохи требуют комплексного системного описания в лингвокультурологическом направлении их интерпретации.

Лингвокультурология выступает в качестве одной из сфер комплексной системной интерпретации фронтового эпистолярия. В ее рамках текст фронтового письма предстает как знак героических и трагических событий истории государства. В то же время обращение к фронтовому письму как памятнику языка и истории в аспекте описания русской лингвокультуры важен потому, что язык отражает реальность или интерпретирует ее, создавая особую сферу жизни, в которой живет человек, переживает и посредством языка передает свое видение происходящих событий.

Фронтовой эпистолярий как объект современной русской лингвокультурологии связан с другими объектами русской речевой культуры. Это раскрывает системные связи лингвокультурологии русского фронтового письма с русской диалектологией, функциональной стилистикой, русским жанроведением, современной культурой речи, дискурсивными и психолингвистическими направлениями исследования русского текста.

Лингвокультурологическое пространство писем с фронта представляет собой дискурсивное медитативное образование, личностное в стилистическом плане текста: за каждым текстом стоит личность, носитель языка и сознания, создатель культуры и истории народа. Так, в аспекте функционирования языковых средств выражения индивидуальной языковой личности фронтовые письма героев Кузбасса предстают как текстовое пространство реализации своеобразных стилей фронтовиков-кузбассовцев, которые могут быть сведены к уровневой модели языковой личности (определяемой нами в соответствии с концепцией Ю. Н. Караулова).

Основные результаты описания связаны с разработкой положений теории частного письма как источника лингвистической антропологии. Это предполагает рассмотрение проблемы языковой репрезентации личности фронтовиков в текстовом материале писем, обеспечивающим доступ к смысловым структурам текста, а через них – к языковым и коммуникативным моделям фронтового эпистолярия как знака русской речевой культуры.

Концептуальные и знаковые уровни писем с фронта отражаются нами последовательно в соответствии с общей филологической интерпретацией и задачами лингвокультурологического описания лексического, морфологического, синтаксического уровней эпистолярия, его дискурсивно-стилистической медитативности, репрезентированной в системе языковых средств отображения военного времени русской истории (пример этой модели описания писем можно увидеть в [2; 5]).

Лексический уровень писем – самый богатый и насыщенный. Он представлен различными пластами лексики, образными средствами выразительности, устойчивыми оборотами речи.

Многообразие средств лексического выражения репрезентировано прежде всего разговорной лексикой, характеризующей сферу функционирования лексем (обиходно-бытовая) и характер взаимоотношений адресата и адресантов (родственные отношения): *папа, тетя, обед, бабушка, пошлет, баня, штаны, кучи, сковородки, горшки, крытые тесом вышки, мясо, печка и др.* Встречаются и просторечные элементы: *хата, подстилка, печка, нынче и др.*

Представлена в письмах лексико-семантическая группа военной лексики: *фронт, обмундирование, ефрейтор, батарея, передовая линия фронта, гвардейский, снаряды, артналет, рубеж, дивизион* и др. Но необходимо отметить, что лексемы данной тематической группы встречаются в тексте писем не очень часто, несмотря на то что адресант находится в военной обстановке.

Одной из ярких стилистических черт автора фронтового письма является употребление оценочной лексики. В письмах оценка передается посредством вводных слов и словосочетаний, которые придают всему предложению определенную коннотацию, смысловой оттенок, либо оценка заложена в семантике самого слова и строится по антонимичной модели «хорошо» и «плохо»: *Пища тоже* ***хорошая****: мясные консервы, жирная каша, и вкусный суп или лапша;* ***Плохо*** *написал письмо: очень* ***плохое*** *перо и страшно неудобное место. Но,* ***к счастью****, все остались живы и здоровы. Что вы нынче не будете держать корову – это* ***очень плохо****. Есть яблоки и вишни, но, к сожалению, только одни деревья, плоды же оборвали еще зелеными немецкие солдаты. Я пока живу* ***хорош****о: обут и одет тепло, питаюсь* ***хорошо****.* Показательно, что оценочные суждения связаны с действиями самого адресанта либо с условиями жизни его родных. Оценка политической ситуации, деятельности правительства, командующих офицеров в текстах не представлена. Скорее всего, это объясняется особым режимом военного времени и наличием жесткой цензуры на частную переписку.

Авторы писем активно используют изобразительно-выразительные средства языка. Ср., например, эпитеты: *Свежий морской ветер радостно развивает полотнище красного флага; жаркие бои, сильный огонь, толстая крыша, высокие, тучные хлеба* и др. Использование образных единиц позволяет наиболее точно описывать окружающую действительность, передавать внутреннее эмоциональное состояние: *Рига ждала нас! Приодевшиеся, взволнованные рижане, веселыми и радостными криками встречали проходившие войска. ...Наступила зима; свистят снаряды; погода освежает и поднимает настроение; не гремят пушки, не рвутся снаряды; снаряд разбросал всю землю, исщипал бревна наката.*

На морфологической уровне представлены разнообразные части речи: существительные разных номинативных сфер, полные и краткие прилагательные (*красива, хороша, жив, здоров, невредим; страшную, жестокую, кровавую; огненный; теплые, солнечные, весенние*), причастия (*обут и одет, ранен*, *невредим*), наречия (*мало, много, прохладно, сыро, темно, долго*), глаголы совершенного и несовершенного вида (*занимались, помогаю, устраиваю, подумаете, успокаиваю, пришел приказ, подняли, остригли, вымыли в бане и т. д.*), повелительного наклонения (*пишите больше, передай мой горячий привет*) и др.

Синтаксический строй писем представлен сочетанием различных типов текста: повествование, описание, рассуждение. Это подтверждается и наличием в текстах писем характерных для них частей речи. Ср.: *Дня четыре назад получил от вас письмо, но ответить на них собрался только сейчас, потому что не было времени. Мы сейчас находимся на отдыхе, километрах в двадцати от передовой. Стоим в большом лесу, работаем, обедаем и спим под открытым небом. Но все-таки этому отдыху никто не рад. Скорее, можно было назвать отдыхом то время, когда мы находились на передовой. Здесь начались опять занятия, различные работы. Лучше здесь только тем, что не грозит ежеминутно опасность смерти* (повествование и рассуждение). *Землянка наша маленькая, похожа на погреб, с толстой крышей. В ней прохладно, сыро, темно. На одной стороне повешены наши котелки, винтовки, ранцы, планшет. К другой стене приделаны нары* (описание).

Особенностью синтаксиса писем является использование широкого диапазона синтаксических конструкций. В текстах писем представлены простые предложения, осложненные вводными словами и словосочетаниями, – например:

Но, к сожалению, письма я получаю очень редко. …А он, глядишь, разорвется где-нибудь далеко-далеко. Жить в Риге я буду, наверное, довольно долго и поэтому ознакомлюсь с ней очень хорошо. Папа и мама, вы, может быть, не поверите в то, что я вам написал, что это я вас только успокаиваю, но я даю вам честное слово, что все это правда. К счастью, все живы и здоровы. Может быть, еще вернусь и мы увидимся. Использование большого количества вводных слов и конструкций говорит о некоторой концентрации мыслей говорящего на своем внутреннем мире, своих переживаниях. Авторы стремятся описать ситуацию через призму собственного чувственного восприятия, эмоционального состояния. Кроме того, внутренняя концентрация на себе, выраженная вводными словами и словосочетаниями, уравновешивается постоянными просьбами к родным написать о мирной жизни, желанием автора быть посвященным во все домашние дела и заботы.

Простые предложения, осложненные обособленными членами предложения, также частотны в прагматической функции: *Очень рад и благодарен тебе за твое письмо, написанное перед новым годом. Я вообще здесь очень рад письмам, присланным мне. Свежий морской ветер радостно развивает полотнище красного флага, вывешенного на одном из высоких зданий.* Ср. также примеры осложнения однородными членами и обращениями: *Сейчас стоят теплые, солнечные, весенние дни. Галина, ты мне напиши, какая там елка была около горсада. Ты спрашиваешь, Галина, попал ли со мной кто-нибудь из кемеровских знакомых ребят?* В каждом письме присутствует обращение к адресанту как этикетная форма эпистолярного текста.

Используются и сложные предложения с разными видами придаточных: *В этом письме я вам хочу передать большое-большое спасибо за посланную вам посылку, правда, я ее еще не получил, но, думаю, раз вы ее послали, то я ее обязательно получу.* Отличительной особенностью писем является употребление конструкций описательного и повествовательного типа, цель которых – как можно ярче, красочней описать окружающую действительность и быт солдат. Необходимо отметить, что описание боевых действий практически отсутствует. Незначительные фрагменты описания боев представлены только через призму чувств и эмоций, которые вызвали эти события в сознании и душе автора. Например: *А как красива сама Рига, как хороша архитектура старинных и новых зданий, как выразительно и живо смотрят на нас различные бюсты, статуэтки и памятники, и кажется: они тоже рады нашему приходу, приветствуют нас. Землянка наша маленькая, похожа на погреб, с толстой крышей, чтобы не пробило снарядом. В ней прохладно, и сыро, и темно. На одной стене повешены наши котелки, винтовки, ранцы, планшет. К другой стене приделаны нары. Я хожу по полям сражений с гранатой за поясом и с карандашом в руке. Хожу и смотрю удивленными глазами. Вижу войну, страшную, кровавую.*

В дискурсивном аспекте лингвостилистика писем позволяет определять границы личного эпистолярия как гипержанра, включающего совокупность речевых жанров (если следовать концепции К. Ф. Седова).

С точки зрения представленности в письмах классических конвенциональных норм написания письма выделяются следующие речевые жанры:

1. Этикетные речевые жанры. РЖ «начальное обращение». Например: *Здравствуй, Галина! Здравствуйте, папа, мама и Галина. Шлю вам горячий привет*. РЖ «конечный сегмент этикетного типа» (РЖ пожелания, РЖ установки на получение ответа, РЖ подпись, ритуальные РЖ, РЖ этикетно-риторического вопроса). Например: *Ну, вот пока и все, жду писем от вас, что-то редко я их получаю, наверное, потому, что очень большое расстояние разделяет меня с вами. Передавайте мой горячий привет всем родным и знакомым.* В этом контексте проявляется установка на написание ответа, объективное объяснение, почему письма приходят так редко. Внутритекстовые РЖ (РЖ комплимента, РЖ внутреннего обращения, РЖ благодарности, РЖ извинения): *Я вас очень прошу только не беспокойтесь обо мне и не расстраивайтесь. Папа, не обижайтесь, что я плохо написал письмо: очень плохое перо и страшно неудобное место. Самый большой, самый горячий, с горячей благодарностью за посылку, привет маме*.

2. Оценочные речевые жанры: по характеру оценивания – РЖ отрицательной оценки (упрек,

критика, добродушная насмешка, ирония, выговор, обвинение, сплетня, ссора, осуждение, протест, спор) и РЖ положительной оценки (похвала, согласие, одобрение). Например: *Не выполняешь ты своего обещания писать много и часто.*

3. Императивные речевые жанры (просьба, совет, мольба, призыв, требование, предложение). Например: *Пишите больше вы о себе. Передай мой горячий привет Плотникову Павлу, Цибульскому Василию, Кротовой Нине, Сергеевой Шуре. И сама пиши больше писем.* Поскольку в письмах отражаются определенные цели и мотивы, то особый интерес представляют стратегии и речевые ходы, применяемые адресантом для реализации коммуникативных интенций. Без анализа мотивов речевого поведения невозможно до конца понять смысл высказывания. В письмах отмечено употребление семантических и прагматических ходов, позволяющих автору избежать формулировок частных суждений, перевести их в более общие, общепризнанные и тем самым избежать оценки: *Как услышишь свист, кажется прямо, на тебя летит, так и падаешь скорей на землю. А он, глядишь, разорвется где-нибудь далеко-далеко.* Также отмечена стратегия самопрезентации, реализованная в демонстрации понимания и терпимости, которая помогает аннулировать отрицательные выводы: *Ну, вот пока и все, жду писем от вас, что-то редко я их получаю, наверное потому, что очень большое расстояние разделяет меня с вами. Предавайте мой горячий привет всем родным и знакомым.* Показательной является применение в коммуникативной ситуации тактики самовозвеличивания, заключающейся в том, чтобы привлечь внимание адресата к тем сторонам личности автора, которые помогут сформировать выгодный ему образ и осуществить определенное воздействие на читателя. Анализ писем показал, что такая тактика речевого воздействия адресантом не была использована. Но отмечена тактика самоуничижения, которая реализуется через прием извинения за некачественно написанное письмо*: **Плохо** написал письмо: очень **плохое** перо и страшно неудобное место*. Речевое воздействие автор осуществляет эксплицитно. Его целью является побуждение адресата к действию. Она реализуется посредством просьб писать больше и как можно чаще: *Пиши мне каждый вечер. Передай привет всем родным и знакомым. Прошу вас отвечать мне как можно чаще.*

В ортологическом аспекте лингвокультурологии тексты писем отражают элитарный тип русской речевой культуры середины XX века: свободное владение всем арсеналом лексических, морфологических, синтаксических средств текста свидетельствует не только об уровне образованности, но и о богатом внутреннем мире, развитом интеллекте и творческом потенциале авторов. В письмах лаконично сочетаются разговорные и художественные элементы, присутствуют разные жанровые типы текстов, представленные соответствующими композиционными частями и элементами синтаксической организации письменной речи.

Все ипостаси автора писем позволяют осознавать, что чувствовали люди в то страшное время, что волновало их в первую очередь, что определяло их духовную сущность и что помогло им выстоять и победить. Языковая личность автора фронтового письма вступает в коммуникацию как многоаспектная, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого общения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, культурными смыслами информации, включенными в коммуникацию.

Через дискурс языковой личности формируется интегральный образ фронтовой реальности, которая запечатлевается в тексте в метафорах, сравнениях, устойчивых сочетаниях, эмоционально-окрашенной лексике. Текстовый уровень писем отображает духовный мир человека, он напрямую связан с культурой, поскольку хранит информацию об истории, о национальной психологии и национальном поведении.

Лингвокультурология фронтового эпистолярия является источником информации и о речевой культуре середины XX века: отношение к родному языку было трепетное, и даже в экстремальной ситуации, когда жизнь висела на волоске, авторы писем старались соблюдать и этикетность, и нормы орфографии и пунктуации. Поэтому тексты военных писем имеют огромное значение для исследования динамики русской языковой нормы, предоставляя данные о языке фронтовиков в широком контексте языковой ситуации в ее сопоставлении с современной письменной речевой культурой.

Литература

1. Антипов А. Г., Рыбникова Е. Е. Фронтовой эпистолярий как объект лингвистического исследования (на мат-ле семейных архивов, хранящихся в ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области)» // Архивы Кузбасса: информ.-метод. и ист.-краевед. бюл. – Кемерово, 2012. – № 1(16). – С. 206–209.
2. Антипов А. Г., Прищепа О. Н., Рыбникова Е. Е. Языковая личность фронтовиков-кузбассовцев (на мат-ле фронтового эпистолярия) // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сиб. лингвоперсонология. – М.: УРСС, 2016 – 424 с .
3. Балабанов П. И., Зауэрвайн Л. Т. О методологических особенностях культурологического исследования // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 35. – С. 13–17.
4. Непридуманные рассказы о войне: сб. документ. мат-лов. – Кемерово: КРИПКиПРО, 2012. – 269 с.
5. Прищепа О. Н. Фронтовой эпистолярий и его роль в формировании духовно-нравственных качеств современной молодежи (инновационный подход к анализу языковой личности) // Инновационный конвент «Кузбасс: образование, наука, инновации». – Кемерово, 2012. – С. 276–279.

References

1. Antipov A.G., Rybnikova E.E. Frontovoy epistolyariy kak ob”ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale semeynykh arkhivov, khranyashchikhsya v GKU KO “Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti)” [Frontline epistolary as an object of linguistic research (based on family archives stored in the CCU to the “State Archives of the Kemerovo region)”]. *Arkhivy Kuzbassa: informatsionno-metodicheskiy i istoriko-kraevedcheskiy byulleten’ [Archives Kuzbass: Information and methodological and Local History newsletter]. Kemerovo*, 2012, no. 1 (16), pp 206-209. (In Russ.).
2. Antipov A.G., Prishchepa O.N., Rybnikova E.E. Yazykovaya lichnost’ frontovikov-kuzbassovtsev (na materiale frontovogo epistolyariya) [Linguistic personality soldiers-Kuzbass (based on the front-line epistolary)]. *Yazykovaya lichnost’: modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya [Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian lingvopersonologiya]*, Moscow, URSS Publ., 2016. 424 p. (In Russ.).
3. Balabanov P.I., Zauervayn L.T. O metodologicheskikh osobennostyakh kul’turologicheskogo issledovaniya [About the Methodological Features of Culturological Research]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State Universityof Culture and Arts]*, 2016, no. 29, pp. 13-17. (In Russ.).
4. *Nepridumannye rasskazy o voyne: sbornik dokumental’nykh materialov [Non-Invented stories about war: Collection of documentary materials]*. Kemerovo, Univ KRIPKiPRO Publ., 2012. 269 p. (In Russ.).
5. Prischepa O.N. Frontovoy epistolyariy i ego rol’ v formirovanii dukhovno-nravstvennykh kachestv sovremennoy molodezhi (innovatsionnyy podkhod k analizu yazykovoy lichnosti) [Frontline epistolary and his role in shaping the spiritual and moral qualities of modern youth (innovative approach to the analysis of the linguistic identity)]. *Innovatsionnyy konvent “Kuzbass: obrazovanie, nauka, innovatsii” [Innovation Convention “Kuzbass: education, science and innovation”].* Kemerovo, 2012, pp. 276-279. (In Russ.).

УДК 130.2

ПОТЕНЦИАЛ ГЕНДЕРНОГО ДИСКУРСА В ОСМЫСЛЕНИИ СЕМЬИ

Волкова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

В статье обобщаются результаты научных исследований современной семьи на основе гендерного подхода с целью выделения методологических возможностей последнего, расширяющих познавательные горизонты современного гуманитарного знания. Отмечено, что подобного рода исследования позволяют выявлять, оценивать и прогнозировать последствия изменений для семьи и гендерных отношений в обществе, осуществлять долгосрочное, перспективное планирование на всех уровнях общественной системы. Автором выделены различные пути применения гендерной парадигмы: традиционный (направленный на устранение гендерного неравенства в базовых отраслях деятельности;

корреляции гендерного и синергетического подходов; изучение процессов гендерной идентификации и социализации; разработка теории патриархата как универсальной социальной структуры) и новый, пока еще формирующийся – разработка более глубинного понимания социальной справедливости в гендерном контексте: от желаемой ныне симметрии – к более чувствительной к мотивам самореализации асимметрии, в условиях соответствующей социокультурной практики. Новый вектор указывает на различные в гендерном плане уровни ценностно-мотивационной сферы человека, а, следовательно, на возможность движения к полной самореализации тех способностей и задатков, которые имеются у всех гендерных сторон.

Ключевые слова: семья, гендер, гендерный подход, гендерные роли, гендерная асимметрия, маскулинность, фемининность.

GENDER DISCOURSE POTENTIAL IN FAMILY REFLECTION

Volkova Tatyana Aleksandrovna, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department Chair of Philosophy, Law and Social and Political Subjects, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

The prolonged transformation of Russian society caused a revision of the established system of values, which affected the state of all types of human relationships, including family ones. Modern humanities expand the methodological apparatus used to study the family. The article reveals the potential of the gender approach as perspective in the context of the modern socio-cultural development of the family. The initial methodological grounds for this approach are seen in the works of R. Stoller, M. Mead, M. Rosaldo, S. Ortner, L. Lamfere, and also in the classical works of E. Durkheim and V.M. Khvostov; in the works of feminist science: B. Friedan, D. Scott, R. Sieger, G. Bock, S. Bem, M. Kimmela, etc. The presented work summarizes the results of domestic gender studies since the 1990s: the most elaborate point of view of the above paradigm of the sphere of scientific knowledge (sociology, history, political science, economics and research on social policy, social demography and sociology of the family, law, etc.). The interdisciplinary nature of the studies, carried out on the basis of general methodological grounds, necessitated the formation of an independent branch of science -- gender studies -- which today largely determines the leading trends in understanding the problems of the family.

The article emphasizes the traditional research directions for the family history: criticism of traditional asymmetric socio-cultural practices; development of a gender theory of patriarchy as a social structure; analysis of gender models of personal identity, gender attitudes toward one's own and the opposite sex and gender stereotypes of family interaction; correlation of gender and synergetic approaches; processes of gender identification and socialization. In conclusion, the new methodological possibilities of gender approach are explicated: the development of a deeper, more meaningful understanding the social justice in a gender context. We are talking about the levels of the value-motivational sphere of man, which are gender-different and focused on the problems of spiritual freedom and the possibility of self-realization of a person. Hence, the expansion of the research field of the gender paradigm in the actual comprehension of the family is seen.

Keywords: family, gender, a gender approach, gender roles, gender asymmetry, masculinity, femininity.

Современный исторический отрезок стал для российского общества периодом длительной трансформации, связанной с ломкой привычных стереотипов в стиле и образе жизни, экономическом укладе, политической системе. Эта ситуация характеризуется переоценкой устоявшихся норм социальной жизни и системы ценностей, что прежде всего сказалось на человеческих взаимоотношениях, неотъемлемой частью которых являются отношения мужчины и женщины, на семейных отношениях.

Ныне возникающие новые тенденции во взаимоотношениях полов настоятельно требуют не только социологического, психологического, но

и культурологического исследования. Глубокая рефлексия процессов, проявляющихся в семье, выступает в качестве методологической предпосылки и основы конкретно-научных исследований, ведущихся в этой области, и является сегодня актуальной даже с чисто практической точки зрения.

Целью данной работы является выявление эвристических возможностей гендерного подхода в осмыслении семьи. Данная цель будет реализовываться решением следующих задач:

– выявлением методологических оснований гендерного подхода в современной гуманитаристике;

– анализом специфических аспектов гендерных исследований в изучении пола и семьи.

В качестве объекта исследования выступает семья как социальная группа. Непосредственным предметом работы являются гендерные аспекты семьи в контексте тенденций современного социокультурного развития.

Методологической базой исследования являются фундаментальные установки гендерного подхода. В работе использовались методы анализа и обобщения эмпирико-социологических материалов.

В современных междисциплинарных исследованиях семьи часто используется понятие гендер, или социальный пол. Различия между двумя понятиями – «пол» и «гендер» – были обозначены американским психологом Р. Столлером в 1968 году. Позже феминистские антропологи (М. Мид, М. Розальдо, Ш. Ортнер, Л. Ламфере) поддержали эту идею, поскольку при изучении различных обществ они обнаружили значительную разницу в понимании того, что есть мужчина и женщина в том или ином обществе.

Согласно статье в «Энциклопедии феминизма», гендер – термин для социального разграничения полов: «В то время как секс отражает биологические и анатомические отличия между мужским и женским, гендер отражает эмоциональные и психологические атрибуты, которые задаются культурными аспектами... Известно, что пол и гендер не всегда совпадают» [9, с. 123]. Отсюда, можно говорить о мужском и женском поле, но можно говорить о мужественности и женственности, и при этом не иметь в виду ничего, что относится к анатомии и физиологии.

Исследования, основанные на применении гендерного подхода, позволяют выявлять и оценивать различные результаты социокультурных трансформаций для мужчин и женщин, прогнозировать последствия изменений для семьи и гендерных отношений в обществе, осуществлять долгосрочное, перспективное планирование на всех уровнях общественной системы.

Теоретико-методологической основой гендерного подхода послужили классическая работа Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда», работы отечественного социолога XX века. В. М. Хвостова «Психология женщин. О равноправии женщин», «Женщина и человеческое достоинство», труды зарубежных классиков феминистской научной мысли – Б. Фридан, Д. Скотт, Р. Зигер, Г. Бок, С. Бем, М. Киммела и др., которые в своих работах исследовали и выявляли традиционное, во многом дискриминационное разделение социополовых ролей в обществе и семье, механизмы его воспроизводства и последствия.

В отечественной науке гендерная проблематика стала предметом серьезного изучения в 90-е годы XX века. Первоначально речь шла о сборе и анализе богатой и разнообразной эмпирической информации в области социологии. Именно социология раньше других отраслей науки обратилась к использованию гендерной методологии в изучении социальных процессов современности. Обширный материал в данном познавательном аспекте содержится в трудах Н. М. Римашевской, А. И. Посадской, Г. Г. Силласте, Л. Т. Шинелевой, О. А. Хасбулатовой.

Теоретические интерпретации и выяснение эвристических возможностей гендерной методологии применительно к современной российской действительности постепенно стали появляться в трудах ученых, работающих в исторической науке (Н. Л. Пушкарева, Л. И. Репина, О. В. Рябов, В. И. Успенская), в политологии (С. Г. Айвазова, Н. В. Досина, Е. А. Здравомыслова, Г. Г. Силласте, Н. А. Шведова, А. А. Темкина, С. А. Ушакин), в экономике, и исследованиях по социальной политике (М. Е. Баскакова, И. Е. Калабихина, М. М. Малышева, Н. М. Римашевская, Л. С. Ржаницына, З. А. Хоткина), в социальной демографии и социологии семьи (С. И. Голод, А. А. Клецин, Е. Л. Омельченко, Е. Р. Смирнова-Ярская, И. Н. Тартаковская, С. С. Ярошенко), в области права (С. Поленина).

Глубинные изменения российской действительности последних десятилетий на всех уровнях общественной системы отразились и на армейских структурах. Так, например, освоение женщинами исконно мужских видов профессиональной деятельности, к которым, прежде всего, относится военная служба, рассматривается как показатель процесса феминизации общества в целом [3]. Данными обстоятельствами обусловливается актуальность системного изучения гендерных аспектов процессов, происходящих в Вооруженных силах Российской Федерации (Анализу гендерных аспектов военной сферы российского общества посвящены работы Н. А. Гаах, М. А. Деминой, Р. Х. Кузиной, С. Кузнецова, О. Н. Маркеловой, Н. И. Непочетой, Э. А. Понуждаева, С. Л. Рыкова, А. И. Смирнова, И. Ю. Сурковой, Е. С. Устинович и др.).

Огромный массив материалов по результатам проведенных исследований различных аспектов гендерных трансформаций с необходимостью потребовал их обобщения, с одной стороны, (работы О. А. Ворониной, О. М. Здравомысловой, Т. А. Клименковой, Н. С. Юлиной и др.), с другой, – в формировании самостоятельной отрасли науки – гендерных исследований.

Формирование нового междисциплинарного направления социально-гуманитарного знания (гендерных исследований) в отечественной науке сегодня – уже свершившийся факт. По мнению О. М. Здравомысловой, именно гендерные исследования позволяют «анализировать комплекс существующих в культуре представлений о мужественности и женственности, изменения семьи и положения мужчин и женщин в обществе, идеологию и политику, способствующие или препятствующие достижению гендерного равенства» [4, с. 11].

Сложность, комплексность, многоуровневость социокультурной трансформации современного общества обусловливает необходимость использования разнообразных исследовательских программ. Это обстоятельство актуализирует применение гендерного подхода в качестве методологии исследования тех сторон трансформации, которые непосредственно затрагивают отношения мужчин и женщин в обществе. Значимость изучения данных сторон российской действительности определяется противоречием между официальной гендерной нейтральностью трансформационного процесса и различием его результатов для женщин и мужчин, а также необходимостью прогноза его последствий для социокультурных отношений.

В современной России существует целый ряд острых проблем, связанных с гендерными отношениями. Среди них можно назвать гендерный аспект социального неравенства, непоследовательность государственной политики в отношении разных социополовых групп, так называемый «кризис семьи», сложность и противоречивость процесса гендерной идентификации и социализации личности, распространенность насилия на гендерной почве.

Российские экономические и политические инновации находятся в определенном противоречии с существующими в массовом сознании россиян традиционными культурными образцами, социальными представлениями, стереотипами сознания и поведения большинства населения, а необходимая трансформация ценностных ориентаций населения существенно запаздывает по отношению к быстро изменяющейся социальной практике, что существенно осложняет протекание всех социокультурных процессов в стране.

В этих условиях сфера семьи подвержена изменениям, которые касаются представлений о гендерных ролях мужчин и женщин. Традиционные ориентиры сегодня вступают в определенное противостояние с новыми ценностями, наблюдается распространение различных моделей гендерных отношений. Подвергаются изменению и «социализированный индивид», входящий в новые сектора объективного мира своего общества, и агенты социализации, стимулирующие воспроизводство или модификации гендерных норм и практик. Возникают противоречия между идеальным и реальным в плане их реализации на практике, между ценностями и брачно-семейными установками разных поколений. Тем актуальнее становится использование гендерного подхода в осмыслении семьи. Остановимся на эвристических возможностях его применения.

Исследования в рамках гендерной парадигмы могут развиваться разными путями. Например, традиционным, когда осуществляется критика традиционных асимметричных социокультурных практик. В этом плане преобладают изыскания, направленные на устранение гендерного неравенства в базовых отраслях деятельности.

Концептуальный каркас, который фигурирует на научном уровне гендерологии, включает такие категории, как: «гендерная система», «гендерная стратификация», «гендерная идентичность и идентификация», «социальное конструирование гендера», «гендерные стереотипы», «фемининное и маскулинное сознание и самосознание», «патриархат» и ряд других.

Принципиальные положения феминистской, а впоследствии гендерной теории о патриархате как универсальной социальной структуре, наделяющей мужчин преимуществами за счет женщин, как о структуре социального неравенства, которой уделяют слишком мало внимания, но которая имеет слишком большое значение, позволили выработать представления о гендерной власти в семье, а также гендерной власти, находящейся на более высоких уровнях иерархии (власть социального окружения, власть организации, власть государства и региона). В этой связи становится возможным изучение процессов трансформации традиционного типа гендерной власти в российских семьях [1, с. 23–26]. В частности, опираясь на разработанные методики исследования домашнего труда, установлено движение к более равномерному распределению функций по организации домашнего хозяйства в современных российских семьях [2]. В настоящее время наряду с традиционным типом гендерной власти выделены эгалитарный, когда учитываются интересы обоих супругов, наблюдается симметрия при распределении домашних обязанностей, и переходный (промежуточный) варианты гендерных взаимодействий между супругами.

Причем для определения эффективности воспроизводства данных типов гендерной власти в условиях современной экономики семья рассматривается в качестве закрытой и открытой системы, что свидетельствует о возможной корреляции гендерного и синергетического подходов.

В современном браке гораздо больше гендерного равенства, «справедливое распределение домашних обязанностей» становится одним из важнейших условий семейного благополучия. В связи с этим меняется и отношение к однополым семьям. В первом десятилетии XXI века однополые браки полностью узаконили 13 стран.

Интерпретируя социальную справедливость как стремление к равенству прав и возможностей, фактическое положение дел, а также практика развитых стран подтверждает, что именно здесь учет гендерного аспекта социальной справедливости достигается в наибольшей степени. Но сегодня появляются новые горизонты реализации социальной справедливости. Речь идет не только о традиционных подходах, связанных с равенством, но и об уровнях ценностно-мотивационной сферы человека, которые в гендерном плане весьма различны и ориентированы на проблемы духовной свободы и возможности самореализации человека. Потенциал сущностных сил и направленность самореализации у мужчин и женщин существенно различны. В связи с этим расширяется исследовательское поле гендерных аспектов формирования ценностно-мотивационной сферы человека.

Продолжающаяся трансформация традиционных представлений о маскулинности/фемининности, стирание привычных границ гендерных стереотипов и полоролевых установок актуализируют детальное изучение процессов гендерной идентификации и социализации. Как отмечают исследователи, «осваивая новое пространство отношений, молодое поколение в условиях изменения традиционных стереотипов, критериев ролей, множественности и размытости способов и стилей поведения (в том числе, и полоролевого/гендерного) оказывается не всегда готовой принять личностную и социальную идентичность, что неизбежно влечет за собой проблематичность реакций в различных ситуациях, конфликтность и девиантность поведения, неподготовленность к социальному и семейному взаимодействию» [3, с. 189].

Данная проблема имеет еще один ракурс – это анализ гендерных моделей личной идентичности, гендерных установок отношения к своему и противоположному полу и гендерных стереотипов семейного взаимодействия. Здесь современные исследования чаще выявляют доминирование андрогинных тенденций. Юноши в большей степени имеют проблемы с гендерной самоидентификацией. Приоритетным вариантом семейного взаимодействия, независимо от пола личности, фиксируется сочетание эгалитарного и традиционно-патриархального.

В исследовании семьи важным представляется и анализ гендерных особенностей ролевых установок супругов на различных этапах разви-

тия семьи. Здесь рассматриваются индивидуальные показатели ролевых ожиданий и притязаний мужа и жены; изучается согласованность семейных ценностей супругов; выявляется ролевая адекватность супругов в семьях с детьми и без детей (см., например, [6]).

Гендерные стереотипы – востребованный аспект в актуальных исследованиях семьи. Гендерные стереотипы рассматриваются как важный фактор супружеских проблем. Изучение семейных ценностей и ролевых установок в супружеских парах показывает, что гендерно-стереотипное поведение супругов определяет согласованность их ожиданий и поведения, а, следовательно, и устойчивость семейных отношений [7].

Разработанные в рамках гендерной парадигмы понятия маскулинности/фемининности и методики их измерения позволяют также изучить становление и развитие семейных ценностей в контексте тенденций современного социокультурного развития. Так, например, устанавливается связь ценностей семьи в зависимости от степени выраженности маскулинно/фемининных характеристик индивида: семейные ценности являются приоритетными у юношей с выраженной маскулинной доминантой. Ценность семейных отношений является более важной для девушек андрогинного типа.

Таким образом, гендерный подход позволяет существенно обогатить представления о семье, современных процессах, происходящих в ней, и доказательно аргументировать одну из точек зрения по поводу нынешнего ее состояния – кризиса или начала нового этапа развития.

Методологические возможности гендерного подхода позволяют наметить и перспективы (отличные от традиционного направления) в изучении семьи и общества в целом. Гендерные исследования до сих пор акцентировали достижение и утверждение уравнительных, симметричных подходов и ценностей (традиционный вектор). Между тем, здесь уже просматривается новое направление анализа: движение к возможностям полной самореализации тех способностей и задатков, которые имеются у всех гендерных сторон. В этом направлении возможна разработка более глубинного содержательного понимания социальной справедливости в гендерном контексте: в сторону от желаемой ныне симметрии – к более чувствительной к мотивам самореализации асимметрии, но в условиях соответствующей социокультурной практики [8, с. 35].

Литература

1. Алиева Я. Н. Проблема лидерства в современной семье // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 4 (7). – С. 23–26.
2. Базуева Е. В. Трансформация диспозиции гендерной власти в современных семьях как факторинституциональных изменений [Электронный ресурс] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – Вып. № 4 (34). – С. 148–164. – URL: http://cyberleninka.ru/journal/n/ekonomicheskie-i-sotsialnye-peremeny-fakty-tendentsii-prognoz.
3. Вержибок Г. В., Кириллова О. В. Гендерная идентификация в семье: преемственность и связь поколений [Электронный ресурс] // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2011. – № 4 – С. 188–194. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-identifikatsiya-v-semie-reemstvennost-i-svyaz-pokoleniy.
4. Здравомыслова О. М. Гендерные аспекты современных российских трансформаций: проблемы методологии исследования: автореф. дис. … филос. наук. – М., 2008. – 38 с.
5. Кузовчикова О. М. Объективация сущностных сил женщины в армии как показатель феминизации общества: дис. … канд. филос. наук. – Тверь, 2006. – 173 с.
6. Нечепоренко О. П., Уфимцева О. В. Гендерные особенности ролевых установок молодых супругов в парах с детьми и без детей // Омск. науч. вестн. – 2015. – № 4. – С. 95–100.
7. Памфилова С. А. Согласованность семейных ценностей и ролевых установок супругов (гендерный аспект) // Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Сер. «Общественные науки». – 2012. – № 28. – С. 1311–1315.
8. Швец Л. Г. Гендерное измерение смысложизненных поисков // Социум и власть. – 2015. – № 6 (56). – С. 31–36.
9. Tuttl L. Encyclopedia of feminism. – N.Y.; Oxford: Facts on Fille, 1986. – 400 p.

References

1. Alieva Ya.N. Problema liderstva v sovremennoy sem'e [The Problem of Leadership in the Modern Family]. *Vektor nauki TGU [The Science Vector of TSU]*, 2011, no. 4 (7), pp. 23-26. (In Russ.).

2. Bazueva E.V. Transformatsiya dispozitsii gendernoy vlasti v sovremennykh sem'yakh kak factor institutsional'nykh izmeneniy [Transformation of gender power disposition in modern families as factorinstitutional changes]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and social changes: facts, trends, forecast]*, 2014, no. 4 (34), pp. 148-164. (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/journal/n/ekonomicheskie-i-sotsialnye-peremeny-fakty-tendentsii-prognoz.
3. Verzhibok G.V., Kirillova O.V. Gendernaya identifikatsiya v sem'e: preemstvennost' i svyaz' pokoleniy [Gender Identification in the Family: Continuity and the Connection of Generations]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta [Bulletin of the Chuvash University]*, 2011, no. 4, pp. 188-194. (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/gendernaya-identifikatsiya-v-semie-reemstvennost-i-svyaz-pokoleniy.
4. Zdravomyslova O.M. *Gendernye aspekty sovremennykh rossiyskikh transformatsiy: problemy metodologii issledovaniya: avtoref. dis. filos. nauk. [Gender aspects of modern Russian transformations: problems of research methodology. Author's abstract of Diss. Dr. of Philosophical sciences]*. Moscow, 2008. 38 p. (In Russ.).
5. Kuzovchikova O.M. *Ob"ektivatsiya sushchnostnykh sil zhenshchiny v armii kak pokazatel' feminizatsii obshchestva: dis. kand. philos. sciences [Objectivization of the essential forces of women in the army as an indicator of the feminization of society. Diss. PhD in Philosophy]*. Tver, 2006. 173 p. (In Russ.).
6. Necheporenko O.P., Ufimtseva O.V. Gendernye osobennosti rolevykh ustanovok molodykh suprugov v parakh s det'mi i bez detey [Gender features of role settings of young spouses in pairs with children and without children]. *Omskiy nauchnyy vestnik [Omsk scientific bulletin]*, 2015, no. 4, pp. 95-100. (In Russ.).
7. Pamfilova S.A. Soglasovannost' semeynykh tsennostey i rolevykh ustanovok suprugov (gendernyy aspekt) [Consistency of family values and role models of spouses (gender aspect)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Seriya "Obshchestvennye nauki" [Izvestiya V.G. Belinsky Penza State Pedagogical University. Series "Social Sciences"]*, 2012, no. 28, pp. 1311-1315. (In Russ.).
8. Shvets L.G. Gendernoe izmerenie smyslozhiznennykh poiskov [The gender dimension of meaningful searches]. *Sotsium i vlast' [Social life and power]*, 2015, no. 6 (56), pp. 31-36.
9. Tuttl L. *Encyclopedia of feminism*. New York; Oxford, Facts on Fille Publ., 1986. 400 p. (In Eng.).

УДК 008:001

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТРИЦЫ СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Кульков Евгений Александрович, профессор-консультант, кафедра журналистики, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, главный редактор ЗАО «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге» (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: evgeny.kulkov@phkp.ru

В статье характеризуются доминирующие антропологические матрицы информационного общества, которые выступают аксиологическим основанием жизненных стратегий и коммуникативно-поведенческих сценариев аудитории массмедиа: классическая апология человека, оформляющая духовные контуры его образа в текстах гуманитарной культуры; сохранившаяся с древних времен языческая система ценностей; «маргинальная» антропология, поведенческий репертуар носителей которой включает различного рода девиации и трансгрессии. Очевидным лидером по масштабу и динамике социальной базы в сегодняшнем обществе является «неоязыческая» антропология, смыслообразующее ядро которой – потребительская доминанта, свидетельствующая о «духовном истощении» современной цивилизации. Расширение социальной базы «новой антропологии», в которой нравственность и духовность оказываются на периферии экзистенциальности, становится средством масштабной фальсификации духовных матриц христианской культуры, глобальным проектом, утверждением цивилизационной модели, характерной для языческого этапа человеческой истории. Автор показывает, что понимание антропотворческого потенциала института массмедиа, способного конструировать в массовом порядке значимые идентификационные критерии и формировать жизненные стили и стратегии, позволит повы-

сить эффективность проектирования стратегических коммуникаций и одновременно минимизировать социально-культурные риски и негативные последствия их использования.

Ключевые слова: информационное общество, антропологические матрицы, цивилизационная модель, коммуникативные стратегии.

ANTHROPOLOGICAL MATRICES OF CONTEMPORARY COMMUNICATION SPACE

Kulkov Evgeniy Aleksandrovich, Professor-consultant, Journalism Department, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Editor-in-chief of Komsomolskaya Pravda in St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: evgeny.kulkov@phkp.ru

The article describes the dominant anthropological matrices of the information society that act as the axiological foundation of life strategies and communicative behavioral scenarios of the mass media audience: the classical apology of the human being, which shapes the spiritual contours of his image in the texts of humanitarian culture; the pagan system of values preserved from ancient times; “Marginal” anthropology, the behavioral repertoire of carriers which includes various kinds of deviations and transgressions. An obvious leader in the scale and dynamics of the social base in today’s society is the “neo-pagan” anthropology, the core of which is formed by the dominant consumer, who testifies to the “spiritual exhaustion” of modern civilization. The expansion of the social base of the “new anthropology”, in which morality and spirituality find themselves on the periphery of existentiality, becomes a means of large-scale falsification of the spiritual matrices of Christian culture, a global project, by affirming the civilizational model characteristic of the pagan stage of human history. The author shows that an understanding of the anthropological potential of the institution of the mass media, capable of constructing meaningful identification criteria in mass order and forming life styles and strategies, will allow increasing the effectiveness of designing strategic communications while minimizing the socio-cultural risks and the negative consequences of their use.

Keywords: information society, anthropological matrices, civilizational model, communicative strategies.

Антропологические матрицы культуры, определяющие ее мировоззренческую основу, формируются в религиозном сознании, в текстах философско-богословской и этической мысли, впоследствии оформляясь и транслируясь ключевыми социально-культурными институтами – религией, искусством, образованием, государственной идеологией. В современном пространстве информационного общества обнаруживают себя три антропологических матрицы: классическая апология человека, утверждающая тайну связи этого мира и «мира высшего», возвышающая человека верой и любовью, оформляющая духовные контуры его образа в Слове и Тексте; сохранившаяся еще с древних времен система ценностей, находящаяся в ортогональной плоскости по отношению к христианской духовной доминанте; «негативистская», «маргинальная» антропология («антропологический гибрид» – А. Дугин). Значительным сегментом социальной базы данной антропологии является «фрик-культура», поведенческий репертуар которой включает различенного рода антропологические девиации, патологии и трансгрессии [2]. Данная антропология активно утверждается постмодернистской философской парадигмой, с ее дискурсом деконструкции и некрофилии.

Классическая (оптимистическая) антропология представлена как в структуре гуманитарного знания, так и в реальной коммуникационной практике, получая свою определенность в приоритетах деятельности различных агентов культурной политики, институтов СМИ и маркетинга. В частности, позитивная антропология обнаруживается в образах героев телерекламы и пиар-акций, в практике организации телевизионных ток-шоу. Герои сюжетно-ролевых ситуаций демонстрируют ценности семьи, любви, детства, верности, дружбы и т. п. В некотором смысле такие сюжеты выполняют и педагогическую функцию, тем более

важную, учитывая снижение популярности книги в детской и подростковой среде. Но замысел здесь иной – эти ценности используются с жестко инструментальными задачами: захватить сегмент, для которого эти ценности не утратили своей значимости, привязать аудиторию к товару или продукту, наращивая в них культурно-символический капитал. В таком случае человек не просто покупает фармацевтический продукт – он демонстрирует фактом покупки свою любовь к ребенку, он посещает салон не с целью потребления нужной услуги, а для того чтобы фактом посещения позиционировать свой социальный статус и значимый круг общения [4, с. 36].

В западноевропейской и американской культуре последних десятилетий (и прежде всего в искусстве, массовой культуре, ценностях повседневного бытия) доминирует языческая антропология. Наиболее ярко эта модель предстает в текстах современной рекламы, исповедующей и утверждающей жизненные стратегии, центрированные на удовлетворении элементарных потребностей – в удовольствиях и впечатлениях, развлечениях и материальном благополучии. В социальном плане высокую значимость приобретают ценности свободы, наслаждений, комфорта и безопасности, атрибуты высокого социального статуса и материального благополучия. Идеалом и основой жизненных стратегий человека-потребителя становится обладание – деньгами, вещами, другими людьми. Престижные потребительские атрибуты начинают подчинять трудовую мотивацию, от них начинает зависеть сам смысл человеческого существования. Потребительская жизненная стратегия в своих публичных ипостасях являет себя беззастенчивой саморекламой и изощренной энергетикой самолюбования, социальным стриптизом, обнажающим интимные аспекты и факты личного бытия, которые в традиционной системе координат всегда были предметом позора и стыда. Статусное доминирование и «материализация» вытесняют область духовного, системно перемещая человеческий интерес в сторону телесных атрибутов и признаков, формируя культ тела, которое превращается в объект патологической заботы. Вещь, встроенная в систему коммуникаций в качестве товара, становится симулякром (Бодрийар). Потребительская зависимость формируется демонстрацией в системе массовых коммуникаций завышенных стандартов потребления как доступных и необходимых, в результате чего «трудовая мотивация, социальный статус человека, и даже смысл человеческого существования начинают зависеть от престижных потребительских атрибутов», а энергию человеческой активности начинает питать «чувство неудовлетворенности, неутолимая жажда впечатлений и удовольствий, стремление через потребительские символы достичь соответствия значимой группе или позиционировать свою социальную “крутизну”» [4, с. 38].

Для удовлетворения такого рода искусственных потребностей товар превращается в «упаковку желания», в красочную, совершенную и избыточную гиперреальность, в «супервещь», символизирующую «полноту жизни» его обладателя.

Производство данного человеческого типа осуществляется ключевыми социально-культурными институтами информационного общества, и прежде всего мировыми лидерами бизнеса – с помощью огромных инвестиций в коммуникационные проекты, рекламные кампании, пиар-акции. Идея глобального проекта ведущих корпораций мира – сотворить единый для всех регионов мира культурный тип потребителя, а затем наделить производимые товары определенными социально-статусными и культурно-символическим атрибутами и свойствами, способными позиционировать его обладателя в качестве определенного социально-культурного типа. Их усилия сконцентрированы на утверждении нового мировоззрения, расширении социальной базы носителей «нового» этического идеала, исповедующих три группы ценностей: гедонизм и культ чувственных наслаждений, свободу и автономию человека; комфорт и материальное благополучие. Данный антропологический проект естественно вписывается в языческий тип культуры, концептуально противостоящий христианскому этическому идеалу, в котором безусловной доминантой выступают ценности духовности, аскетизма и социальности [5, с. 136]. Атрибутами и спутниками соответствующего стиля жизни становятся бездуховность и экзистенциальная пустота. Смысл жизни – владеть, господствовать, доминировать, становиться богаче и счастливее.

Другие – либо средства для удовлетворения твоих безумных потребностей, либо конкуренты и помеха. «Материальная цивилизация» утверждает «царство количества», в котором тотальным средством господства становятся деньги (Г. Генон).

В последние годы в коммуникационных практиках набирает обороты тенденция, исповедующая «негативистскую антропологию». Эти процессы становятся очевидными в совокупном тексте рекламы, которая активно включилась в проект «культурной разборки» человека, открыто используя весь набор табуированных, «запрещенных» культурой приемов[1]: она стимулирует человеческие инстинкты, транслирует жизненные стили, включающие элементы трансгресии и зависимых форм поведения. Реклама беспощадно эксплуатирует глубинные смыслы Слова – в структуре слогана она целенаправленно и искусственно занижает его смысловые контексты, выхолащивая тем самым подлинное содержание. Идеи «негативной антропологии» становятся деструктивным фактором, угрожающим духовному здоровью человека и общества: проникая в глубины личностной экзистенции и структуры культурного самосознания, они разрушают духовный иммунитет человека, лишая его смысла жизни, расширяют пространство деструктивных практик, отклонений и перверсий.

Экспансия «негативистской антропологии» нарастает на этапе вхождения в информационное («постнеклассическое») общество, которое знаменуется ростом числа социальных акторов, преследующих цели модификации сознания и поведения человека, формирования новых жизненных стратегий, стилей, ценностей, смыслов. Функции культурной политики в информационном обществе, помимо государственных органов и структур, выполняют институт массмедиа, неправительственные организации и учреждения, система маркетинговых коммуникаций.

Технологическую основу коммуникационных стратегий антропоцентрированного характера составляет три группы технологий: уникальная по своим ресурсам воздействия на сознание и поведения человека технология референтации – комплекс приемов, направленных на формирование нормативного поведения аудитории путем позиционирования аналогичного отношения со стороны субъективно значимых личностей или социальных групп; технология проблематизации сознания аудитории – ее задача состоит в формировании и стимулировании нормативного поведения путем целенаправленного усиления значимости личностных проблем с последующим позиционированием предмета коммуникации в качестве средства их решения. Мощным антропотворческим потенциалом обладает технология символизации, которая представляет собой совокупность приемов и способов «наращивания» культурно-символического капитала объекта коммуникаций, усиления его социально-статусных свойств и акцентирования значимой для целевой аудитории его символической сущности [5]. Данные технологии учитывают архетипическую составляющую массового бессознательного, используя образно-символические ресурсы культуры. И это закономерно – глубинным основанием человеческого поведения выступает архетип – некий первичный прообраз, скрытый в глубинах бессознательного и активизирующий определенные стили поведения и жизни, структурноформирующий и пробуждающий элемент бессознательного [7, с. 336]. Культурные архетипы являются базисными формами культуры, которые определяют и формируют исторически устойчивые модели духовной жизни, образы мира, смыслы человеческого существования (С. С. Аверинцев).

В коммуникативных стратегиях, адресованных второй и третьей антропологической группе, можно обнаружить различное сочетание рациональных и иррациональных способов воздействия. При этом доминантой становится линия иррациональности – нагруженные соответствующей символикой коммуникационные дискурсы стимулируют мощные энергии, находящиеся, преимущественно, в сфере бессознательного. Культурную и социальную реабилитацию иррациональной доминанты осуществляет (вслед за З. Фрейдом) постмодернизм, придав атрибутике человеческого подсознания значительный символический капитал, позволив человеку легально

[1] Это находит выражение в расширении приемов и способов воздействия на сознание детей и подростков, которые совершенствуются в рамках «детского маркетинга». И такого рода расширение сегмента связано с формирующимся иммунитетом к рекламному воздействию со стороны взрослой аудитории.

выйти за границы морали, норм и условностей общежития. Отрицая истину, справедливость и долг, постмодернизм придал особый статус нигилизму, сделал нормативной и возвел в принцип бытия асоциальность. Он обеспечил легитимность тем аспектам и атрибутам публичного поведения, которые традиционные культуры помещали в табуированное пространство. Манипулятивная природа антропоцентрированных технологий, способность апеллировать к инстинктам и человеческому подсознанию делает их фундаментальным ресурсом глобальных трансформаций этоса и ментальных матриц национальных культур.

Анализ жизненных стилей и стратегий, активно используемых и формируемых коммуникационными практиками, свидетельствует о том, что их ценностно-нормативные и поведенческие параметры не выходят за границы антропологии «нового язычника» (которая обнаруживает себя не только в системе маркетинга, но и в других областях современного медиапространства). Активным утверждением идеала «нового язычника» субъекты современной массовой культуры (и прежде всего СМИ, Интернет, авангардные направления «нового искусства») осуществляют при этом масштабную фальсификацию духовных матриц христианской культуры.

Доминирование в информационном обществе языческой и деструктивной антропологий свидетельствует о нарастании симптомов антропологического кризиса, который девальвирует традиционные смыслы, лишает энергии человеческой активность и снижает полноту бытия. Симптомы кризиса обнаруживаются в расширении поведенческого репертуара патологий и трансгрессий, о его развитии свидетельствует всплеск форм «предельного опыта» человека (с помощью такого поведения человек пытается достичь пределов и преступить границы «горизонта» своего существования), экспансия экстремальных психопрактик и различного рода ритуалов псевдомистических сект, засасывающих человека в игровую и виртуальную реальность [6].

Культурно-антропологический кризис современного мира, усиливающийся под воздействием деструктивной энергетики постмодернистского дискурса и интернет-коммуникаций, питающийся «бездонной и бесконечно самообновляющейся» «бочкой потребностей», означает, что система достигла критической точки, и трансформация становится неизбежной – «за короткий срок, добровольно или принудительно, более или менее неожиданным образом, катастрофически или без хаотических явлений, должно произойти изменение ориентации» [1, с. 153]. Расширение социальной базы «новой антропологии», в которой нравственность и духовность оказываются на периферии экзистенциальности, является значимым свидетельством «духовного истощения» современной цивилизации.

Литература

1. Генон Р. Избр. произведения. Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. – М.: Беловодье, 2004. – 304 с.
2. Дугин А. Социология фазового перехода [Электронный ресурс]. – URL: //http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/180509095406.xhtml.
3. Козловски П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 240 с.
4. Кузьмина О. В. Антропологические матрицы рекламы в современной культуре: дис. канд. … культурологии. – СПб., 2013. – 181 с.
5. Марков А. П. «Осевое время» европейской цивилизации: смена цивилизационных матриц // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Междунар. Лихачев. науч. чтения, 18–20 мая 2017 года. – СПб.: СПбГУП, 2017. – С. 134–137.
6. Хоружий С. С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека [Электронный ресурс]. – URL://http://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/pravoslavnaya-antropologiya.html.
7. Юнг К. Г. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити: Университет. кн.: АСТ, 1997. – 368 с.

References

1. Genon R. *Izbrannye proizvedeniya. Traditsionnye formy i kosmicheskie tsikly. Krizis sovremennogo mira [Traditional forms and cosmic cycles. The crisis of the modern world]*. Moscow, Belovod'e Publ., 2004. 304 p. (In Russ.).
2. Dugin A. *Sotsiologiya fazovogo perekhoda [Sociology of phase transition]*. (In Russ.). Available at: http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/180509095406.xhtml.

3. Kozlovski P. *Kul'tura postmoderna [Culture of postmodernity]*. Moscow, Respublika Publ., 1997. 240 p. (In Russ.).
4. Kuzmina O.V. *Antropologicheskie matritsy reklamy v sovremennoy kul'ture: dis. kand. kulturologii [Anthropological matrix of advertising in modern culture. Diss. PhD in Culturology]*. St. Petersburg, 2013. 181 p. (In Russ.).
5. Markov A.P. "Osevoe vremya" evropeyskoy tsivilizatsii: smena tsivilizatsionnykh matrits ["Axial time" of European civilization: the replacement of civilizational matrices]. *Global'nyy mir: sistemnye sdvigi, vyzovy i kontury budushchego: XVII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, 18–20 maya 2017 goda [The Global World: Systemic Shifts, Challenges and Contours of the Future: XVII International Likhachev Scientific Readings, May 18-20, 2017]*. St. Petersburg, SPbGUP Publ., 2017, pp. 134-137. (In Russ.).
6. Khoruzhiy S.S. *Pravoslavno-asketicheskaya antropologiya i krizis sovremennogo cheloveka [Orthodox-ascetic anthropology and the crisis of modern man]*. (In Russ.). Available at: http:///www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/pravoslavnaya-antropologiya.html.
7. Yung K.G. *Chelovek i ego simvoly [Man and His Symbols]*. Moscow, Serebryanye niti: Universitetskaya kniga: AST Publ., 1997. 368 p. (In Russ.).

УДК 008

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Соловьёв Вадим Анатольевич, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ). E-mail: kafedra-2010@mail.ru

Современный этап в развитии Российской Федерации характеризуется поиском вариантов прогресса в развитии общества. Как показано в статье, одним из возможных действенных направлений эффективного развития социально-политической сферы в нашей стране является использование интернет-коммуникаций студентов. Студенчество, представляя собой многочисленную и значимую часть молодежи, является ресурсом, с помощью которого государственная власть и общественные организации могут обеспечить гармонизацию интересов различных социальных групп.

Коммуникации в современном обществе столь важны, что их правомерно рассматривать в качестве условия существования и развития общества. Они возникли из практической потребности людей в обмене информацией. В статье рассматривается изменение целей и функций коммуникации в условиях Интернета. Интернет-коммуникации реализуют функции традиционной коммуникации, развивают их, и это может привести как к положительным, так и к отрицательным для общественного и личностного развития последствиям. В таких сферах, как образование, межличностные коммуникации, информационный обмен возможности интернет-коммуникаций можно оценить положительно. Вместе с этим высокая скорость распространения информации в Интернете и большое количество её получателей могут привести к различным социально-политическим рискам, включая разного рода нестабильность.

Анализ теоретических работ и эмпирических исследований позволил нам выявить основные проблемы интернет-коммуникации как фактора активизации общественно-политической деятельности студентов.

Ключевые слова: коммуникация, интернет-коммуникации, общественно-политическая деятельность студентов.

INTERNET COMMUNICATION AS A FACTOR OF THE SOCIO-POLITICAL STUDENTS' ACTIVITIES IMPROVING

Solovyev Vadim Anatolyevich, PhD in History, Professor, Department Chair of Journalism, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kafedra-2010@mail.ru

The modern stage in the development of the Russian Federation is characterized by the search options for the progress in the development of the society. As shown in the article, one of the possible effective development ways in the socio-political sphere in this country is the use of students' Internet communications. The students representing a numerous and important part of youth as a resource by which a state power and public organizations can provide the harmonization of various social groups interests.

Communications in modern society are so important that reasonably can be considered as conditions for the society existence and development. They originated from peoples' practical needs to exchange different information. In the article, we discuss the goals and communication functions changings under conditions of the Internet. Its communications implement the traditional messaging functions, develop them, and this can result in both positive and negative for the social and personal development consequences. In areas such as education, interpersonal communication, information exchange, Internet communication can be evaluated positively. Along with this, high speed of information dissemination in the Internet and a large number of recipients can lead to various socio-political risks, including different kinds of instability.

Theoretical works and empirical studies' analysis allowed us to identify the main problems of Internet communication as a factor of intensification of socio-political activities of students. The paper presents the identified research directions of determined problems.

Keywords: communication, Internet communication, public and political students' activity.

Традиционным для России вариантом взаимодействия власти и студенчества была объектно-организованная модель. Студенчество выступало в качестве объекта государственной политики. В информационном глобальном мире происходит трансформация социально-политической деятельности, коммуникации, активности. Актуальность изучения интернет-коммуникации как фактора активизации общественно-политической деятельности студентов обусловлена тем, что реализация ими своих социальных и политических функций и прав приводит к становлению их субъектной позиции в обществе и деятельности. То есть появляются основания для реализации субъектно-ориентированной модели взаимодействия власти и студенчества. Для достижения результативности этой модели необходимо её технологическое обеспечение. Самые ощутимые изменения произошли за последние годы в области коммуникационных технологий. Это связано, прежде всего, с появлением Интернета и возможностями интернет-коммуникаций.

Теоретико-методологическим основанием для исследования проблемы влияния интернет-коммуникаций на активизацию социально-политической деятельности современных российских студентов является поиск ресурсов для достижения баланса между потребностями общества «в сохранении стабильности и одновременно в постоянном обновлении» [7, с. 71]. Интернет-коммуникации рассматриваются в современной науке как междисциплинарное явление с позиций различных наук: лингвистики, культурологии, психологии, социологии, педагогики и др. Как отмечают А. С. Новиков и М. В. Горелая, термин «коммуникация» становится ключевым в современном социально-гуманитарном знании [6]. В научной литературе представлено достаточно большое количество определений коммуникации. В качестве термина рассматриваемое понятие сформулировано в ГОСТе следующим образом: «Коммуникация – это управляемая передача информации между двумя или более лицами и (или) системами» [2]. Коммуникация возникла и развивалась в человеческом обществе как отклик на потребность людей передавать друг другу информацию, необходимую для совместной жизни и деятельности. Таким образом, первоначальной функцией коммуникации была информационная. Помимо неё учёными выявлены такие функции коммуникации, как социальная, экспрессивная, социальная, прагматическая, культурная, интегративная и др.

В работе Л. В. Дубиной обоснованы следующие основные функции Интернета, различающиеся по характеру коммуникативного взаимодействия людей: «Функция "банка информации" – накопление и хранение информации, а также обеспечение доступа к ней – выполняется сетевыми библиотеками, поисковыми системами, электронными словарями, информационными ресурсами энциклопедического характера и т. д.

Коммуникация здесь проявляется в предоставлении информации, с одной стороны, и обращении к ней – с другой. Наблюдается некоторая градация по уровню интерактивности от “классических” библиотек, представляющих собой просто собрание текстов, аудио- и видеозаписей, до коллективных энциклопедий, позволяющих пользователям участвовать в создании и редактировании информационных статей (“Википедия”). Функция средства массовой информации – распространение новостей, аналитическое осмысление событий, социальное воздействие, реклама – осуществляется новостными сайтами, электронными вариантами печатных изданий, личными журналами (блогами) и т. д. Язык официальных электронных СМИ незначительно отличается от языка печатных изданий. Блоги более неформальны с точки зрения языка и более синтетичны по содержанию. Здесь информация о событии, анализ, субъективная реакция автора представлены нераздельно. Впрочем, функция СМИ для блога – только одна из возможных. Функция коммуникативной площадки – предоставление возможности свободно разговаривать, высказывать частное мнение по любым вопросам, дискутировать, устанавливать отношения и т. д. Эту функцию выполняют социальные сети (“Одноклассники”, “В Контакте”, “Facebook” и др.), чаты, форумы, область комментариев в блогах и новостных сайтах» [4, с. 177]. Мы разделяем сделанный автором данной работы вывод о том, что указанные функции Интернета реализуются в единстве. Интернет-коммуникации выполняют в настоящее время функцию социализации.

В научных исследованиях коммуникацию в целом и интернет-коммуникацию в частности рассматривают не только как важнейшие характеристики современного общества, но и как условия его существования и развития. Интернет является одним из современных каналов коммуникации. Сеть позволяет хранить, перерабатывать и передавать информацию в электронном виде и обеспечивать быстрый доступ к ней большого числа пользователей в течение малого времени. С точки зрения технико-технологического аспекта интернет-коммуникации, в указанных характеристиках содержатся как её положительные, так и отрицательные черты и возможности.

К положительным можно отнести возможности использования Интернета при организации обучения, развития интересов, профессионального обмена, общения людей, принадлежащих к различным социальным, профессиональным, возрастным и другим группам. К отрицательным или потенциально рисковым можно отнести возможности быстрого распространения и доведения до конечного пользователя нежелательной, вредной и опасной для личности и общества информации.

Как свидетельствуют результаты исследования, проведенного агентством GfK, аудитория российского сегмента Интернета в возрасте 16 лет и старше в 2015 и 2016 годах составляла 70,4 %, или 84 млн. человек [5]. По данным ВЦИОМ, молодежь является наиболее активным пользователем Интернета. Так, например, среди опрошенных 18–24-летних респондентов почти 100 % являются пользователями Интернета. В 2015 году больше всего обращений пришлось на различные медиаресурсы (музыка, фильмы, книги), поиск новостей и необходимой информации, просмотр электронной почты, а также тематические сайты, связанные с работой или учебой. Четверо из десяти интернет-пользователей (44 %) посещают социальные сети, чаты или форумы. Треть опрошенных ищут в Интернете друзей, еще треть – играют, остальные делают покупки в онлайн-магазинах [1]. Таким образом, в 2015 и 2016 годах Интернет не рассматривался молодыми респондентами как приоритетная коммуникативная площадка для предъявления своей гражданской позиции и поиска единомышленников в сфере социально-политической деятельности.

В исследовании влияния ресурсов сети Интернет как средства коммуникации на политическую активность молодежи современной России, проведенном Е. И. Давыдовой-Мартыновой, доказано, что это влияние «представляет собой процесс и результат изменения под воздействием ресурсов сети Интернет позиций, оценок и установок молодых людей, то есть качественную модификацию их социально-политической позиции. В условиях информационного общества Интернет приобретает особенное значение для проявления установки молодого человека и его политического поведения, то есть тех обстоя-

тельств, которые определяют процесс, формирующий его политическую активность» [3].

Что касается социальной активности студентов, то в работе Е. Н. Харлановой выявлены её основные характеристики:

- самодетерминированность;
- включенность в социальное взаимодействие;
- просоциальность (направленность на преобразование носителя активности и социума в социально позитивном направлении во благо общества и личности, следуя социальным нормам, законам и нравственным идеалам);
- динамичность;
- возможность переструктурирования необходимых для неё качеств личности [8].

Результаты анализа теоретической литературы показывают, что проблемы интернет-коммуникации как фактора активизации общественно-политической деятельности студентов не изучены в той степени, в которой это требуется для науки и практики. Можно предложить следующие направления исследования выявленной проблемы:

1) систематизация теоретических оснований об интернет-коммуникации как явлении, системе, процессе;

2) выявление специфики активизации социально-политической деятельности современных студентов в условиях интернет-коммуникации;

3) привлечение молодежи к созданию информационно-коммуникационных систем взаимодействия власти и общества;

4) создание и совершенствование структуры связей между властью и молодежью посредством интернет-коммуникаций.

Разрешение выявленных нами проблем позволит проектировать процесс активизации социально-политической деятельности студентов с использованием интернет-коммуникаций.

Литература

1. ВЦИОМ узнал, сколько россиян пользуются Интернетом и как часто [Электронный ресурс]. – URL: http://www.amic.ru/news/306185 (дата обращения: 11.07.2017).
2. ГОСТ 7.0-99. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения [Электронный ресурс]. – URL: https://standartgost.ru/g/ГОСТ_7.0-99 (дата обращения: 07.08.2017).
3. Давыдова-Мартынова Е. И. Проблемы влияния ресурсов сети Интернет на политическую активность молодежи в современной России [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2011. – 22 с. – URL: http://dislib.ru/politologiya/55391-4-problemi-vliyaniya-resursov-seti-internet-na-politicheskuyu-aktivnost-molodezhi-sovremennoy-rossii.php (дата обращения: 10.07.2017).
4. Дубина Л. В. Тенденции развития русского языка в условиях интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Вестн. ТГПУ. – 2013. – № 2 (130). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-russkogo-yazyka-v-usloviyah-internet-kommunikatsii (дата обращения: 10.07. 2017).
5. Исследование GfK: Тенденции развития интернет-аудитории в России [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitija-internet-auditorii-v-rossii (дата обращения: 11.07.2017).
6. Новиков А. С., Горелая М. В. Межкультурная коммуникация в современном мире [Электронный ресурс] // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. – 2011. – № 1 (2). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-sovremennom-mire (дата обращения: 05.08.2017).
7. Тихонов В. Г. Социально-политическая активность Российской студенческой молодежи: методологические проблемы соц. исслед. [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 7. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaya-aktivnost-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi-metodologicheskie-problemy-sotsiologicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 05.08.2017).
8. Харланова Е. М. Социальная активность студентов: сущность понятия [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-studentov-suschnost-ponyatiya-1 (дата обращения: 05.09.2017).

References

1. *VTsIOM uznal, skol'ko rossiyan pol'zuyutsya Internetom i kak chasto [VTsIOM learned how many Russians use the Internet and how often]*. (In Russ.). Available at: http://www.amic.ru/news/306185 (accessed 11.07.2017).

2. *GOST 7.0-99. Sistema standartov po informatsii, bibliotechnomu i izdatel'skomu delu. Informatsionno-bibliotechnaya deyatel'nost', bibliografiya. Terminy i opredeleniya [GOST 7.0-99. System of standards on information, librarianship and publishing. Information-library activity, bibliography. Terms and definitions]*. (In Russ.). Available at: https://standartgost.ru/g/ГОСТ_7.0-99 (accessed 07.08.2017).
3. *Davydova-Martynova E.I. Problemy vliyaniya resursov seti Internet na politicheskuyu aktivnost' molodezhi v sovremennoy Rossii: avtoreferat dis. kand. politicheskikh nauk: 23.00.02 [Problems of the influence of Internet resources on the political activity of youth in modern Russia. Author's abstract of diss. PhD in politics: 23.00.02]*. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet Publ., 2011. 22 p. (In Russ.). Available at: http://dislib.ru/politologiya/55391-4-problemi-vliyaniya-resursov-seti-internet-na-politicheskuyu-aktivnost-molodezhi-sovremennoy-rossii.php (accessed 10.07.2017).
4. Dubina L.V. Tendentsii razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh internet-kommunikatsii [Tendencies of the development of the Russian language in the conditions of Internet communication]. *Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]*, 2013, no. 2 (130). (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-russkogo-yazyka-v-usloviyah-internet-kommunikatsii (accessed 10.07. 2017).
5. *Issledovanie GfK: Tendentsii razvitiya Internet-auditorii v Rossii [Research GfK: Trends in the development of the Internet audience in Russia]*. (In Russ.). Available at: http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitija-internet-auditorii-v-rossii/ (accessed 11.07.2017).
6. Novikov A.S., Gorelaya M.V. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v sovremennom mire [Intercultural communication in the modern world]. *Sovremennye tekhnologii obespecheniya grazhdanskoy oborony i likvidatsii posledstviy chrezvychaynykh situatsiy [Modern technologies for ensuring civil defense and liquidation of consequences of emergency situations]*, 2011, no. 1 (2). (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-v-sovremennom-mire (accessed 05.08.2017).
7. Tikhonov V.G. Sotsial'no-politicheskaya aktivnost' Rossiyskoy studencheskoy molodezhi: metodologicheskie problemy sotsiologicheskogo issledovaniya [Socio-political activity of the Russian student youth: methodological problems of sociological research]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2011, no. 7. (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaya-aktivnost-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi-metodologicheskie-problemy-sotsiologicheskogo-issledovaniya (accessed 05.08.2017).
8. Kharlanova E.M. Sotsial'naya aktivnost' studentov: sushchnost' ponyatiya [Social activity of students: the essence of the concept]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2011, no. 4. (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-studentov-suschnost-ponyatiya-1 (accessed 05.09.2017).

УДК 008

ТЕХНОЛОГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Соловьёв Вадим Анатольевич, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики, Московский государственный лингвистический университет (г. Москва, РФ). E-mail: kafedra-2010@mail.ru

Данная статья содержит теоретическое обоснование изучения возможностей моделирования, проектирования и конструирования технологий взаимодействия субъектов общественно-политической деятельности. В связи с этим были рассмотрены актуальные теоретические и практические вопросы социального взаимодействия, субъектного характера деятельности, сущности общественно-политической деятельности. Определены характеристики социальной и политической, а также социально-политической деятельности субъектов. Взаимодействие субъектов общественно-политической деятельности направлено на обеспечение общественно-политической стабильности, которая понимается как предсказуемость, понятность соответствующих процессов. Анализ научной литературы позволил нам выявить следующие группы технологий взаимодействия субъектов общественно-политической дея-

тельности: информационно-коммуникационные и медиа; собственно социальные (в «узком» смысле); педагогические.

Информационно-коммуникационные и медиатехнологии обеспечивают информирование людей и групп, дистанционные связи, участие субъектов общественно-политической деятельности в управлении, выражение общественного мнения, прозрачность и понятность интересов и потребностей. Собственно социальные технологии: технология создания креативной среды, форсайт-игра, «знаниевый реактор», социальное проектирование, социокультурное проектирование, развитие критического мышления, сетевое взаимодействие, социальное партнёрство. Группа педагогических технологий включает в себя, прежде всего, различные технологии формирования качеств личности, компетенций, готовности. Также к этой группе можно отнести технологии подготовки лидеров, модерацию, рефлексивное обучение, игровые технологии, сотрудничество, сопровождение, педагогическое взаимодействие.

Ключевые слова: взаимодействие, социально-политическая деятельность, субъект деятельности, социальное действие.

INTERACTION TECHNOLOGIES OF SUBJECTS OF SOCIO-POLITICAL ACTIVITY

Solovyev Vadim Anatolyevich, PhD in History, Professor, Department Chair of Journalism, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: kafedra-2010@mail.ru

This article contains a theoretical substantiation of opportunities of technologies of interaction of subjects of social and political activities modeling, design and construction. In this regard, the current theoretical and practical issues of social interaction, the subjective nature of the activities, entities, public and political activities were reviewed. The characteristics of the social and political as well as socio-political activity of subjects were determined. The interaction of actors under conditions of socio-political activities aims a providing of socio-political stability, which is understood as predictability, clarity of the relevant processes. The analysis of scientific literature allowed us to identify the following groups of social and political activities in actors' interaction: information, communication and media; the social (in the specific sense); pedagogical.

Information, communication and media technologies provide information to individuals and groups, remote communication, actors' participation and public political activities, public opinion expression, transparency and clarity of individual and groups interests and needs. Social technologies: technology for creating a creative environment for-website-game "knowledge reactor", social design, socio-cultural design, critical thinking, networking, social partnership. The group of pedagogical technologies involves different technologies of personal qualities formation as well as competencies, readiness. Also, this group can be attributed to technology leaders training, moderation, reflective learning, gaming technology, cooperation, support, pedagogical interaction.

Keywords: interaction, socio-political activities, activity subject, social action.

Жизнь общества представляет собой совокупность взаимодействий отдельных людей, групп, объединений. Любой человек выступает в качестве субъекта многих социальных взаимодействий и различных видов и форм деятельности. В марксистской философии социальная деятельность понимается как способ существования человека в природе, поэтому именно его активная деятельность создает и способствует организации систем взаимодействия индивидов и общественных групп. Общественная деятельность в «широком» смысле представляет собой фактор социализации личности. Чтобы понять суть этой деятельности, обратимся к словарям русского языка. Слово «общественный» имеет следующие связанные с категорией деятельности значения:

- порождаемый, создаваемый, осуществляемый обществом;
- связанный с отношениями людей в обществе, отражающий отношения, положение людей в обществе в процессе материальной и духовной деятельности;

- выражающий, учитывающий потребности, запросы общества;

- связанный с добровольным обслуживанием социально-политических, профессиональных, культурных и других нужд.

Как отмечает А. И. Скалабан, общественное участие предполагает для решения проблем сообщества объединение различных групп заинтересованных сторон для совместной разработки решений сложных вопросов и достижения консенсуса по этим вопросам как внутри сообщества, так и в процессе диалога с властью. Подобную интерпретацию данного термина предлагает и российский политолог А. Сунгуров. Он определяет общественное участие как непрерывный двунаправленный процесс взаимодействия между гражданами и органом власти (учреждением, ведомством), отвечающим за принятие решения. По его мнению, от гражданского общественное участие отличается отсутствием среди его форм электоральной активности, уклонением от деятельности политических партий и движений, а также от форм протестного участия. Во многих исследованиях отмечается, что основные формы и методы реализации общественного участия лежат в плоскости информирования и вовлечения в деятельность по созданию государственно-общественного управления на уровне учреждений, сообществ, муниципалитетов [7, с. 138].

Политическая деятельность – это форма отношения субъектов политики к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное регулирование общественных (экономических, социальных, собственно политических) процессов; необходимое условие существования современного общества [1; 2].

Политическая деятельность предполагает сознательное постоянное включение индивидов или групп людей в систему общественных отношений с целью использовать или приспособить их для удовлетворения своих интересов. Политическая деятельность-это систематическое сознательное вмешательство индивидов или групп в систему общественно-политических отношений с целью приспособления ее к своим интересам, идеалам и ценностям.

Общественно-политическая деятельность представляет собой форму деятельности человека. В науке выделяют логическую и психологическую структуры деятельности. Логическая структура деятельности включает объект, субъект, методы, средства, формы. Психологическая структура деятельности представляет собой взаимосвязь мотива, цели, условия, действий и операций. Теоретические положения, разработанные Л. С. Выготским, П. Р. Гальпериным, В. В. Давыдовым, А. Н. Леонтьевым и другими учеными, позволяют понимать деятельность как осознанную активность человека, взаимодействующего с природной и социальной средой, который в процессе этого взаимодействия изменяет не только их, но и самого себя. Анализ философской и психологической литературы даёт основания для определения следующих основных характеристик деятельности: наличие предмета, социальная природа, целенаправленность, осознанность, активность, инструментальность. Специфической единицей деятельности является действие. Социальное действие было описано М. Вебером. В своих работах он предложил следующие характеристики социального действия: осмысленность, сознательная мотивированность, социальная осмысленность и социальная ориентированность.

П. Штомпка пишет, что «взаимодействие (интеракция) – динамичная, меняющаяся последовательность взаимно ориентированных действий партнеров, вносящих в свои действия изменения в зависимости от того, что делает (или говорит) другой» [8, с. 86]. Б. Г. Ананьев под субъектом деятельности понимал единство биологического и социального в человеке. Не являясь субъектом деятельности, человек не может рассматриваться как социальное существо.

Взаимодействие субъектов общественно-политической деятельности направлено на обеспечение общественно-политической стабильности, которая понимается как предсказуемость, понятность соответствующих процессов. В работе А. И. Кондратенко выявлены предпосылки общественно-политической стабильности: открытость критике властных структур, доступность источников массовой информации, способность системы к изменению и др. [3]. Взаимодействия людей являются условием накопления, сохранения и передачи социальных знаний, опыта, способов деятельности, а также их развитие и преумножение. Так как гражданское общество постоянно развивается, возникают новые взаимодействия субъектов общественно-политической деятельности. Следовательно, роль взаимодействия в об-

щественных отношениях усиливается. Развитие гражданского общества направлено на гармонизацию потребностей и интересов всех его социальных и политических субъектов. В противном случае возможны конфликты, противоречия, вплоть до противостояния групп и индивидом между собой и с властью. Отсюда следует, что технологии взаимодействия субъектов общественно-политической деятельности могут выполнять как стабилизирующую, так и противоположную ей функции (ослабляющую, конфликтогенную, деструктивную и др.).

Е. М. Осипов под социальной технологией понимает «процесс целенаправленного воздействия на социальный объект (совокупность приемов, методов и последовательность этапов), применяемый для достижения поставленных целей в процессе социального развития и решения социальных проблем» [4]. Анализ литературы позволил нам выявить следующие группы технологий взаимодействия субъектов общественно-политической деятельности: информационно-коммуникационные и медиа; собственно социальные (в «узком» смысле); педагогические. Следует отметить, что, с одной стороны, все указанные группы могут быть отнесены к категории социальных технологий. С другой стороны, достаточно обоснованным является выделение группы социальных технологий в «узком смысле», так как они предполагают, в отличие от, например, информационно-коммуникационных технологий, направленность непосредственно на социальные объекты. Информационно-коммуникационные технологии могут обеспечивать потребности в информации или коммуникации различных индивидуальных или групповых субъектов. По мнению Г. П. Щедровицкого, «социальным объектом является такой и только такой реальный объект (вещь), которому в социальной системе соответствует норма, реализующаяся в этом объекте» [9].

Информационно-коммуникационные и медиатехнологии обеспечивают информирование людей и групп, дистанционные связи, участие субъектов общественно-политической деятельности в управлении, выражение общественного мнения, прозрачность и понятность интересов и потребностей. Эти технологии могут быть как стабилизирующими, так и ослабляющими, конфликтогенными или деструктивными. К этой группе относятся старые (пресса, телевидение, телефон) и новые технологии (Интернет).

Собственно социальные технологии: технология создания креативной среды, форсайт-игра, «знаниевый реактор», социальное проектирование, социокультурное проектирование, развитие критического мышления, сетевое взаимодействие, социальное партнёрство.

Группа педагогических технологий включает в себя, прежде всего, различные технологии формирования качеств личности, компетенций, готовности. Также к этой группе можно отнести технологии подготовки лидеров, модерацию, рефлексивное обучение, игровые технологии, сотрудничество, сопровождение, педагогическое взаимодействие.

Следует отметить, что общие вопросы, связанные с изучением и использованием указанных технологий, в литературе представлены. Что касается характеристик этих технологий применительно к общественно-политической деятельности, то можно констатировать, что не все они изучены в данном аспекте в достаточной для современной теории и практики степени. В работе Е. Л. Рудневой и Е. С. Глуховой описаны такие социальные технологии, как создание креативной среды, форсайт-игра, «знаниевый реактор», социальное проектирование [6]. Поэтому вопросы моделирования, проектирования и конструирования технологий взаимодействия субъектов общественно-политической деятельности представляются перспективным направлением научных исследований.

Литература

1. Гайдученко Ю. С., Курьяков И. А. Социально-политическая активность молодежи как показатель благополучия общества [Электронный ресурс] // СТЭЖ. – 2012. – № 15. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaya-aktivnost-molodezhi-kak-pokazatel-blagopoluchiya (дата обращения: 06.07.2017).
2. Гукова И. Н. Перспективные формы развития общественно-политической активности молодежи в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gukova-i-n-perspektivnye-formy-razvitiya-obschestvenno-politicheskoy-aktivnosti-molodezhi-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 06.07.2017).

3. Кондратенко А. И. Деятельность СМИ как фактор артикуляции общественных интересов и сохранения социально-политического консенсуса [Электронный ресурс] // Вестн. ЧелГУ. – 2013. – № 21 (312). – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-smi-kak-faktor-artikulyatsii-obschestvennyh-interesov-i-sohraneniya-sotsialno-politicheskogo-konsensusa (дата обращения: 06.08.2017).
4. Осипов Е. М. Социальные технологии в межсекторном взаимодействии // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество). – 2005. – № 4. – С. 94–110.
5. Политическая наука [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс. – М.: ВНТИЦ, 2008. – URL: http://polit-logos.narod.ru/rezume/gloss.htm. (дата обращения: 08.09.2017).
6. Руднева Е. Л., Глухова Е. С. Применение современных социальных технологий в деятельности молодежных общественно-политических организаций, направленных на развитие социальной активности молодежи [Электронный ресурс] // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2014. – № 378. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sovremennyh-sotsialnyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-molodezhnyh-obschestvenno-politicheskih-organizatsiy-napravlennyh-na (дата обращения: 16.06.2017).
7. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 1 (13). – С. 130–139.
8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с пол. С. М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
9. Щедровицкий Г. П. Деятельность проектирования и социальная система [Электронный ресурс]. – URL: http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/60 (дата обращения: 12.08.2017).

References

1. Gayduchenko Yu.S., Kur'yakov I.A. Sotsial'no-politicheskaya aktivnost' molodezhi kak pokazatel' blagopoluchiya obshchestva [Socio-political activity of youth as an indicator of the well-being of society]. *STEZh [STEZH]*, 2012, no. 15. (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-politicheskaya-aktivnost-molodezhi-kak-pokazatel-blagopoluchiya (accessed 06.07.2017).
2. Gukova I.N. Perspektivnye formy razvitiya obshchestvenno-politicheskoy aktivnosti molodezhi v Rossiyskoy Federatsii [Perspective forms of development of social and political activity of youth in the Russian Federation]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2015, no. 21. (In Russ.). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/gukova-i-n-perspektivnye-formy-razvitiya-obschestvenno-politicheskoy-aktivnosti-molodezhi-v-rossiyskoy-federatsii (accessed 06.07.2017).
3. Kondratenko A.I. Deyatel'nost' SMI kak faktor artikulyatsii obshchestvennykh interesov i sokhraneniya sotsial'no-politicheskogo konsensusa [Mass media activity as a factor of articulation of public interests and preservation of socio-political consensus]. *Vestnik ChelGU [Bulletin of the CSU]*, 2013, no. 21 (312). (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-smi-kak-faktor-artikulyatsii-obschestvennyh-interesov-i-sohraneniya-sotsialno-politicheskogo-konsensusa (accessed 06.08.2017).
4. Osipov E.M. Sotsial'nye tekhnologii v mezhsektornom vzaimodeystvii [Social Technologies in Intersectoral Interaction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo) [Bulletin of the Moscow University. Series 21. Management (state and society)*, 2005, no. 4, pp. 94-110. (In Russ.).
5. *Politicheskaya nauka: uchebno-metodicheskiy kompleks [Political science: educational-methodical complex]*. Moscow, VNTITs Publ., 2008. (In Russ.). Available at: http://polit-logos.narod.ru/rezume/gloss.htm (accessed 08.09.2017).
6. Rudneva E.L., Glukhova E.S. Primenenie sovremennykh sotsial'nykh tekhnologiy v deyatel'nosti molodezhnykh obshchestvenno-politicheskikh organizatsiy, napravlennykh na razvitie sotsial'noy aktivnosti molodezhi [The application of modern social technologies in the activities of youth socio-political organizations aimed at the development of social activity of youth]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2014, no. 378. (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-sovremennyh-sotsialnyh-tehnologiy-v-deyatelnosti-molodezhnyh-obschestvenno-politicheskih-organizatsiy-napravlennyh-na (accessed 16.06.2017).
7. Skalaban I.A. Sotsial'noe, obshchestvennoe i grazhdanskoe uchastie: k probleme osmysleniya ponyatiy [Social, public and civic participation: to the problem of conceptualization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Tomsk State University]*, 2011, no. 1(13), pp. 130-139. (In Russ.).
8. Shtompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva [Sociology. Analysis of modern society]*. Translated from the Polish by S.M. Chervonnaya. Moscow, Logos Publ., 2005. 664 p. (In Russ.).
9. Shchedrovitskiy G.P. *Deyatel'nost' proektirovaniya i sotsial'naya sistema [Activity of design and social system]*. (In Russ.). Available at: http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/60 (accessed 12.08.2017).

УДК 94(571.17)“19”:347.96

ЮРИСТ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ОМСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: ФЕНОМЕН В. В. ЕДЛИЧКО

Звягин Сергей Павлович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: whitesiberia@narod.ru

Макарчук Сергей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Тимербулатов Дмитрий Радикович, методист, МБОУ ДПО «Научно-методический центр» (г. Кемерово, РФ). E-mail: dmi924512@yandex.ru

Статья посвящена культурной жизни одного из значимых городов Сибири – Омска. На основе широкого круга источников (архивные документы, периодическая печать, документы личного происхождения) в определенной мере воссоздается культурно-досуговая повседневность города.

Авторы использовали новейшие результаты теоретических исследований по проблемам культурных потребностей с учетом необходимости их рассмотрения в контексте социально-экономических и политических условий того периода времени.

В исследовании представлены служебная деятельность крупного чиновника судебного ведомства В. В. Едличко и его многолетний интерес к произведениям отечественного и зарубежного искусства. Выявлены формы участия В. В. Едличко в культурной жизни г. Омска. Например, создание в городе по его инициативе Общества художников и любителей искусства Степного края, которым он стал руководить и деятельность которого некоторое время финансировал.

В городе также работала художественная студия, проходили выставки. Все это, в определенной мере, влияло на культурную жизнь предреволюционного г. Омска.

Свое собрание предметов искусства В. В. Едличко завещал городу. Сегодня эти артефакты находятся в фондах нескольких омских музеев.

Статья содержит вывод о формировании на примере восточных регионов основ гражданского общества в России в начале XX века. В силу специфики города свою роль здесь сыграло чиновничество, в рядах которого В. В. Едличко занимал особое место. Этот процесс был прерван Первой мировой и Гражданской войнами.

Ключевые слова: Омск, культурная жизнь, юрист, В. В. Едличко, революция, гражданское общество, инициатива, феномен, начало XX века.

A LAWYER IN OMSK CULTURAL LIFE IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: THE PHENOMENON OF V.V. EDLICHKO

Zvyagin Sergey Pavlovich, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Russian History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: whitesiberia@narod.ru

Makarchuk Sergey Vladimirovich, Dr of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of History, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: makarchuk-sv@mail.ru

Timerbulatov Dmitriy Radikovich, Methodologist, Municipal Budget Educational Institution of Continuing Professional Education “Scientific and Methodological Centre” (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dmi924512@yandex.ru

The article is devoted to the cultural life of Omsk, one of the most important cities of Siberia, on the basis of a wide range of sources (archival documents, periodicals, personal documents) to a certain extent, re-created cultural and leisure of everyday life of the city.

The authors used the newest results of theoretical researches on problems of the cultural needs with the necessity for their consideration in the context of socio-economic and political conditions of that time period.

The study presents the official activities of high official of the Commencement Ministry V.V. Edlichko and his long interest in the works of Russian and foreign art. His position in life was an active. This resulted in the creation on its initiative of the society of artists and art lovers of the Steppe. The city had an art Studio where the exhibition took place. All this to some extent influenced the cultural life of pre-revolutionary Omsk.

The identified forms of participation of V.V. Edlichko in cultural life of Omsk. It was expressed in the initiation of creating a society of artists and art lovers of the Steppe region, which he led. For some time, he financed the operations. Finally, his collection of art objects was bequeathed to the city. Today, these artifacts are in the collections of several museums.

The article contains a conclusion on the formation on the example of the Eastern regions of the foundations of civil society in Russia in the early XX century. Due to the nature of the city, its role here was played by the bureaucracy, in which V.V. Edlichko occupied a special place. This process was interrupted by the First World War and Civil War.

Keywords: Omsk, cultural life, lawyer, V.V. Edlichko, revolution, civil society, initiative, phenomenon, beginning of the XX century.

Культурной среде Омска посвящено значительное количество исследований. Особо следует отметить докторскую диссертацию Д. И. Попова и его монографию [29]. Писали на эту тему и авторы данной статьи [25].

Значительную роль в культурной жизни города сыграли творческие личности, родившиеся и/или работавшие здесь. Художник М. А. Врубель родился в Омске. Омский областной музей изобразительных искусств носит его имя. Свой вклад в создание фондов названного учреждения культуры внес Вячеслав Вячеславович Едличко (1857, Полтава, Российская империя – 1919, Омск, РСФСР). Судить об облике нашего героя можно по его фотографии в мундире с орденами и лентой ордена Св. Станислава I-й степени [13].

Однако его участие в культурной жизни города было шире. Имя В. В. Едличко тесно связано с Обществом художников и любителей изящных искусств Степного края (ОХЛИИСК). Оно было создано в г. Омске в 1916 году.

С возникновения этой общественной организации берет свое начало организованная художественная жизнь Омска. В уставе организации, помимо общего развития искусств в крае, ставилось целью создание Художественного училища имени М. А. Врубеля и музея при нем. Общество известно своими конкурсами и выставками, одной из крупнейших стала весенняя выставка в апреле 1919 года.

В уставе общества, зарегистрированном губернатором Акмолинской области 23 мая 1916 года, перечисляются следующие цели:

1) объединение художников Степного края и любителей изящных искусств на почве художественных интересов;

2) устройство художественно-промышленной школы, которую планировалось назвать именем М. А. Врубеля;

3) распространение художественных идей в широкой публике путем организации постоянных и передвижных выставок, публичных заседаний Общества с чтением докладов по художественной вопросам, лекций об искусстве, ознакомления с художественными изданиями;

4) изучение художественного творчества местного населения, охрана памятников художественной старины и устройство в этих целях экскурсий;

5) устройство художественно-промышленного музея с библиотекой по отрасли художеств и искусства;

6) оказание материальной помощи нуждающимся художникам и ученикам художественной школы путем устройства ссудо-сберегательной кассы.

Члены будущего общества приступили к своей деятельности ещё в начале XX веке под эгидой Западно-Сибирского отдела Русского географического общества: (ЗСОРГО) проводились совместные занятия по рисованию и живописи, устраивались выставки, читались лекций.

Возникнув как частная инициатива нескольких меценатов и любителей искусств, Общество получило официальный статус в 1916 году. В начале июня прошли выборы правления. Его пред-

седателем был единогласно избран В. В. Едличко. Он лично финансировал деятельность Общества. После его смерти место председателя Общества занял Борис Владимирович Труведлер. Энергичный предприниматель, организатор лесопромышленного дела в Сибири, он одновременно был художником-любителем и меценатом.

По структуре Общество было более «клубом по интересам», нежели объединением профессионалов. В него входили местные художники, коллекционеры, меценаты и просто неравнодушные к искусству люди. В разное время в составе Общества было 50–70 постоянных членов.

В Приложении 1 воспроизведен список членов Общества по состоянию на 1916 год. В его состав из 50 человек удалось привлечь 11 художников и одного скульптора, 8 учеников студии, 3 педагога. Эти люди были прямо причастны к реализации задач Общества. Остальные были «сочувствующие»: 10 чиновников, причем некоторые были высокопоставленными, 5 врачей. Необходимо отметить, что чиновничество занимало сравнительно большой удельный вес в Обществе. Это объяснялось статусом Омска. Город был административным центром Степного генерал-губернаторства, Акмолинской области, Западно-Сибирского военного округа, Омской судебной палаты, Сибирского казачьего войска. В Омске располагалось много различных учреждений.

Среди этих 10 чиновников – членов общества – были коллекционеры предметов искусства, меценаты, и, таким образом, они не были чужды главной идее Общества. О его гендерном составе судить трудно. Принимая во внимание фамилии, мы насчитали 4 женщины.

Заседания Общества проводились в здании Общественного собрания в центре Омска (ныне ул. Ленина, 25). Это здание, построенное в 1859 году, теперь отнесено к памятникам истории и архитектуры XIX века, но находится в полуразрушенном состоянии.

Основной формой работы Общества были выставки. Первая выставка открылась в октябре 1916 года, где были представлены произведения профессионалов, любителей и экспонаты из собраний коллекционеров. Например, писатель Антон Сорокин выставил 13 работ В. Эттеля.

Именно среди членов Обществе родилась идея создания в городе художественного училища. Были предприняты первые практические шаги для её осуществления. С этой целью в 1917 году был проведён Художественный бал для сбора средств на организацию художественно-промышленного училища (школы) и музея. Уже после революции это начинание будет воплощено в создании в 1920 году Художественно-промышленного училища, впоследствии Художественно-промышленного техникума им. М. А. Врубеля. Другим шагом на пути создания училища стала организация художественных курсов, директором которых был А. Н. Клементьев. Преподавателями были И. В. Волков (младшее отделение), Н. К. Молочников (средняя группа), А. Н. Клементьев (пластанатомия), В. Ф. Винклер (лепка), И. К. Куртуков (живопись, старшая группа) [27].

В краткий период правления Центросибири, в 1918 году, Общество сотрудничало с отделом по народному образованию при Омском Совдепе. 14 ноября 1919 года Омск был занят частями Красной армии. К этому же времени относится прекращение деятельности Общества.

Что касается деятельности В. В. Едличко, то она не ограничивалась только делами Общества. 24 ноября 1917 года газета «Заря» сообщала о том, что при Омском музее ЗСОРГО организована археологическая комиссия, цель которой заключалась в сохранении памятников истории и искусства. В комиссию вошли А. Н. Седельников, С. А. Ковлер, В. В. Едличко, А. М. Клементьев [16]. Кроме всего прочего, В. В. Едличко был деятельным членом Российского общества Красного Креста [3].

Представляет интерес состав коллекции В. В. Едличко. Фотография интерьера одной из комнат омской квартиры юриста, декорированной предметами искусства, хранится в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея [37, с. 24].

Есть упоминание, что в свое время директор художественно-промышленного училища Сверчков составил каталог собрания В. В. Едличко. Однако местонахождение документа неизвестно [10].

Архивные документы содержат крайне неконкретные упоминания. Например, после его смерти в музей ЗСОРГО поступило много ценных в художественном отношении вещей – мебель красного дерева, стол петровского времени, картины восточной работы [7]. Основу его собрания составляли живопись, графика, пред-

меты декоративно-прикладного искусства восточных мастеров. Часть его коллекции находится на государственном хранении в разных культурно-просветительных учреждениях Омска [9, л. 13–14, 16–18].

Советская власть в регионе в лице ее представителей с самого начала стала придерживаться негативного мнения о личности В. В. Едличко. В 1922 году видный сибирский большевик, член коллегии Сибархива (Сибирского архивного управления) и заведующий Сибирским отделом Главлита (управление по охране государственной тайны в печати) В. Д. Вегман посетил в Омске Музей Географического общества. Увиденное его поразило. Вот, что он писал в одной из омских газет: «…вернувшись в Сибирь, советская власть нашла музей в хаотическом состоянии… Кроме белогвардейской литературы, которую некоторые предусмотрительные молодцы припрятали в подвалах, в музее хранились и такие “ценности”, – подумайте только! – как шляпа Едличко, известного негодяя, бывшего председателя Судебной палаты» [4]. Удивительно, какую неожиданную и грубую по тону реакцию вызвал головной убор, забытый в музее! Имена В. В. Едличко, а с 1936 года и В. Д. Вегмана оказались в долгом забвении. Только в последние годы омский искусствовед Л. П. Елфимов высоко оценил вклад юриста В. В. Едмичков культурную жизнь города того времени [15].

В 2016 году, в год 300-летия Омска и в день открытия Омского областного музея изобразительных искусств имени М. А. Врубеля, в генерал-губернаторском дворце начала свою работу масштабная долговременная выставка «12 стульев из дворца, или В поисках сокровищ русской аристократии».

Шестой зал «Союз меча и орала» организаторы посвятили Омску и провозглашению его «третьей столицей» при Верховном правителе России адмирале А. В. Колчаке. Здесь демонстрируются предметы из омских коллекций, завещанные и переданные в дар городу. Впервые после реставрации на выставке показаны два вышитых китайских панно в бархатных рамах, переданных в музей председателем Совета министров при Верховном правителе России адмирале А. В. Колчаке П. В. Вологодским [17, с. 4]. Зрителю представлены иранские предметы в технике чеканки по металлу из коллекции старшего председателя Омской судебной палаты, тайного советника, мецената В. В. Едличко [28; 13, с. 32]. Таким образом, имя В. В. Едличко вернулось в культурную среду города на Иртыше.

В этой связи уместно привести те сведения, которые нам удалось собрать об этом человеке. В. В. Едличко окончил юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата права. Примечательно, что, по мнению известного омского исследователя И. Г. Девятьяровой, он учился на факультете в одно время с М. А. Врубелем и мог быть с ним знаком [13]. В 1876 году М. А. Врубель остался на втором курсе ещё на один год. Таким образом, знакомство двух молодых людей могло быть вероятным [14, с. 26].

Затем В. В. Едличко служил в Симбирске, Перми, Ашхабаде, Ташкенте, Омске. С 1903 года он – прокурор Омской судебной палаты [9, л. 4–5]. В этой должности он 26 февраля 1911 года выехал из Томска, где участвовал в выездной сессии Омской судебной палаты [31, 1 марта].

В 1912 году его назначили старшим председателем Омской судебной палаты [9, л. 4–5]. Всего в ведении министерства юстиции Российской империи было 14 судебных палат. На территории Сибири и Дальнего Востока действовало две – Омская и Иркутская [19, с. 146].

Омская судебная палата была открыта 14 мая (26 мая по новому стилю) 1899 года. В сферу деятельности палаты вошли Тобольская и Томская губернии, Акмолинская и Семипалатинская области. Территория округа составляла 2898278,2 квадратной версты, на территории проживало 4731730 человек при плотности населения 1,6 жителей на квадратную версту. Для сравнения уместно привести сведения об открытой в 1866 году. Санкт-Петербургской судебной палате. Она обслуживала население в 5023565 человек, проживавших на территории в 233281 квадратную версту. Таким образом, плотность населения составляла 22,8 человек на квадратную версту [22, с. 308]. При сравнении этих данных возникает вопрос о доступности (в том числе транспортной) юридической помощи в центре империи и ее провинции. Обращает на себя внимание и загруженность сибирских судей уголовными и гражданскими делами (см. Приложение 2). Она не уступала судьям из Центральной России, но при этом надо помнить о сложности проезда к месту проведения сессии палаты и о климате. Таким образом, служба в Сибири не была простой. Вместе

с тем один из современных исследователей до сих пор не видит разницы между понятиями «округ Омской судебной палаты» и «Омский судебный округ» [1, с. 7].

Председателями палаты последовательно были Н. К. Безе, А. А. Кобылин, Ф. Ф. фон Паркау, В. В. Едличко, П. В. Вологодский [2, с. 334–336]. Примечательно, что последний в своих воспоминаниях даже не упомянул своего предшественника по должности [40].

Предстоящее служебное повышение В. В. Едличко не было секретом для сибирской общественности. Газета «Сибирская жизнь» 19 февраля 1912 года оповестила своих читателей, что старший председатель Омской судебной палаты Ф. Ф. фон Паркау [2, с. 336] будет назначен в Правительствующий Сенат, а прокурор Омской судебной палаты В. В. Едличко займет его должность [32, 19 февр.]. Так и произошло.

Очевидно, назначение состоялось в самом начале года. 25 февраля 1912 года газета «Сибирская жизнь» сообщила, что днем ранее из Омска в Томск с 12-часовым ночным поездом приехал старший председатель Омской судебной палаты В. В. Едличко [32, 25 февр.].

В середине января 1913 года он вновь председательствовал на выездной сессии Омской судебной палаты в Томске [33, 10 янв., 12 янв., 13 янв.].

16 марта 1913 года газеты известили, что «на днях» в Омск из Санкт-Петербурга вернулся старший председатель Омской судебной палаты [33, 16 марта].

В соответствии с должностью и классным чином В. В. Едличко был кавалером нескольких российских орденов. В частности, 3 января 1913 года одна из газет известила читателей о награждении В. В. Едличко орденом Св. Анны I степени [33, 3 янв.]. Можно предположить, что названный орден был вручен ему в ходе этой поездки.

В марте и июне 1913 года он вновь по делам службы приезжал в Томск [33, 23 марта, 27 марта, 25 июня, 27 июня]. 5 сентября 1913 года под его председательством в Бийске состоялась выездная сессия Омской судебной палаты по делу о «беспорядках». Среди подсудимых было 25 человек [36, 8 сент.]. 9 августа 1916 года было опубликовано сообщение о том, что накануне в Томске открылась выездная сессия Омской судебной палаты под его председательством. С ним в Томск приехал член Омской судебной палаты И. И. Корнеев-Гребарев [34, 9 авг.].

Февральская революция 1917 года задела и судьбу В. В. Едличко. Член Государственного совета профессор Е. Л. Зубашев (бывший директор Томского Технологического института) был в феврале 1917 года командирован в Петроград и зашел к министру юстиции А. Ф. Керенскому. Профессор поинтересовался тем, что передать в Омск об отстранении старшего председателя Омской судебной палаты В. В. Едличко. А. Ф. Керенский заявил, что «Едличко не будет восстановлен на прежний пост, что вместо него будет назначено то лицо, которое будет избрано судебными деятелями этого округа», а также члены судебной палаты, члены окружных судов, мировые судьи, а также представители адвокатуры. Вернувшись в Омск, Е. Л. Зубашев 3 марта 1917 года вызвал В. В. Едличко на железнодорожный вокзал и объявил ему решение министра юстиции [20].

Уже вечером 3 марта Омский Совет рабочих и военных депутатов вынес решение об аресте представителей старой власти. Рано утром 4 марта 1917 года были арестованы: генерал-губернатор Степного края Н. А. Сухомлинов, Акмолинский губернатор Колбов (правильно В. А. Колобов), вице-губернатор Н. И. Князев, председатель судебной палаты В. В. Едличко, начальник гарнизона генерал Гниде, начальник жандармского управления полковник Козловский, начальник казенной палаты Мильке и др. [26].

В. В. Едличко вместе с генерал-губернатором и губернатором был препровожден в Петроград. Министр юстиции был оповещен из Омска о том, что В. В. Едличко – «вреднейшая, крупная по местным условиям фигура реакции… Человек большой активности, объективно опасен в переходные моменты установления нового строя… Арест вызван прямыми требованиями государственной безопасности» [8].

В июне 1917 года ему было разрешено вернуться в Омск. К этому времени он был уже уволен с должности. 11 июня 1917 года «Сибирская жизнь» сообщила, что в Омский Совет рабочих и солдатских депутатов поступило прошение от В. В. Едличко о разрешении приехать в Омск для ликвидации своих частных дел. Совдеп дал согласие на 7 дней пребывания его в городе, но под «строгим надзором» [35, 11 июня].

В 1917 году В. В. Едличко отметил свое 60-летие. В тот год «он встретил революцию, которая не пощадила его и выбросила за борт привычной служебной деятельности. Можно безоши-

бочно сказать, – писал очевидец, – что Вячеслав Вячеславович, был смят и раздавлен революцией. …человек старой государственной школы, был насильственно лишен возможности отдавать всего себя любимой службе, которая для него была почти личным делом, до такой степени он сросся с нею всем своим существом, нет, я разумею чисто общественную и политическую сторону всей нашей смуты, которая разрушением всех ценностей – духовных, культурных и материальных – загнала всех русских людей, где можно было лишь умирать, а не жить. Сколько я помню, – продолжал автор, – горячих речей, самого искреннего пафоса патриотизма, которым горел покойный Вячеслав Вячеславович во время бесед о страшных событиях прошлого года» [3].

Нам удалось найти сообщения о смерти В. В. Едличко в газетах Усть-Каменогорска и Владивостока. По их сведениям, он скончался 20 января 1919 года. Есть основание предполагать, что речь идет о новом стиле летоисчисления. Таким образом, по старому стилю, видный сибирский судебный чиновник ушел из жизни в Рождество в возрасте 61 года. Газетные заметки извещают о том, это случилось в 10 вечера в его квартире. Умер он от паралича. До этого В. В. Едличко перенес 6 ударов [39, 8 февр., 11 февр., 9 февр.].

В омской газете «Сибирская речь» был опубликован большой некролог за подписью Булдеева, посвященный В. В. Едличко [13]. По словам автора, В. В. Едличко «никогда не был чиновником в специфическом смысле этого слова. Он был слишком талантлив, слишком ярок для того, чтобы вместиться в футляр. Как начальник бывал часто суров, но, кто понимал его, отлично усваивал, что в этой суровости выражалась идея требования дела от подчиненных и сослуживцев, служебная дисциплина, назначение которой русская интеллигенция оценила только после кровавых уроков революции.

Но вместе с тем, – продолжал автор, – Вячеславу Вячеславовичу были весьма свойственны движения неподдельной доброты и внимания к людям, черты, делавшие его не только милым, но и обаятельным».

По мнению писавшего некролог, В. В. Едличко «был верующий человек, истинный сын Православной церкви».

В статье отмечен интерес покойного к прекрасному. «О приверженности Вячеславу Вячеславовичу к искусству, – считал автор, – следует сказать особо. Вячеславу Вячеславовичу был художник по натуре. Он любил красоту и в природе, и в искусстве. Он умел ценить и понимать художественные произведения и сам являлся любителем-коллекционером различных предметов искусства» [3].

Мы выявили два адреса, по которым в Омске жил В. В. Едличко. В 1913 году действительный статский советник В. В. Едличко проживал в доме Н. В. Жиряковых [5, с. 7].

Умер он в январе 1919 года в доме № 8 на Каинской улице. Сейчас это улица Успенского (только вот какого из двух?). Дом, к сожалению, не сохранился [6]. Не сохранилось и кладбище, где похоронен В. В. Едличко [12, с. 61].

О его семье нам ничего не известно. Интернет дает по этому поводу весьма косвенную информацию. На одном из сайтов есть сведения о следующих лицах, носивших фамилию Едличко: Вячеслав Вячеславович (? – после 1913 года), Святополк Вячеславович (? – после 1917 года) и Святослав Вячеславович (? – после 1915 года) [30]. Обращает на себя внимание совпадение фамилий, имен и отчеств, возможного периода жизни. Интернет также содержит информацию о Едличко Валерии Вячеславовиче (род. 9 августа 1969 года). Номер его городского телефона зарегистрирован в Москве [38].

Подводя итог исследованию, можно сделать следующие выводы. Участие В. В. Едличко в культурной жизни Омска было многосторонним. Во-первых, он прилагал значительные организационные меры по созданию в городе общественных организаций. Во-вторых, он выступал как меценат, финансируя деятельность одной из них – ОХЛИИСК. В-третьих, он не только собирал предметы искусства, но впоследствии завещал их городу. Примечательно, что его коллега – старший председатель Иркутской судебной палаты, тайный советник и сенатор Н. П. Ераков тоже был коллекционером. Большая часть его собрания находится на государственном хранении [18, с. 16–21].

Таким образом, многолетняя деятельность В. В. Едличко и созданного им Общества вполне укладывается в рамки гражданского общества, которое, по мнению одного из авторов, уже начало складываться в те годы на востоке России [24].

Приложение 1

Список членов ОХЛИИСК
(на момент регистрации общества в 1916 году) [27]

1. Алымов А. – ученик студии, участник выставок;
2. Арндт П. Ю. – известный исследователь лесов Сибири, деятельный член ЗСОИРГО, член правления общества;
3. Архангельская Е. В. – врач;
4. Балтгайлис К. – участник выставок;
5. Барышцев В. В. – начальник Акмолинского управления земледелия и государственных имуществ, член правления общества;
6. Белевич Е. К. – военный инженер Управления Омской железной дороги;
7. Васин Ф. Д. – счетовод Акцизного управления;
8. Варман Г. Г. – врач;
9. Винклер В. Ф. – чешский скульптор, преподаватель рисовальных классов общества;
10. Волков И. В. – художник;
11. Вологодский П. В. – товарищ старшего председателя Омской судебной палаты, коллекционер, участник выставок;
12. Волянский И. – ученик студии, участник выставок;
13. Гогниев Н. А. – врач;
14. Дормидонтов Б. А. – художник-любитель;
15. Едличко В. В. – заместитель председателя (так сказано в тексте) Омской судебной палаты, председатель общества, коллекционер;
16. Иващенко – участник выставок, художник-любитель;
17. Ишерский В. И. – врач;
18. Ковлер – коллекционер, участник выставок;
19. Клементьев А. Н. – инициатор создания общества, художник, руководитель студии;
20. Клементьев Е.– ученик студии, участник выставок;
21. Колчин А. П. – преподаватель рисования Землемерного училища, участник выставок;
22. Куртуков И. К. – художник;
23. Линецкий А. В. – архитектор, участник выставок;
24. Мамонтов Н. – ученик студии, участник выставок;
25. Матвеев (Громов) А. М. – участник выставок;
26. Молочников Н. П. – художник;
27. Нерер И. З. – участник выставок;
28. Николаев Т. Ф. – управляющий Контрольной палатой;
29. Новоселов А. Е. – литератор;
30. Окулич-Казаринов С. Л. – присяжный поверенный;
31. Павлов Н. Д. – начальник военно-топографического отдела;
32. Подгоричани М. А. – председатель Омского окружного суда;
33. Рандруп А. М. – коллекционер, участник выставок;
34. Розова В. С. – участник выставок, художник-любитель;
35. Скороходов А. А. – управляющий Сибирским банком;
36. Симбирцев Е. Т. – участник выставок, художник-любитель;
37. Смирнов М. – ученик студии, участник выставок;
38. Сорокин А. С. – счетовод, писатель, участник выставок, коллекционер;
39. Спасский А. С. – присяжный поверенный;
40. Тронов В. – ученик студии, участник выставок;

41. Трувелер Б. В. – заведующий лесными складами Переселенческого управления, член правления общества, художник-любитель;
42. Тычина А. И. – участник выставок;
43. Уфимцев В. – ученик студии, упчастник выставок;
44. Феоктистов Н. В. – литератор;
45. Франк А. Г. – маклер Омской биржи;
46. Францкевич-Иванова В. Ф. – художник;
47. Хворинова О. Я. – педагог;
48. Чуловский Н. И. – врач;
49. Шабля-Табулевич Б. – ученик студии, участник выставок;
50. Яцкина Н. Г. – педагог.

Приложение 2

Служебная нагрузка членов некоторых судебных палат Российской империи в 1906–1908 годах (сост. по [23])

Судебные палаты	Число членов в уголовном департаменте	Число членов в гражданском департаменте	Число возникших уголовных дел	Число возникших гражданских дел
Санкт-Петербургская	12	16	748/131	262/184
Иркутская	4	2	216/129	302/106
Омская	4	2	246/105	248/52

*В знаменателе – особо важные дела.

Литература

1. Астахов А. В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX – начале XX века: структура, состав и функционирование: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Омск, 2009. – 22 с.
2. Бузмакова О. Г. Судебная палата // Власть в Сибири: XVI – начало XX века. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сова, 2005. – С. 334–336.
3. Булдеев. В. В. Едличко [Некролог] // Сибирская речь. – Омск, 1919. – 11 (24) янв.
4. Вегман В. Д. Надо спасти культурную ценность // Рабочий путь. – Омск, 1922. – 15 дек.
5. Весь Омск, 1913 год (2 часть. Алфавитный указатель жителей гор. Омска, Атаманского хут., ст. Омск и Ново-Омск). Год изд. Третий. Изд. Газ. «Омский Вестник». – Омск: Тип. «Иртыш», 1913. – 22 с.
6. Гос. ист. архив Омск. обл. (далее – ГИАОО). – Ф. 25. – Оп. 2. – Д. 84. – Л. 27.
7. ГИАОО. – Ф. 86. – Оп. 1. – Л. 248. – Л. 47.
8. ГИАОО. – Ф. 661. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 14.
9. ГИАОО. – Ф. 1075. – Оп. 1. – Д. 37.
10. ГИАОО. – Ф. 1076. – Оп. 1. – Д. 148. – Л. 6.
11. Дальний Восток. – Владивосток, 1919.
12. Девятьярова И. Г. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища / сост. И. Е. Бродский, Л.И. Огородникова. – Омск: Омск. дом печати, 2005. – 231 с.
13. Девятьярова И. Г. Художники в стане Колчака // Антикварное обозрение. – 2010. – № 1. – С. 32–37.
14. Дмитриева Н. А. Михаил Александрович Врубель. – М.: Художник РСФСР, 1990. – 2-е изд. – 184 с.
15. Елфимов Л. П. Художественная жизнь Омска // Омск. ист.-краевед. слов. – М.: Отечество, 1994. – С. 282–289.
16. Заря. – Омск, 1917. – 24 нояб.
17. Звягин С. П. Руководители Томской губернии в годы Гражданской войны (1918–1919). – Томск: ТПУ, 2011. – 192 с.

18. Звягин С. П. Судьба коллекции предметов искусства сенатора Н. П. Еракова // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 16–21.
19. Звягин С. П. Участие присяжных поверенных Урала, Сибири и Дальнего Востока в антибольшевистской политической и государственной деятельности (1918–1922) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «История». – 2012. – № 4. – С. 146–147.
20. Зубашев Е. Л. Моя командировка в Сибирь (воспоминания о февральской революции) // Вольная Сибирь. – Прага, 1927. – № 2. – С. 96–97.
21. Крестьянников Е. Неизвестное об известном. Суд общественной совести // Тюменский курьер. – 2002. – 18 дек.
22. Курас Т. Л. Судебные палаты в Российской империи: создание, сравнительная характеристика // Вестн. Иркутск. гос. техн. ун-та. – 2011. – № 10. – С. 308–312.
23. Курас Л. В., Курас Т. Л., Щербаков Н. Н. История Иркутской судебной палаты (1897 – февр. 1917 года). – Улан-Удэ: Изд.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2003. – 254 с.
24. Макарчук С. В. Социал-демократы и институты гражданского общества на Дальнем Востоке России. Июнь 1907–1910 год // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. «История». – 2012. – № 4 (20). – С. 143–145.
25. Макарчук С. В., Звягин С. П. Культурно-просветильные общества на востоке России в конце XIX – начале XX века // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2015. – № 1 (30). – С. 13–19.
26. Наш Омск55.ру. Омский городской портал [Электронный ресурс]. – URL: http://nashomsk55.ru/his/51-arsuch (дата обращения: 29.09.2017).
27. Общество художников и любителей изящных искусств Степного края [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1392526 (дата обращения: 29.09.2017).
28. Омский областной музей изобразительных искусств имени М. А. Врубеля [Электронный ресурс]. – URL: http://vrubel.ru/news/135.html (дата обращения: 29.09.2017).
29. Попов Д.И. Культурно-просветительные общества в Сибири в конце XIX – начале XX века. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – 512 с.
30. Родословная книга [Электронный ресурс]. – URL: http://rodoslovnaya.org/ru/wiki/directories/personalpagefilter. (Дата обращения: 29.09.2017).
31. Сибирская жизнь. – Томск, 1911.
32. Сибирская жизнь. – 1912.
33. Сибирская жизнь. – 1913.
34. Сибирская жизнь. – 1916.
35. Сибирская жизнь. – 1917.
36. Сибирская речь. – Омск. – 1913.
37. Старый Омск. Иллюстрированная хроника событий / сост. П. П. Вибе. – Омск ЛЕО, 2000. – 291 с.
38. Телефонный справочник Москвы. 2017 год [Электронный ресурс]. – URL: http://poisktel.net/msk10/edlichko_valerij_vqacheslavovich_09-08-69 (дата обращения: 29.09.2017).
39. Усть-Каменогорская жизнь. – Усть-Каменогорск, 1919.
40. A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil'evich Vologodskii, 1918-1925 / Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. Hoover Institution press. Stanford University. – Stanford, California, 2002. – Vol. 1. – 455 p.; Vol. 2. – 471 p.

References

1. Astakhov A.V. *Sudebnye instituty Omskogo sudebnogo okruga v kontse XIX – XX nachale veka: struktura, sostav i funktsionirovanie: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Judicial institutions of the Omsk judicial district in end XIX – beginning of XX centuries: structure, composition and functioning. Author's abstract of Diss. PhD in History]*. Omsk, Sova Publ., 2009. 22 p. (In Russ.).
2. Buzmakova O.G. Sudebnaya palata [The trial chamber]. *Vlast' v Sibiri: XVI – nachalo XX veka [Power in Siberia of the XVI – beginning of XX century]*. Novosibirsk, 2005, pp. 334-336. (In Russ.).
3. Buldeev V.V. Edlichko. Nekrolog [Edlichko. Obituary]. *Sibirskaya rech' [Siberian speech]*. Omsk, Jan 11(24), 1919. (In Russ.).
4. Vegman V.D. Nado spasti kul'turnuyu tsennost' [It is necessary to save the cultural value]. *Rabochiy put' [Working path]*. Omsk, Dec 15, 1922. (In Russ.).
5. *Ves' Omsk, 1913 god (2 chast'. Alfavitnyy ukazatel' zhiteley goroda. Omska, Atamanskogo khutora, stanitsy. Omsk i Novo-Omsk). God izdaniya tretiy. Izdanie gazety "Omskiy Vestnik" [All Omsk, 1913 (part 2. Alphabetical list*

of the inhabitants of the mountains. Omsk, chieftain., St. Omsk and Novo-Omsk). Year the third Omsk: Publishing the newspaper "The Omsk Bulletin"]. Omsk, Tipografiya "Irtysh", 1913. 22 p. (In Russ.).
6. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [State historical archive of Omsk region]*, F. 25, Op. 2, D. 84, L. 27. (In Russ.).
7. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [State historical archive of Omsk region]*, F. 86, Op. 1, D. 248, L. 47. (In Russ.).
8. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [State historical archive of Omsk region]*, F. 661, Op. 1, D. 44, L. 14. (In Russ.).
9. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [State historical archive of Omsk region]*, F. 1075, Op. 1, D. 37. (In Russ.).
10. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [State historical archive of Omsk region]*, F. 1076, Op. 1, D. 148, L. 6. (In Russ.).
11. *Dal'niy Vostok*. Vladivostok, 1919. (In Russ.).
12. Devyat'yarova I.G. *Omskiy nekropol'. Ischeznuvshie kladbishcha [Omsk necropolis. The disappeared cemetery]*. Omsk, Omskiy dom pechati Publ., 2005. 231 p. (In Russ.).
13. Devyatyarova I.G. Khudozhniki v stane Kolchaka [Artists in the camp of Kolchak]. *Antikvarnoe obozrenie [Antique review]*, 2010, no. 1, pp. 32-37. (In Russ.).
14. Dmitrieva N.A. *Mikhail Aleksandrovich Vrubel' [Mikhail Aleksandrovich Vrubel]*. Moscow, Khudozhnik RSFSR Publ., 1990. 184 p. (In Russ.).
15. Elfimov L.P. Khudozhestvennaya zhizn' Omska [The artistic life of Omsk]. *Omskiy istoriko-kraevedcheskiy slovar' [Omsk state history dictionary]*. Moscow, Otechestvo Publ., 1994, pp. 282-289. (In Russ.).
16. *Zarya*. Omsk, 1917. (In Russ.).
17. Zvyagin S.P. *Rukovoditeli Tomskoy gubernii v gody Grazhdanskoy voyny (1918-1919) [Leaders of the Tomsk province in the years of the Civil War (1918-1919)]*. Tomsk, Izd-vo TPU Publ., 2011. 192 p. (In Russ.).
18. Zvyagin S.P. Sud'ba kollektsii predmetov iskusstva senatora N.P. Erakova [The fate of the collection of art objects Senator N. P. Erakava]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 18, pp. 16-21. (In Russ.).
19. Zvyagin S.P. Uchastie prisyazhnykh poverennykh Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka v antibol'shevistskoy politicheskoy i gosudarstvennoy deyatel'nosti (1918-1922) [Zvyagin S.P. Participation of sworn advocates of the Urals, Siberia and the Far East in the anti-Bolshevik political and state activities (1918-1922)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya" [Bulletin of Tomsk State University. Series "History"]*, 2012, no. 4, pp. 146-147. (In Russ.).
20. Zubashev E.L. Moya komandirovka v Sibir' (vospominaniya o fevral'skoy revolyutsii) [My trip to Siberia (memoirs about the February revolution)]. *Vol'naya Sibir' [Free Siberia (Prague)]*. Prague, 1927, no. 2, pp. 96-97. (In Russ.).
21. Krestyannikov E. Neizvestnoe o izvestnom. Sud obshchestvennoy sovesti [Unknown about the known. The court of public conscience]. *Tyumenskiy kur'er [Tyumen courier]*, 2002, 18 Dec. (In Russ.).
22. Kuras T.L. Sudebnye palaty v Rossiyskoy imperii: sozdanie, sravnitel'naya kharakteristika [The trial chamber in the Russian Empire: the creation of comparative characteristics]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Irkutsk State Technical University]*, 2011, no. 10, pp. 308-312. (In Russ.).
23. Kuras L.V., Kuras T.L., Shcherbakov N.N. *Istoriya Irkutskoy sudebnoy palaty (1897-fevral' 1917 goda) [The history of Irkutsk of the trial chamber (1897-February 1917)]*. Ulan-Ude, VSGAKI Publ., 2003. 254 p.
24. Makarchuk S.V. Sotsial-demokraty i instituty grazhdanskogo obshchestva na Dal'nem Vostoke Rossii. Iyun' 1907–1910 god [The Social Democrats and civil society institutions in the far East of Russia. June 1907-1910]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoria [Bulletin of the Tomsk state University. History]*, 2012, no. 4 (20), pp. 143-145. (In Russ.).
25. Makarchuk S.V., Zvyagin S.P. Kul'turno-prosvetil'nye obshchestva na vostoke Rossii v kontse XX – nachale XX veka [Cultural prosvetlenie companies in the East of Russia in late XIX-early XX century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo state University of Culture and Arts],* 2015, no. 1 (30), pp. 143-145. (In Russ.).
26. *Nash Omsk55.ru. Omskiy gorodskoy portal [Our Омск55.ru. Omsk city portal]*. (In Russ.). Available at: http://nashomsk55.ru/his/51-arsuch (accessed 29.09.2017).
27. *Obshchestvo khudozhnikov i lyubiteley izyashchnykh iskusstv Stepnogo kraya [Society of artists and Amateurs of fine arts of the Steppe]*. (In Russ.). Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1392526 (accessed 29.09.2017).

28. *Omskiy oblastnoy muzey izobrazitel'nykh iskusstv imeni M. A. Vrubelya [Omsk regional Museum of fine arts named after M.A. Vrubel]*. (In Russ.). Available at: http://vrubel.ru/news/135.html (accessed 29.09.2017).
29. Popov D.I. *Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva v Sibiri v kontse XIX – nachale XX veka: monografiya [Cultural and educational society in Siberia in the late XIX – early XX centuries. Monograph]*. Omsk, OmSU Publ., 2006. 512 p. (In Russ.).
30. *Rodoslovnaya kniga [The genealogical book]*. (In Russ.). Available at: http://rodoslovnaya.org/ru/wiki/directories/personalpagefilter (accessed 29.09.2017).
31. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 1911. (In Russ.).
32. *Sibirskaya zhizn'*. 1912. (In Russ.).
33. *Sibirskaya zhizn'*. 1913. (In Russ.).
34. *Sibirskaya zhizn'*. 1916. (In Russ.).
35. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. (In Russ.).
36. *Sibirskaya rech'*. Omsk. 1913. (In Russ.).
37. *Staryy Omsk. Illystrirovannaya khronika sobytiy [Old Omsk. An illustrated chronicle of events]*. Omsk, LEO Publ., 2000. 291 p.
38. *Telefonnyy spravochnik Moskvy [Telephone directory of Moscow]*, 2017. (In Russ.). Available at: http://poisktel.net/msk10/edlichko_valerij_vqacheslavovich_09-08-69 (accessed 29.09.2017).
39. *Ust'-Kamenogorskaya zhizn'*. Ust'-Kamenogorsk, 1919. (In Russ.).
40. *A Chronicle of the Civil War in Siberia and Exile in China. The Diaries of Petr Vasil ev evich Vologodskii, 1918-1925*. Compiled, edited and introduced by Semion Lyandres and Dietmar Wulff. Hoover Institution press. Stanford University. Stanford, California, 2002, vol. 1. 455 p; vol. 2. 471 p.

УДК 728+726.1/.7(571.55)

АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СЕМЕЙСКИХ (СТАРООБРЯДЦЕВ) ЗАБАЙКАЛЬЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ УЧЕНЫХ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Цыремпилова Ирина Семеновна, доктор исторических наук, доцент, и. о. проректора по научной работе, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, РФ). E-mail: irina161073@mail.ru

Нетребина Людмила Александровна, начальник общего отдела, соискатель, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, РФ). E-mail: ladylan1976@mail.ru

Культурное наследие – актуальная проблема, которая вызывает исследовательский интерес ученых разных областей наук, так как является одним из факторов национального самосознания, способствует преемственности гуманитарных ценностей. Известные ученые тщательно исследуют проблемы дефиниции культурного наследия, представляющие многочисленные подходы к изучению культурного наследия (К. Э. Разлогов, В. Л. Кургузов, М. А. Белокрыс, З. Б. Чимитов, Т. С. Курьянова и др.). Феномен культурного наследия чрезвычайно многогранен, исходя из этого авторы статьи не ставят задачу исследовать всю разностороннюю структуру культурного наследия, ограничивая свое внимание только архитектурным наследием. Архитектурное наследие семейских Забайкалья является составной частью регионального культурного наследия. Цель настоящей статьи – выявление и культурологический анализ научной и научно-популярной литературы, посвященной домовой и храмовой архитектуре семейских Забайкалья.

Архитектурное наследие семейских (старообрядцев) Забайкалья представляет собой проблему, требующую комплексного изучения. Изыскания специалистов различных областей наук (Ф. Ф. Болонев, Л. А. Аболина, Р. Ю. Федоров, Н. Р. Павлова, С. В. Васильева, Д. Д. Васильева и др.) раскры-

вают особенности застройки старообрядческих жилых комплексов на территории Забайкалья, типы построек, их общие и отличительные черты. Ряд современных исследователей (С. Г. Жамбалова, Н. Б. Жалсараева, Н. Р. Павлова, Е. В. Саяпарова, Е. В. Ваганова, С. С. Коняева, З. К. Варфоломеева, П. А. Долнаков, Н. П. Журин и др.) рассматривают специфику культовых сооружений старообрядцев, истоки и художественные особенности их архитектуры. Несмотря на то, что в научной литературе накоплен положительный опыт изучения заявленной проблемы, отдельные ее аспекты (судьба жилых и культовых сооружений, количественные характеристики, их историческая и культурная ценность и др.) требуют комплексного подхода и существенного расширения эмпирической базы. Выявленные исследовательские проблемы и перспективы позволят разработать необходимые практические меры, рекомендации по реставрации, реконструкции и трансляции культурного наследия старообрядцев Забайкалья и архитектурного наследия в том числе.

Ключевые слова: культурное наследие, старообрядцы, архитектурное наследие, культовые сооружения, храмы, избы, жилищные комплексы, Забайкалье.

ARCHITECTURAL HERITAGE OF THE TRANSBAIKALIAN SEMEYSKIE (OLD BELIEVERS) IN THE CONTEMPORARY SCIENTIFIC STUDIES: A CULTUROLOGICAL DISCOURSE

Tsyrempilova Irina Semenovna, Dr of Historical Sciences, Associate Professor, Acting Vice-rector for Research, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: irina161073@mail.ru

Netrebina Lyudmila Aleksandrovna, Head of the General Affairs Division, Degree-seeking Applicant, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ladylan1976@mail.ru

Architectural heritage is one of the parts of a multifaceted structure of cultural heritage. After their resettlement in this territory, the Transbaikalian Semeyskie Old Believers could adapt themselves to local conditions, bringing in and preserving their own unique tangible heritage. Their residential and temple architecture is of special significance.

Specific features of development of the Old Believers' villages and settlements in Transbaikalia, peculiarities of courtyard layout, and building types have been studied in contemporary research works by F.F. Bolonev, L.A. Abolina, R.Yu. Fedorov, N.R. Pavlova, S.V. Vasilyeva, D.D. Vasilyeva and others. The remaining actual objects of cultural heritage are the buildings turned into museum exhibits, such as the Old Believers' dwelling complex in the Ethnographic Museum of the Transbaikalian Peoples (EMTP).

The temple architecture of the Semeyskie of Transbaikalia attracts scholarly attention. The only surviving wooden temple with chapel from the village of Nikolskoe is also situated in the Ethnographic Museum. The detailed description of the Nikolsky temple is provided in the publications by S.G. Zhambalova, N.B. Zhalsaraeva, N.R. Pavlova, E.V. Sayaparova, E.V. Vaganova, S.S. Konyaeva, Z.K. Varfolomeeva. Specific features of religious architecture of Old Believers' temples are examined in the work by P.A. Dolnakov and N.P. Zhurin.

Analysis of the contemporary historiography of the architectural heritage of the Transbaikalian Semeyskie allows making a conclusion that by now some positive experience of the study of this problem and its specific aspects (fortunes of housing and religious buildings, their historical and cultural value, etc.) has been accumulated. However, it should be noted that so far there have been no dedicated generalizing research works in the field of Culture Studies, which undoubtedly marks the topicality of this research theme. The exposed research perspectives will allow developing necessary measures for further restoration, reconstruction and transmission of heritage of the Transbaikalian Old Believers.

Keywords: cultural heritage, Old Believers, architectural heritage, religious buildings, temples, hut, housing complexes, Transbaikalia.

Изучение и сохранение культурного наследия – актуальная проблема культурологического дискурса. Исследовательский интерес обусловлен тем, что культурное наследие является одним из факторов национального самосознания, способствует преемственности гуманитарных ценностей, служит положительным средством для воспитания подрастающего поколения. Понятийный аппарат рефлексии культурного наследия был определен в международных и отечественных нормативно правовых актах: в Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия», принятой в Париже в 1972 году [17, с. 5], в федеральном законе № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 2002 года. В связи с тем, что трансформация российского общества в культурном, социально-экономическом и идеологическом планах отражается на культурной политике страны, государство осуществляет различные практические мероприятия для сохранения, развития и приумножения культурного наследия. Это регламентируется Основами государственной культурной политики, утверждёнными Указом Президента Российской Федерации В. В. Путиным от 24 декабря 2014 года № 808 [23].

В научной литературе, в авторских концепциях существует множество определений феномена культурного наследия. Так, К. Э. Разлогов, признает, что понятие культурного наследия рассматривается в общем понимании культуры: «Одно понимание узкое... это культура как совокупность искусств и культурного наследия... С другой стороны, есть широкое понимание культуры, которое сейчас характеризуется модным термином “антропология”...» [26, с. 15]. Рассматривая современные проблемы сохранения культурного наследия Ю. А. Веденин, относит к нему «систему материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и сбереженных предыдущими поколениями и представляющих исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и для ее дальнейшего развития» (цит. по [22, с. 12]).

Известный культуролог В. Л. Кургузов посвятил ряд работ изучению культурного наследия, исследовал многочисленные подходы к анализу культурного наследия и отмечал, что «изучение феномена культурного наследия вряд ли нуждается в каких-либо особых методах познания. При умелом применении эффект, как нам представляется, может дать любой как традиционный, так и инновационный метод» (см. [19; 20; 21]. Эволюция термина «культурное наследие» представлена в научных трудах Т. С. Курьяновой. Она полагает, что «понятие “культурное наследие” при всей вариативности существующих дефиниций до сих пор в полной мере не эксплицировано» [22, с. 12]. Категория культурного наследия в теоретико-методологическом дискурсе подробно раскрыта культурологами Забайкалья: З. Б. Чимитовым [28] и М. А Белокрысом [2].

Несмотря на то, что понятие «культурное наследие» очень глубокое и многоаспектное, для расширения толкования этого термина в процессе научных изысканий возникают новые подходы. Существует общая типология структуры культурного наследия, которое подразделяется на материальное и нематериальное.

В современных реалиях наследие рассматривается и как ресурс социально-экономического развития территорий. Эти обстоятельства предопределяют использование комплексного подхода к исследованию архитектурного наследия, с привлечением специалистов из различных областей знаний: историков, культурологов, психологов, социологов, педагогов, филологов, философов и др.

К объектам культурного наследия Забайкалья относится уникальная культура старообрядцев (семейских), которые, переселившись на эту территорию, внесли весомый вклад в хозяйственное и социокультурное развитие региона. В процессе своей жизнедеятельности, в суровых условиях адаптации старообрядцы привнесли и сохранили богатое и разнообразное материальное наследие, которое является предметом исследований ученых. Материальное наследие старообрядцев представлено домовой и храмовой архитектурой, самобытными костюмами, книжным наследием и другими примерами, имеющими несомненную историческую и культурную ценность. В статье предпринята попытка выявить и проанализировать феномен архитектурного наследия в культурологическом дискурсе, отраженный в исследованиях современных ученых.

На территории Забайкалья старообрядцы расселялись вдоль рек, больших дорог и трактов.

В зависимости от географического расположения это были села со свободной или с двусторонней застройкой, с ярко выраженной протяженностью улиц. Так, самой длинной улицей является улица в с. Бичура Мухоршибирского района Республики Бурятия, протяженностью 17 км., которая занесена в книгу рекордов Гиннеса (см. [1]).

Наиболее известным ученым, внесшим огромный вклад в изучение практически всех сфер жизнедеятельности семейских, является доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН Ф. Ф. Болонев (см. [4; 5; 6; 7]). Он один из первых рассмотрел характерные для старообрядцев типы построек: изба «клетью», круглая четырехстенка, пятистенка и связь-шестистенка. Ученый отмечает, что у семейских Забайкалья преобладали одноэтажные дома, в основном одинаковой высоты, редко встречались двухэтажные дома у зажиточных. Дома семейских строились на высоком подклете и чаще всего с двускатной крышей. Чтобы дом не оседал в результате оттаивания или из-за расположения постройки на болотистых местностях, под нижние венцы дома с южной стороны подкладывали по сторонам основного венца еще по 2 или 4 бревна из лиственницы, что делало дом наиболее устойчивым [3, с. 81].

Не менее значимое исследование архитектуры жилищного комплекса семейских провели Л. А. Аболина, Р. Ю. Федоров (см. [1]). В результате полевых исследований на территории Тарбагатайского района Республики Бурятия, Красночикойского района Забайкальского края и сравнительного анализа авторы сделали вывод о том, что «основное различие жилых комплексов семейских и сибиряков заключается в ориентации избы относительно улицы, и соответственно планировке двора. “Избы на связи” сибиряков строились только “концом в улицу”, то есть в сторону улицы выходил узкий самцовый фасад избы, и вся связь располагалась в глубину двора. Сам двор был преимущественно венечной застройки. Для планировочной структуры двора семейских характерно расположение избы широкой стороной вдоль улицы, с размещением дворовых построек вдоль западной межи» [1, с. 8]. Это подтверждает сходство с широко распространенной на территории Белоруссии погонной планировкой, что можно рассматривать как этническую традицию, показатель преемственности культуры славян.

Домовую архитектуру семейских можно изучать на примере сохранившихся и музеефицированных построек. Наиболее известен старообрядческий комплекс на территории Этнографического музея народов Забайкалья (ЭМНЗ), который Указом Президента Российской Федерации № 176 от 20 февраля 1995 года включен в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения как «музейный комплекс» (см. [19]). Именно этот жилищный комплекс старообрядцев детально рассмотрела Н. Р. Павлова (см. [25]).

Все постройки датируются второй половиной XIX – началом XX века Автором описаны усадьба Зайцева из с. Надеино: жилой дом, основу которого составляет так называемая «связь» – шестистенный сплоченный в «обло» сруб; дом Красикова из с. Барыкино-Ключи, амбар и кузница с набором инструментов, планировка дома несложная и характерна для небогатых жителей, дом состоит из прямоугольного, почти квадратного в плане, жилого помещения с печью, сенями, с чуланом – «казенкой» и прируба крытого крыльца; двухэтажный дом Борисова из с. Куйтун на высоком подклете, шестистенный сруб, в котором размещены в равном соотношении хозяйственные и жилые комнаты, по обе стороны сеней подклета и верхнего этажа, оконные проемы в доме небольшие, высокое крыльцо с балконом – террасой [25].

Описание архитектуры жилищных комплексов семейских Забайкалья на материале ЭМНЗ мы находим в исследовании С. В. Васильевой. На основе проведенного анализа, автор сделала вывод о наличии несущественных различий в домах русского старожильческого населения, семейских, казаков, которые выражаются в декоративном оформлении жилища, в способах украшения, резьбе, покраске домов [11, с. 54]. Подобный сравнительный анализ среди трех групп населения (русские, казаки и семейские) мы встречаем в статье Д. Д. Васильевой (см. [10]).

Доминантной точкой в пространстве старообрядческих сел, деревень являлись культовые сооружения – храмы, часовни, молельные дома. Они, как правило, не отделялись от жилых домов территориально, а были центром поселений. После церковного раскола строительство старообрядческих храмов было официально запрещено на протяжении 240 лет. Однако удаленное место-

положение территории Забайкалья от административных центров России, а также благосклонное отношение местных властей к старообрядцам позволили строить им полноценные церковные здания [12, с. 149–150].

Единственный сохранившийся до наших дней деревянный храм с колокольней из с. Никольское (около 1910 года) находится на территории ЭМНЗ, в экспозиции которого он занимает особое место. Исследователи С. Г. Жамбалова и Н. Б. Жалсараева утверждают, что сам процесс музеефикации храма был начат в 1971 году и закончен в 1977 году, после завершения реставрации внутренних объемов здания и иконостаса (см. [15]).

Архитектурно-пространственная композиция Никольской церкви является одним из вариантов широко распространенного в Сибири типа: «Здание состоит из постепенно нарастающих в ширину объемов в следующей последовательности, начиная от входа: навес-веранда, притвор, трапезная, куб (храм), апсида. Главные части здания, трапезная и куб (храм) построены из 23 венцов, рубленных «в лапу» и отесанных изнутри. К ним с восточной стороны примыкает алтарная часть – апсида, а с западной – притвор и веранда. Главный объем церкви исполнен в виде четверика, врезанного в двухскатную крышу, который переходит в крытый восьмерик. На восьмерике на следующем уже уровне расположен восьмигранный купол с луковичной главкой и крестом» [15, с. 379].

Подобное описание Никольского храма мы встречаем в публикациях Н. Р. Павловой [25], Е. В. Саяпаровой [27, с. 181], Е.В. Вагановой [8, с. 201], С. С. Коняевой [18, с. 67], З. К. Варфоломеевой [9] и др.

Истоки культовой архитектуры старообрядческих храмов представлены в работе П. А. Долнакова и Н. П. Журина (см. [14]). Изучив материалы Отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, фотографии старообрядческих храмов из фондов музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова (сегодня Национальный музей Республики Бурятия), а также саму Никольскую церковь, авторы выявили характерные черты в планировочной структуре храмов: «деревянный храм клетского типа, лаконичные и простые формы куполов, шатровое покрытие колокольни с большими свесами кровли, двухскатное решение средней части». При этом, авторы отмечали сходные черты Никольского храма со старообрядческими храмами в г. Новозыбкове (современная Брянская область), с. Елионке, Храм Ильи Пророка в г. Гомеле (Республика Беларусь) [14, с. 149].

В статье «К вопросу о храмовой архитектуре семейских» П. А. Долнаков на основе архивных сведений показал динамику строительства старообрядческих часовен и молитвенных домов [13]. Так, автор пишет, что в 1840 году на территории Забайкалья действовало 15 часовен с главами, увенчанными крестами, с колоколами и колокольней. При этом практически в каждом селении существовали молитвенные здания. К примеру, «по данным “Ведомости о раскольничьих молитвенных зданиях в Верхнеудинском округе находящихся 1850 год” в тринадцати селениях, где жили староверы, существовало 14 молитвенных зданий» [13, с. 342].

В строительстве культовых сооружений XVIII – первой четверти XIX века автор выделил два типа зданий: часовни и купольные храмы с колокольней. Часовня представляла собой прямоугольное здание, вытянутое вдоль продольной оси, у которой вход в здание размещался со двора. Само здание состояло из трех срубов, расположенных друг за другом по одной оси. Крыша была двухскатная, с крестом небольшого размера на куполе. Часовня имела звонницу в виде простой перекладины на двух опорах и два колокола.

Также П. А. Долнаков выделил отличительные черты храмов, возведенных на территории Забайкалья: «…свободное владением формами, далекими от древнерусской храмовой традиции; открытое выражение свободы вероисповедания через кресты и купола над культовыми зданиями. По размерам основного объема и декоративному оформлению фасадов культовые постройки семейских значительно уступали храмам стародубско-ветковской традиции, возведенным в Польше в связи с иными климатическими и финансовыми условиями» [13, с. 343].

В другой статье П. А. Долнаков, расширяя предмет исследования, проводит сравнительный анализ архитектуры старообрядческих храмов на примере Рудного Алтая и Забайкалья (см. [12]). Обоснован и правомерен вывод автора, о том, что в архитектуре забайкальских храмов четко

прослеживаются художественные особенности, привнесенные ветковскими мастерами. Это крупные размеры, сильно развитая двусветная трапезная, декоративные элементы в упрощенных классических формах и высокая многоярусная колокольня [12].

С одной стороны, простота, скромность, строгость старообрядческих храмов особенно выделяется на фоне красочного, нарядного оформления домов, украшенных богатой разноцветной росписью, орнаментами и др. С другой стороны, это подчеркивает монументальность и особую выразительность культовых зданий.

В заключение можно сделать следующие выводы. Во-первых, в современной научной литературе накоплен положительный опыт изучения особенностей архитектурного наследия старообрядцев (семейских) Забайкалья, однако следует отметить, что специальных, обобщающих культурологических работ еще не создано, что определяет несомненную актуальность заявленной темы. Во-вторых, современные исследователи внесли существенный вклад в выявление характерных черт и сохранившихся традиций в постройке жилых и культовых зданий, что определяет их значимость и историческую ценность как объектов культурного наследия. В-третьих, в современных условиях актуальным является дальнейшее комплексное изучение заявленной проблемы специалистами из различных областей, требующее существенного расширения эмпирической базы, подходов и методов с целью разработки комплекса мер по сохранению и трансляции наследия старообрядцев Забайкалья.

Литература

1. Аболина Л. А., Федоров Р. Ю. Элементы белорусских архитектурных традиций в строительной культуре семейских Забайкалья // Баландин. чтения. – Новосибирск, 2015. – Т. 10, № 2. – С. 8–15.
2. Белокрыс М. А. Музыкальная жизнь г. Кяхты («Песчаная Венеция») как феномен культурного наследия XIII – начала XX века: дис. … канд. культурологи: 24.00.03. – Улан-Удэ, 2010. – 213 с.
3. Болонев Ф. Ф. Жилище // Старообрядцы (семейские) Бурятии: к 250-летию прибытия первых переселенцев-старообрядцев в Бурятию: ист.-культур. энцикл. справ. – Улан-Удэ: ЭКОС, 2015. – С. 81–83.
4. Болонев Ф. Ф. Семейские: ист.-этногр. очерки. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1992. – 224 с.
5. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. – Изд. 2-е, испр. – Барнаул: БЮИ, 2001. – 51 с.
6. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX веках. – М.: ДИК, 2004. – 352 с.
7. Болонев Ф. Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX веках. – Новосибирск: Февраль, 1994. – 148 с.
8. Ваганова Е. В. Культовое наследие старообрядцев Западного Забайкалья: история и современность // Семейские – староверы Забайкалья: история, культура и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 17–18 июня 2011 года, г. Улан-Удэ – с. Тарбагатай. – Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2011. – С. 196–203.
9. Варфоломеева З. К. Никольская старообрядческая церковь [Электронный ресурс]. – URL: http://raoc.info/articles/28-nikolskaja-staroobrjadcheskaja-cerkov.html (дата обращения: 14.04.2017).
10. Васильева Д. Д. Архитектурное наследие деревянного зодчества старообрядцев Забайкалья: опыт сравнительной характеристики // Европейская наука XXI века: мат-лы IX Междунар. науч.-практ. конф. – Пшемысль: Наука и образование, 2013. – Т. 12. – С. 97–101.
11. Васильева С. В. Архитектурное наследие деревянного зодчества русского населения Забайкалья: опыт сравнительной характеристики // Историко-культурное и природное наследие: проблемы сохранения, трансляции и подготовки кадров: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы государственного регулирования и управления объектами историко-культурного наследия Байкальского региона», г. Улан-Удэ, 15 мая 2007 года. – Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВО ВСГИК, 2007. – Вып. 6. – С. 51–55.
12. Долнаков П. А. Архитектура старообрядческих храмов Сибири (на примере культовых сооружений Забайкалья и Рудного Алтая) [Электронный ресурс]. – URL: archivuz.ru/2011_22/13/ (дата обращения: 16.04.2017).
13. Долнаков П. А. К вопросу о храмовой архитектуре семейских // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф., Улан-Удэ, 07–08 авг. 2015 года. – Улан-Удэ: Бурят. гос. ун-т, 2015. – С. 339–345.
14. Долнаков П. А., Журин Н. П. Истоки культовой архитектуры семейских Забайкалья // Семейские – староверы Забайкалья: история, культура и современность: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 17–18 июня 2011 года, г. Улан-Удэ – с. Тарбагатай. – Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2011. – С. 149–152.

15. Жамбалова С. Г., Жалсараева Н. Б. О Никольской старообрядческой церкви в экспозиции Этнографического музея народов Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф., 26–28 июня 2001 года, г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2001. – С. 379–381.
16. Книга рекордов Гиннеса. Самая длинная деревенская улица в мире [Электронный ресурс]. – URL: http://guinessbook.ru/samaya-dlinnaya-derevenskaya-ulitsa-v-mire/ (дата обращения: 24.02.2017).
17. Конвенция ЮНЕСКО по защите Всемирного культурного наследия. – М.: Прогресс, 1973.
18. Коняева С. С. Атрибуция алтарных икон Никольской церкви музея этнографии народов Забайкалья // Кирилло-Мефодьевские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., 24 мая 2002 года, г. Улан-Удэ. – Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. – С. 64–70.
19. Кургузов В. Л. Проблемы методологии культурного наследия (на материалах сельских районов Бурятии) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (30–31 марта 2008 года): в 3 ч. – Омск, 2006. – Ч. 2. – С. 71–74.
20. Кургузов В. Л. Монологи о культуре: избр.: в 2 т. – Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2012. – Т. 2. – 612 с.
21. Кургузов В. Л. Культурное наследие, краеведение и этнографическое изучение региона // Байкальские встречи – IX: Этничность в контексте социально-культурного и экономического развития региона: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., 14–17 сент. 2016 года, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ – оз. Байкал: в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)». – Улан-Удэ: ФГБОУ ВО ВСГИК, 2016. – 608 с.
22. Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 12–18.
23. Об утверждении основ государственной культурной политики [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808. – URL: http://docs.cntd.ru/document/420242192 (дата обращения: 27.05.2017).
24. Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 20 февр. 1995 года № 176. – URL: http://base.garant.ru/10104140/ (дата обращения: 15.03.2017).
25. Павлова Н. Р. Этнографический музей народов Забайкалья (ЭМНЗ) (Старообрядческий (семейский) комплекс) [Электронный ресурс]. – URL: http://wiki.starover.net (дата обращения: 15.04.2017).
26. Разлогов К.Э. Культурология между прошлым и будущим // От краеведения к культурологии. – М., 2002. – С. 15–24.
27. Саяпарова Е. В. Старообрядческая культура в экспозициях музеев Бурятии (2-я половина XX – начало XXI века) // Семейские – староверы Забайкалья: история, культура и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., 17–18 июня 2011 года, г. Улан-Удэ – с. Тарбагатай. – Улан-Удэ: ИПК ФГБОУ ВПО ВСГАКИ, 2011. – С. 179–185.
28. Чимитов З. Б. Экологический туризм как фактор приобщения людей к ценностям природного и культурного наследия (на мат-лах республики Бурятия): дис. … канд. культурологии: 24.00.03. – Улан-Удэ, 2006. – 215 с.

References

1. Abolina L.A., Fedorov R.Yu. Elementy belorusskikh arkhitekturnykh traditsiy v stroitel'noy kul'ture semeyskikh Zabaykal'ya [Elements of Belarussian architectural traditions in the construction culture of Transbaikal Old Believers]. *Balandinskie chteniya [Balandin's readings]*. Novosibirsk, 2015, vol. 10, no. 2, pp. 8-15. (In Russ.).
2. Belokrys M.A *Muzykal'naya zhizn' g. Kyakhty ("Peschanaya Venetsiya") kak fenomen kul'turnogo naslediya XIII – nachala XX veka: dis. kand. kul'turologii: 24.00.03 [Musical life of the town of Kyakhta (Sand Venice) as a cultural heritage phenomenon of the eighteenth – early twentieth centuries. Diss. PhD in Culturology: 24.00.03]*. Ulan-Ude, 2010. 213 p. (In Russ.).
3. Bolonev F.F. Zhilishche [Housing]. *Staroobryadtsy (semeyskie) Buryatii: k 250-letiyu pribytiya pervykh pereselentsev-staroobryadtsev v Buryatiyu: istoriko-kul'tur. entsikl. spravochnik [Old Believers of Buryatia: to the 250th anniversary of the arrival of the first Old Believers – migrants to Buryatia: historical-cultural reference encyclopedia]*. Ulan-Ude, EKOS Publ., 2015, pp. 81-83. (In Russ.).
4. Bolonev F.F. *Semeyskie: istoriko-etnograficheskie ocherki [The Old Believers: historical-ethnographic essays]*. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1992. 224 p. (In Russ.).
5. Bolonev F.F. *Staroobryadtsy Altaya i Zabaykal'ya: opyt sravnitel'noy kharakteristiki [The Old Believers of Altai and Transbaikal: experience of comparative characteristics]*. Barnaul, BYuI Publ., 2001. 51 p. (In Russ.).

6. Bolonev F.F. *Staroobryadtsy Zabaykal'ya v XVIII–XX vekakh [The Old Believers of Transbaikal in the XVIII-XXth centuries]*. Moscow, DIK Publ., 2004. 352 p. (In Russ.).
7. Bolonev F.F. *Staroobryadtsy Zabaykal'ya v XVIII–XX vekakh [The Old Believers of Transbaikal in the XVIII-XXth centuries]*. Novosibirsk, Fevral' Publ., 1994. 148 p. (In Russ.).
8. Vaganova E.V. Kul'tovoe nasledie staroobryadtsev Zapadnogo Zabaykal'ya: istoriya i sovremennost [The cult heritage of the Old Believers of Western Transbaikal: history, culture and modern life]. *Semeyskie – starovery Zabaykal'ya: istoriya, kul'tura i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 17-18 iyunya 2011 goda [The Old Believers of Transbaikal: history, culture and modern life: materials of the International scientific-practical conference, 17-18 June, 2011]*. Ulan-Ude, IPK FGBOU VPO VSGAKI Publ., 2011, pp. 196-203. (In Russ.).
9. Varfolomeeva Z.K. *Nikolskaya staroobryadcheskaya tserkov' [Nikolskaya church of Old Believers: electronic resource]*. (In Russ.). Available at: http://raoc.info/articles/28-nikolskaja-staroobrjadcheskaja-cerkov.html (accessed 14.04.2017).
10. Vasilyeva D.D. Arkhitekturnoe nasledie derevyannogo zodchestva staroobryadtsev Zabaykal'ya: opyt sravnitel'noy kharakteristiki [The heritage of wooden architecture of Transbaikal Old Believers: the experience of comparative characteristics]. *Evropeyskaya nauka XXI veka: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [European science of the XXIst century: materials of the IXth International scientific-practical conference]*. Pshemysl, Nauka i obrazovanie Publ., 2013, vol. 12, pp. 97-101. (In Russ.).
11. Vasilyeva S.V. Arkhitekturnoe nasledie derevyannogo zodchestva russkogo naseleniya Zabaykal'ya: opyt sravnitel'noy kharakteristiki [The heritage of wooden architecture of Transbaikal Russian population: the experience of comparative characteristics]. *Istoriko-kul'turnoe i prirodnoe nasledie: problemy sokhraneniya, translyatsii i podgotovki kadrov: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. "Problemy gosudarstvennogo regulirovaniya i upravleniya ob"ektami istoriko-kul'turnogo naslediya Baykal'skogo regiona" [Historical, cultural and natural heritage: problems of preservation, translation and training of the staff: materials of all-Russian scientific-practical conference "Problems of state regulation and management of the historical-cultural objects of the Baikal region"]*. Ulan-Ude, FGBOU VO VSGIK Publ., 2007, iss. 6, pp. 51-55. (In Russ.).
12. Dolnakov P.A. *Arkhitektura staroobryadcheskikh khramov Sibiri (na primere kul'tovykh sooruzheniy Zabaykal'ya i Rudnogo Altaya) [The architecture of Old Believers' temples of Siberia: on the example of cult constructions of Transbaikal and Rudny Altai]*. (In Russ.). Available at: archivuz.ru/2011_22/13 (accessed 16.04.2017).
13. Dolnakov P.A. K voprosu o khramovoy arkhitekture semeyskikh [The question of temple architecture Semey]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Old Believers: history and modern life, local traditions, Russian and foreign ties: materials of the VIth International scientific-practical conference]*. Ulan-Ude, Buryat. gos. un-t Publ., 2015, pp. 339-345. (In Russ.).
14. Dolnakov P.A., Zhurin N.P. Istoki kul'tovoy arkhitektury semeyskikh Zabaykal'ya [The sources of cult architecture of the Old Believers of Transbaikal]. *Semeyskie – starovery Zabaykal'ya: istoriya, kul'tura i sovremennost': materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 17-18 iyunya 2011 goda [The Old believers of Transbaikal: history, culture and modern life: materials of International scientific practical conference, June 17-18 2011, Ulan-Ude city – Tarbagatai village]*. Ulan-Ude, FGBOU VPO VSGAKI Publ., 2011, pp. 149-152. (In Russ.).
15. Zhambalova S.G., Zhalsaraeva N.B. O Nikol'skoy staroobryadcheskoy tserkvi v ekspozitsii Etnograficheskogo muzeya narodov Zabaykal'ya [About Nikolskaya church of Old Believers in the exposition of the Ethnographical museum of Transbaikal peoples]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 26-28 iyunya 2001 goda [Old Believers: history and modern life, local traditions, Russian and foreign ties: materials of the IIIrd International scientific-practical conference, June 26-28, 2001]*. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ., 2001, pp. 379-381. (In Russ.).
16. *Kniga rekordov Ginnesa. Samaya dlinnaya derevenskaya ulitsa v mire [Guinness Book of records. The longest street in the world] [Elektronnyy resurs]*. (In Russ.). Available at: http://guinessbook.ru/samaya-dlinnaya-derevenskaya-ulitsa-v-mire (accessed 24.02.2017).
17. *Konventsiya YuNESKO po zashchite Vsemirnogo kul'turnogo naslediya. [The UNESCO Convention concerning the Protection of the World Cultural Heritage]*. Moscow, Progress Publ., 1973. (In Russ.).
18. Konyaeva S.S. Atributsiya altarnykh ikon Nikol'skoy tserkvi muzeya etnografii narodov Zabaykal'ya [The attribution of altar icons of Nikolskaya church of the ethnography museum of Transbaikal peoples]. *Kirillo-Mefod'evskie chteniya: materialy nauch.-prakt. konf., 24 maya 2002 goda [The readings of Cyril and Methodius: materials of scientific-practical conference, 24th of May 2002]*. Ulan-Ude, VSGAKI Publ., 2003, pp. 64-70. (In Russ.).

19. Kurguzov V.L. Problemy metodologii kul'turnogo naslediya (na materialakh sel'skikh rayonov Buryatii) [Problems of cultural heritage methodology (a case of rural districts of Buryatia]. *Sibirskaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (30-31 marta 2008 goda) [Siberian village: history, contemporary state, prospects of development. Materials of the IIIrd International scientific-practical conference]*. Omsk, 2006, vol. 2, pp. 71-74. (In Russ.).
20. Kurguzov V.L. *Monologi o kul'ture: izbrannoe v 2 t. [Monologues about culture: selected works, 2 volumes]*. Ulan-Ude, VSGUTU Publ., 2012, vol. 2. 612 p. (In Russ.).
21. Kurguzov V.L. Kul'turnoe nasledie, kraevedenie i etnograficheskoe izuchenie regiona [Cultural heritage and tourism: the problem of phenomena mythologization]. *Baykal'skie vstrechi – IX: Etnichnost' v kontekste sotsial'no-kul'turnogo i ekonomicheskogo razvitiya regiona: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 14–17 sentyabrya 2016 goda: v ramkakh Federal'noy tselevoy programmy "Kul'tura Rossii (2012–2018 gody)" [Baikal meetings - IX: Ethnicity in the context of socio-cultural fnd economic development of a region: materials of the International scientific-practical conference: within the federal target program "Culture of Russia (2012-2018)"]*. Ulan-Ude, FGBOU VO VSGIK Publ., 2016. 608 p. (In Russ.).
22. Kur'yanova T.S. Kul'turnoe nasledie: smyslovoe pole i praktika [Cultural heritage: semantic field and practice]. *Vestnik Tomskogo gos. universiteta [Bulletin of Tomsk State University]*, 2011, no. 2, pp. 12-18. (In Russ.).
23. *Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoy kul'turnoy politiki [On the Consolidation of the Foundations of State Cultural Policy]*. (In Russ.). Available at: http://docs.cntd.ru/document/420242192 (accessed 27.05.17).
24. *Ob utverzhdenii Perechnya ob"ektov istoricheskogo i kul'turnogo naslediya federal'nogo (obshcherossiyskogo) znacheniya [About approving the List of the historical and cultural objects of federal (all-Russian) importance]*. (In Russ.). Available: http://base.garant.ru/10104140 (accessed 15.03.2017).
25. Pavlova N.R. *Etnograficheskiy muzey narodov Zabaykal'ya (EMNZ) (Staroobryadcheskiy (semeyskiy) kompleks) [The Enthographic museum of Transbaikal peoples (EMTP). The Old Believers' complex]*. (In Russ.). Available at: http://wiki.starover.net (accessed 15.04.2017).
26. Razlogov K.E. Kul'turologiya mezhdu proshlym i budushchim [Culture Studies between past and future]. *Ot kraevedeniya k kul'turologi [From Area Studies to Culture Studies]*. Moscow, 2002, pp.15-24. (In Russ.).
27. Sayaparova E.V. Staroobryadcheskaya kul'tura v ekspozitsiyakh muzeev Buryatii (2-ya polovina XX – nachalo XXI veka) [The Old Believers' culture in the museum expositions of Buryatia (2nd half of the XXth – beginning of the XXIst centuries)]. *Semeyskie – starovery Zabaykal'ya: istoriya, kul'tura i sovremennost': materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf., 17-18 iyunya 2011 goda [Semeyskie – Old Believers of Transbaikalia: history, culture and modernity: proceedings of international scientific and practical conference, June 17-18, 2011]*. Ulan-Ude, IPK FGBOU VPO VSGAKI Publ., 2011, pp. 179-185. (In Russ.).
28. Chimitov Z.B. *Ekologicheskiy turizm kak faktor priobshcheniya lyudey k tsennostyam prirodnogo i kul'turnogo naslediya (na materialakh rspubliki Buryatiya): dis. kand. kul'turologii [Environmental tourism as a factor of sharing natural and cultural heritage values (a case study of the Republic of Buryatia. Diss. PhD in Culturology]*. Ulan-Ude, 2006. 215 p. (In Russ.).

УДК 94 (571.54)

ДРАМАТУРГИЯ Б. БАРАДИНА В НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Амгаланова Мария Викторовна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии и культурологии, Восточно-Сибирский государственный институт культуры (г. Улан-Удэ, РФ). E-mail: amgalanova@rambler.ru

Культурное наследие, его сохранение и трансляция, по своей сути является важнейшим способом существования культуры. Все, что было создано человечеством – это наше общее достояние, которое мы обязаны сохранить и передать последующим поколениям. В данной статье рассмотрены духовные ценности бурятского народа, отраженные в художественных произведениях Б. Барадина. Литературное

наследие Б. Барадина, во-первых, представляет собой источник информации о зарождении и развитии национальной бурятской литературы, во-вторых, имеет огромное значение для самобытности народа, в-третьих, является вкладом народа в отечественную и мировую культуру и цивилизацию.

В творческом наследии бурятского ученого, общественного деятеля, писателя Базара Барадина особым историко-культурологическим наполнением выделяются пьесы «Жэгдэн», «Шойжид», «Великая сестрица – шаманка». В целом развитию драматического жанра в бурятской национальной культуре первой четверти XX века способствовали массовость и доступность театральных постановок для большинства населения этого периода. Драматургия Б. Барадина представляет собой уникальное литературное явление, которое немыслимо без апелляции к общемировому культурному контексту. Владея в совершенстве несколькими иностранными языками, Барадин не только проявлял глубокий интерес к культурам различных стран, но и являлся пропагандистом бурятской культуры в странах Европы и Азии. Вся его деятельность, в том числе литературная, была направлена на национально-культурное возрождение бурятского народа, развитие творческого потенциала в сфере создания культурных ценностей национального и общечеловеческого значения.

Ключевые слова: советская эпоха, национальная культура, национальная бурятская драматургия, творческое наследие репрессированных писателей, культурная память.

DRAMATURGY OF B. BARADIN IN THE NATIONAL BURYAT CULTURE

Amgalanova Mariya Viktorovna, PhD in Culturology, Associate Professor of Department of Philosophy and Culturology, East-Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: amgalanova@rambler.ru

Cultural heritage, its preservation and transmission are the most important ways of existence of culture. Everything that was created by humanity is our common heritage, which we must preserve and pass to future generations. This article examines the spiritual values of the Buryat people, which were reflected in literary work of B. Baradin. Literary heritage of B. Baradin, firstly, is a source of information about the origin and development of the Buryat national culture. Secondly, it is of great importance for the identity of the people. Thirdly, it is the contribution of the people in the national and world culture and civilization.

Famous Buryat prominent public figure, scientist and writer Bazaar Baradin wrote dramatic works “Zhegden,” “Shoyzhid” and “Great Sister – Shaman.” These literary works have a unique historical and cultural value. The development of Drama in Buryat national culture depends on available to viewers in a period of the first quarter of XX century. The playwriting of B. Baradin is a unique literary phenomenon which correlates with the global culture. Baradin mastered several foreign languages, was interested in studying the culture of other countries and herewith promoted Buryat national culture in Europe and Asia. He directed his activities to the revival of the Buryat people and his literary work is a prime example of creativity in the creation of cultural national and universal values.

Keywords: Soviet era, national culture, national Buryat drama, creative heritage of repressed writers, cultural memory.

Проблемы истории культуры советского периода на протяжении последних десятилетий вызывают устойчивый интерес специалистов, которые описывают различные аспекты многообразных культурных форм всего «советского». Современные исследователи в рамках феноменологии сегодня осуществляют объективное изучение не только культуры повседневности советского человека, но и культуры художественной, создавая тем самым объемное пространство культурной памяти о советской эпохе. Особенное место в восстановлении культурной памяти занимает возвращение имен незаслуженно забытых или репрессированных писателей, а также содержание и пафос их произведений, созданных в атмосфере идеологической борьбы, философских и эстетических споров и, как следствие, изъятых из общественного и литературного контекста. Все это

в полной мере относится к культурному наследию Б. Барадина, который не только обращался к социокультурному прошлому, а глубоко и содержательно описывал духовную жизнь бурятского народа, показывая всю полноту народных устремлений, человеческих страстей и ожидание новой жизни.

Изучение творчества любого писателя является постижением не только субъективного мира автора, но и отражением мировоззрения в его произведениях. Писатели Бурятии первой четверти XX века создавали национальную литературу, пользуясь элементами традиционного историко-культурного фона: национальными особенностями конкретной исторической детализации быта, а также средствами метафоричности и народно-поэтической символики. Отметим, что особенностью становления бурятской литературы было то, что основным жанром являлась «рукописная улусная драматургия», которая в течение долгого времени определяла уровень и состояние всей литературы. Первые бурятские пьесы отражали духовную жизнь народа, запечатлевали вкусы и взгляды не только самих писателей, но и людей, для которых они создавались. Во многом, конечно, пьесы отвечали идеологическим требованиям эпохи, но в задачах социально-политического и культурного преобразования «на национальных окраинах и в период национально-освободительной борьбы, когда национальный вопрос еще не был решен, как правило доминируют общенациональные цели» [9, с. 227]. Конечно, эта тенденция отразилась в художественном творчестве.

Базар Барадин – один из немногих бурятских писателей, ученых и общественных деятелей, которые внесли огромный вклад в развитие национальной бурятской культуры, формируя этническое самосознание и идеологию национального развития бурятского народа. Б. Барадин был высокообразованным и эрудированным человеком: он обучался в Санкт-Петербургской частной бурятской гимназии, открытой известным ученым П. А. Бадмаевым, затем в Университете Санкт-Петербурга, посетил в качестве переводчика Германию, Швейцарию, Италию, был командирован в Тибет Русским комитетом при Академии наук по изучению Средней и Восточной Азии. Все это расширило его теоретическую и методологическую подготовленность, широту интересов в различных областях гуманитарного знания. Приобретение литературного опыта публициста позволило Б. Барадину создать впечатляющие по глубине и психологизму портреты действующих лиц, точные детализированные картины быта, широкую панораму исторических событий, а также определить место и роль героев в художественных произведениях.

Драматургические опыты Б. Барадина представляют больший культурологический интерес по сравнению с его прозаическим и поэтическим наследием, поскольку, во-первых, своим художественно-историческим материалом он поднял на новый уровень национальную литературу, углубив и расширив жанровое разнообразие драматургии: им были написаны комедия, историческая драма и поэтическая стихотворная драма. Во-вторых, после революций 1905 и 1917 годов происходили масштабные изменения политической, социально-экономической и духовной жизни. Параллельно с преобразованиями социальных основ проходил процесс формирования новой культуры. Именно в литературе нашли отражение все происходящие перемены в общественной жизни, проявилось стремление к их художественному осмыслению. Не была исключением и Бурятия, в которой огромную массу людей, не понимавших политической сути происходивших событий и роли простого человека в них, необходимо было вовлечь в исторический процесс.

Историко-культурная ситуация потребовала от национальной культуры и литературы выдвижения на первый план событий классовой борьбы, социальных конфликтов, пояснение судеб их участников. В этих условиях, когда «личные катастрофы и неурядицы, трагические финалы жизненных судеб приобретали внеличный («надличный», «сверхличный») оттенок… Процесс формирования личности не имел и не мог иметь характера замкнутого, семейно-изолированного, отъединенного» [3, с. 35], поэтому центральным элементом изображения становились не столько судьба индивидуальной личности, сколько общее состояние мира. Б. Барадин в качестве сюжетов для своих выбрал те, которые пользовались живым интересом к частной жизни и внутреннему миру конкретных исторических лиц.

Одной из наиболее успешных первых бурятских комедий и первым драматургическим

опытом Б. Барадина считается пьеса «Жэгдэн» (1918–1919), написанная в соавторстве с Д.-Р. Намжилоном. Анекдотические случаи из жизни заседателя Агинской степной думы Жэгдэна Зориктуева легли в основу одноактной комедии Б. Барадина «Старинные бурятские нойоны» («Урданай буряад ноёд», 1919) и комедии в одном действии Д.-Р. Намжилона «Жэгдэн Зориктуев» (1921) [6, с. 33–34]. Совместная работа впервые была поставлена на сцене Агинского народного театра. В дальнейшем пьеса несколько раз редактировалась и дополнялась, последняя редакция была осуществлена в 1933 году, в которой из пяти явлений перу Намжилона принадлежало только третье явление [5, с. 161]. Первая многоактная бурятская комедия имела большой успех у зрителей и критиков, практически беспрерывно ставилась на улусных сценах до 1937 года.

Главным действующим лицом комедии стал богатый старик, чье поведение, причудливые выходки и слабости давали богатый материал для множества анекдотов, придавая бытовым зарисовкам пьесы изрядную долю юмора. Авторы пьесы использовали знания образа жизни бурят XIX века и известные предания агинцев, что позволило им не только достоверно воспроизвести бытовые условия и нравы нойонов, но и социально-экономическое положение простого народа, бесправное положение женщин. Объектом смеха зрителей становится физическая (наружность, лицо, фигура), интеллектуальная (суждения, психологическая мотивировка действий), моральная (безнравственность, похотливость, мелочность устремлений) жизнь Жэгдэна. Эта комедия носит тенденциозный морализаторский характер, что объясняется иной ролью жизненного материала, чем, например, в трагедии. Сама по себе комедийная ситуация не должна быть просто достоверной, в ней активно присутствует субъективная авторская наблюдательность и насмешка. Элементы быта, народной речи, психологические портреты в тексте пьесы сделали Жэгдэна и других героев живыми и реальными. Первая бурятская комедия характеризуется сочетанием достоинств веселого спектакля в стиле дель арте и литературного произведения.

Эта пьеса отличалась оригинальностью подхода к изображению социальной и культурной жизни бурят конца XIX века. Избежав традиционной в пьесах того времени фактографичности бытописания, Барадин широко использовал содержательные подтексты (этнографические приметы, детали, вкрапленные в ткань действия), которые способствовали созданию яркого образа как самих главных действующих лиц, так и описываемых жизненных ситуаций. С присущим ему знанием жизни, владением литературным мастерством, Б. Барадин предлагает нам широкий культурный пласт традиционного образа жизни и мировоззрения бурятского народа начала XX века.

В комедии показана активная гражданская позиция писателя: пафос пьесы был направлен не против отдельных личностей, но против объективных факторов и основ существования показанных в пьесе пороков общественной жизни. Пьеса глубоко национальна, это заключается не только в умелом использовании и вкраплении этнографических зарисовок, а в абсолютно нерасторжимой связи традиционных черт и особенностей народного характера и менталитета с социальным и нравственным опытом, который является отражением общечеловеческих норм и ценностей.

Круг этических проблем и направлений художественных исканий в бурятской литературе был достаточно широк. Кроме актуальных проблем современности писателям предстояло решить проблему отношения к событиям прошлого и стать источником исторических знаний. Жанр исторической пьесы, кроме описания этнографических примет и деталей быта, требовал множества действующих лиц, смены места действий, то есть демонстрации широкой панорамы национальной жизни. Все эти элементы культурного фона мы находим в другом произведении Б. Барадина – «Шойжид» («Шойжид хатан», 1920). Для бурятской драматургии эта пьеса, повествующая о событиях 1802–1807 годов, была абсолютно новым литературным явлением. Как и в лучших русских пьесах 20-х годов, в драме утверждалась зависимость дум и дел героев от сложных социальных процессов и расстановки общественных сил. В первой редакции драма состояла из трех относительно самостоятельных частей: «Жизнь лам», «Жизнь нойонов», «Жизнь народа» [7, с. 42–43]. Вторая редакция, осуществленная в 1934 году, содержала две части: «Жизнь лам и нойонов», «Жизнь народа».

Динамика и движение драматического действия пьесы заключается в непримиримости

жизненных принципов нойонской верхушки и простого народа. Именно на конфликте мировоззренческих принципов, когда «верхи не желают жить по-новому, а низы – по-старому» выстроены художественно-философская концепция и композиция пьесы. В целом мы можем отметить, что драма «Шойжид» проходит через опыт романтического европейского искусства, представляющего возвышенных, но отверженных героев, которые находятся в трагической антитезе по отношению к миру. С другой стороны, Б. Барадин, используя более глубокий анализ исследования политической и социально-экономической ситуации, выходит на позиции критического реализма. В художественном отношении драма представляет собой произведение общественного масштаба, критикующее публичную жизнь нойонов и бесправие простого народа.

Еще одним новаторским произведением бурятского литературного наследия стала стихотворная пьеса Б. Барадина «Великая сестрица – шаманка» («Ехэ удаган абжаа», 1921), посвященная исторической поездке хоринских бурят в 1701 году к Петру I, в которой автор достоверно передал социально-политическую атмосферу XVIII века. Действие пьесы также апеллирует к реальному настоящему – гражданской войне, интервенции, семеновщине и ближайшему будущему, которое в монологах героев мыслится светлым и радостным, в противоположность мрачному, лишенному какой-либо ценности настоящему. Тем самым, на наш взгляд, Б. Барадин отразил главную художественную драматургическую задачу: расширить сознание зрителя, показать ему события, происходившие в далеком прошлом и научить его в открывшейся перспективе увидеть и оценить не только прошлое своего народа, но и его настоящее время. Он стремился синтезировать исторически конкретное изображение реальных событий современности с откровенным авторским вмешательством в судьбы героев, с широким использованием условных приемов. Барадин впервые в бурятской литературе применил «трехмерное» изображение действительности, когда герои и события воспроизводятся в отношении к настоящему, прошлому и будущему.

В этом произведении автор органично соединил эпико-историческое и лирическое начала с драматическим действием. Лирическое начало было обусловлено наличием песен, шаманских призываний, введением в монологи героев метафоричности (сравнений, образных выражений, ярких эпитетов); малыми жанрами обрядовой поэзии (благопожеланиями, заговорами, проклятиями и заклинаниями). Эпическое начало характеризуется отражением народной жизни, народной идеологии, расширением пространства и времени, вневременной заинтересованностью в победе добра над злом.

Объектом критики драматических произведений Барадина в бурятском литературоведении стало увлечение автором шаманскими призываниями и гимнами, которые он считал вершиной поэтического творчества бурят, в натуралистичности и этнографичности некоторых сцен, в частности шаманских камланий, сцен самопожертвований и т. д. [5, с. 70–71; 8, с. 210]. Выводя в качестве главных героев пьесы «Великая сестрица шаманка» шаманов Нагарая и Эреэхэн, Барадин в художественной форме стремился выразить свои эстетические взгляды. Шаманская поэзия, по мнению Барадина, должна была сыграть исключительную роль в области выработки «художественно-языкового литературного стиля и в области сценического искусства, музыки и пения» [18, с. 80]. Поэтому особенное внимание Барадин уделяет роли сценической условности, активно использовав сцены-видения, монологи-предсказания, мистические представления. Пьеса проникнута метафизическим смыслом. Произведением классическим эту пьесу, на наш взгляд, делает то, что она устремляется за пределы реальной общественной и частной жизни, от плана эмпирически-бытового движется к плану мистериальному. Сцены шаманского камлания, мистического разговора с духами приближают пьесу Б. Барадина к лирической драме, ведущей «родословную от драматической поэмы Ф. Шиллера “Дон Карлос”, которая представляет собой “лирический монолог автора, как бы разделенный между персонажами”» [1, с. 322].

Исследователь бурятской литературы А. Б. Соктоев считает, что Б. Барадин как писатель буржуазно-националистического течения в своих произведениях «проповедовал тесный “дружественный” союз между эксплуататорами и эксплуатируемыми» [8, с. 300]. Исследователь

отмечает, что автор специально уходил от критики современного нойонатства, поскольку был проводником класса национальной бурятской буржуазии. Современное прочтение пьес показывает, что в целом они были направлены на воспитание в зрителях не только желания высмеять мир царских чиновников, местных ставленников, но и ненависти уходящему эксплуататорскому строю. Сама действительность и значительность социального содержания пьес дали Барадину тот эпический материал, в обостренных конфликтах которого он не только вскрыл источники драматических столкновений, но и реальным ходом событий способствовал «отрезвлению» зрителей, освобождению их от старых иллюзий. В драматических произведениях Б. Барадина видна активная гражданская позиция писателя: пафос пьесы был направлен не против отдельных личностей, но против объективных факторов и основ существования показанных в пьесах пороков общественной жизни.

Для творчества Базара Барадина было характерно отражение национального мировоззрения через морально-нравственные ценности и традиции бурятского народа. В рассмотренных нами драмах он обращал внимание на эмоциональную сторону духовности своего народа, морально-нравственную сущность человека, тем самым подчеркивая, что в философском и социальном содержании конфликтов содержится личностное начало. В своих произведениях Б. Барадин не славословит новый строй, не ведет идейную борьбу, как того требовали цели и задачи нового времени, но выполняет иную философско-культурную задачу. С помощью известных, а соответственно, понятных бурятскому народу исторических фактов и художественных средств, он пытался описать новый образ жизни, который должен был отразить перемены в самосознании народа, произошедшие после революции, и определить свою роль в мировом контексте. Кроме того, ему удалось выделить систему нравственных координат, которые способствовали бы духовному росту и самосознанию нации.

Сегодня идеализировать творческое наследие Б. Барадина вряд ли стоит, поскольку он был сыном противоречивого и бурного времени, высказывал мысли и идеи, которые были неприемлемыми тогда и остаются спорными и сегодня. Но никто из его оппонентов или последователей не сомневается, что Б. Барадин – это Личность, представляющая собой «особое качество индивида, которое выражается в его способности нести в себе идеальную целостность природы, общества и культуры, находясь в реальной социальной связи с ними» [4, с. 10].

Благодаря обращению в своем творчестве к национальному характеру, богатому народному языку Базар Барадин занял достойное место в истории национальной художественной культуры. Анализ его произведений наглядно доказывает, что в культурном процессе отбирается, сохраняется, совершенствуется то, что может служить ценностями и нормами всего человечества и отдельного народа. Острая социальная злободневность в диалектической связи с историей бурятского народа, следование национальным и общечеловеческим ценностям и приоритетам придает творчеству Б. Барадина значение содержательной основы национальной культуры.

Литература

1. Алперс Б. Искания новой сцены. – М.: Искусство, 1985. – 400 с.
2. Барадин Б. Б. Вопросы сценического искусства бурят-монголов. – Верхнеудинск, 1925. – 31 с.
3. Головчинер В. Е. Эпическая драма в русской литературе XX века. – Томск: Изд-во Томс. гос. пед. ун-та, 2001. – 241 с.
4. Жукоцкий В. Д. Гуманистические ценности культуры // Ценности и смыслы. – 2010. – № 1 (4). – С. 6–18.
5. История бурятской советской литературы. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1967. – 475 с.
6. Найдакова В. Ц. Бурятский академический театр драмы им. Х. Намсараева – последняя четверть XX века (1975–2002 годы). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002. – 310 с.
7. Найдакова В. Ц. Бурятский советский драматический театр. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. – 276 с.
8. Соктоев А. Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. – Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1976. – 491 с.
9. Цибиков Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 249 с.

References

1. Alpers B. *Iskaniya novoy stseny [The finding of new scene]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985. 400 p. (In Russ.).
2. Baradin B.B. *Voprosy stsenicheskogo iskusstva buryat-mongolov [The questions of buriat-mongol theatre art]*. Verkhneudinsk, 1925. 31p. (In Russ.).
3. Golovchiner V.E. *Epicheskaya drama v russkoy literature XX veka [The epic drama in Russian literature in XX century]*. Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Publ., 2001. 241 p. (In Russ.).
4. Zhukotskiy V.D. Gumanisticheskie tsennosti kul'tury [The humanistic values of culture]. *Tsennosti i smysly [Values and meanings]*, 2010, no. 1(4), pp. 6-18. (In Russ.).
5. *Istoriya buryatskoy sovetskoy literatury [The history of Buryat soviet literature]*. Ulan-Ude, Bur. kn. izd-vo Publ., 1967. 475 p. (In Russ.).
6. Naydakova V.Ts. *Buryatskiy akademicheskiy teatr dramy im. Kh. Namsaraeva – poslednyaya chetvert' XX veka (1975–2002 gody). [The Buryat drama theatre of X. Namsaraev – the last quarter of XX century (1975-2002)]*. Ulan-Ude, IPK VSGAKI Publ., 2002. 310 p. (In Russ.).
7. Naydakova V.Ts. *Buryatskiy sovetskiy dramaticheskiy teatr [The Buryat soviet drama theatre]*. Ulan-Ude, Bur. kn. izd-vo Publ., 1974. 276 p. (In Russ.).
8. Soktoev A.B. *Stanovlenie khudozhestvennoy literatury Buryatii dooktyabr'skogo perioda [The foundation of Buryat literature in period before October revolution]*. Ulan-Ude, Bur.kn.izd-vo Publ., 1976. 491 p. (In Russ.).
9. Tsibikov B.D. *Buryatskie uchenye natsional-demokraty [The Buryat national democrats scientists]*. Ulan-Ude, BNTS SO RAN Publ., 2204. 249 p. (In Russ.).

УДК 069.014

АКТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МУЗЕЕВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Сырыгин Денис Сергеевич, аспирант, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: dasius11@gmail.com

В наши дни существует множество музеев промышленных предприятий, которые выполняют различные функции в интересах компаний. Одной из культурных составляющих данного типа музеев является история трудовой славы предприятия. Сегодня музеи промышленных предприятий имеют ряд проблем с типовой принадлежностью, финансированием, защитными механизмами со стороны государства. К сожалению, к этим проблемам можно добавить еще то, что очень часто руководство предприятий не осознаёт культурную ценность и общественную значимость музеев данного типа. Еще реже придается значение трудовой славе самого предприятия. Важно понимать, что данные музеи не просто хранят в своих фондах уникальные документальные свидетельства истории развития конкретных предприятий. Музеи подобного типа сохраняют часть культурного наследия, трудовой славы и профессиональной гордости, которые ярко демонстрируют ход научно-технического прогресса и развитие научной мысли целых регионов. В статье раскрывается специфичность и уникальность данного явления на примере музеев таких компаний, как «Группа ГАЗ», завод и ПО «Корпус», завод «Нефтемаш», ОАО УК «Кузбассразрезуголь» и УК «Прокопьевскуголь». Данные примеры помогут создать возможность выгодного сотрудничества, заинтересованность в развитии и защиту музея в первую очередь со стороны предприятия.

Ключевые слова: трудовая слава, музеи промышленных предприятий, музеефикация промышленных объектов.

ACTUALIZATION OF THE ACTIVITIES OF ENTERPRISE MUSEUMS IS A SPECIFIC PHENOMENON OF SOCIOCULTURAL LIFE

Syrygin Denis Sergeevich, Postgraduate, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dasius11@gmail.com

Nowadays there are a lot of enterprise museums which serves in different capacities on behalf of an enterprise. One of the cultural components of such types of museums is the enterprise's labor glory's history. The present day enterprise museums' have a number of problems with naming, funding, security on the part of government. Unfortunately this is not the end of main problems. Oftentimes enterprise management does not realize cultural values and public significance of such types of the museums. It is important to understand that these museums are not only the keepers of the history's unique documentary records of the development of specific enterprises. Such types of museums keep part of cultural heritage, labor glory and professional pride. These all demonstrate clearly the development of scientific and technical progress, evolution of scientific thoughts of the whole regions. This paper uncovers the peculiarity and uniqueness of this phenomenon through the example of such enterprises' museums as "GAZ group", "Korpus", "HMS Neftemash", "Kuzbassrazrezugol" and "Prokopievskugol". These examples help to create the possibility of beneficial cooperation, interest in development and museum security primarily on behalf of the enterprise. Useful results of these enterprises' experience can help to solve the foresaid problems by means of personal example. First and foremost this will support enterprises' management to create modern and highly sought museum. Actualization of enterprise museum's labor glory is a crucial issue which is needed not only to be discussed but also to be solved. As both enterprises and the whole regions are interested in the success and development of such museums.

Keywords: labor glory, enterprise museums, museumification of industrial facilities.

В последнее время на территории Российской Федерации более заметной стала тенденция создания музеев промышленных предприятий на базе заводов и корпораций. Отчасти это явление обусловлено ростом внимания общественности к развитию отраслевых промышленных предприятий на территории нашей страны. Музей промышленного предприятия помогает накопить, сохранить и поделиться с общественностью историческими ценностями и достижениями работников промышленной сферы. Сами же компании, как и государство, стремятся к накоплению, сохранению исторических ценностей и передаче опыта, которые важны для сферы деятельности предприятий.

За последние годы из-за изменений в социально-экономической ситуации произошла смена формы собственности многих предприятий и организаций на территории РФ. Теперь их владельцами стали частные структуры, что привело к изменениям в положении, деятельности и статусе музеев промышленных предприятий. Все это дало новый толчок в формировании и развитии данных музеев. Музей стал выступать одним из основных элементов корпоративной и социальной политики компании или предприятия. Наличие музея помогает не только заинтересовать, воспитать и удержать работника на предприятии, но и внести особый вклад в решение социокультурных задач региона и страны [7].

Согласно Российской музейной энциклопедии, понятие «промышленные музеи» раскрывается как группа музеев, чьи собрания документируют и современный уровень, и историю развития промышленности как в целом, так и её отдельных отраслей. Группа промышленных музеев включает промышленные и художественно-промышленные музеи, музеи истории промышленных предприятий, музеи производства определённого вида продукции, а также музеефицированные промышленные объекты [6].

Музеефикация промышленных объектов и предметов показывает насколько изменилось отношение к индустриальным и промышленным объектам, рост интереса к научной и технической истории человечества, актуальность вопросов проблем экологии, а также загрязнения окружающей среды.

Необходимость возникновения музеев промышленных предприятий напрямую связана с

содействием и помощью в развитии различных видов производства в обществе – кустарного, ремесленного и промышленного. Появилась новая тенденция – стремление сохранить для общества продукты промышленности и целостные промышленные комплексы как памятники научной и технической мысли. Одним из важнейших направлений современного музея промышленного предприятия является актуализация трудовой славы и достижений компании.

К сожалению, очень часто руководство предприятий не осознаёт культурную ценность и общественную значимость музеев промышленных предприятий [1]. Еще реже придается значение трудовой славе самого предприятия. Важно понимать, что музеи промышленных предприятий не просто хранят в своих фондах документальные свидетельства истории развития конкретных предприятий. Данные музеи этого профиля сохраняют часть культурного наследия, трудовой славы и профессиональной гордости, свидетельствующие о том, как ход научно-технического прогресса и развития научной мысли менял жизнь целых регионов нашей страны.

Данное направление в подобных музеях может стать отличным плацдармом для профориентации молодых специалистов, привлечения новых высококвалифицированных кадров, что в свою очередь будет способствовать появлению интереса спонсоров и инвесторов к промышленному предприятию, а значит и продвижению предприятия в профессиональной сфере [2].

К счастью в России на данный момент присутствуют корпорации, которые понимают, что музеи являются наглядным примером истории их трудовой славы и достижений. Они используют музеи как в своих, так и общественных целях.

Ярким примером является музей истории Горьковского автозавода «Группы ГАЗ», входящий в состав одной из крупнейших в России промышленных групп «Базовый Элемент». Музей был основан в 1932 году, и по сей день является главным хранителем традиций предприятия. Данный музей – это место, где каждый может открыть для себя опыт и знания автомобилестроителей, а также неотъемлемую часть корпоративной культуры Горьковского автозавода. Здесь ведется огромная работа по изучению и популяризации не только истории ГАЗа, но и всего российского автопрома. В музее проводятся экскурсии, организуются научно-просветительские мероприятия, которые способствуют профессиональной ориентации подрастающего поколения и молодых специалистов.

В музее находятся уникальные вещевые и документальные фонды, включающие архивы работников завода. В фондах музея содержатся более 40 тысяч единиц хранения. Особо ценным и интересным является материал о строительстве и строителях ГАЗа, об их боевых и трудовых подвигах во время Великой Отечественной войны и послевоенные годы. Всё это можно найти в музейном архиве.

Музей истории ОАО «ГАЗ» – гордость не только автозавода и Нижегородской области, но и всей России. В 1996 году он вошел в каталог автомобильных музеев Европы. В 1999 году музей принимал участие в шестом Всемирном форуме автомобильных музеев в Штутгарте (Германия). Ежегодно музей с гордостью демонстрирует свои коллекции гостям из Франции, Великобритании, Германии, Австрии, Дании, Индии, Японии, Южной Кореи, Кубы и других стран [10].

Также существуют музеи, которые посвящены трудовой славе нескольких индустриальных комплексов. Они объединяют в себе этапы развития и становления различной промышленности целого региона, аккумулируя и экспонируя трудовую славу почти всех фабрик и заводов. Таким примером служит музей Трудовой Славы в Саратове, который был создан с помощью специально созданного благотворительного фонда «Звезда» на средства меценатов и неравнодушных горожан. В списке благотворителей значится более 300 организаций – это автотранспортные и промышленные предприятия, переработчики сельхозпродукции, строители, представители малого и среднего бизнеса практически из всех районов Саратовской области, а также простые саратовцы – студенты, служащие, пенсионеры. Все они участвовали в создании музея: не только осуществляли денежные пожертвования, но и делились архивной информацией и экспонатами [5].

Кроме того экспозиция «Трудовая слава Саратовской области», созданная к 70-летию Великой Победы, отражает подвиг человека труда

XX столетия, охватывая и представляя историю трудовой славы нескольких поколений на различных предприятиях на протяжении целого столетия.

Среди раритетов – фотографии рабочих промышленных предприятий Беринга, Гантке, Саратовского котельного завода и других; знамя, полученное работниками лесопильного завода за успешное выполнение заданий первой пятилетки, документы, рабочие инструменты и другие артефакты.

Нельзя не затронуть очень важный период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Материалы о тружениках тыла Саратовской области именно данного периода находятся в центре экспозиции. Во время войны на территории Саратовской области было более 560 промышленных предприятий. Основная же часть промышленности размещалась в самом городе Саратов, 35 заводов которого относились к крупнейшим оборонным предприятиям страны и насчитывали более 60 тысяч рабочих мест.

Трудовая слава Саратовской области второй половины XX столетия – это авиационный завод и ПО «Корпус», полиграфический комбинат и завод «Техстекло», ПО «Контакт» и завод приемно-усилительных ламп, химические комбинаты в Саратове, Энгельсе, Балаково, цементные заводы г. Вольска, зубострогальный, станкостроительный, зуборезный заводы, предприятия пищевой и легкой промышленности, завод «Нефтемаш».

Исторические данные, предметы экспозиции, архивные документы, раритетные артефакты XX столетия – все это очень важно не только для предприятий и компаний Саратовской области, но и для простых жителей, которые привыкли гордиться своим регионом. По сей день саратовские промышленники активно участвуют в международных, всероссийских и межрегиональных ярмарках и выставках. Это способствует продвижению саратовской продукции на рынки всех субъектов нашей необъятной страны и доказывает, что сегодня Саратовская область – одна из передовых территорий развития, а музеи Трудовой славы данных предприятий прекрасно это демонстрируют [9].

Сравнивая развитые музеи промышленных предприятий России, стоит отметить музеи трудовой славы Кузбасса таких крупных компаний, как ОАО УК «Кузбассразрезуголь» и УК «Прокопьевскуголь». Каждая из этих компаний подает прекрасный пример актуализации трудовой славы как внутри стен своих промышленных музеев, так и за их пределами. Благодаря заботе о своих музеях, данные компании имеют широкие и крепкие связи с общественной и деловой сферой своего региона, зачастую выступая инициаторами крупных и значимых событий [3].

Например, музей трудовой славы шахты им. Дзержинского УК «Прокопьевскуголь» был первым промышленным музеем в городе Прокопьевск, созданным на базе предприятия. В наши дни это не просто место прославления истории и трудовой славы шахты им. Дзержинского, это особое место для всех работников предприятия. Это также место, куда могут прийти ветераны, чтобы окунуться в воспоминания, а школьники познакомиться с историей предприятия и профессией шахтера. За время своего существования музей создал свои собственные традиции. Музей стал основным местом, откуда провожают в армию молодых шахтёров, а ветеранов труда – на заслуженный отдых [8].

Отличным примером по созданию и развитию промышленных музеев трудовой славы служит компания «Кузбассразрезуголь». Несколько лет назад руководство компании решило воссоздать историю своих предприятий. Работники управления по связям с общественностью провели кропотливую работу по сбору экспонатов славного прошлого горняцких коллективов. Практически при каждом из 13 разрезов компании заработали музеи и комнаты трудовой славы, появились экспозиции, посвященные ветеранам Великой Отечественной войны. Следует отметить особую заинтересованность ветеранских организаций этих предприятий. Именно благодаря им за короткое время смогли собрать и сформировать приличный музейный фонд, найти множество реликвий и огромное количество рукописей-воспоминаний, которые легли в основу книг по истории «Кузбассразрезугля». Далеко не многие предприятия могут похвастаться наличием подобной литературы, которая стала ещё одним витком деятельности, направленной на сохранение истории угольных предприятий Кузбасса.

Трепетным отношением к своей истории отличается не только «Кузбассразрезуголь», но и

первый угольный разрез – «Краснобродский». Музей разместился в новой поселковой школе и стал центром патриотического воспитания юных краснобродцев. Первыми активными дарителями музея стали жители посёлка и бывшие работники разреза. Школьники также не отставали от своих родителей и с интересом принимали участие в краеведческой работе музея.

Главное, по мнению специалистов музейного дела, чтобы создавались не просто выставки исторических предметов и фотографий, а целые очаги истории и культуры, которые играли бы воспитательную и просветительную роли для населения и являлись бы связующим звеном поколений [4].

Подводя итоги вышеизложенному, следует отметить, что актуализация трудовой славы в музеях промышленных предприятий – это особое явление в социокультурной жизни каждой компании. Своеобразие и уникальность, зачастую взаимосвязанных, процессов функционирования данного типа музеев заключается: во-первых, в мощной рекламной площадке. Профориентация молодых специалистов и привлечение новых высококвалифицированных кадров по сей день остается одним из важнейших направлений для компании, а мощная пиар-база за счет актуализации трудовой славы промышленного предприятия позволяет также презентировать продукт производства, давая уверенность в его качестве.

Во-вторых, актуализация трудовой славы позволяет усилить интерес у спонсоров и инвесторов к промышленному предприятию, что также значительно помогает продвижению предприятия в профессиональной сфере, дает представление о конкурентоспособности компании и ее продукта.

В-третьих, актуализируя трудовую славу, предприятие сохраняет и передает уникальный опыт, выступая новой формой связи с общественностью. Фонды, как правило, создаются посредством личных вещей и коллекций сотрудников предприятия. Таким образом, компания хранит память не только о трудовой деятельности завода, но и сохраняет историю отдельного человека. Целые поколения сотрудников приобщаются к трудовой славе индустриального комплекса, что в дальнейшем может привести к созданию социокультурного центра на базе предприятия. Многие музеи промышленных предприятий как раз действуют в данном направлении, проводя воспитательную и просветительную работу с населением, тем самым образуя крепкое связующее звено с обществом.

В-четвертых, трудовая слава предприятия – это предмет гордости. Прославлением трудовой истории занимаются не только руководство и сотрудники предприятия, но и их родственники, знакомые, жители города и даже целого региона.

На данный момент множество вопросов, касающихся актуализации трудовой славы в музеях промышленных предприятий, остаются неразрешенными. Не все компании понимают, зачем это нужно. Практическое применение опыта вышеописанных музеев может помочь решить часть проблем посредством конкретного примера. Это в первую очередь проблема создания актуального и востребованного музея, который будет выступать хранителем корпоративной культуры, визитной карточкой предприятия, социокультурным центром, связующим звеном между промышленностью и обществом. В успехе и развитии данного музея будет заинтересована не только сама компания, но и целый регион.

Литература

1. Болдырева Н. Е. Заводские музеи России: специфика становления и оценка состояния [Электронный ресурс] // Изв. Волгоград. гос. техн. ун-та. – 2012. – С. 97–100. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/zavodskie-muzei-rossii-spetsifika-stanovleniya-i-otsenka-sostoyaniya (дата обращения: 19.09.2017).
2. Карелина Н. В. Предприятие и музей: перспективы сотрудничества в рамках маркетинговой деятельности [Электронный ресурс] // Эконом. исслед. – 2012. – № 2. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/predpriyatie-i-muzey-perspektivy-sotrudnichestva-v-ramkah-marketingovoy-deyatelnosti (дата обращения: 19.09.2017).
3. Кравцова Л. А. Музеи угледобывающих компаний в социокультурном пространстве Кемеровской области в начале XXI века [Электронный ресурс] // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 2(14) – С. 81–85. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/muzei-ugledobyvayuschih-kompaniy-v-sotsiokulturnom-prostranstve-kemerovskoy-oblasti-v-nachale-xxi-v (дата обращения: 19.09.2017).
4. Музей как связующее звено поколений [Электронный ресурс] // ОАО «УК “Кузбассразрезуголь”». – URL: http://old.kru.ru/ru/press/index.php?from15=56&id15=4007 (дата обращения: 18.09.2017).

5. Музей трудовой славы стал позитивным примером саратовского меценатства [Электронный ресурс] // ИА Saratovnews. – URL: http://www.saratovnews.ru/news/2014/10/28/myzei-trydovoi-slavy-stal-pozitivnym-primerom-saratovskogo-mecenatstva (дата обращения: 16.09.2017).
6. Промышленные музеи [Электронный ресурс] // Рос. музей. энцикл. – URL: http://www.museum.ru/rme/sci_prom.asp (дата обращения: 16.09.2017).
7. Пуликова И. В. Деятельность российских корпоративных отраслевых музеев [Электронный ресурс] // Справ. рук. учреждения культуры. – 2010. – № 6. – URL: http://www.mcfr.ru/journals/91/244/20437/20443/?phrase_id=853486 (дата обращения 15.09.2017).
8. Троицкая И. Музей трудовой славы шахты им. Дзержинского УК «Прокопьевскуголь» будет участвовать в областном смотре-конкурсе на лучший музей ветеранского движения промышленных предприятий, учреждений и организаций Кемеровской области [Электронный ресурс] // МедиаКузбасс. – URL: http://mediakuzbass.ru/news/26997.html#/news-text (дата обращения: 18.09.2017).
9. Трудовая слава Саратовской области [Электронный ресурс] // Саратовский Государственный Музей Боевой и Трудовой Славы. – URL: http://www.sargmbs.ru/index.php/ekspozitsii-i-vystavki/arkhiv-vystavok/trudovaya-slava-saratovskoj-oblasti (дата обращения: 18.09.2017).
10. 50 лет музею истории Горьковского автозавода [Электронный ресурс] // Горьковский автомобильный завод. – URL: http://www.gazservis.vrn.ru/news/view/174 (дата обращения: 16.09.2017).

References

1. Boldyreva N.E. Zavodskie muzei Rossii: spetsifika stanovleniya i otsenka sostoyaniya [Factory museums in Russia: the specifics of formation and assessment of the state]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Volgograd State Technical University]*, 2012, pp. 97-100. (In Russ.). Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/zavodskie-muzei-rossii-spetsifika-stanovleniya-i-otsenka-sostoyaniya (accessed 19.09.2017).
2. Karelina N.V. Predpriyatiye i muzey: perspektivy sotrudnichestva v ramkakh marketingovoy deyatel'nosti [Enterprise and museum: prospects for cooperation in the marketing activity]. *Ekonomicheskie issledovaniya [Economic research]*, 2012, no. 2. (In Russ.). Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/predpriyatie-i-muzey-perspektivy-sotrudnichestva-v-ramkah-marketingovoy-deyatelnosti (accessed 19.09.2017).
3. Kravtsova L.A. Muzei ugledobyvayushchikh kompaniy v sotsiokul'turnom prostranstve Kemerovskoy oblasti v nachale XXI veka [Museums of coal mining companies in the socio-cultural space of the Kemerovo region at the beginning of the XXI century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Newsletter of Tomsk State University. Culturology and art history]*, 2014, no. 2(14), pp. 81-85. (In Russ.). Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/muzei-ugledobyvayuschih-kompaniy-v-sotsiokulturnom-prostranstve-kemerovskoy-oblasti-v-nachale-xxi-v (accessed 19.09.2017).
4. Muzey kak svyazuyushchee zveno pokoleniy [The Museum as a bridge generations] *OAO UK "Kuzbassrazrezugol'" [OJSC "MC "Kuzbassrazrezugol"]*. (In Russ.). Available at: http://old.kru.ru/ru/press/index.php?from15=56&id15=4007 (accessed 18.09.2017).
5. Muzey trudovoy slavy stal pozitivnym primerom saratovskogo metsenatstva [The Museum of labour glory became a positive example of Saratov's philanthropy]. *IA Saratovnews [IA Saratovnews]*. (In Russ.). Available at: http://www.saratovnews.ru/news/2014/10/28/myzei-trydovoi-slavy-stal-pozitivnym-primerom-saratovskogo-mecenatstva (accessed 16.09.2017).
6. Promyshlennye muzei [Industrial museums]. *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya [Russian Museum Encyclopedia]*. (In Russ.). Available at: http://www.museum.ru/rme/sci_prom.asp (accessed 16.09.2017).
7. Pulikova I.V. Deyatel'nost' rossiyskikh korporativnykh otraslevykh muzeev [The activities of Russian industry corporate museums]. *Spravochnik rukovoditelya uchrezhdeniya kul'tury [Directory of the head of the institution of culture]*, 2010, no. 6. (In Russ.). Available at: http://www.mcfr.ru/journals/91/244/20437/20443 (accessed 15.09.2017).
8. Troitskaya I. Muzey trudovoy slavy shakhty im. Dzerzhinskogo UK "Prokopevskugol" budet uchastvovat' v oblastnom smotre-konkurse na luchshiy muzey veteranskogo dvizheniya promyshlennykh predpriyatiy, uchrezhdeniy i organizatsiy Kemerovskoy oblasti [The Museum of labour glory of the mine named after Dzerzhinsky CC "Prokopievskugol" will participate in the regional review-competition as the best Museum of the veteran's movement, industrial enterprises, institutions and organizations of Kemerovo region]. *MediaKuzbass [MediaKuzbass]*. (In Russ.). Available at: http://mediakuzbass.ru/news/26997.html#/news-text (accessed 18.09.2017).
9. Trudovaya slava Saratovskoy oblasti [Labour glory of Saratov region]. *Saratovskiy Gosudarstvennyy Muzey Boevoy i Trudovoy Slavy [Saratov State Museum of Combat and Labor Glory]*. (In Russ.). Available at: http://www.sargmbs.ru/index.php/ekspozitsii-i-vystavki/arkhiv-vystavok/trudovaya-slava-saratovskoj-oblasti (accessed 18.09.2017).

10. 50 let muzeyu istorii Gorkovskogo avtozavoda [50 years of the Museum of the history of the Gorky automobile plant]. *Gorkovskiy avtomobil'nyy zavod [Gorky Automobile Plant]*. (In Russ.). Available at: http://www.gazservis.vrn.ru/news/view/174 (accessed 16.09.2017).

УДК 069:377

МУЗЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА И МУЗЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КГПУ ИМ. В. П. АСТАФЬЕВА[1]

Майзик Елена Игоревна, аспирант, кафедра отечественной истории, исторический факультет, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (г. Красноярск, РФ). E-mail: mayzikei@mail.ru

Значение музейного образования сложно переоценить, это подтверждает востребованность музейных кадров в России, особенно, в Красноярском крае, где много музеев и учреждений музейного типа, проводится большое количество фестивалей и спортивных мероприятий, обеспечивающих рост туризма. Особую ценность приобретает музейный педагог – универсальная профессия для музея, требующая всестороннего охвата проблем музеологии. В статье рассмотрены вопросы музейной педагогики в контексте музейного образования на примере Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, где подготовкой музеологов на протяжении нескольких лет занималась реорганизованная кафедра музеологии и культурного наследия. Данное направление вуза остается уникальным для региона. Целью исследования является представление опыта музейного образования университета в формировании профессиональных компетенций студентов. Методология представлена анализом научно-исследовательских работ с опорой на полученную практику стажировок и преподавание музейной педагогики студентам вуза. В исследовании впервые представлена история музейного образования и накопленный опыт кафедры музеологии и культурного наследия. В результате реорганизации кафедры, подготовка кадров для музеев и музейное образование в университете вскоре будет утрачено. Музейная педагогика продолжит развитие лишь в рамках вузовских музеев, выступающих средством обучения, воспитания и адаптации студентов.

Ключевые слова: музеология, культурное наследие, музейная педагогика, музейное образование, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева.

MUSEUM PEDAGOGY AND MUSEUM EDUCATION AT THE KSPU NAMED AFTER V.P. ASTAFYEV[2]

Mayzik Elena Igorevna, Postgraduate, Department of Nation History, Faculty of History, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: mayzikei@mail.ru

The museum pedagogy today can't be overestimated. Its importance is confirmed by the demand for museum staff in Russia. The museum teacher is a universal profession for the museum demanding a

[1] Исследование выполнено при поддержке краевого государственного автономного учреждения «Красноярский краевой фонд поддержки научной и научно-технической деятельности» в рамках прохождения стажировки: «Петербургская школа музейной педагогики» (№ 18/17 от 14.07.2017).

[2] The study was carried out with the support by Krasnoyarsk State Autonomous Institution "Krasnoyarsk Regional Foundation of Research and Technical Activities" within the framework of the internship: "St. Petersburg School of Museum Pedagogy" (No. 18/17 of July 14, 2017).

comprehensive coverage of the problems of museology. In the article, the questions of museum pedagogy and museum education are considered on the example of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. The Department of Museology and Cultural Heritage was engaged in the training of museologists for several years but was recently reorganized. This direction of the university remains unique for the region. This research paper is aimed to present the experience of museum education in the formation of professional competencies of students. The following methods have been applied in the research: analysis of research works based on the experience of teaching museum pedagogy of students; historical genetic analysis to have a full view of activity of the department. The science publications have been analyzed to provide the reliability of the conclusions. In the study, the history of museum education and experience of Department of Museology and Cultural Heritage are presented for the first time. The author emphasizes the fact that to date there have not been done an exhaustive study. It is not involved in any archival or epistolary sources but on the basis of available publications identified the major trends of development of museological education in the Krasnoyarsk region. As a result of reorganization of the department, training the personnel for museums and museum education at the university will soon be lost. In summary, the author concludes that the museum pedagogy will continue to develop within the framework of university museums, becoming an indispensable tool for teaching, educating and adapting the students.

Keywords: museology, cultural heritage, museum pedagogy, museum education, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev.

В соответствии с реформированием системы образования, созданием условий для всестороннего развития творческой личности, всё большим включением в образовательный процесс музеев и учреждений музейного типа, востребованным сотрудником в сфере культуры и образования является музеевед и музейный педагог. Опыт взаимодействия музея и системы образования показал необходимость профессиональной подготовки студентов. Целью исследования является представление опыта музейного образования, накопленного кафедрой музеологии и культурного наследия для формирования профессиональных компетенций студентов КГПУ им. В. П. Астафьева.

Методологию исследования составляют анализ научно-исследовательских работ отечественных и зарубежных ученых, историко-генетический метод, представляющий развитие музейного образования в университете, обобщение полученного опыта на основании стажировки «Петербургская школа музейной педагогики», практика обучения музейной педагогики студентов исторического факультета.

Обзор научной литературы проведен на основе анализа работ, представляющих актуальные вопросы, технологии и проблемы музейного образования высшей школы в крупнейших вузах России [1; 4; 5; 6; 7], а также успешный опыт сибирских ученых в подготовке музейных кадров в Омской, Томской и Кемеровской областях и Алтайском крае [3; 4; 6; 9].

Подготовка музейных кадров в России ведется более ста лет, активная деятельность в этом направлении относится к 1990–2000-м годам, когда было открыто около 30 кафедр по всей стране, готовящих специалистов области музееведения. В последние годы открылось несколько магистерских программ по данному направлению, некоторые из которых, как и история музейного образования высшей школы на примере Алтайского государственного университета были освещены А. А. Тишкиным и Т. Г. Гребенниковой [9, с. 121–122], опыт Кемеровского государственного университета культуры и искусств представлен А. М. Кулемзиным и Д. Д. Родионовой [3].

С 2013 года кафедра музееведения КГПУ им. В. П. Астафьева начала набор на бакалавриат в соответствии с образовательными стандартами. Однако вопрос о введении специальности в вузе поднимался задолго до открытия кафедры. На заседании ученого совета 26 июня 2006 года директор Красноярского краевого краеведческого музея В. М. Ярошевская выступила с докладом «Об открытии кафедры музееведения», тем самым обозначив необходимость специальности

для кадрового обеспечения региона с точки зрения руководства музея. В том же году было принято решение о введении данного направления подготовки.

На историческом факультете профессиональная подготовка специалистов-музееведов в системе высшего профессионального образования началась с 2007 года. Возникло направление «Музееведение и охрана памятников» на кафедре отечественная история. Еще ранее на историческом и географическом факультетах были включены в программы преподавания «Охрана памятников», «Музеология» и «Экскурсоведение» как университетские дисциплины.

Приказом № 254 (п) от 26 июня 2015 года кафедра музееведения была переименована в кафедру музеологии и культурного наследия. Дисциплинами профильной подготовки стали: музеи мира, уникальные историко-культурные территории Красноярского края, основные направления музейной деятельности, культурно-историческое центры Сибири, музейный дизайн, история музейного дела, консервация, реставрация и использование объектов природного и культурного наследия, архивоведение и музейное источниковедение, информационные технологии в музейной и туристической деятельности, история музеев Сибири, охрана природного и культурного наследия в России и за рубежом, методика проведения экскурсии, музейная педагогика, история туризма. Также реализуется учебно-исследовательская и производственная практики в архивах и музеях, где формируются умения и навыки практической работы с музейными предметами в фондах и на выставках, с разными категориями музейных посетителей в музейной экспозиции. С целью повышения качества подготовки выпускников, чтения специальных курсов и проведения культурно-образовательных программ кафедра привлекала специалистов из разных музеев. К тому же список профильных предметов увеличивался из года в год. Современное образование ориентирует студентов на приобретение ключевых знаний в таких основополагающих для музейного дела областях, как хранение и консервация, комплектование и учет фондов, выставочная и культурно-просветительская деятельность, менеджмент, этика, маркетинг, фандрайзинг [1, с. 78], а также вопросы музейной педагогики, приобретающие все большую значимость в современном обществе.

Дисциплина «Музейная педагогика» охватывает аспекты истории музейной педагогики, культурно-образовательной деятельности музея, методы и формы работы с аудиторией, методику работы с посетителями с ограниченными возможностями здоровья, музейную рекреацию, интерактивные проекты музея. Выделившиеся из данного направления курсы посвящены организации школьного музея, музейно-образовательным программам и методике проведения экскурсии. Они читаются не только будущим музейщикам, но и студентам исторического профиля. Учителя истории часто реализуют принципы музейной педагогики в деятельности школьных музеев, которые, как отмечает А. С. Тельманова, оцениваются педагогами «как эффективная форма организации работы с детским коллективом и оптимизации системы комплексного воспитания подрастающего поколения в условиях образовательного учреждения» [8, с. 96]. В данном случае, во главе ставится музейная функция образования и воспитания, пользующаяся все большей популярностью в школьном образовании.

Выпускники кафедры музеологии и культурного наследия востребованы в музейной, туристической, управленческой сфере города и районов Красноярского края, они работают в музеях, учебных заведениях, туристических фирмах, министерстве культуры края, районных администрациях, учреждениях музейного типа. При этом, во многих музеях требуется не просто специалист в области той или иной научной дисциплины, а квалифицированный музеевед как профессионал, знающий и умеющий выполнять специфическую деятельность в музее, связанную с различными музейными направлениями и профилями [4, с. 161]. В 2016 году произошел первый набор в магистратуру, состоявший не только из выпускников исторического факультета, но и других подразделений университета и вузов города.

До недавнего времени кафедра осуществляла подготовку бакалавров и магистров по направлению 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» (профили: «Культурный туризм и экскурсионная деятель-

ность»; «Выставочная деятельность») и 44.03.05 «Педагогическое образование: история и мировая художественная культура» с целью подготовки студентов к работе в различных сферах образования, социокультурного пространства и туристической сфере.

Музейная работа – это во многом практика. Для того чтобы стать профессионалом, необходимо «не просто быть подкованным в теории и истории искусства, но и иметь опыт работы с реальными вещами, предметами, произведениями искусства» [5, с. 114]. Высокому качеству образования служит взаимосвязь теоретической подготовки с практикой. Средством формирования профессиональных компетенций студентов-музееведов можно считать несколько направлений деятельности кафедры.

1. Археологическая и музейно-экскурсионная практики с участием студентов кафедры были реализованы на археологической стоянке Афонтова гора в Красноярске, на территории края: Усть-Кова, Шалаболинская писаница, остров Каменный на Ангаре. С 2013 года кафедра осуществляет музейно-экскурсионные практики, направленные на изучение, мониторинг и сохранение объектов историко-культурного наследия в Республике Хакасия и на юге Красноярского края [2].

2. Опыт сотрудничества с музеями региона в музейно-выставочной и экспозиционной деятельности осуществлялся в Красноярском краевом краеведческом музее, Литературном музее им. В. П. Астафьева, Государственном художественном музее им. В. И. Сурикова, Музее археологии им. Е. С. Аннинского. Качество музейно-педагогической подготовки в условиях вуза во многом определяется уровнем его взаимодействия с музеями, это дает возможность будущему специалисту полноценно включиться в профессиональную деятельность в системе культуры и образования. Регулярно на историческом факультете представлялись художественные и фотовыставки по итогам экспедиций, посвященные мемориалам и памятникам, историко-культурным объектам, творчеству В. Ф. Капелько. В рамках курса «Книговедение» были созданы реконструкции-иноводелы, иллюстрирующие историю письменности и культуры книги народов мира (включены в экспозицию Литературного музея им. В. П. Астафьева), произведено выявление и описание книжных памятников в Научной библиотеке КГПУ им. В. П. Астафьева. Фондовые и музейно-ознакомительные практики, супервизии реализовались на основе музейных собраний Красноярского краевого краеведческого музея, Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова, Ачинского краеведческого музея им. Д. С. Каргаполова, музеев Железногорска, Дивногорска и Зеленогорска.

3. Музейная коммуникация осуществлялась благодаря систематическому посещению музеев на территории Красноярского края и соседних регионов (Ачинск, Минусинск, Железногорск, Зеленогорск, Абакан, Томск, Кемерово), а также в сотрудничестве по организации музейных и научных фестивалей: акция, посвященная памяти командора Н. П. Резанова (2014), Библионочь в Литературном музее (2012–2016), Всероссийский фестиваль «Наука 0+» (2015–2016), Российский патриотический фестиваль (2017) и др.

4. Научно-исследовательская деятельность, в которой принимают участие студенты, связана с внедрением полученных результатов, организацией и проведением конференций, подготовкой и публикацией научных монографий и статей, грантовой деятельностью. Научным изысканиям отводится особое место в вузовской подготовке будущих музейных работников. Значительная часть исследований разрабатывается в контексте курсовых и дипломных работ. Их тематика связана с краеведением, археологией, музееведением, историей музейного дела, сохранением историко-культурного наследия. Свои исследования студенты представляют на конференциях, в публикациях, разрабатывают проекты, участвуют в конкурсах на получение грантов. Исследовательский грант получил «Проект музея-заповедника “Шалаболинская писаница”», одержавший победу в Конкурсе студенческих проектов по заказу муниципальных образований Красноярского края («Малая Родина»), при финансовом участии Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности (2013) [2]. Гранты на исследовательские поездки для работы в архивах и для участия в конференциях студенты получили по результатам конкурсов «Академическая мобильность» Благотворительного фонда М. Прохорова (2014, 2016). Кафедра стала организатором ряда научно-практических конференций,

посвященных Международному дню памятников и исторических мест и Дню воинской славы России (2014), а также научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Красноярского края» (2015), международной научной конференции, посвященной 125-летию ученого и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (2017). Совместно с другими кафедрами исторического факультета проводилась конференция «История в искусстве» (2013–2016) и секции в рамках научно-практического форума студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века». Ежегодно студенты становились участниками Российской археолого-этнографической конференции в Красноярске (2011), Новосибирске (2012), Владивостоке (2013), Иркутске (2014), Красноярске (2015), Чите (2016), Сургуте (2017), Мартьяновских краеведческих чтений в Минусинске (2011–2017), научно-практической конференции «Аннинские чтения» в поселке Подгорный (2012–2017), Международной научной конференции студентов и молодых ученых в Кемеровском государственной университете (2016–2017), научно-практической конференции «Историко-культурное наследие Красноярского края» (2015–2017), проводимой совместно со Службой по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края и других мероприятиях.

5. Для обмена опытом привлекаются музейные специалисты Красноярского краевого краеведческого музея – Г. А. Толстова, С. М. Фокин, Т. В. Зыкова, О. П. Ермакова и др. Специальные предметы ведет кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии и этнографии Красноярского краевого краеведческого музея Н. П. Макаров. На кафедре состоялась встреча с куратором выставок Политехнического музея М. А. Скрипальщиковой. Уникальным опытом поделился научный сотрудник Национального Музея провинции Гуанси, аспирант Хэбэйского педагогического университета Сяо Бо.

Данные направления деятельности показали их важность в подготовке студентов, которые, заканчивая обучение, усваивали компетенции для дальнейшей профессиональной музейной деятельности. К тому же специалисты считают, что активные методы обучения в современной высшей школе должны занимать важное место в учебном процессе [7]. Результатом их проведения стали успешно защищенные выпускные квалификационные работы, обучение в аспирантуре, получение студентами стипендий Правительства РФ, премии главы города Красноярска, краевой стипендии имени первого губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова, победа в IV Всероссийской студенческой олимпиаде по музеологии (2004) Е. И. Кочкиной, занявшей первое место.

Из-за небольшого количества студентов в последние годы, в связи с отсутствием бюджетных мест и нерентабельностью, в сентябре 2017 года были приняты «Проект решения по реорганизации кафедры музеологии и культурного наследия КГПУ им. В. П. Астафьева» и последующий за ним приказ «О реорганизации кафедры музеологии и культурного наследия КГПУ им. В. П. Астафьева» от 03.10.2017 № 450(п). Музейные кадры продолжает готовить, доучивает кафедра отечественной истории, используя возможности музейной педагогики в обучении студентов, в том числе и исторического профиля.

Сегодня сотням музеев страны и десяткам музеев и учреждений музейного типа Красноярского края требуется музеевед – довольно новая специальность с богатой историей. Учитывая, что на территории края более 60 музеев, кроме того, десятки частных, ведомственных и школьных музеев, многие из которых нуждаются в квалифицированных сотрудниках, то данное направление представляется вполне востребованным и перспективным.

Особый вклад в развитие учебной и научной деятельности кафедры внесли заведующий Музеем археологии и этнографии Средней Сибири КГПУ им. В. П. Астафьева, кандидат исторических наук Александр Леонидович Заика, старший преподаватель кафедры Глеб Юрьевич Ионычев, старший преподаватель кафедры Иван Владимирович Стасюк, доцент кафедры, кандидат исторических наук Дмитрий Алексеевич Бакшт. Благодарность необходимо выразить бессменного заведующему кафедрой музеологии и культурного наследия, кандидату исторических наук, профессору Александру Сергеевичу Вдовину, ученому-практику, подвижнику музейного образования в регионе, воспитавшему музейными средствами многих специалистов, исследователей и ученых.

Литература

1. Дэвис Э. Преподавание музееведения: широта диапазона, гибкость и любознательность // Вопр. музеологии. – 2010. – № 2. – С. 76–81.
2. Заика А. Л., Дорохина А. А., Кочкина Е. И., Пахомова Т. А., Ануфриева Е. И. Шалаболинская писаница (вопросы музеефикации) // Вестн. КГПУ им. В. П. Астафьева. – 2014. – № 1. – С. 184–188.
3. Кулемзин А. М., Родионова Д. Д. О формировании новой парадигмы подготовки музееведов // Вестн. КемГУ. – 2012. – № 2 (50). – С. 74–77.
4. Патрушева Г. М. Подготовка музеологов в ОмГУ им. Ф. М. Достоевского: опыт и проблемы // Музей и музейщики: проблемы профессионального образования: мат-лы междунар. конф. 14–15 нояб. 2014 года. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – С. 158–162.
5. Пыркина Д. А. Проблема подготовки кадров музеев и центров современного искусства // Музей и музейщики: проблемы профессионального образования: мат-лы междунар. конф. 14–15 нояб. 2014 года. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. – С. 114–118.
6. Родионова Д. Д. Становление музейного образования в Кемеровской области // Уч. зап. музея-заповедника «Томская писаница». – Кемерово, 2015. – № 2. – С. 5–10.
7. Салова Ю. Г., Шустрова И. Ю. «Круглый стол» в обучении музеологов: из опыта работы // Вопр. музеологии. – 2012. – № 2. – С. 162–170.
8. Тельманова А. С. Диверсификация роли школьного музея в социально-культурном пространстве // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 3 (28). – С. 95–101.
9. Тишкин А. А., Гребенникова Т. Г. Подготовка профессиональных кадров в области музеологии и охраны наследия в рамках магистерских программ // Вестн. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. – 2014. – № 1 (13). – С. 120–125.

References

1. Devis E. Prepodavanie muzeevedeniya: shirota diapazona, gibkost' i lyuboznatel'nost' [Museum studies: teaching breadth, flexibility and curiosity]. *Voprosy muzeologii [Questions of Museology]*, 2010, no. 2, pp. 76-81. (In Russ.).
2. Zaika A.L., Dorokhina A.A., Kochkina E.I., Pakhomova T.A., Anufrieva E.I. Shalabolinskaya pisanitsa (voprosy muzeefikatsii) [Shalabolino petroglyphs (problems of museumification)]. *Vestnik KGPU im. V.P. Astafyeva [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev]*, 2016, no. 1, pp. 114-118. (In Russ.).
3. Kulemzin A.M., Rodionova D.D. O formirovanii novoy paradigmy podgotovki muzeevedov [On the formation of a new education paradigm for specialists in museum management]. *Vestnik KemGU [Bulletin of Kemerovo State University]*, 2012, no. 2 (50), pp. 74-77. (In Russ.).
4. Patrusheva G.M. Podgotovka muzeologov v OmGU im. F.M. Dostoevskogo: opyt i problemy [Museology specialists training of Dostoevsky Omsk State University: experience and problems]. *Muzey i muzeyshchiki: problemy professional'nogo obrazovaniya: materialy mezhdunarodnoy konferentsii 14-15 noyabrya 2014 goda [Museum and museum specialists: problems and professional education. Proceedings of the International Conference 14–15 November 2014]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2015, pp. 158-162. (In Russ.).
5. Pyrkina D.A. Problema podgotovki kadrov muzeev i tsentrov sovremennogo iskusstva [Professional education problems of museums and contemporary art centers' employees]. *Muzey i muzeyshchiki: problemy professional'nogo obrazovaniya: materialy mezhdunarodnoy konferentsii 14-15 noyabrya 2014 goda [Museum and museum specialists: problems and professional education. Proceedings of the International Conference 14–15 November 2014]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2015, pp. 114-118. (In Russ.).
6. Rodionova D.D. Stanovlenie muzeynogo obrazovaniya v Kemerovskoy oblasti [Becoming museum education in the Kemerovo region]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomskaya pisanitsa" [Scholarly Notesof the "Tomskaya Pisanitsa" museum-reserve]*. Kemerovo, 2015, no. 2. pp. 5-10. (In Russ.).
7. Salova Yu.G., Shustrova I.Yu. "Kruglyy stol" v obuchenii muzeologov: iz opyta raboty ["Round Table" in the training of museologists]. *Voprosy muzeologii [Questions of Museology]*, 2012, no. 2, pp. 162-170. (In Russ.).
8. Telmanova A.S. Diversifikatsiya roli shkol'nogo muzeya v sotsial'no-kul'turnom prostranstve [Diversification of the role of school museum in socio-cultural area*]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no. 3 (28), pp. 95-101. (In Russ.).
9. Tishkin A.A., Grebennikova T.G. Podgotovka professional'nykh kadrov v oblasti muzeologii i okhrany naslediya v ramkakh magisterskikh programm [The training of professionals in the field of museology and heritage protection within the master's program*]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]*, 2014, no. 1, pp. 120-125. (In Russ.).

УДК 008

КОНЦЕПЦИЯ «ЖИВОГО МУЗЕЯ» СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО И ФОРМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ЦЕРКОВНЫХ МУЗЕЕВ

Алексеева Лариса Сергеевна, старший преподаватель, кафедра музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: alekslora@mail.ru

Оленич Людмила Владимировна, доцент кафедры культурологии, член Союза художников РФ, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: olenich_l@mail.ru

В первой четверти XX века складывается идея священника Павла Александровича Флоренского о «живом музее». Благодаря сочетанию собственного опыта религиозной веры с символизмом, направленным на поиск целостного видения мира на почве сакральных представлений, у него формируется идея о сохранении наследия Русской православной церкви и существующих в ней традиций и обычаев в синтетической деятельности музея и Церкви. На примере Троице-Сергиевой Лавры, священник Павел Флоренский под церковным «живым музеем» предполагает сохранение (консервацию и музеефикацию) целостного музейного организма как комплекса, объединяющего в себе храмовое сакральное пространство и деятельность насельников монастыря, материальное и нематериальное наследие, для раскрытия идеи Мироздания и Богооткровения. Автор концепции предполагал превратить Свято-Троице Сергиеву Лавру в своеобразную лабораторию, где сочетались бы церковно-обрядовая жизнь, учебные и научные учреждения, что способствовало бы сохранению и изучению «духовного делания» монастырской общины. Но в тех сложных исторических условиях (20-е годы XX века), в которых разрабатывалась концепция, её реализация не могла быть осуществлена.

С возрождением в конце XX века Русской православной церкви, отмечается количественный рост церковных музеев, которые, в первую очередь, призваны осуществлять социально-коммуникативную деятельность (через накопление, хранение, трансляцию) памятников религиозного происхождения. Вследствие этого, перед музеологами встаёт вопрос поиска методов актуализации церковного наследия с сохранением его сакрального наполнения.

Авторами данного исследования рассматривается ряд существующих в музейной практике методов актуализации памятников религиозного происхождения, которые не только отвечают некоторым элементам концепции П. А. Флоренского о «живом музее», а также расширяют возможности её применения.

Ключевые слова: модерн, Павел Флоренский, Троице-Сергиева Лавра, храмовое действо, «живой музей», музеефикация, церковный музей.

THE CONCEPT OF A “LIVING MUSEUM” OF PRIEST PAUL FLORENSKY AND FORMS OF EXISTENCE OF MODERN CHURCH MUSEUMS

Alekseeva Larisa Sergeevna, Sr. Instructor, Department of Museum Sciences, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: alekslora@mail.ru

Olenich Lyudmila Vladimirovna, Associate Professor of Department of Culturology, Member of the Union of Artists of the Russian Federation, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: olenich_l@mail.ru

In the first quarter of the 20th century, the idea of priest Pavel Florensky about the “living museum” was being formed. Combining the experience of religious faith with symbolism, aimed at the search for a holistic vision of the world on the basis of sacred ideas, there appears the idea of preserving the heritage of the Russian

Orthodox Church and the traditions and customs existing therein, in the synthetic activity of the museum and the Church.

On the example of the Trinity Lavra of St. Sergius, priest Pavel Florensky under the church "living museum" presupposes the preservation (conservation and museumification) of the integral museum organism as a complex that combines the sacred space of the temple and the activities of the monastery's inhabitants, material and intangible heritage, for the idea of the Universe and Revelation. The author of the concept supposed to turn the Trinity Lavra of St. Sergius into a kind of laboratory where the church ritual life, educational and scientific institutions were combined, which helps to preserve and study the "spiritual making" of the monastic community. Given the complex historical conditions (of the 1920s), in which the concept was developed, its application could not be implemented.

With the revival of the Russian Orthodox Church at the end of the 20th century, there was a quantitative growth of church museums, which were primarily designed to carry out social and communicative activities (through the accumulation, storage, broadcasting) of monuments of religious origin. Therefore, before the museologists arose the question of finding the methods for actualizing the church heritage while preserving its sacral content.

The authors of this study consider a number of methods existing in museum practice of actualizing monuments of religious origin to meet certain elements of the Florensky "living museum" concept but also expand the possibilities for its application.

Keywords: modern, Pavel Florensky, Trinity Lavra of St. Sergius, temple action, "living museum," museumification, church museum.

На современном этапе во многих епархиях Русской православной церкви появились музейные образования в виде отдельных структур со своим штатом или в качестве небольших церковных хранилищ при административно-территориальных единицах. Постепенно в церковно-музейной практике накапливается определенный опыт выделения из утилитарной сферы целого комплекса материально-духовных объектов, происходит их актуализация как памятников, формируются способы коммуникации с обществом. В связи с этим обостряется проблема выбора таких методов музеефикации церковного наследия, которые бы соответствовали специфике религиозной жизни, были адекватными ей носителями культурной памяти. В ряду наиболее плодотворных способов музейной фиксации важнейших сторон церковной культуры выделяются те, которые связаны с «оживлением» музеев.

Одним из первых (в 1917 году) начал применять понятие «живой музей» американский музеолог Д. К. Дана, раскрывая это как «полезный музей» [21]. В зарубежной музеологии назначение «полезного» музея рассматривается как благотворное воздействие «на связанные с ним сообщества через организацию досуга и просвещение местного населения на основе изучения его актуальных нужд и потребностей [15, с. 51]. Во многом рассуждения Д. К. Дана соотносятся с установками «новой» или «живой» музеологии, идеологами которой являются французские музеологи Ж. А. Ривьер и Ю. де Варин Боан. Термин «живой музей» часто сближается и со «средовым музеем», хранящим объекты материального и нематериального культурного наследия в естественной для них природной и историко-культурной среде при условии сохранения и актуализации их изначальных функций.

В России мысли об «оживлении» памятников тоже появляются в начале XX века, в эпоху модерна, когда культура, охваченная творческим подъемом, сочетала в себе глубокий ретроспективизм, но и стремление к новизне. Русские философы и художники находили опору в идеях Дж. Рёскина и У. Морриса, развивая английские установки в русле национальной романтики, в центре которой было стремление к духовной общности. Как и другие представители модерна, Н. К. Рерих испытывал их влияние. Художник был убежден, что памятники должны существовать в естественной для них среде бытования, в которой они и были созданы [11].

В данном случае особенно важен храмовый аспект в культурно-эстетических воззрениях ру-

бежа XIX–XX веков. И здесь доминировал религиозно-символический подход в понимании церковного объекта. Собственную концепцию идеального храма-музея разрабатывал Н. Ф. Фёдоров, который рассматривал музеи через призму космологической системы, основанной на идее соборности – объединении народов в важном для всех общем духовном деянии – сохранении памяти [17; 18]. В начале XX столетия граф Е. Н. Трубецкой тоже указывал на уникальные смыслы литургического пространства, объединяющего Небо и Землю, собор «всей твари»: «Здесь именно храм понимается как то начало, которое должно господствовать в мире. …Именно в этой идее мирообъемлющего храма заключается та … надежда на грядущее умиротворение всей твари, которая противополагается факту всеобщей войны. … Мирообъемлющий храм выражает собою не действительность, а идеал, не осуществленную еще надежду всей твари» [16, с. 10]. Этому весьма созвучны идеи священника Павла Флоренского, изложенные им всего на два-три года позднее, но уже при советской власти.

Музееведческие воззрения священника П. Флоренского тоже формировались в культурном контексте позднего модерна. Программные принципы, стилистика направления определились в специальных художественных журналах первых двух десятилетий XX века и оказали существенное влияние на сознание эпохи. Жизнестроительное назначение искусства, его устремлённость к синтезу всех художественных форм стала общей эстетической установкой не только предреволюционной эпохи, но и вошла в большевистское сознание (редуцированно, без сакральных аспектов). И в ранних, и в последующих трудах священника П. Флоренского эстетика модерна очень последовательно преломляется через оригинальную систему его религиозных принципов. Сохраняя монархические взгляды, философ не уехал за границу, считая, что задача поколений, оказавшихся свидетелями надругательства над Россией, – «быть хранителями духовной культуры ради будущей России» [2, с. 34]. Все векторы послереволюционной деятельности отца Павла исходили из его убеждения жить в миру ради Церкви, «но эта деятельность могла осуществляться только через противостояние и крест» [2, с. 36]. Такая верность убеждениям не случайно соотносится с позицией У. Морриса, который очень последовательно отстаивал коллективные идеалы «Общества борьбы за красоту» в противостоянии порокам цивилизации, «порожденным системой огромных городов» [8, с. 428]. Идеей социального преобразования руководствовался и Дж. Рёскин, организовавший общину св. Георга [12, с. 17].

В 1918 году существование Троице-Сергиевой лавры оказалось на грани уничтожения. Согласно Декрету от 20 января 1918 года об отделении Церкви от государства, все церковное имущество национализировалось, срок передачи имущества истекал 30 октября 1918 года. И лишь 22 октября 1918 года Московской коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению поручено создать Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Для представителей советской власти Лавра являлась только объектом культа, а не культуры. «Узкий круг специалистов древнерусского искусства, наоборот, интересовала лишь сохранность памятников Троице-Сергиевой лавры, которые могли погибнуть при столкновении с идеологией большевистского государства» [2, с. 61]. Оказавшись членом этой Комиссии, священник П. Флоренский, как и другие люди в ее составе, намеревался доказать, что «пространство культа и пространство культуры настолько родственны, что их нельзя разделять» [2, с. 61]. И эта позиция была основана на интеллектуальных прозрениях эпохи рубежа XIX–XX веков.

Проблема сохранения Лавры как действующего монастыря со всеми ее историко-художественными памятниками осложнялась тем, что до революции церковный музей не успел сформироваться как культурная форма. Церковь еще не имела общественно открытых архивов, систематизированных коллекций. Культовые предметы или хранились как святыни, в закрытых ризницах, или ветшали без реставрации, забытые на чердаках. Советская власть намеревалась сделать все церковные памятники достоянием государства, часть из них продать, а значительное количество уничтожить.

В своих публикациях, докладах и письмах 1918–1919 годов священник П. Флоренский постоянно обращается к вопросам музеефикации церковных памятников, что связано с его работой в Комиссии, которая проделала колоссальную работу по описанию и систематизации наследия лавры. Высказанные им предложения очень детальны, основаны на уникальных знаниях монастырского быта и художественной ценности описанных Комиссией предметов. В своих текстах священник Павел опирается и на мнения коллег по работе в Комиссии: С. П. Мансурова, Ю. А. Олсуфьева, М. В Боскина, Ф. Я. Мишукова, Т. А. Александровой-Дольник, архимандрита Иринея. По-видимому, термин «живой музей» был предложен для использования сообща, всеми членами комиссии, они обращались к нему в своих докладах. Но религиозно-эстетические аспекты этого понятия в отношении к церковным музеям осмыслены именно в текстах П. А. Флоренского.

Основываясь на опыте религиозной веры, свои научные интересы П. А. Флоренский сочетал с символизмом. Символисты рубежа XIX–XX веков имели особый строй воззрений. По своей сути – они мечтатели, их представления и мысли устремлены вперёд, интуитивно нацелены на поиск целостного видения мира на почве сакральных представлений [22]. У священника Павла Флоренского это сочеталось со своеобразным визионерством. Вероятно, это помогало учёному рассматривать реальность под определённым углом зрения: «Я просматривал мировые соотношения на разрезе мира по определённому направлению, в определённой плоскости и старался понять строение мира по этому, на данном этапе меня занимающему признаку. Плоскость разреза менялись, но одна не отменяла другой и лишь обогащала. Отсюда непрестанная диалектичность мышления (смена плоскостей рассмотрения), при постоянной установке на мир как целое» [1].

В статье «Храмовое действо как синтез искусств» сливаются воедино прошлое, настоящее и будущее. Ясно понимая реалии первых постреволюционных лет, П. А. Флоренский все-таки неуклонно отстаивает свою концепцию «живого музея», ориентируясь не только на настоящее, но и на будущее время.

Священник Павел Флоренский считал необходимым для Церкви и духовной культуры России под названием «музей» во всей полноте сохранить монашескую жизнь Троице-Сергиевой Лавры с её материальным и нематериальным наследием и делал для этого все, что было тогда для него возможно. Предполагалось, что музеефикация церковной жизни позволит сохранить и «духовное делание» монастырской общины. Успешно воплощённая модель «живого церковного музея» могла бы интегрироваться и в деятельность других монастырей. Впрочем, более важным для членов Комиссии было доказать советской власти то, что Троице-Сергиева Лавра исключительно уникальна не только в историческом, но и в культурном аспекте.

Изучение духовной деятельности человека Флоренский сравнивает с изучением природы, которое происходит в естественных условиях, либо приближенных к ним. Он отмечает, что если изучение природы происходит в естественных или максимально приближенных к естественным условиям, то для постижения и изучения предметов искусства необходимо использование функционального метода [19, с. 32]. Этот метод осуществим через «живой музей».

По мнению автора концепции, церковное искусство нельзя изучать автономно от храмового действа – литургии, соборного вида человеческой деятельности. В храмовом действе объединяются архитектура, иконопись, «искусство огня» горящих свечей и лампад, «искусство дыма» фимиама, «искусство запаха» церковных благовоний, «искусство одежды», искусство своеобразной церковной хореографии, проступающей в размеренности богослужебных движений священнослужителей, которые способствуют игре складок драгоценных тканей. В круг храмового действа включаются поэзия, искусство древнего распевного церковного чтения и вокальное искусство, синтез которых Флоренский определяет как музыкальную драму [19, с. 31]. Сюда же философ относит и секреты приготовления единственных в мире троицких просфор, а также ритуал прикосновения к иконам и различным священным вещам. Вершиной всех «церковных искусств» священник Павел Флоренский предлагает усмотреть «духовное делание» – пребывание человека в молитвенном

состоянии. В предложенном Павлом Александровичем способе сохранения (музеефикации) жизни музейного организма с его обычаями и традициями в среде, предназначенной для его существования, каждая из художественных форм воздействует на органы чувств – зрение, слух, обоняние, вкус (вкус троицких просфор), чувство положения в пространстве (вестибулярный аппарат) и осязание. И все это непосредственно связано с нравственными, моральными, эстетическими и интеллектуальными аспектами человеческой деятельности.

По мнению Флоренского, Троице-Сергиева Лавра является художественно-историческим мировым памятником, который требует бесконечного внимания и бесконечной бережности к себе. Устранение лаврского монашеского материального и нематериального наследия может нарушить всю её целостность. [20, с. 214].

Концепция сохранения Троице-Сергиевой Лавры создавалась в сложных исторических условиях, поэтому Павел Флоренский неоднократно указывал на специфичность предлагаемого им проекта о «живом музее». Он осознавал, насколько противоречат советской идеологии понятия, используемые в изложении концепции музея. По возможности он кодировал важнейшие из религиозных категорий, вводимых в описание храмового действа. Так, например, через упоминаемые виды искусства отец Павел указывает на самого Бога – «не к искусствам, а к Искусству, вглубь до самого средоточия Искусства, как первоединой деятельности» [19, с. 31]. В своих характеристиках видов искусства и церковных предметов, иллюстрирующих библейские образы Ветхого и Нового Завета (икона, церковное пение, монументальная живопись и др.), он всегда остается неоплатоником. В его суждениях легко усматривается связь между «вещным» и «умным» миром. У священника Павла древнерусский храм во всем единстве художественных форм, со спецификой дневного освещения воплощает полноту космоса, способствует формированию христианской картины мира, выступает средством Богознания. Продолжая свои размышления, священник Павел Флоренский отмечает, что только в совокупности (во время богослужения) все виды искусства выполняют просветительскую, догматизирующую и научающую функции, приводя молящегося в особое духовное состояние, приближают к Первообразу»: «…тут все подчинено единой цели, верховному эффекту κάθαρσις (катарсиса) этой музыкальной драмы, – отмечает Флоренский, и потому всё, соподчиненное тут друг другу, не существует или по крайней мере ложно существует взятое порознь» [20, с. 213]. Таким образом, благодаря синтезу искусств, участвующих в храмовом действе, показана не только связь микрокосма с общественным бытием, но и связь человека со Вселенной – макрокосмом.

Все это является компонентом той системы воззрений на русскую историю, которые очень ясно высказаны в статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия». Для П. А. Флоренского Сергий Радонежский – национальный герой, источник самых значимых этнокультурных установлений. Именно в Лавре Россия ощущается как целое, считал философ. Своей внутренней и наружной архитектурой с её живописью Лавра выражает различные стороны русской идеи. Сохранение Лавры – долг священника Павла Флоренского, его личная ответственность.

Многим размышлениям П. А. Флоренского о символизме храмоздательства созвучны идеи целого ряда отечественных исследователей. Позднее, в 60-е годы, Г. К. Вагнер, ссылаясь на статьи дореволюционного иконописца и реставратора В. А. Комаровского, обратил внимание на освещенность в храме, которая увеличивается по мере приближения к подкупольному пространству. Там она достигает своего апогея, превращается в сплошное световое целое, что невольно вызывает ассоциацию с солнцем, таким образом «сообщая интерьеру космический оттенок» [5, с. 18]. Е. Ю. Дьяченко отмечает, что церковное пение, имея в себе полнофункциональные соединения канонического текста, церковного устава и утвердившихся мелодических распевов, включает в себя большой круг богословских, философских, музыкальных и культурологических вопросов и понятий [7]. Однако музееведение советского периода не воспользовалось искусствоведческим пониманием художественного объекта как органической целостности, внутри которой все компоненты находятся в сложном функциональном взаимодействии, синергийны друг другу.

Только на рубеже XX–XXI веков идея «живого музея» обрела подлинную актуальность в связи с необходимостью формировать церковные коллекции и находить способы их коммуникации с обществом. При всей универсальности самых общих принципов музейной организации нельзя игнорировать и специфику церковных собраний. Связь человека с Богом и достижение катарсиса происходит через предметы (иконы, росписи, церковные книги, ноты, собственно храм и т. п.) и нематериальные объекты (совершение обряда, монашеские обычаи и уклад, пение, «духовное делание»). Идеально, если все это существует в пространстве со специфичной сакральной атмосферой, где происходит соединение «искусства огня», «искусство дыма», «искусство запаха» и эффекта естественного и лампадного освещения. Учитывая опыт Комиссии по сохранению наследия Троице-Сергиевой лавры, в которой работал священник Павел Флоренский, необходимо строго отделять «предметы для древлехранилища и для ризницы». Такое разделение должно проводиться и в современной церковной ситуации. Раритетные предметы необходимо размещать в условиях «живых», но специально учитывающих их особенное значение.

На современном этапе существует ряд методов, которые расширяют возможности применения концепции П. А. Флоренского.

1. Расположение раритетных предметов в действующей церкви с учётом особенностей их хранения.

При таких условиях памятник принимает живое участие в литургической жизни. Такой вариант применим в условиях соработничества Церкви с музейным сообществом и может реализовываться как в музейных учреждениях, так и в храмах Русской православной церкви.

Примером сотрудничества Церкви и Музея является опыт Государственной Третьяковской галереи, в структуре которой действует храм-музей святителя Николая Чудотворца в Толмачах. Храм имеет статус домовой церкви галереи. В самом храме созданы все необходимые условия, отвечающие особенностям хранения уникальных памятников, установлены системы кондиционирования, в связи с чем стало возможно экспонирование многих памятников древнерусского искусства и утвари, ранее хранившихся в музейных депозитариях.

8 сентября 1999 года по решению президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина и Святейшего Патриарха Алексия II (Ридигера) на постоянное место хранения в храм-музей была перенесена икона Божией Матери «Владимирская» (XII век). Специально для иконы изготовлена капсула – киот с автоматическим климат-контролем и системой пожаротушения. В православный праздник Пятидесятницы (день Святой Троицы) из залов галереи в храм на несколько дней выносится подлинная икона «Троица» (XV век), приписываемая кисти прп. Андрея Рублёва. В будни храм работает как экспозиционный зал, а в выходные и дни православных праздников совершаются богослужения.

Итак, в результате такого соработничества, Третьяковская галерея наполнена духовной жизнью, а многие предметы духовной культуры, оставаясь в музее, используются по своему прямому назначению, принимая непосредственное участие в литургической жизни.

Если храм-музей свт. Николая в Толмачах и его соответствующий штат содержится за счёт государственного музея, то иной способ взаимодействия между Церковью и Музеем используется между Новодевичьим монастырём и Государственным историческим музеем. Так, на протяжении нескольких столетий, с 1654 года в монастыре хранился древнейший список Иверского образа, принесённый в Россию в 1648 году со Святой Горы Афон. После закрытия монастыря икона хранилась в фондах Государственного исторического музея. В период с 2008 года до начала 2010-х годов икона из музея несколько раз доставлялась в храм для поклонения. 06.05.2012 состоялась церемония передачи почитаемой иконы Божией Матери «Иверская» Русской православной церкви, полностью принявшей на себя весь спектр обязательств по сохранению размещённых в монастыре святынь. Этот список можно дополнить опытом хранения другого почитаемого образа – новгородской иконы «Знамение». Выдающимся реставратором Ю. А. Рузавиным икона была реставрирована и заняла своё историческое место в Софийском Соборе Великого Новгорода.

2. В рамках реализации модели «живого» церковного музея наиболее распространённым

является средовой подход, с использованием различных методов музеефикации, которые предполагают сохранение уникальной культурной территории (среды) с её материальными и нематериальными объектами и существующими между ними взаимосвязями, а также с участием людей, населяющих территорию (in situ).

а) Музеефикация церковной среды отмечается через совместное использование территорий между Музеем и Церковью.

Примером такого подхода служат ряд монастырей Русской православной церкви, в которых сочетается уставная богослужебная и музейная деятельность. Одним из классических примеров «живого» церковного музея служит Свято-Троице-Сергиева лавра. В современном состоянии, Лавра содержит в своём многообразии функций и музейный компонент, который отвечает основным характеристикам идеи П. А. Флоренского, тем более что именно для неё учёный разрабатывал музейную концепцию. В 1993 году архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры внесён в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. На современном этапе, в стенах Троице-Сергиевой лавры размещается монашеская братия, Духовные Академия и Семинария, а также филиал Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника в виде отделения «Ризница Троице-Сергиевой лавры XIV–XIX веков».

В Лавре сохраняются и транслируются не только материальные движимые и недвижимые объекты (например, в ходе экскурсионно-паломнической программы, которая проходит на территории монастыря и в его храмах), но и нематериальное наследие в виде богослужебной практики, монашеского устава, которым руководствуются насельники Лавры на протяжении семи веков и т. п. Также в монастыре создан ряд учебных заведений, деятельность которых направлена на получение теологического и религиозного образования.

В стенах обители действуют витражная, керамическая, золотошвейная, мозаичная, пошивочная и свечная мастерские, которые не только изготавливают расхожие предметы, необходимые для церковного обихода, но и проводят мастер-классы для разновозрастных категорий людей, вне зависимости от их религиозной и национальной принадлежности. В ходе мастер-классов, посетители знакомятся с традициями и особенностями изготовления восковых свечей, росписи игрушек, керамической набивной посуды или витражей в стиле «тиффани» и т. д. Всё это, несомненно, отвечает основным идеям П. А. Флоренского, выраженным в концепции «живого музея».

В Сибири прецедент совместного использования территории имеется в Тобольске. Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник, который берёт своё начало с 1870 года, в настоящее время располагается на территории Софийского двора Тобольского кремля.

Несомненно, потоки музейных экскурсантов и паломников пересекаются, однако, на наш взгляд, подобные конструктивные отношения ещё больше укрепляют позиции обеих сторон и благоприятно сказываются на формировании духовности у общества.

Сами монастыри устраивают собственные музеи, которые демонстрируют церковную историю России, историю храма или обители, мемориальные кабинеты церковных деятелей, иконографию и т. д.

б) Формы музеефикации, проводимые усилиями Русской православной церкови на территориях, связанных с «духом места».

В России издревле существует традиция устанавливать памятные храмы (храмы-на крови и т. д.), часовни или кресты на местах чудесного обретения иконы, но чаще – местах сражения и гибели людей и т. д. В таких храмах особое внимание уделяется памятному событию или личности не только через мемориальные объекты, но и через соборную молитву.

Как правило, при создании мемориальных храмов в заданной теме создаются музеи. Примерами музеефикации «духа места» и памяти новомучеников, пострадавших за веру в XX веке являются Бутовский полигон (Московская городская епархия). Храм Новомучеников и исповедников Церкви Русской в Бутове, освящённый в 2007 году, построен на территории бывшего полигона НКВД-КГБ «Бутово», где в период с 1935 года до начала 1950-х годов совершались массовые расстрелы и захоронения жертв сталинских репрессий. В 1995 году территория захоронения площадью около 6 га была передана Рус-

ской Православной Церкви, активную помощь в обустройстве мемориального комплекса принимали родственники расстрелянных [14].

Данный комплекс направлен на увековечение памяти и реабилитацию расстрелянных вне зависимости от их национальной и конфессиональной принадлежности. В нижнем этаже храмового комплекса расположен реликварий с остатками личных вещей, утвари, облачений мучеников. На территории храма в отдельном здании расположено здание музея памяти пострадавших – Мемориального научно-просветительского центра «Бутово». Таким образом, сотрудники центра, в основном родственники убитых, занимаются не только выявлением списка репрессированных, но и стремятся рассказать при помощи музейных средств, какими они были, и понять их жизненный выбор [13].

В Свердловской области особое внимание уделяется царской семье императора Николая II и Великой княгине Елизавете Феодоровне (убита под г. Алапаевском). На месте Ипатьевского дома, в котором был приведен в действие приговор о расстреле августейшей семья, воздвигнут Храм-на-Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших, на Ганиной Яме – месте сожжения святых останков Царской Семьи – монастырь во имя святых Царственных Страстотерпцев. В Храме-на-Крови существует духовно-просветительский центр «Патриаршее подворье», в структуру которого входит Музей святой Царской Семьи. На Ганиной яме действует музейно-выставочный центр монастыря святых Царственных Страстотерпцев.

Музеефикации подвергаются не только храмы, но и, например, архиерейские резиденции, в которых в дореволюционный период располагался церковный управленческий аппарат. Музеефицируемые объекты используются «как музей», который предполагает использование памятника как самостоятельный объект показа.

Расширению основных направлений концепции «живого музея» способствует метод музеефикации, который предполагает сохранение церковного археологического наследия в статусе in situ (на месте его первоначального нахождения).

В Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре по окончании проекта научной реставрации музеефицированы Солодовы палаты: прямо под их крышей найдены первоначальные производственные помещения, связанные с солодовым (квасным) и кузнечным делом. В гончарной мастерской обнаружены остатки производственных печей и трёх горнов для обжига изразцов. Причём в одном из горнов сохранилась последняя закладка изразцов с оттиском «1690» – годом завершения строительства монастыря. Эти и другие открытые древности монастыря позволяют по-новому взглянуть на историю обители, изучить раннюю индустрию, начиная с никоновских времён проследить развитие иконографии, вкусов, бытового комфорта и т. д., а также влияние на них итальянского мастерства. По данным на 2016 год, в монастыре продолжаются археологические розыскные работы, параллельно с тем разрабатывается план организации экспозиционного пространства Солодовых палат [3].

Уникальный проект ведётся в Московском Зачатьевском Алексеевском ставропигиальном женском монастыре. На территории монастыря с 2003 года проводятся археологические разыскания, в результате которых собраны уникальные коллекции нательных крестов, образков, богослужебных предметов, монет, керамики, обнаружено большое количество надгробных плит и захоронений. Были открыты остатки фундаментов и архитектурные фрагменты всех четырёх соборных храмов. Открытые раскопками остатки храма музеефицированы. На основе памятников создана архитектурная экспозиция, главными экспонатами которой являются очищенные, укрепленные и сохраненные фундаменты соборов XVI–XIX веков. Уникальным для монастырской археологии считается открытие деревянных келий с обшитыми деревом погребками-подпольями XIV–XVI веков. В особом помещении подготовлена экспериментальная инсталляция музейного характера с использованием подлинных предметов – реконструкция в натуральную величину погребка и части средневековой кельи [4].

в) Организация музеев, подведомственных Русской православной церкви.

В настоящее время в России и за её пределами активно развивается сеть церковных музеев, где, в первую очередь, экспонируются предметы религиозного происхождения. На данном этапе не

представляется возможным отследить динамику возрождения и возникновения всех церковных музеев.

Это связано с тем, что: первое – отсутствует единый координирующий центр, который бы мог учитывать открывающиеся церковные музеи; второе – на современном этапе происходит разукрупнение епархий, что размывает картину музейного строительства.

Появление большого количества церковных музеев по всей России происходит стихийно. Чаще всего основатели и работники музеев не имеют специального образования, поэтому, на наш взгляд, не всегда происходит чёткое осознание выбора путей развития музея: быть классическим музеем павильонного типа или стать динамично развивающимся музеем, в котором претворяются элементы концепции «живого» музея П. А. Флоренского.

По наблюдениям авторов данной статьи, отмечено, что из 10 действующих на территории Сибири крупных епархиальных музеев (Алтайская (г. Барнаул), Бийская, Енисейская (г. Лесосибирск), Кемеровская, Красноярская, Новокузнецкая, Новосибирская, Томская, Тобольская и Якутская (г. Якутск) епархии), статичными музеями с камерным характером являются музей истории Новосибирской митрополии (г. Новосибирск), музей при Духовной семинарии Кузбасской митрополии (г. Новокузнецк), лесосибирский музей современного христианского искусства, а также Музей истории Православия в Якутии (г. Якутск). В отмеченных музеях ведётся комплектование, учёт, сохранение и экспонирование памятников.

Активная выставочная, музеефикационная, публикационная, научно-исследовательская и миссионерская деятельность, направленная на изучение религиозной истории края или музейных предметов, а также способствующая вовлечению большого числа посетителей как в деятельность музея, так и в жизнь самой Церкви отмечена в музее истории Алтайской духовной миссии, в музее истории Православия на земле Кузнецкой (в период с 2011 – по 2015 год), в музее истории православия на Алтае (г. Барнаул), в музее Томской Духовной Семинарии (г. Томск).

Литература

1. Андроник (Трубачев А. С., иеродиакон). К 100-летию со дня рождения священника Павла Флоренского (1882–1943) // Богословские труды. – М.: Изд-во Москов. патриархии, 1982. – № 23. – С. 264–279.
2. Андроник (Трубачев А. С., игумен). Путь к Богу. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. – М.: Фонд священника Павла Флоренского, 2016. – Кн. 4. – 512 с.
3. Анохин Д. Припасы садового горна. Археологические находки Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря музеефицируются в экспозиции Солодовых палат // Журн. Москов. патриархии. – 2016. – № 1. – С. 84–88.
4. Беляев Л. А., Глазунова О. Н., Елкина И. И. Церковно-археологический музей Московского Зачатьевского Алексеевского монастыря: история создания и современное состояние [Электронный ресурс]. – URL: http://acmus.ru/news/stati/cerkovno_arheologicheskiy_muzey_moskovskogo_zachatevskogo_alekseevskogo_monastirya_istoriya_sozdaniy/index.php (дата обращения: 24.05.2015).
5. Вагнер Г. К. Древнерусский ансамбль как образ мира. Искусство ансамбля. Художественный предмет. Интерьер, архитектура, среда. – М.: Изобраз. искусство, 2006. – 432 с.
6. Галинская И. Л. Павел Флоренский об идее «живого музея» [Электронный ресурс] // Новая лит. по культурологии: дайджест. – М., 1995. – № 3. – С. 22–29. – URL: http://ilgalinsk.narod.ru/articles/flor-mus.htm (дата обращения: 24.05.2017).
7. Дьяченко Е. Ю. Библейские образы в богослужебном пении: истоки, уставные указания // Аналитика культурологии. – 2010. – № 16. – С. 247.
8. Моррис У. Искусство и жизнь. – М.: Искусство, 1973. – 511 с.
9. Организации [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: офиц. сайт Московского Патриархата. – URL: http://www.patriarchia.ru/db/organizations (дата обращения: 30.11.2017).
10. Русской Православной Церкви передан древнейший на Руси список Иверской иконы Божией Матери [Электронный ресурс] // Русская Православная Церковь: офиц. сайт Московского Патриархата. – URL: http://www.patriarchia.ru/db/text/2204029.html (дата обращения: 30.11.2017).
11. Рерих Н. К. Пути благословения [Электронный ресурс]. – URL: https://books.google.ru/books?id=rWfBXGhfwBMC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 14.05.2017).

12. Рёскин Дж. Лекции об искусстве. – М.: Б.С.Г.-ПРЕСС, 2006. – 318 с.
13. Сайт Мемориального научно-просветительского центра «Бутово» [Электронный ресурс]. – URL: http://butovo37.ru/index.html (дата обращения: 14.08.2017).
14. Сайт Храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутове [Электронный ресурс]. – URL: https://www.martyr.ru (дата обращения: 14.05.2017).
15. Словарь актуальных терминов // Музей. – 2009. – № 5.
16. Трубецкой Е. Н., кн. Умозрение в красках. Этюды по русской иконописи. – М.: Изд-во Москов. патриархии Русской православной церкви, 2012. – 152 с.
17. Фёдоров Н. Ф. Выставка 1889 года, или наглядное изображение культуры, цивилизации и эксплуатации, юбилей столетнего господства среднего класса, буржуазии или городского сословия, и чем должна быть выставка последнего года XIX века или первого года XX, точнее же, выставка на рубеже этих двух веков; что XIX век завещает XX // Фёдоров Н. Ф. Собр. соч: в 4 т. – М.: Прогресс, 1995. – Т. 1. – С. 442–459.
18. Фёдоров Н. Ф. Музей, его смысл и назначение // Фёдоров Н. Ф. Собр. соч: в 4 т. – М.: Прогресс, 1995. – Т. 2. – С. 391.
19. Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Маковец. – М., 1922. – № 1.
20. Флоренский П. А. Храмовое действо как синтез искусств // Флоренский П. А. Избр. тр. по искусству. – М., 1996. – С. 199–215.
21. Dana John Cotton. The new museum. – Woodstock: ElmTree Press, 1917.
22. Jerzy Kapuścik. Synthetism – the Basic Idea of the Russian Silver Age [Электронный ресурс] // Studia Litteraria Universitatis Iagellonicae Cracoviensis. – 2013. – Vol. 8, iss. 1 – URL: http://www.ejournals.eu/Studia-Litteraria/Tom-8-(2013)/Zeszyt-1/art/1970 (дата обращения: 06.12.2017).

References

1. Andronik (Trubachev A.S., ierodiakon). K 100-letiyu so dnya rozhdeniya svyashchennika Pavla Florenskogo (1882-1943) [To the centenary of the birth of the priest Pavel Florensky (1882-1943)]. *Bogoslovskie Trudy [Theological works]*. Moscow, Moscow Patriarchate Publ., 1982, no. 23, pp. 264-279. (In Russ.).
2. Andronik (Trubachev A.S., igumen*). Put' k Bogu. Lichnost', zhizn' i tvorchestvo svyashchennika Pavla Florenskogo [The way to God. Personality, life and work of the priest Pavel Florensky]*. Moscow, Fond svyashchennika Pavla Florenskogo Publ., 2016, book 4. 512 p. (In Russ.).
3. Anokhin D. Pripasy sadovogo gorna. Arkheologicheskie nakhodki Novo-Ierusalimskogo Voskresenskogo monastyrya muzeefitsiruyutsya v ekspozitsii Solodovykh palat [Supply of a garden horn. Archaeological finds of the New Jerusalem Resurrection Monastery are museumed in the Maly Chamber exposition]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii [Journal of the Moscow Patriarchate]*, 2016, no. 1, pp. 84-88. (In Russ.).
4. Belyaev L.A., Glazunova O.N., Elkina I.I. *Tserkovno-arkheologicheskiy muzey Moskovskogo Zachat'evskogo Alekseevskogo monastyrya: istoriya sozdaniya i sovremennoe sostoyanie [The Church and Archaeological Museum of the Moscow Zachatievsky Alekseevsky Monastery: the history of creation and the current state]*. (In Russ.). Available at: http://acmus.ru/news/stati/cerkovno_arheologicheskiy_muzey_moskovskogo_zachatevskogo_alekseevskogo_monastirya_istoriya_sozdaniy/index.php (accessed 24.05.2015).
5. Vagner G. K. *Drevnerusskiy ansambl' kak obraz mira. Iskusstvo ansamblya. Khudozhestvennyy predmet. Inter'er, arkhitektura, sreda [Ancient Russian ensemble as an image of the world. The art of ensemble. Artistic object. Interior, architecture, environment]*. Moscow, Izobrazitel'noe Iskusstvo Publ., 2006. 432 p. (In Russ.).
6. Galinskaya I.L. Pavel Florenskiy ob idee "zhivogo muzeya" [Pavel Florensky on the idea of a "living museum"]. *Novaya literatura po kul'turologii: daydzhest [New literature in cultural studies: digest]*. Moscow, 1995, no. 3, pp 22-29. (In Russ.). Available at: http://ilgalinsk.narod.ru/articles/flor-mus.htm (accessed 24.05.2017).
7. Dyachenko E.Yu. Bibleyskie obrazy v bogosluzhebnom penii: istoki, ustavnye ukazaniya [Biblical images in liturgical singing: sources, statutory directions]. *Analitika kul'turologii [Analytics of cultural studies]*, 2010, no. 16, pp. 247-250. (In Russ.).
8. Morris U. *Iskusstvo i zhizn' [Art and Life]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1973. 511 p. (In Russ.).
9. Organizatsii [Organizations]. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov': ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata [Russian Orthodox Church: official the website of the Moscow Patriarchate]*. (In Russ.). Available at: http://www.patriarchia.ru/db/organizations (accessed 30.11.2017).

10. Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi peredan drevneyshiy na Rusi spisok Iverskoy ikony Bozhiey Materi [The Russian Orthodox Church was given the oldest in Rus list of the Iberian Icon of the Mother of God]. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov': ofits. sayt Moskovskogo Patriarkhata [Russian Orthodox Church: official the website of the Moscow Patriarchate]*. (In Russ.). Available at: http://www.patriarchia.ru/db/text/2204029.html (accessed 30.11.2017).
11. Rerikh N.K. *Puti blagosloveniya [Ways of blessing]*. (In Russ.). Available at: https://books.google.ru/books?id=rWfBXGhfwBMC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (accessed: 14.05.2017).
12. Reskin Dzh. *Lektsii ob iskusstve [Lectures on art]*. Moscow, B.S.G.-PRESS Publ., 2006. 318 p. (In Russ.).
13. *Sayt Memorial'nogo nauchno-prosvetitel'skogo tsentra "Butovo" [The site of the Memorial Scientific and Educational Center "Butovo"]*. (In Russ.). Available at: http://butovo37.ru/index.html (accessed 14.08.2017).
14. *Sayt Khrama Svyatykh Novomuchenikov i Ispovednikov Rossiyskikh v Butove [The site of the Church of the Holy New Martyrs and Confessors of Russia in Butovo (Moscow City Diocese)]*. (In Russ.). Available at: https://www.martyr.ru (accessed 14.05.2017).
15. Slovar' aktual'nykh terminov [Dictionary of current terms]. *Muzey [Museum]*, 2009, no. 5. (In Russ.).
16. Trubetskoy E.N., kn. *Umozrenie v kraskakh. Etyudy po russkoy ikonopisi [Speculation in paints. Etudes on Russian icon painting]*. Moscow, Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ., 2012. 152 p. (In Russ.).
17. Fedorov N. F. *Sobranie sochineniy. Vystavka 1889 goda, ili naglyadnoe izobrazhenie kul'tury, tsivilizatsii i ekspluatatsii, yubiley stoletnego gospodstva srednego klassa, burzhuazii ili gorodskogo sosloviya, i chem dolzhna byt' vystavka poslednego goda XIX veka ili pervogo goda XX, tochnee zhe, vystavka na rubezhe etikh dvukh vekov; chto XIX vek zaveshchaet XX [Collected works. The exhibition of 1889, or a visual depiction of culture, civilization and exploitation, the anniversary of the centennial domination of the middle class, the bourgeoisie or the urban estate, and what should be the exhibition of the last year of the nineteenth century or the first year of XX, or rather an exhibition at the turn of these two centuries; that XIX century bequeaths XX]*. Moscow, 1995, vol. 1, pp. 442-459. (In Russ.).
18. Fedorov N.F. *Sobranie sochineniy. Muzey, ego smysl i naznachenie [Collected works. Museum, its meaning and purpose]*. Moscow, Progress Publ., 1995, vol. 2. 391 p. (In Russ.).
19. Florenskiy P.A. Khramovoe deystvo kak sintez iskusstv [Temple action as a synthesis of the arts]. *Makovets [Makovets]*, 1922, no. 1. (In Russ.).
20. Florenskiy P.A. *Izbrannyye trudy po iskusstvu. Khramovoe deystvo kak sintez iskusstv [Selected works on art. Temple action as a synthesis of arts]*, 1996, pp. 199-215. (In Russ.).
21. Dana John Cotton. *The new museum*. Woodstock, ElmTree Press, 1917. (In Eng.).
22. Jerzy Kapuścik. Synthetism – the Basic Idea of the Russian Silver Age. *Studia Litteraria Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, 2013, vol. 8, iss. 1. (In Eng.). Available at: http://www.ejournals.eu/Studia-Litteraria/Tom-8-(2013)/Zeszyt-1/art/1970 (accessed 06.12.2017).

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ART HISTORY

УДК 271.2+784

ФОРМЫ ЛИТУРГИЧЕСКОГО РЕЧИТАТИВА В БОГОСЛУЖЕБНОЙ ПРАКТИКЕ СТАРООБРЯДЦЕВ

Фаттахова Лейла Ринатовна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры инструментального исполнительства и музыкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск, РФ). E-mail: fattler@omsu.ru

В данной работе рассматриваются формы литургического речитатива, встречающиеся в традиционной старообрядческой службе (на примере общин поповского согласия Кемеровской области). В литургической практике староверов встречаются различные формы речитации, основанные на разных градациях типов интонирования (речевой, вокальный, промежуточный). Среди них основными являются: тонированная речь и собственно вокальный речитатив. По мере увеличения степени вокализации литургический речитатив приближается к пению на погласицу. Также рассматриваются виды литургических погласиц: формульная (рассказная), псалмодическая и осмогласная, каждая из которых имеет свою область применения и закрепляется за конкретным текстом или группой текстов. Однако на практике эта традиция не всегда сохраняется – все зависит от обычаев каждой конкретной общины и индивидуальной манеры чтения каждого чтеца. Структура самой погласицы максимально упрощается.

Тем не менее форма литургического речитатива функционирует довольно устойчиво и даже в некоторых случаях используется в певческих жанрах (расширяя круг чтений). Также в богослужебной практике старообрядцев устойчиво сохраняются и композиционные основы литургического речитатива.

Ключевые слова: богослужебная практика старообрядцев, литургический речитатив, тонированная речь, погласица, тип интонирования.

FORMS OF LITURGICAL RECITATIVE IN THE LITURGICAL PRACTICE OF OLD BELIEVERS

Fattakhova Leyla Rinatovna, PhD in Art History, Associate Professor of Instrumental Performance and Musicology Department, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: fattler@omsu.ru

The forms of liturgical “recitative” found in the traditional Old Believer service (on the example of the communities of the Kemerovo region “popovskoe soglasie”) are considered in this paper. Various forms of recitative, based on different gradations of intoning types (such as speech, vocal, intermediate intoning), can be found in the liturgical practice of the Old Believers. Toned speech and the very vocal recitative seem to be the main forms among them.

There are several types of liturgical “poglasitsa”: “formulnaya” (narrative), “psalmodicheskaya” and “osmoglasnaya”. Each of them has its own scope and is assigned to a specific text or group of texts. However, in practice this tradition is not always preserved and the individual manner of each reader comes to the fore. In this way the “poglasitsa” structure is simplified as much as possible. This area of questions is also discussed in the paper.

Nevertheless, the form of the liturgical recitative works quite steadily and in some cases is used even in singing genres (that expands the range of texts read). The compositional foundations of the liturgical recitative are also persistently preserved in the liturgical practice of the Old Believers.

All the chants were written by the author during the expedition work in the Kemerovo region and are given in the author's transcript.

Keywords: liturgical practice of Old Believers, liturgical recitative, toned speech, poglasitsa, type of intonation.

В литургической практике староверов встречаются различные формы речитации, основанные на разных градациях типов интонирования (речевой, вокальный, промежуточный). Среди них основными являются: тонированная речь и собственно вокальный речитатив [5, с. 247–248].

Термин «тонированная речь» вводит в научный обиход В. В. Мазепус. Он определяет ее как «особый "уставной" тип произношения, противопоставленный обыденной бытовой речи», для которого характерно «сочетание низкой общей напряженности (что свойственно обычной речи) с малыми ее вариациями, характерными для вокального типа интонирования» [2, с. 31]. Для данного типа интонирования характерна ритмическая определенность, в то время как звуковысотная – лишь отчасти. В репертуар тонированной речи входят чтения отдельных псалмов, молитвословия приходно-исходного начала, Исусова молитва (пример 1).

Пример 1

Иисусова молитва

Литургический речитатив представляет собой «переходную форму от тонированной речи к вокальной силлабике» [5, с. 248]. Композиционно он выглядит как многократно повторяющаяся мелодико-ритмическая структура, совпадающая со строкой вербального текста (пример 2).

Пример 2

Трисвятое

По мере увеличения степени вокализации литургический речитатив приближается к пению на погласицу [3, с. 105–110]. Различают следующие виды литургических погласиц: формульная (рассказная), псалмодическая и осмогласная[1].

Формульная погласица, как правило, используется для «поучительных чтений» [1, с. 426], псалмодическая – для Ветхого завета, Евангелия, то есть за каждым типом текстов закрепляется своя погласица, но на практике все зависит от традиций той или иной общины, поскольку эта сфера уставом не контролируется. Под влиянием

[1] Исполнение текстов осмогласной погласицей относится к пению по мелодической модели [4].

различных факторов, в том числе и понижения степени исполнительского мастерства, в общинах формируются свои традиции исполнения тех или иных литургических текстов. Случается даже, что у одного чтеца на разных участках текстах меняется тип интонирования или вид погласицы. А разные чтецы одной общины могут по-разному произносить один и тот же текст. Не редко репертуар чтений пополняется певческими жанрами – тропари, блаженны, кондаки и т. д., а чтение кафизм на утрене является характерной чертой именно поповских общин (в беспоповских они исполняются певчески).

Например, уставщик белокриницкой общины г. Новокузнецк использует практически только одну погласицу, представляющую собой псалмодирование на одном звуке, завершаемое каденцией. При этом в мелодической формуле погласицы совпадают конечный, инициальный и господствующий тоны (примеры 3–5). Изменяются только темп и продолжительность фрагмента псалмодии, соответственно числу слогов вербального текста.

Пример 3

Шестопсалмие

Пример 4

Возглас

Пример 5

Объявление чтения Евангелия

Погласица одной из чтиц этой же общины интонационно близка погласице уставщика (примеры 6–7). Так же как и в погласице уставщика, тон речитации совпадает с инициальным и конечным[2].

Объем попевки расширяется на большую секунду за счет верхнего вспомогательного звука к господствующему тону (на акцентированных слогах текста), при этом ладовое наклонение сохраняется.

[2] Исключением является Трисвятое, начинающееся с терцового субтона.

Пример 6

Трисвятое

Пример 7

Слава

Аналогичный принцип чтения богослужебных текстов наблюдается и в новозыбковской общине Урска. Так, погласица уставщицы общины основана на псалмодировании (примеры 8–10), при этом господствующий, конечный, а нередко и инициальный тоны совпадают, а на ударных слогах в середине строки захватывается верхнесекундовый звук. Каденция представляет собой нисходящий секундовый или терцовый ход с возвратом к господствующему тону. Погласица с такими интонационными характеристиками подходит для чтения молитвословий, тропарей и т. д. Однако чтица использует ее и для других текстов, например, для чтения Апостола и Евангелия. При этом она старается имитировать манеру чтения священнослужителя, но только первые строки напоминают канонический инвариант (псалмодирование на одном звуке с типичной восходящей полутоновой интонацией в конце). Основной тон «объявления чтения» и основной тон собственно чтений находятся в соотношении малой терции (примеры 9а и 9б).

Пример 8

Апостол

Пример 9

Евангелие

Пример 10

Евангелие

Чтения Евангелия и Апостола разворачиваются по одной и той же схеме: к псалмодии добавляется верхнесекундовый тон, обычно, на акцентированном слоге, затем появляется каденционный оборот в объеме малой терции. Каждая строка представляет собой новый мелодический вариант: варьируется не только протяженность фрагмента с повторяющимся тоном, но и каденция, при этом состав тонов остается неизменным: **e–fis–g**. Также постоянно изменяется и скорость произнесения текста, особенно это касается первой и заключительной строк, для которых характерен более спокойный темп (средняя продолжительность четвертной длительности в этих строках составляет от 0,43 до 0,54 секунды). Можно отметить, что и для

разных текстов традиция предусматривает различные темпы произнесения, так, Евангелие читается в более спокойном темпе, а Апостол – немного быстрее (средняя длительность четвертной ноты составляет 0,34 и 0,27 секунды соответственно).

Анализ старообрядческих служб в различных общинах поповского согласия Кемеровского региона показал, что, во-первых, в целом не соблюдается традиция закрепленности определенной погласицы за конкретным текстом; во-вторых, значительно упрощается сама погласица, которая, как правило, представляет собой псалмодирование на одном звуке, заключаемое небольшой каденцией в объеме секунды или терции вверх или вниз от основного тона. В процессе чтений происходит постоянное интонационное варьирование погласицы, при этом, как правило, неизменным остается господствующий тон (в отдельных случаях отмечен сдвиг основного тона – пример 9, строка 5) и общий объем звукоряда не расширяется. Выбор погласицы и вообще формы литургического речитатива часто зависит от обученности и профессионализма чтеца.

В то же время нельзя утверждать, что эти традиции в изучаемых общинах утрачены, так как достаточно стабильно сохраняется репертуар чтений, который нередко расширяется за счет вокальных жанров (в первую очередь, это область гласового пения). Кроме того, в области композиционной организации наблюдается устойчивое функционирование основных принципов построения литургического речитатива: координация с вербальным текстом, следование акцентной структуре строки, трехзвенный состав погласицы, варьированное повторение строк.

Литература

1. Владышевская Т. Ф. Погласица // Музыкальный энциклопедический словарь. – М., 1990. – 672 с.
2. Мазепус В. В. Артикуляционная классификация и принципы нотации тембров музыкального фольклора // Фольклор: комплексная текстология. – М., 1998. – С. 24–51.
3. Полозова И. В. Традиции литургического пения старообрядцев поморского согласия Западной Сибири: дис. ... канд. искусствоведения. – Новосибирск, 2000. – 158 с.
4. Фаттахова Л. Р. Неканоническое использование гласовых моделей в традиционной старообрядческой службе (на примере общины РПСЦ г. Новокузнецка) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 37. – С. 143–150.
5. Федоренко Т. Г. К проблеме классификации устных образцов старообрядческого литургического пения (на материале сибирской региональной традиции) // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества. – Новосибирск, 1999. – С. 242–254.

References

1. Vladyshevskaya T.F. Poglasitsa [Poglasitsa]. *Muzykal'nyy entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic Dictionary of Music]*. Moscow, 1990. 672 p. (In Russ.).
2. Mazepus V.V. Artikulyatsionnaya klassifikatsiya i printsipy notatsii tembrov muzykal'nogo fol'klora [Articulatory classification and principles of notation of the timbre of musical folklore]. *Fol'klor: kompleksnaya tekstologiya [Folklore: complex textology]*. Moscow, 1998, pp. 24-51. (In Russ.).
3. Polozova I.V. *Traditsii liturgicheskogo peniya staroobryadtsev pomorskogo soglasiya Zapadnoy Sibiri: dis. kand. iskusstvovedeniya [Traditions of liturgical singing of Old Believers of Pomeranian consent of Western Siberia. PhD in Art History diss.]*. Novosibirsk, 2000. 158 p. (In Russ.).
4. Fattakhova L.R. Nekanonicheskoe ispol'zovanie glasovykh modeley v traditsionnoy staroobryadcheskoy sluzhbe (na primere obshchiny RPSTs g. Novokuznetska) [Non-canonic usage of tone patterns in the traditional old-believers' service (exemplified by community of russian orthodox old believers' church in Novokuznetsk)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 37, pp. 143-150. (In Russ.).
5. Fedorenko T.G. K probleme klassifikatsii ustnykh obraztsov staroobryadcheskogo liturgicheskogo peniya (na materiale sibirskoy regional'noy traditsii) [To the problem of classification of oral samples of Old Believers' liturgical singing (based on the Siberian regional tradition)]. *Kul'turnoe nasledie srednevekovoy Rusi v traditsiyakh Uralo-Sibirskogo staroobryadchestva [Cultural heritage of medieval Russia in the traditions of the Ural-Siberian Old Believers]*. Novosibirsk, 2000, pp. 242-254. (In Russ.).

УДК 78

ДУХОВНЫЕ СТИХИ СТРАСТНОЙ НЕДЕЛИ И ПАСХИ В БЫТУ ПЕНЗЕНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Гумерова Ольга Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, доцент кафедры истории и теории музыки, Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, РФ). E-mail: gumerchik@mail.ru

В условиях современной глобализации, нейтрализующей культурное и национальное своеобразие, размывающей конфессиональные различия, особое значение приобретает поиск духовных констант и восстановление ценностных ориентиров, передающихся из поколения в поколение. Это во многом объясняет повышенный интерес современного музыкознания к жанру духовного стиха, сконцентрировавшего в себе базовые этические ценности русского народа, его стремление к этническому и религиозному самопознанию.

В статье рассматривается одна, локальная ветвь в развитии данного жанра на основе действующей ныне традиции пензенских переселенцев Челябинской области. В центре внимания – стихи, приуроченные к Страстной неделе и Пасхе, образующие монолитный блок. Поиск взаимно скрепляющих связей между ними предопределил главный вектор и исследовательскую стратегию статьи. С помощью сравнительного анализа текстов духовных стихов и их источников в Евангелиях, песнопениях Литургии, апокрифической литературе и авторской духовной поэзии, рассматриваются формы переосмысления и адаптации текстовых инвариантов. Избранный метод позволяет раскрыть диалектику взаимоотношения фольклорных и церковно-певческих традиций, различных проявлений билингвизма, отразивших взаимодействие народного и церковно-славянского языков. Особое внимание уделяется выявлению типовых черт в мелодике, метрике, фактурных, ладовых и структурных моделях духовных стихов, на основе чего делается вывод о музыкально-стилистической цельности рассматриваемой группы.

Ключевые слова: духовный стих, народное православие, традиционная культура.

SPIRITUAL VERSES OF HOLY WEEK AND EASTER IN LIFE OF PENZA IMMIGRANTS OF CHELYABINSK REGION

Gumerova Olga Anatolyevna, PhD in Art History, Associate Professor, Associate Professor of Department of History and Theory of Music, Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: gumerchik@mail.ru

In the conditions of modern globalization, which neutralizes cultural and national identity, confessional differences, the search for spiritual constants and restoration of value orientations transmitted from generation to generation become especially important. This explains in many respects the increased interest of contemporary musicology towards the genre of spiritual verse, which has concentrated in itself the basic ethical values of the Russian people, striving for ethnic and religious self-knowledge. The article considers one local branch in the development of this genre based on the current tradition of Penza immigrants in Chelyabinsk region. The center of attention are the poems dedicated to Holy Week and Easter. The goal set in the article is to confirm the hypothesis that the spiritual verses of this group are not scattered chants but a form of a monolithic cycle.

The search for mutual binding the bonds between them predetermined the main vector and research strategy of the article. Using the comparative analysis of the texts of spiritual verses and their sources, the forms of rethinking and adaptation the invariants of text are considered. The folk fantasy draws inspiration from the stories of the Gospel, prayers and hymns of the Liturgy, apocryphal literature and author's spiritual

poetry. As the analysis has shown, in all samples the borrowed text acquires a pronounced lyrical coloring. The chosen method allows us to disclose the dialectics of the relationship between folklore and church-singing traditions, various manifestations of bilingualism, reflecting the interaction of the folk and Church Slavonic languages. A particular attention is paid to the identification of typical features in melodic, metric, textural, frets and structural models of spiritual verses. Based on the analysis, a conclusion is made about the wholeness of the group of hymns in question, not only on the content level but also on the musical stylistic level.

Keywords: spiritual verse, popular Orthodoxy, traditional culture.

Духовный стих на протяжении нескольких столетий служил излюбленной формой религиозного самовыражения русского народа. В истории его изучения в XX веке были этапы интенсивного подъема (до 1920 и после 1990-х годов) и затяжная пауза, совпавшая с периодом «воинствующего атеизма», когда духовный стих, отнесенный к числу запретных жанров, надолго исчез из поля зрения ученых. Вопреки обстоятельствам, он продолжал свое существование в народной среде и в годы гонений на церковь сыграл важную роль в сбережении христианских нравственных ценностей. Наибольшая его сохранность наблюдается в селах, удаленных от больших городов, в тех населенных пунктах, где живут главные носители духовно-певческой традиции – представители довоенного поколения. К таким, еще сохранившимся заповедным местам относится горнозаводская зона близ Катав-Ивановска Челябинской области, где обосновались пензенские переселенцы. Их предки – крепостные крестьяне, привезенные в период Петровских реформ на Урал для работы на заводах, – основали села Орловка и Тюлюк[1], существующие до сих пор.

Панорамное представление о рассматриваемой песенной традиции дает опубликованный в 2017 году сборник ученого-этнографа О. Л. Юровской «На древах-та сидят да птички райския…», включающий в себя 65 нотированных образцов духовных стихов калужских и пензенских переселенцев, записанных в ходе фольклорных экспедиций в 2000–2003 годах [9]. Издание открывает широкие перспективы в изучении данного жанра на Южном Урале. В диссертационном исследовании самой О. Л. Юровской [8] духовный стих рассматривается в контексте его взаимодействия со всем комплексом фольклорных жанров, бытующих в этой местности, а также в ракурсе сравнения исходных и привнесенных черт песенной традиции в условиях вторичной локализации. Среди записанных О. Л. Юровской песнопений есть стихи покаянные, посвященные Христу, Богородице, святым, мученикам, христианским догматам, приуроченные к календарной и похоронно-поминальной обрядности.

Объектом изучения в данной статье являются духовные стихи пензенских переселенцев, приуроченные к Страстной неделе и Пасхе. Несмотря на их немногочисленность, они вызывают интерес с точки зрения адаптации канонических текстов, народной интерпретации и толкования евангельских сюжетов. Духовный стих становится в данном случае поэтической формой фольклорной герменевтики, посредником между христианским учением и народным православием. «Русская духовная певческая культура, вобравшая в себя святоотеческие идеи, христианские добродетели соборности, святости, добра, веры и любви, – пишет Н. В. Цуканова, – является вневременной национально-художественной формой осмысления действительности, <…> своего рода звуковой иконой, “умозрением” вечных духовных законов человеческого бытия» [7, с. 3].

Пристального внимания заслуживает и музыкальный стиль выбранных песнопений, впитавший в себя черты разных жанров и свидетельствующий, как покажет дальнейший анализ, о единстве этого малого цикла не только с точки зрения содержательной, но и музыкально-языковой.

Среди духовных стихов переселенцев шесть имеют непосредственное отношение к событиям

[1] *Село Орловка*, основанное в 1761 году, было призаводским и принадлежало Катавскому чугуноплавильному заводу. Крестьяне, населявшие его, прибыли из с. Орлово Арзамасского уезда Пензенской губернии. *Село Тюлюк* (с 1770 года) было основано горнозаводскими крестьянами как выселок из Юрюзанского железоделательного завода. Существовавшее ко времени переселения пензенцев название местности, вероятно, восходит к старобашкирскому «тулюк», что означает «кров», «жильё».

Страстной недели и Пасхи, описанным в Евангелиях:

Исполняемые в Страстную неделю:

• Со страхом, братья, вы послушайте (Тюлюк);

• Как со вечера гряну я ко Господу (Тюлюк);

• И вот Господь наш угасает (Орловка);

• Пятница святая (Орловка).

Исполняемые на Пасху:

• Лишь только солнце засияло (Орловка);

• Идите, скажите Христовым друзьям (Орловка).

Стих «И вот Господь наш угасает», подробно описывающий крестные муки Христа, поется не только на Страстной неделе, но также в пост и другие дни, не будучи жестко привязанным к событиям церковного календаря. Вероятно, такая востребованность песнопения объясняется наибольшим соответствием его текста главам Евангелия. Переживание страстных событий, размышление о крестных муках является для исполнителей стихов таким же важным условием духовного «устроения» жизни, как чтение глав Святого писания или каждодневная молитва.

Вне Страстной недели исполняется и духовный стих «Со страхом, братья, вы послушайте». Он звучал не только перед Пасхой, но и в период всего Великого поста. О. Л. Юровская сообщает, что его, наряду с другим стихом – «Как со вечеру гряну я ко Господу» – «особенно часто исполняли женщины в годы Великой Отечественной войны, собираясь ночами» [8, с. 172]. Передаваемое в них горе Богородицы, оплакивающей Сына, удваивалось трепетным отношением к Спасителю и переживаниями матерей, отправивших сыновей на войну и возможную смерть.

Предполагаемые источники текстов духовных стихов в каждом случае различны и зависят от смысловой доминанты конкретного образца. При этом во всех стихах отсутствуют догматически выверенные формулировки, и трактовка текста первоисточника всегда обнаруживает несоответствие с инвариантом, его яркую лирическую окрашенность и привнесенный фольклорный колорит.

Текст духовного стиха «И вот Господь наш угасает», как упоминалось, ближе всего к евангельским главам, посвященным страданиям Христа на кресте, и изобилует отсылками к первоисточникам: «“Свершилась”[2], – громко вазгласил», «причистай дух свой испустил», «завеса в храми раздралась», «земля в аснови сатрислась», «пришли Иосиф с Некодимом», «и тела Госпада абвили тут белоснежнай пилиной» [9, с. 60]. Повествование опирается на текст всех четырех Евангелий, в том числе от Иоанна, где в отличие от трех других упомянут тайный ученик Христа Никодим. Акцентирование отсутствующей в Евангелии подробности – «и тела Госпада с рыданьям асвабадили от гвоздей» – позволяет предположить, что источником мог послужить и иконический образ Никодима. «Вероятно, – пишет О. Л. Юровская, – включение данного персонажа в духовный стих произошло под влиянием изобразительного искусства. <…> Образ Никодима в сцене снятия тела Иисуса с креста можно увидеть на русских иконах Великого Новгорода, Москвы и в Ростово-суздальской живописи XV–XVI веков. <…> Историки идентифицируют его образ по его традиционному атрибуту – клещам, с помощью которых Никодим извлекает гвозди из тела Христа» [8, с. 84–85]. Несмотря на обилие евангельских аллюзий, народная фантазия существенно расширяет описание событий, домысливает их, добавляя плач Богородицы, взывающей к умершему Сыну:

Стиная горестна, рыдая,
К груди угасшего Христа
Склонилась Матерь Пресвятая,
Целуя хладныя уста.
Тибя я вижу, сын бесценный,
Прастертым ныне на зимле.
Саздатель неба и вселеннай,
С печатью смерти на чиле.

О, сын мой, Бог любвиабильнай,
Услышь страдальчиский мой стон!
Избавь от муки нипасильнай,
Пашли и мне сей чудный сон.
Чтоб я магла саединица
С Табою, Сын сладчайший мой.
К Тибе душа мая стримица,
Я здесь живу адним Табой [9, с. 60, 61].

[2] Здесь и далее сохранена аутентичная грамматика народного текста, зафиксированная О. Л. Юровской.

В двух последующих строфах повествование дополняется словами Христа, «тайный голос» которого отзывается в груди Марии, пророчествуя о воскресении.

Еще одним распознаваемым источником текста стиха «И вот Господь наш угасает» является «Канон о распятии Господни и на плач Пресвятой Богородицы», созданный в X веке св. Симеоном Метафрастом (Логофетом). Стихи из него звучат во время пятничной службы и после Страстной Пятницы:

1. Дева Чистая, увидев висящим на кресте Сына и Господа (Своего), горестно стеня, терзаясь и вместе с другими женами вопия, (так) говорила:

9. «Солнце незаходящее, Боже Превечный, Творец и Господь всех творений! Как Ты терпишь страдания на кресте?» <…>

13. <… > Иосиф вместе с Никодимом, рыдая, снял пречистое тело (Распятого) <…>.

16. «Увы! Печаль и скорбь и воздыхания терзают Меня, – говорила Чистая, горько рыдая, – когда вижу Тебя, Чадо Мое возлюбленное» <…>.

17. «Я хотела бы умереть с Тобою» <…>.

23. «Не оставляй Меня одну, ибо Мне уже невыносимо жить, не видя Тебя, Моего сладостнаго Света!»

33. «О, как сокрылась от тебя бездна милосердия? – сказал Господь тайно Матери. – Ибо, желая спасти Мое творение, Я благоволил умереть; но Я воскресну и возвеличу Тебя, как Бог неба и земли» [4].

Как видно из приведенного фрагмента, внимание здесь так же сфокусировано на страданиях Богоматери, упомянут и Никодим, и «тайное» обращение Христа к Марии.

Рассматриваемый вариант стиха «И вот Господь наш угасает» почти буквально, с учетом диалектных расхождений, совпадает с его среднерусской версией, записанной в Воронеже (см. [1, с. 112]), и это дает возможность предположить, что текст песнопения был привнесен на Южный Урал самими переселенцами.

Инвариантом стиха «Со страхом, братья, вы послушайте» является апокрифический «Плач Богородицы» («Пророки пророчили за тысящу лет»), оригинал которого находится в Собрании рукописных книг Синодальной библиотеки [6]. Текст записан полууставом – кириллицей, используемой в XIV–XV веках, что позволяет установить примерное время его появления. Сюжет «Плача» один из самых распространенных в народном духовном творчестве, многочисленные версии его имеют хождение в разных регионах России и зафиксированы в сборниках П. Киреевского, П. Якушкина, П. Бессонова, В. Варенцова и многих других этнографов. Вариант, бытующий у переселенцев с. Тюлюк, представляет собой пример полной фольклоризации текста и вызывает непосредственные ассоциации с народными плачами:

Плакыла да ходила, а да мать святая Дева.
Искала свята Дева а да Иисуса а Христа.
Навстречу святай Девы, да попалися жиды.
- Да где вы жиды были э да отколь бродите?

- Да были мы в Ерусалиме,
э, да мучили мы Христа.
- Да мучимши, да ево бимши,
э, да в темницу садили.
Да выслушила свята Дева,
а да упала на сыру землю́.

Лежала она без памити, э, да три она часа,
Да встала Она с сырой земли,
э, да вся Она бледна.

Сын ли ты мой Сыне,
э, да Сын возлюбленный ты мой.
Да сколь я Тебя ни пускала
а да на предкрестнаю смерть,
А Ты да не послушал да Матери Ты своей
[9, с. 153].

Заключительное трехстишие содержит утешительные слова Христа, обращенные к Марии, и отсылает нас к цитированному выше «Канону» Симеона Метафраста. Введение пророческих слов Христа отражает глубинное свойство народного христианского сознания, связующего воедино принятие страданий с неиссякаемой верой во спасение:

Ни плачь, о матирь, нада мною,
Сгани с лица пичали тень.

Ищё придутринней зарёю
Васстанет сын твой в третий день”.
И вот Христос наш угасает [9, с. 61].

Не плачь Ты, Моя Мати,
и да не плачь або Мне.
На третьяй день Я воскресну
да прославлю Я Тебя.
Радости да веселия а да не будет конца.
Со страхом братия, вы послушайте
[9, с. 153].

К сказанному следует добавить, что вариативное сходство стихов «И вот Господь наш угасает» и «Со страхом, братия, вы послушайте» не является случайным, оно указывает на их сознательное сопряжение и осмысление в качестве составляющих единого корпуса песнопений, приуроченных к Страстной неделе.

Духовный стих «Как со вечеру гряну я ко Господу» непосредственно примыкает к первым двум и продолжает характерную для них тему плача Богородицы. Его связь с текстом Евангелия опосредована и проявляется лишь в упоминании распятия «ва Велику пятницу» и затмения, описанного в Евангелии от Луки [Лк, 23:44]. На первом плане в стихе – страдания Марии, переданные через восприятие некоего свидетеля-сказителя описывающего «плачь великую». Его поэтика, как и в стихе «Со страхом, братия, вы послушайте», восходит непосредственно к народному причету с характерными для него чертами – коммуникативной направленностью текста (обращение к ангелам, архангелам), ролевым статусом причитающей («об маем Сыне»), эмоционально-нагнетательными повторами, использованием анафор:

Как со вечеру гряну я ко Господу,
Как белой зори был я на свидетельстви,
Как полуночи была *плачь* великая.
«Уж вы *плачьти-ка,* ангелы, архангелы
Аб моём Сыни, об Сыне распятаим».
Распинали ево ва Велику *пятницу*,
В эту *пятницу* не была белой зори,

В эту пятницу не всходила *солнышка,*
Всему солнышку всё была затмения,
А всему миру была аскорбления,
А всему миру была *плачь* великая.
«Уж, вы *плачьте-ка*, ангелы, архангелы
Аб моём Сыне, о Сыне распятаим»
«Как со вечеру гряну я ко Господу» [9, с. 147].

Заключительным «аккордом» Страстной недели в преддверии Пасхи является духовный стих «Пятница святая». Его содержание восходит к двум источникам, принадлежащим к церковной и книжной традиции. Один из них – песнопение Литургии «Да молчит всякая плоть человеча», исполняемое в Великую субботу, когда мир замирает в ожидании Воскресения. Первоначальное введение его в Литургию произошло в 1545 году, согласно типикону преподобного Саввы Освященного. Авторство этих строк точно не установлено, но обычно сводится к гомилетической традиции, отраженной в «Слове о Пасхе» епископа Мелитона Сардийского. Отдельные мотивы этого песнопения встречаются в стихирах Иоанна Дамаскина и Феофана Исповедника, исполняемых на Великую пятницу и Великую субботу.

Текст молитвы:
Да умолкнет всякая плоть человеческая,
и да стоит со страхом и трепетом,
и ни о чем земном в себе да не помышляет,
ибо Царь царствующих и Господь господствующих
приходит заклаться и дать Себя в пищу верным.
Пред Ним шествуют сонмы Ангелов
со всяким их начальством и властью,
многоокие Херувимы и шестикрылые Серафимы,
закрывая лица и возглашая песнь:
аллилуия, аллилуия, аллилуия.
Перевод на русский иеромонаха Амвросия (Тимрота) [5, с. 190–191].

Книжным инвариантом текста духовного стиха является стихотворение православного писателя XIX века Хрисанфа Саковича, в монашестве Христофора (1833–1897). Он почти не известен в настоящее время, но произведения его приобрели такую популярность, что затмили имя их создателя. Стихи Хрисанфа Саковича, издаваемые огромными тиражами, бытуют преимущественно

в анонимном виде. Они воспринимаются как продукт народного песнетворчества и действительно стали таковыми в процессе их фольклорной адаптации, вариативного переосмысления и тропирования.

Ведущую тему стиха Хрисанфа Саковича определяет инициальная строфа, мысль которой развивается в последующих строфах, она же встречается во всех возможных фольклорных вариантах:

В Пятницу святую
Все должны молчать,
О Христовых муках
Крестных размышлять [3].

Неизменно во всех известных списках присутствует и строфа, заставляющая вспомнить о крестных муках Спасителя:

В Пятницу ж Израиль
Господа судил
И всего измучил,
На Кресте убил [3].

Последние строфы стиха Хрисанфа Саковича представляют собой несколько видоизмененное кольцевое обрамление.

В Челябинской области зафиксировано четыре разных варианта духовного стиха «Святая пятница» – в селах Кацбах Чесменского района, Александровка Октябрьского района, Полоцкое Кизильского района [2, с. 63, 161, 186] и Орловка Катав-Ивановского района [9, с. 79–80]. В первых трех присутствуют строки, рисующие страдания Марии, в то время как в стихе Орловки их нет. В Полоцком варианте добавлена молитва Трисвятое («Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас»), а в Александровском и Орловском вариантах имеется припев, повествующий об ангелах – безмолвных свидетелях Христовых страданий. Последний заставляет вспомнить песнопение «Да умолкнет всякая плоть», в котором так же упоминаются «сонмы Ангелов»:

Ангилы слитались на святой утёс,
Ва страхи сматрели, как страдал Христос
[9, с. 79].

Таким образом, Орловский вариант, как и Александровский, является результатом синтеза и трансформации сразу двух текстовых источников – стиха Хрисанфа Саковича и литургической молитвы «Да умолкнет всякая плоть». Кроме того, только в варианте пензенских переселенцев присутствует еще один важный смысловой мотив, проистекающий из свода нравственных законов христианина: «Кто вазлюбит гордасть, тот ва тьму пайдет, / и во тьме глубокай смертию умрет» [9, с. 80].

Пасхальные духовные стихи в среде пензенских переселенцев малочислены и значительно лаконичней страстны́х. Это объясняется бытийными установлениями в среде верующих. Страстная неделя обязывает к интровертности, сосредоточению, погружению в медитацию. Молитвы и духовные стихи органично вплетаются в длительные размышления о страданиях и смерти Христа. Пасхальные торжества, напротив, предполагают радостную открытость к миру, экстравертность, переключение с религиозных переживаний на живое общение, отвлекающее от молитв и пения духовных стихов в быту. Примечательно, что в Тюлюке пасхальные духовные стихи, приуроченные к Пасхе, отсутствуют вовсе. Сохранившиеся образцы зафиксированы только в Орловке.

Пасхальные стихи «Лишь только солнце засияло» и «Идите, скажите Христовым друзьям» образуют диптих на тему воскресения Господня. Непосредственных связей с каноническими или книжными текстами в них нет, за исключением пасхального приветствия «Христос воскрес!», многократно повторяемого за Пасхальным богослужением и звучащего повсеместно за пределами церкви из уст верующих. В стихе «Лишь только солнце засияло» его троекратное повторение придает композиции дополнительную целостность:

Лишь толька солнце засияла,
Христос Спаситиль наш васкрес.
И васкресения начало
Сирцам искупленным принёс (2р.).

Христос васкрес! И казнь паденья
Уже нас больше ни страшит.
Христос васкрес! И весть спасенья
Нам с васкрисением дарит (2 р.).

Христос васкрес! И жизни вечнай
Залог священный Он дарит.
Прими же песнь хвалы сирдечнай,
Гасподь и к жизни васкрисит (2 р.) [9, с. 64].

Краткая аллюзия на слова ангела (ангелов) у Гроба Господня из Евангелия от Матфея, Марка и Луки [Мф 28:6; МК 16: 6; ЛК 26:6] встречается в стихе «Идите, скажите Христовым друзьям»:

Идите, скажите Христовым друзьям:
Васкрес он из гроба, и нет ево там
Любимый Учитель придёт к ним апять,
Чтоб радавать их и любви наставлять (2 р.) [9, 64].

Обращает на себя внимание и структурное тождество строф пасхальных песнопений с повтором второго двустишия (АВВ). В обоих стихах доминирует состояние радости по случаю Воскресения Христа, воспринимаемого как залог собственного спасения, обещанного Господом: «И васкресения начало / Сирцам искупленным принес»; «Васкрес он, чтоб грешников скорбных сирца / Увидели славу Ево алтарей» [9, с. 58, 65]. Пророчество о воскресении в стихах Страстной недели и мысль о его свершении, составляющая главный стержень пасхальных стихов, позволяют рассматривать и те, и другие как единое целое, неразрывность которого обеспечивается логикой причинно-следственных связей.

Но не только содержательный аспект и временной фактор сближает страстные и пасхальные стихи. Их родство проявляется в языковом билингвизме, основанном на смешении народного и церковно-славянского языка, сочетании народнотекстовой фонетики и норм литургического произношения. В каждом образце обнаруживается лексика, принадлежащая и к той, и другой языковой системе (см. табл. 1):

Таблица 1

Смешение народного и церковно-славянского языка в духовных стихах

И вот Господь наш угасает	*«раздралась», «к кристу», «матирь», «в новам гроби»*	*Пречистый дух, испустил, древо муки, возгласил, уста*
Со страхом, Братья, вы послушайте	*«писаниё», «в Ерусалиме», «отколь», «преткрестнаю»*	*Святая Дева, Господних страстей, Братия, Божие, Сын возлюбленный,*
Как со вечеру гряну я ко Господу	*«аб маем», «распатаим», «плачь великая»*	*гряну, ко Господу, распинали*
Пятница святая	*«ва страхи», «Исуси», «Госпыда», «глубокай»*	*уста, пребывать, смертию*
Лишь только солнце засияло	*«сирцам», «солнце засияла», «сирдечнай»*	*Искупленным, жизни вечной, залог священный*
Идите, скажите Христовым друзьям	*«любви наставлять», «беспичальных», «васкреснул», «люб**я**щих»*	*весть, отрекся, восстал, к жизни блаженной*

В воспроизведении традиционной фольклорной стилистики важную роль играют постоянные эпитеты, поэтически типизирующие образы Матери, Христа, природы, различных явлений: «сын бесценный», «Бог любвиобильнай», «сын сладчайший», «грешникав скорбных», «глубокай смертию», муки непосильнай», «плачь великая», «хвалы сирдечнай», «сыру землю», «бел**о**й зори».

Единство внутри корпуса страстных и пасхальных стихов обеспечивается не только поэтическими, но и музыкальными средствами. Одним из главных подтверждений этого является наличие общего политекстового напева, используемого в стихах обеих групп. На его мелодию поются стихи «И вот Господь наш угасает» и «Лишь только солнце засияло», связанные, как уже указывалось каузальными отношениями (*примеры 1, 1а*):

Пример 1. И вот Господь наш угасает

Пример 1 а. Лишь только солнце засияло

Но оправдать использование политекстового напева лишь содержательными параллелями было бы неверно, учитывая, что данный напев используется и для стихов, не входящих в рассматриваемую группу («Прошу тебя, угодник Божий», «Спаситель мой, к тебе взираю», «О, Дева чистая, святая», «К тебе, о Матерь пресвятая»). Правомерным объяснением в данном случае может служить наличие единой метрической организации. Во всех случаях использован ямбический силлабо-тонический стих с двухсложной стопой (9+8):

∪— / ∪— / ∪∪ / ∪—∪

∪— / ∪— / ∪∪ / ∪—

∪— / ∪— / ∪∪ / ∪—∪

∪— / ∪— / ∪∪ / ∪—

Данная метрическая структура указывает на позднее происхождение напева, поскольку заимствуется не от ранних фольклорных, а от литературных поэтических форм XIX века. Первичной жанровой основой мелодики является городская песня, что в очередной раз подтверждает сказанное. Параллель политекстовому напеву образуют два пасхальных песнопения «Идите, скажите Христовым друзьям» и «Пятница святая» в стиле канта, также опирающиеся на поздние метрические силлабо-тонические структуры (амфибрахий с трехсложной стопой и хорей с двухсложной стопой).

Совсем иные черты характеризуют духовные стихи «Как со вечеру гряну я ко Господу» и «Со страхом, Братья, вы послушайте». Будучи связанными с плачем Богородицы, определяющим их эмоциональный модус, оба они восходят к жанру крестьянской лирической проголосной (протяжной) песни с внутрислоговыми распевами и микровариантным развитием в мелодии (*примеры 2, 2а*):

Пример 2. Как со вечеру гряну я ко Господу

Пример 2 а. Со страхом, братья, вы послушайте

Этот жанр – по своему происхождению более ранний – опирается на древнюю дисметрическую форму народной поэзии – фразовик с неравноударными и разносложными строками с серединной цезурой в каждой из них и отсутствием рифменной организации.

Органичное единство отличает звуковысотную организацию напевов. Все они базируются на диатонических звукорядах в амбитусе сексты с типовыми ладовыми формулами (трихорд в кварте, малотерцовый трихорд, трихорд с субквартой, тетрахорд мажорного и минорного наклонения).

Очевидным единообразием отличается и фактурный склад, выдержанный во всех стихах, независимо от их первичной жанровой основы. Инвариантной фактурной моделью является гетерофония с расщеплением унисона посредством вторы (*примеры 1, 1а, 2, 2а*) или пучкообразного расхождения в трехголосие в конце фраз, как в стихе «Пятница святая (*пример 3*):

Пример 3. Пятница святая

«Утолщение» главной мелодической линии производится посредством «подголашивания» сверху или снизу, так что направляющая, ведущая функция передается то верхнему, то нижнему голосу. Отслаивающиеся от основного мелодического ствола «вторы» не индивидуализированы и дублируют ритмический и мелодический рисунок. Типовыми чертами обладают и кадансовые формулы – нисхождение параллельных терций к унисонному «узлу» или терцовому устою с остановкой на крупной длительности.

Предпринятый анализ подтверждает гипотезу о том, что духовные стихи Страстной недели и Пасхи образуют монолитный блок. Эта общность поддерживается не только содержанием, но и формами осмысления сакральных источников. В духовных стихах наиболее явно обнаруживается синкретическое единство церковной практики и фольклора, осуществляется их живая внутрикультурная коммуникация. Это, в свою очередь, обусловило цельность музыкально-поэтической системы на уровне мелодики, ритмики, фактуры, лада, лексики, структуры.

Духовный стих – своеобразный компендиум народной этики. В условиях непростой современной социокультурной ситуации он помогает сохранить базовые нравственные принципы – сострадание, добро, преданность, самопожертвование. Благодаря ему становится крепче «дней связующая нить», позволяющая сохранять и развивать духовное достояние предшествующих поколений.

Литература

1. Духовные стихи Воронежского края: Афанасьев. сб.: мат-лы и исслед. – Воронеж: ВГУ, 2011. – Вып. X. – 284 с.
2. Духовный фольклор на Южном Урале. – Магнитогорск: МаГУ, 2005. – 224 с.
3. Лабынцев Ю., Щавинская Л. Духовная поэзия Хрисанфа Саковича [Электронный ресурс] // Sami o Sobie: Miesięcznik społeczno-kulturalny. – 2010. – XI (07). – URL: http://www.przegladprawoslawny.pl/samiosobie/articles.php?id=8&id_n=196.
4. Плач Пресвятой Богородицы (Канон о распятии Господни и на плач Пресвятой Богородицы) Симеона Логофета [Электронный ресурс]. – URL: http://www.belmagi.ru/amolitv/pl_bogor.htm.
5. Служебник аналойный. – М.: Издат. Совет Русской православной церкви, 2006. – 444 с.
6. Собрание рукописных книг синодальной библиотеки [Электронный ресурс]. – URL: http://old.stsl.ru/manuscripts/f-272/395.
7. Цуканова Н. В. Русская духовная певческая культура: философско-культурологические аспекты: дис. ... канд. филос. наук. – Белгород, 2007. – 199 с.
8. Юровская О. Л. Духовные стихи в песенной традиции калужских и пензенских переселенцев Челябинской области: дис. … канд. искусствоведения.–Челябинск, 2017. – 446 с.
9. Юровская О. Л. «На древах-та сидят да птички райския…»: Духовные стихи горнозаводских сёл Челябинской области: мат-лы фольклор.-этногр. экспедиций. – Челябинск: ЮУрГИИ им. П. И. Чайковского, 2017. – 193 с.

References

1. *Dukhovnye stikhi Voronezhskogo kraya: Afanas'evskiy sbornik: materialy i issledovaniya [Spiritual verses of the Voronezh region: Afanasyevsky collection. Materials and research]*. Voronezh, VSU Publ., 2011, iss. X. 284 p. (In Russ.).
2. *Dukhovnyy fol'klor na Yuzhnom Urale [Spiritual folklore in the Southern Urals]*. Magnitogorsk, MaSU Publ., 2005. 224 p. (In Russ.).
3. Labyntsev Iu., Shchavinskaya L. Dukhovnaya poeziya Khrisanfa Sakovicha [Spiritual poetry of Hrisanf Sakovich]. *Sami o Sobie: Miesięcznik społeczno-kulturalny [Sami o Sobie: Miesięcznik społeczno-kulturalny]*, 2010, XI, no. 07. (In Russ.). Available at: http://www.przegladprawoslawny.pl/samiosobie/articles.php?id=8&id_n=196 (accessed 10.12.2017).
4. *Plach Presvyatoy Bogoroditsy (Kanon o raspyatii Gospodni i na plach Presvyatoy Bogoroditsy) Simeona Logofeta [The Weeping of the Blessed Virgin (Canon of the Crucifixion of the Lord and The Weeping of the Blessed Virgin) Simeon Logofet]*. (In Russ.). Available at: http://www.belmagi.ru/amolitv/pl_bogor.htm (accessed 10.12.2017).
5. *Sluzhebnik analoynyy [The analoic service book]*. Moscow, Izdatel'skiy Sovet Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2006. 444 p. (In Russ.).
6. *Sobranie rukopisnykh knig sinodal'noy biblioteki [Collection of manuscript books of the Synodal Library]*. (In Russ.). Available at: http://old.stsl.ru/manuscripts/f-272/395 (accessed 10.12.2017).
7. Tsukanova N. *Russkaya dukhovnaya pevcheskaya kul'tura: filosofsko-kul'turologicheskie aspekty: dis. kand. philos. nauk [Russian spiritual singing culture: philosophical and cultural aspects. Diss. PhD in philosophy]*. Belgorod, 2007. 199 p. (In Russ., unpublished).
8. Yurovskaya O. *Dukhovnye stikhi v pesennoy traditsii kaluzhskikh i penzenskikh pereselentsev chelyabinskoy oblasti: Dis. kand. isk. [Spiritual verses in the song tradition of Kaluga and Penza immigrants of the Chelyabinsk region. Diss. PhD in Art History]*. Cheliabinsk, 2017. 446 p. (In Russ., unpublished).
9. Yurovskaya O. *"Na drevakh-to sidyat ptichki rayskiya…": Dukhovnye stikhi gornozavodskikh sel Chelyabinskoy oblasti: materialy fol'klorno-etnograficheskikh ekspeditsiy ["The birds of paradise sit on the trees …": Spiritual verses of the mining communities of the Chelyabinsk region: materials of folklore and ethnographic expeditions]*. Chelyabinsk, YuSI of Arts Publ., 2017. 193 p. (In Russ.).

УДК 791.3

ЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ЗВУКОЗАПИСИ В СОЗДАНИИ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КИНОФИЛЬМА

Русинова Елена Анатольевна, кандидат искусствоведения, доцент, проректор по научной работе, заведующий кафедрой звукорежиссуры, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (г. Москва, РФ). E-mail: vgik_sound@mail.ru

В течение последних трех десятилетий произошли квалитативные изменения и усовершенствования техники и технологий звукозаписи в кинопроизводстве, существенно повлиявшие на качество звучания кинофильмов, и, следовательно, на восприятие зрителей. Звук стал одним из важнейших средств художественной выразительности в современном кинематографе, оказав воздействие на эстетическую форму кинопроизведения. Быстрое развитие цифровых технологий позволило зрителю по-новому, со всей силой психологических переживаний и чувственных ощущений воспринять глубину и разнообразие акустического и художественно-эстетического пространства фильма. Однако сложившаяся ситуация в кинопроизводстве обнаруживает и ряд актуальных для искусства кино проблемных областей, среди которых: вопрос паритета акустических и эстетических параметров звука кинопроизведения; роль звуковой составляющей киноформы в оценке художественного качества картины; расчет соотношения психофизиологического, эмоционально-чувственного и интеллектуального аспектов зрительского восприятия элементов фонограммы фильма в творческом процессе ее создания и др. Одному из таких актуальных вопросов – роли звука в создании эстетического пространства в современном

кинофильме – посвящена данная статья. Целью проведенного анализа было выявить возможности современных многоканальных форматов звукозаписи в создании не только звуковых «киноаттракционов», но и осмысленных, эстетически значимых аудиовизуальных пространств, в частности, на примере фильма «Гравитация», созданного в формате Dolby Atmos. Анализ эволюции звуковых форматов звукозаписи при кинопроизводстве и воспроизведения фонограммы при кинопоказе устанавливает прямую взаимосвязь между стадиями развития техники и технологии звукозаписи/звуковоспроизведения и изменениями в художественном языке кинематографа. Результаты анализа приводят к пониманию того, что даже в настоящее время, в условиях расцвета звуковых технологий, актуальными остаются слова великого режиссера С. М. Эйзенштейна, который писал о необходимости постоянного творческого поиска уникального звукозрительного образа в контексте своего времени и конкретной художественной формы.

Ключевые слова: современное киноискусство, звукорежиссура кино, многоканальные форматы звукозаписи и воспроизведения звука, иммерсивный звук, киномузыка.

THE MEANING OF NEW SOUND TECHNOLOGIES IN THE CREATION OF THE MOVIE'S AESTHETIC SPACE

Rusinova Elena Anatolyevna, PhD in Art History, Associate Professor, Vice-Rector for Science Research, Department Chair of Sound Direction, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russian Federation). E-mail: vgik_sound@mail.ru

During the last three decades, there have been qualitative changes and improvements in recording technics and technologies in the film industry, which have noticeably affected the sound quality of movies and, consequently, the perception of the audience. Sound has become one of the most important resources of artistical expressiveness in contemporary cinema, having influenced the aesthetic form of film. The fast development of digital technologies has allowed the viewer to perceive the depth and variety of the acoustic and artistic aesthetic space of the film in a new way, with all the intensity of psychological and sensual impressions. However, the current situation in the film industry also reveals a number of problem areas relevant to the cinema art. Among them: the question of parity of acoustic and aesthetic parameters of the film sound; the meaning of the sound component of the film form in evaluation of the picture's art quality; estimation of psycho-physiological, emotionally sensual and intellectual aspects of the audience's perception of the elements of the film phonogram in the creative process, etc. This article is devoted to one of these topical issues: the meaning of sound in the creation of aesthetic space in a contemporary film. The purpose of the analysis was to reveal the possibilities of new multi-channel recording formats in creating not only sound "movie attractions" but also meaningful, aesthetically significant audiovisual spaces, in particular, using the example of the film "Gravity" created in Dolby Atmos format. The analysis of the evolution of sound recording formats in the process of film production and the reproduction of a phonogram establishes a direct relationship between the stages of the development of sound recording/sound reproduction technologies and changes in the artistic language of the cinema. The results of the analysis lead to understanding that even at the present time, in the heyday of sound technologies, the words of the great director S.M. Eisenstein, who wrote about the need for constant creative search for a unique sound-visual image in the context of its time and a specific artistic form, remain relevant.

Keywords: contemporary film art, film sound, multi-channel sound formats, immersive sound, film music.

Начиная с конца 1920-х годов, когда кинематограф стал звуковым, фонограмма является важнейшей неотъемлемой составляющей эстетической формы кинофильма как аудиовизуального экранного произведения. При этом на всем пути развития кинофонографии наблюдается прямая зависимость изменений в художественном языке кино от появления и освоения новых (для своего времени) звуковых технологий, о чем писали уже первые практики и теоретики молодого ис-

кусства кинематографа – Сергей Эйзенштейн [7], Рене Клер [5], Дзига Вертов [2], З. Кракауэр [6], Бела Балаш [1] и др. Изучение этих взаимосвязей до сих пор является прерогативой немногих профессионалов, владеющих как практическими навыками в области звукорежиссуры, так и теоретическим знанием истории кинофонографии, истории и теории кинематографа, мирового музыкального искусства и целого ряда других дисциплин[1]. Таким образом, исследования в данной области предполагают междисциплинарный методологический подход, только осваиваемый современной кинотеорией. Сама тема влияния новейших технико-технологических возможностей звукорежиссуры на создание эстетической формы кинопроизведения, а также на восприятие кинозрителей является почти неисследованной областью для теоретиков кино. В то же время открывающиеся почти безграничные возможности звука в формировании аудиовизуального пространства потенциально несут в себе и негативные факторы: в частности, опасность «увлечения» техническими средствами в экранных искусствах в ущерб художественному качеству произведения, что делает тему данной работы весьма актуальной.

Обращаясь к истории кинофонографии как необходимой фактологической базе исследования, необходимо отметить, что попытки представить звучание столь же впечатляющим, как и изображение предпринимались с момента возникновения звукового кино. С самых первых лет фонография развивалась по пути увеличения числа звуковых компонентов и усиления драматургической роли в соответствии с режиссерской концепцией. Даже работая в основной системе монофонической звукопередачи, звукорежиссеры предпринимали попытки внедрения в кино двухканального стереозвука. Это открывало более широкие перспективы для творческого выражения: впервые появилась возможность передавать пространственное впечатление, приближая условия восприятия зрителем звука к естественным.

Несмотря на то, что технические проблемы стереофонической системы оказались трудно преодолимыми для кинематографа первых «звуковых» десятилетий, необходимо вспомнить слова Харви Флэтчера, главы Лаборатории Bell, который еще в 1933 году, спустя всего несколько лет с момента официального признания кинематографа звуковым, предрек, что эволюция стереофонических систем, ориентированных на создание иллюзии «реалистичного» пространства в фонограмме, будет определяться увеличением числа источников звука при воспроизведении. Эксперимент был завершен уже к 1940 году, однако, не будучи одобренным ни одной из ведущих голливудских киностудий, открытие осталось забытым на долгие годы.

Первым примером коммерческого использования стереофонии в кино стала система «Fantasound», созданная специально для анимационного фильма Уолта Диснея «Фантазия» (1940) и ставшая предвестником стереозвука и многоканальных систем в кинематографе. Фонограмма фильма была смикширована в четыре звуковые дорожки, три из которых воспроизводились через фронтальные громкоговорители, а четвертая управляла уровнями громкости трех фронтальных и транслировала отдельные звуки через канал окружения в расположенные по стенам зала и на потолке громкоговорители. Кроме того, в «Фантазии» активно применялось панорамирование отдельных групп инструментов оркестра. Фильм Диснея стал первой попыткой физически окружить зрителя звуком путем создания единого пространства экранной истории и зрительного зала.

О возможностях стереозвука как элемента эстетической формы произведения и о трудностях его воплощения писал в то время С. М. Эйзенштейн (в связи с планировавшейся им постановкой «Валькирии» в Большом театре): «Я проектировал “звуковое объятие” аудитории, в которое должна была в самый патетический момент действия заключать зрителя вагнеровская музыка… Этот замысел мне не удалось осуществить, и я до сих пор об этом жалею. Подобный эксперимент позже произвел Дисней, который совместно со Стоковским[2] осуществил в нескольких театрах эффект “стереозвука” при демонстрации

[1] Один из наиболее авторитетных и цитируемых авторов в этой области – французский композитор и теоретик кино Мишель Шион, известный своей концепцией «аудио-видения» в кинематографе [12].

[2] Леопольд Стоковский – американский дирижер. Для фильма У. Диснея «Фантазия» была осуществлена многомикрофонная запись музыки, исполнявшейся симфоническим оркестром под управлением Стоковского.

“Фантазии”. <…> К сожалению, прием этот так и остался единичным случайным “аттракционом” и дальнейшего развития и разработки не получил» [9, с. 465].

Несмотря на пессимистичную констатацию Эйзенштейном ситуации с развитием стереофонического звука в конце 1930-х годов, технологии продолжали развиваться и уже в следующем десятилетии достигли впечатляющих результатов. Идентичный стереофонии эффект осваивался в широкоформатных кинофильмах. Пять громкоговорителей размещались за экраном, а шестой, громкоговоритель эффектов, находился в тыловой части зрительного зала. Он использовался в наиболее драматических сценах, для передачи необычных явлений, озвучивания сверхъестественных объектов. Позднее количество динамиков по тылу было увеличено, что позволило кинематографистам реально «окружать» зрителей звуком.

Одной из первых стала панорамная система «Cinerama» (1952), работавшая в специально построенных кинотеатрах: изображение с трех кинопроекторов выводилось на полукруглый экран больших размеров, за которым размещались пять фронтальных независимых акустических систем; также работал канал эффектов, который вручную управлялся киномехаником, «посылающим» в соответствующие тыловые (левый, правый и задний) громкоговорители отдельные сигналы. Именно для этой системы впервые в кинопроизводстве применили многомикрофонную технику записи фонограммы, включающей оркестр и синхронные шумы.

В 1950–1960-е годы появились и другие технологии широкоэкранного кино; они широко применялись, но ни одной из них не было суждено стать стандартом в киноиндустрии. Изобретение Рэем Долби профессиональной системы шумоподавления, улучшившей соотношение сигнал/шум, позволило зрителю услышать более качественный звук. Это обстоятельство дало толчок к созданию совершенно новой оригинальной системы звукопередачи, названной Dolby Stereo. В 1975 году состоялась премьера игрового фильма «Листомания» (режиссер Кен Рассел), снятого в системе с матричным кодированием Dolby Stereo, в основе которой лежала оптическая запись звука.

Стабильность стереофонической картины с физическим центром в больших кинотеатрах обеспечивалась тремя громкоговорителями по фронту; громкоговорители четвертого канала (эффектов) размещались по периметру зрительного зала. Самые низкие частоты в каналах отделялись при помощи фильтра и поступали на низкочастотный громкоговоритель. Появление системы Dolby Stereo ознаменовалось стандартизацией кинотеатров для достижения качественной звукопередачи авторской фонограммы. Многоканальные системы звуковоспроизведения впервые обеспечили возможность панорамирования сигнала, тем самым добавив реализма и свободы движения источнику звука в кадре, с возможностью вывода его даже за пределы экрана.

Развитию кинофонографии во многом способствовал кризис 1967–1980 годов традиционной студийной системы, на смену которой пришло поколение режиссеров «Нового Голливуда». В этот период начался поиск новых звуковых решений, а как следствие, и новых систем передачи звуковой выразительности в кино. В прессе конца 1970-х звучали определения данного кризиса как «второго пришествия звука» [13, p. 34]. Общие тенденции тех лет – отказ от доминирующей музыкальной иллюстративности, влияние приемов европейских кинематографистов «Новой волны» 1950–1960-х годов, драматургическое использование фонов и эффектов.

Переломной картиной, соединившей в себе черты стилей «новой волны» и Голливуда, стала картина Джорджа Лукаса «Звездные войны» (1977). Вышедший следом фильм Френсиса Форда Копполы «Апокалипсис сегодня» произвел на зрителей и на критиков не меньший эффект: «… <фильм> обратил на себя всеобщее внимание прежде всего в силу немыслимой ранее *степени вовлеченности* акустического пространства кинозала в происходящие на экране события. <…> Пространство зала становится местом локализации мощных взрывов, пулеметных очередей и соперничающей с ними “авторской музыки”; временами акустическая экспрессия ощущается зрителем на уровне шокирующей восприятие осязаемости» [4, с. 164–165].

В конце 1980-х годов получили распространение цифровые технологии, а в 1992 году Dolby Laboratories представила новую систему многока-

нальной передачи звука – Dolby Digital в фильме «Возвращение Бэтмена (режиссер Тим Бертон). С точки зрения восприятия пространственного звука система Dolby Digital стала большим шагом вперед по сравнению с ее предшественницей, системой Dolby Stereo: обеспечивалась передача естественного частотного баланса, фронтальные каналы стали абсолютно дискретны (разделены), благодаря чему обеспечивалась точная локализация звука. Левый и правый тыловые каналы, окружавшие зрителя звуком, вовлекали в действие фильма, дополнительный канал сверхнизких частот добавлял мощи драматургическому действию, полноценно передавая низкочастотную атмосферу, создавая ощущение мощного баса и усиливая впечатление от сцен взрывов и катастроф. Активное освоение звучащего объема зрительного зала продолжалось.

Для фильма «Звездные войны: эпизод I – Призрачная угроза» (режиссер Джордж Лукас), премьера которого состоялась в 1999 году, возникла необходимость создать новую конфигурацию реальности, воплотившуюся в системе Dolby Digital-Surround EX 6.1. Эта технология перевела специалистов на следующий уровень творческой свободы, фильм приобрел новое звучание благодаря дополнительному каналу объемного звука.

Появление многоканальных форматов иммерсивного[3] звука сориентировало кинематограф на формат Dolby Atmos[4], разрешающий задачу еще большего «погружения» зрителя в кинематографическое пространство: свобода перемещения звука путем добавления потолочных каналов и четкая локализация в тыловых каналах в сочетании с сабвуферами, расположенными сзади, позволили обогатить тыловую часть фонограммы, а общее звучание фонограммы сделать плотнее и эффектнее. Звук получил подлинную объемность с добавлением таких новых впечатляющих эффектов, как, например, панорамирование звука на 360°. Теперь различные пролеты над головой зрителя воспринимаются гораздо более реалистично благодаря полученной возможности точного позиционирования звука в системе звукопередачи. Новый канал объемного звука гарантирует, что все зрители, даже сидящие далеко от центра зала, слева или справа, будут в полной мере ощущать объемный звук и, соответственно, общую атмосферу эпизода, созданную авторами фильма.

Новые многоканальные звуковые технологии в кино призваны, в первую очередь, к созданию у зрителей полного ощущения реальности происходящего на экране и их эмоциональному вовлечению в кинематографическое действие, вплоть до «помещения» зрителя внутрь кинопространства, чтобы сделать его непосредственным участником, а не сторонним наблюдателем события, происходящего на экране. Благодаря расширению собственно акустического пространства киноповествования, по-новому используется сверхкрупная визуальная деталь. Более глубокое значение приобретает аудиовизуальный контрапункт: в монтаже, последовательно комбинируя различные планы, режиссер располагает возможностями различных звукозрительных «смещений» внутри самих планов, умножающих пространственно-динамические «конфликты» между звуком и изображением. Наложение звукового компонента на зрительный образ усиливает выразительность целого, одновременно воздействуя на зрителя по двум каналам – зрительному и слуховому. При этом изображение и звук образуют особую звукозрительную полифоническую структуру, где пластическое начало сливается со звуковым, создавая звукопространственную перспективу фильма[5].

Возможности формата Dolby Atmos позволили появиться в 2013 году такому уникальному в плане звукового решения фильму как «Гравитация». Картина Альфонсо Куарона стала первой, в которой звук сделан по принципу *абсолютного панорамирования*, заключающегося в постоянном передвижении всех источников звука вокруг кинозала в соответствии с их положением в пространстве. Этот научно-фантастический фильм с элементами хоррора и драмы об американских астронавтах, пытающихся выжить в открытом

[3] От англ. Immerse – погружение.

[4] Формат Dolby Atmos появился в 2012 году.

[5] Закадровый звук помогает «сориентироваться в пространстве». В фильмах со звуком моно после активных перемещений по неизвестному ландшафту было необходимо время от времени восстанавливать кадр общего плана, подтверждающий географию расположения героев, чтобы дать зрителю возможность сориентироваться в пространстве кадра. В случае со стереозвуком визуальной поддержкой можно полностью или частично поступиться – стереозвук дает все необходимые пространственные ориентиры.

космосе после разрушения их космического челнока, заслуженно считается одним из лучших примеров использования возможностей иммерсивного звука для киноповествования, эстетического воплощения нарратива киноформы.

Альфонсо Куарон с самого начала задумывал фильм с иммерсивным звуком, обосновывая это так: «Географически фильм очень дословен: это означает, что если персонаж находится сзади вас, то звук должен доноситься сзади. <…> Поэтому Dolby Atmos – система, о которой я мечтал. Она дает идеальную разделенность компонентов и глубину ощущения» [11]. Объектное панорамирование (каждого звука отдельно) идеально подошло для реализации главной режиссерской задачи – создания у зрителя ощущения дезориентации в пространстве.

Для того чтобы точнее уяснить концепцию звукового решения, необходимо понять стилистику картины. Обычно в работе над подобными картинами авторы должны соблюсти баланс между созданием физического эффекта присутствия и эмоциональным вовлечением зрителя в историю с помощью традиционных средств киноязыка. Имея в виду физический факт невозможности передачи звука в открытом космосе, создатели фильма отказались от синхронных шумов и поддерживающих звуковых эффектов. Для связи акустического и визуального восприятия в фонограмме были использованы реплики и звуки дыхания, которые персонажи слышат по радиосвязи; синхронные шумы, слышимые как низкочастотные колебания корпуса скафандра при его соприкосновении с другими предметами; тональные сигналы электронных приборов. Тем не менее многое из того, что производит в фильме впечатление реалистичного, имеет определенную меру *условности и далеко не всегда «реалистично»*. Например, реплики по радиосвязи, исходя из нашего жизненного опыта, не перемещаются в пространстве (так как звучат внутри шлема и, соответственно, из одного громкоговорителя); персонажи фильма не могут слышать писков настраиваемых приборов; немотивированный фоновый «звук космоса» (ровный низкочастотный гул) не может быть звуком вакуумного пространства. Следовательно, общую стилистику звукового решения фильма «Гравитация» можно назвать *условно реалистичной* – то есть максимально достоверной для зрительского восприятия, но при этом содержащей дополнительные звуковые компоненты для эмоционального воздействия на него. Создателям фильма удалось очень точно найти баланс, о котором пишет Роланд Казарян: «Эстетическая выразительность фильма во многом обусловлена нахождением (на практике: интуитивным ощущением) оптимального по драматургии “баланса” между правдоподобием и экспрессией» [4, с. 106]. При этом наиболее смелым решением стало панорамирование реплик[6]. Такое новаторское решение здесь не «киноаттракцион», а способ достоверного погружения зрителя в экранную историю.

Прием абсолютного панорамирования применен в «Гравитации» и в отношении музыки. Композитор Стивен Прайс в одном из интервью сознается, что во время работы над финальным звучанием саундтрека не мог предвидеть реакцию зрителей. Он стремился достичь эффекта погружения зрителей в условно реалистичное пространство [11]. Таким образом, новые технологические возможности «спровоцировали» создателей фильма на нарушение сложившихся канонов и традиций в звуковом решении фильма, но, будучи очень продуманным, логически оправданным и отлично исполненным, это решение стало и «новым словом» в развитии художественного языка кинематографа.

Заключая вышеизложенное, можно сказать, что современный кинематограф обладает огромным диапазоном технических и технологических возможностей звукозаписи и звуковоспроизведения, позволяющих реализовать самые смелые режиссёрские замыслы. Творческий потенциал и выразительность «форматного» звука открыли новый этап освоения виртуальной кинореальности и повлияли на особенности художественного восприятия зрителем новейших произведений экранных искусств. Нельзя не упомянуть и о такой разновидности творческого процесса в кино, как звуковой дизайн. Как пишет в своей книге А. Деникин, «звукошумовые эффекты, создаваемые дизайнерами, обнаружили широкие выразительные возможности: они не просто следуют за изображением, иллюстрируя его, но могут опре-

[6] В многолетней традиции создания кинофонограмм реплики практически всегда панорамируются строго в центральный канал.

делять настроение, передавать эмоции, вызывать определенные состояния у зрителя, работая наравне с экранной музыкой» [3, с. 53].

Современные методы работы над фонограммой в кинопроизводстве существенно отличаются от тех, которые были известны еще несколько десятилетий назад. Значительным этапом был переход всей индустрии от аналоговых технологий к цифровым, что повлияло на скорость решения производственных задач. Оборудование для записи фонограммы на съемочной площадке и для выполнения всех дальнейших задач звукорежиссера на этапе монтажа и перезаписи пережили революционные изменения: произошел отказ от физического оборудования в пользу цифровых рабочих станций по причине бóльшей доступности пользователю, появились модели чувствительных и пригодных для разных задач микрофонов, улучшились технические характеристики звукозаписывающего оборудования, что повлияло на качество звучания фонограммы. Возможности новых технологий оптимизируют творческий процесс, и сейчас, как никогда раньше, звукорежиссер вправе называть себя не просто исполнителем-интерпретатором, а создателем звука в кино. Ему отведена важная творческая роль в союзе с режиссером, сценаристом, композитором, оператором – ведь во многом художественный потенциал звукового решения фильма обусловлен качеством драматургии и режиссуры.

Высокая точность записи выстрелов и взрывов, удачно стилизованные голоса инопланетных существ, утомительно громкая фонограмма – еще не отличная звукорежиссура. Один из лучших американских звукорежиссеров Рэнди Том точно и образно выразился по этому поводу: «Я считаю, что здесь проблема скорее эстетическая, чем техническая… Плохо озвученные фильмы нестерпимо громкие. Плохо озвученные фильмы не имеют запаса динамического диапазона. Они выглядят так же глупо, как если бы газета была напечатана одними заглавными буквами» [10]. Хорошо оркестрованная и записанная музыка имеет минимальную ценность, если она не интегрирована в структуру фильма. Кинокартине не всегда полезны перенасыщенные диалогами или звуковыми эффектами сцены. Составляющие фонограммы фильма – шумы, речь, музыка – приобретают эстетическую ценность только тогда, когда являются частью целого звукозрительного образа. Этот образ рождается в результате творческой работы автора в системе координат своей эстетики над конкретным художественным произведением в контексте современной ему художественно-эстетической парадигмы. Таким образом, и в настоящее время, в условиях технологического расцвета в кинопроизводстве, актуальными остаются слова великого режиссера С. М. Эйзенштейна, который подчеркивал подвижность и изменчивость звукозрительного образа в контексте времени и конкретной художественной формы: «…Прямого стыка, а тем более нерушимого, абсолютного и раз навсегда заданного здесь нет и быть не может. Путь слияния их (*изображения и звука. – Е. Р.*) только через образ. То есть через конкретное психологическое, вечно в контексте и системе понятий изменчивое и изменяющееся. Единое в образе, внутреннее слияние в нем – абсолютное в условиях *данного* контекста, *данной* системы образов, *данной* вещи» [8, с. 381].

Литература

1. Балаш Б. Кино. Становление и сущность нового искусства. – М.: Прогресс, 1968. – 328 с.
2. Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы. – М.: Искусство, 1966. – 320 с.
3. Деникин А. А. Звуковой дизайн в кинематографе и мультимедиа: учеб. пособие. – М.: ГИТР, 2012. – 394 с.
4. Казарян Р. А. Эстетика кинофонографии. – М.: ФГОУ ДПО «ИПК работников ТВ и РВ», РОФ «Эйзенштейновский центр исследований культуры», 2011. – 248 с.
5. Клер Р. Искусство звука [Электронный ресурс]. – URL: http://seance.ru/n/37-38/flashback-depress/iskusstvo-zvuka.
6. Кракауэр З. Природа фильма. Реабилитация физической реальности. – М.: Искусство, 1974. – 424 с.
7. Эйзенштейн С. М. Будущее звуковой фильмы. Заявка // Эйзенштейн С. М. Избр. произведения: в 6 т. – М.: Искусство, 1964. – 566 с. – Т. 2. – С. 315–316.
8. Эйзенштейн С. М. Звук и цвет // Эйзенштейн С. М. Монтаж. – М.: РГАЛИ, Эйзенштейнов. центр исслед. кинокультуры, Музей кино, 2000. – 592 с.
9. Эйзенштейн С. М. О стереокино // Эйзенштейн С. М. Избр. произведения: в 6 т. – М.: Искусство, 1964. – Т. 3. – 672 с.

10. Are Movies Getting Too Loud? by Randy Thom, C.A.S. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.filmsound.org/randythom/loud-movies.htm (дата обращения: 10.10.2017).
11. Bernstein P. Gravity' Composer Steven Price on Breaking New Ground to Score "Fury" [Электронный ресурс] // IndieWire. – URL: http://www.indiewire.com/2014/10/gravity-composer-steven-price-on-breaking-new-ground-to-score-fury-69154 (дата обращения: 10.10.2017).
12. Chion M. Audio-Vision: Sound on Screen. – N.Y.: Columbia University Press, 1994. – 239 p.
13. Schreger C. The Second Coming of Sound // Film Comment. – 1978. – Vol. 14, – no. 5. – P. 34–37.
14. The Sound of Gravity [Электронный ресурс] // Sound Works Collection. – URL: http://soundworkscollection.com/videos/gravity (дата обращения: 10.10.2017).

References

1. Balash B. Kino. *Stanovleniye i sushchnost' novogo iskusstva [Formation and essence of the new art]*. Moscow, Progress Publ., 1968. 328 p. (In Russ.).
2. Vertov D. *Stat'i. Dnevniki. Zamysly [Articles. Diaries. Ideas]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1966. 320 p. (In Russ.).
3. Denikin A.A. *Zvukovoy dizayn v kinematografe i mul'timedia. Uchebnoye posobiye [Sound design in cinematography and multimedia. Textbook]*. Moscow, GITR Publ., 2012. 394 p. (In Russ.).
4. Kazaryan R.A. *Estetika kinofonografii [Aesthetics of cinephonography]*. Moscow, FGOU DPO «IPK rabotnikov TV i RV», ROF «Eyzenshteynovskiy tsentr issledovaniy kul'tury» Publ., 2011. 248 p. (In Russ.).
5. Kler R. *Iskusstvo zvuka [Art of sound]*. (In Russ.). Available at: http://seance.ru/n/37-38/flashback-depress/iskusstvo-zvuka (accessed 10.10.2017).
6. Krakauer Z. *Priroda fil'ma. Reabilitatsiya fizicheskoy real'nosti [Theory of film. The redemption of physical reality]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 424 p. (In Russ.).
7. Eyzenshteyn S.M. *Izbrannyye proizvedeniya: v 6 t. Budushcheye zvukovoy fil'my. Zayavka [Selected works in 6 volumes. Future of the sound film. Proposal]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964, vol. 2. 566 p. (In Russ.).
8. Eyzenshteyn C.M. *Montazh. Zvuk i tsvet [Editing. Sound and color]*. Moscow, RGALI, Eyzenshteynovskiy tsentr issledovaniy kinokul'tury, Muzey kino Publ., 2000. 592 p. (In Russ.).
9. Eyzenshteyn S.M. *Izbrannyye proizvedeniya: v 6 t. O stereokino [Selected works in 6 volumes. About stereofilm]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1964, vol. 3. 672 p. (In Russ.).
10. *Are Movies Getting Too Loud? by Randy Thom, C.A.S.* (In Engl.). Available at: http://www.filmsound.org/randythom/loud-movies.htm (accessed 10.10.2017).
11. Bernstein P. *Gravity' Composer Steven Price on Breaking New Ground to Score "Fury"*. (In Engl.). Available at: http://www.indiewire.com/2014/10/gravity-composer-steven-price-on-breaking-new-ground-to-score-fury-69154 (accessed 10.10.2017).
12. Chion M. *Audio-Vision: Sound on Screen*. New York, Columbia University Press Publ, 1994. 239 p. (In Engl.).
13. Schreger C. The Second Coming of Sound. *Film Comment*, 1978, vol. 14, no. 5, pp. 34-37. (In Engl.).
14. The Sound of Gravity. *Sound Works Collection*. (In Engl.). Available at: http://soundworkscollection.com/videos/gravity (accessed 10.10.2017).

УДК 792.028

РЕЧЕВОЕ ИСКУССТВО АКТЕРА: ОБНОВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИСВОЕНИЯ АВТОРСКОГО ТЕКСТА

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, доцент, декан факультета режиссуры и актерского искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Прокопов Виктор Леонидович, доцент кафедры театрального искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: pvl08@mail.ru

Актуальность статьи состоит в аргументации новых теоретических положений речевого искусства актера, связанных с процессом присвоения авторского текста. Цель статьи авторы связывают с раскры-

тием причины возникших в речевом искусстве актера изменений, с установлением нового атрибута речевого искусства актера, указывающего на факт его обновления в целом и обновление технологии присвоения авторского текста в частности, с определением стадий преобразования технологии присвоения авторского текста. Материалами для статьи послужили работы театральных деятелей, посвященные вопросу изменения речевого искусства актера. Особое внимание уделялось позициям речевых педагогов, поискам в области сценической практики. На основе анализа речевого искусства актера новейшего времени сформулированы выводы, утверждающие обусловленность изменений, произошедших в речевом искусстве актера, ценностями сенситивной культуры. Аргументирован процесс обновления рассматриваемой технологии речевого искусства актера. Устанавливается новый атрибут речевого искусства актера, указывающий на факт его обновления в целом и на обновление технологии присвоения авторского текста в частности. В качестве нового атрибута речевого искусства актера указывается «включенность» в активное проживание от имени персонажа.

Ключевые слова: актер, речевое искусство, присвоение текста, «включенное» проживание от имени персонажа.

AN ACTOR'S SPEECH ART: THE RENOVATION TECHNOLOGY FOR REFLEXING THE AUTHOR'S TEXT

Prokopova Natalya Leonidovna, Dr of Culturology, Associate Professor, Dean of Faculty of Directing and Acting Arts, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: n_prokopova@kemnet.ru

Prokopov Viktor Leonidovich, Associate Professor of Department of Theatre Art, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: pvl08@mail.ru

The article proves new theoretical positions of an actor's speech art, connected with the process of reflexing the author's text. The aim of the study is to discover the origin of the changes in an actor's speech art and to establish a new attribute for an actor's speech art, indicating the fact of renovation as a whole and the renovation technology for reflexing the author's text in particular. The authors of the article used research materials of theatrical workers dedicated to the question of changing the actor's speech art and also their personal observations. The article emphasizes on losing the unity in views of theatrical workers on an actor's speech art in the late 20th century. All-Russian recitation competitions are considered as evidence of the break between an actor's speech art and rhetorical type of speech art, in which an actor appeared altogether only as an agent of an author. Moreover the authors analyzed changes in requirements for participants of recitation competitions and suggest removing the illustrative quality and narration in an actor's speech art. On the basis of carried out analysis, the conclusions are formulated and conditionality of changes in an actor's speech art according to the values of sensitive culture is justified. The study focuses on such value attitudes as: "correlating with the reality only the fact that is given by the senses," "concentrating on the 'here and now' perception," "perception of reality as a process (formation, change, flow, evolution, progress and conversion)." A study established a new attribute for an actor's speech art, indicating the fact of renovation as a whole and technology renovation for reflexing the author's text in particular. As a new attribute for an actor's speech art, the authors suggest such feature as "included" should be used to a character.

Keywords: actor, speech art, reflexing the text, "included" should be used to a character.

Речевое искусство составляет общее профессиональное мастерство актера. Как исследовательское направление речевое искусство входит в область истории и теории актерского искусства и принадлежит отрасли наук «Искусствоведение». В рамках научной специальности «Театральное искусство» изучаются изменения, трансформации, преобразования в истории и теории речевого искусства актера. Объектом исследования данной статьи избрано речевое искусство актера, про-

являющееся в индивидуальном исполнении авторских произведений. Наблюдать такое речевое искусство актера возможно на так называемых чтецких конкурсах. В свою очередь предметом исследования данной статьи избраны признаки (атрибуты), указывающие на обновление технологии присвоения авторского текста. Цель состоит в выявлении и осмыслении эволюционных преобразований, проявившихся в технике речевого искусства актера в новейшее время. В рамках статьи предстоит раскрыть причину изменений в речевом искусстве актера, установить наиболее существенный признак (атрибут), указывающий на обновление речевого искусства актера и обновление технологии присвоения им авторского текста, определить стадии преобразования технологии присвоения авторского текста.

Прежде чем перейти к реализации задач, требующих решения в рамках данной статьи, скажем несколько слов о степени осмысления речевого искусства актера в новейшее время. Заметим, что вопросы речевого искусства актера рассматриваются в научных публикациях не часто. Дело в том, что их осмысление требует не только хорошей профессиональной подготовки в области теории и практики актерского искусства, но довольно большого объема знаний истории теории собственно речевого искусства актера, а также понимания тонкостей в области сценического речевого звучания. Названными компетенциями владеют, как правило, педагоги сценической речи, накопившие значительный опыт. Однако, эти специалисты, занимаясь педагогической практикой в области речевого искусства актера, редко представляют свои размышления в форме научных публикаций. В связи с чем материалов, касающихся речевого искусства актера, крайне мало. И здесь необходимо упомянуть работы, содержащие интересующие нас размышления. Прежде всего, следует указать на работы кемеровского исследователя В. В. Чепуриной [10; 11]. Крайне интересна вышедшая в 2017 году коллективная монография «Речевое творчество актера: данность и предчувствие» [7], вобравшая в себя высказывания современных теоретиков и практиков (что особенно значимо!) актерского искусства. Однако в указанных публикациях отсутствует аргументация новых атрибутов речевого искусства актера, определивших изменения в технологии присвоения авторского текста. Поэтому считаем целесообразным осмысление свойств речевого искусства актера, повлиявших на изменение технологии присвоения авторского текста.

Анализ перемен в речевом искусстве актера и в технологии присвоения авторского текста начнем с напоминания о том, что дисциплина, которую преподают речевые педагоги (термин профессора Ю. А. Васильева [3, с. 5] неоднократно на протяжении последних полутора веков меняла свое наименование. Пройден путь от таких названий, как: «Декламация», «Художественное чтение», «Техника речи», «Сценическая речь». Безусловно, смена названия учебной дисциплины обусловлена изменением ее содержания, задач и технологий обучения. В начале XXI столетия профессор В. Н. Галендеев отметил: «Сам предмет поменялся достаточно кардинально за последние 20–30 лет. Предмет радикально обновлен: радикально иные программы, радикально иное содержание, материал» [1, с. 336]. Осознание перемен в преподавании предмета, стремление поменять технологию обучения в соответствии с тем, что происходит в современной науке и культуре, в театральной практике – все это подталкивает речевых педагогов к сотрудничеству со специалистами других областей знания. Не случайно уже упомянутый профессор В. Н. Галендеев высказал мысль о том, что «если же все-таки думать о нашем предмете, то я бы думал о расширении его философской базы. Не только утилитарно-практической, но и философской тоже» [1, с. 337]. Полагаю, что расширение философской базы предмета возможно лишь при активном сотрудничестве речевых педагогов со специалистами разных профилей.

Такая тенденция уже имеет место в современной театральной речевой педагогике. Об этом свидетельствуют и междисциплинарные конференции, и междисциплинарные издания, раскрывающие всевозможные аспекты звучащего со сцены слова. Так, например, книги профессора Ю. А. Васильева нередко предваряют или завершают статьи-размышления педагогов-философов. Например, книгу Ю. А. Васильева «Сценическая речь: ритмы и вариации» завершает статья действительного члена Академии гуманитарных наук, кандидата философских наук, профессора Георгия Праздникова «Словно лента

Мёбиуса» [4, с. 384]. Ряд российских театральных школ имеет общие проекты со специалистами профилей нетеатральных, но соприкасающихся в своих исканиях со звучащим словом. Приведу в подтверждение межвузовскую научно-практическую конференцию «"Сценическая речь" и "Психология личности и творчества". Поиск путей взаимодействия». Эту конференцию организовал в 2016 году Театральный институт имени Бориса Щукина. В программу названного форума формируют доклады экзистенциальных психотерапевтов, психологов. Другим примером служит сотрудничество кафедры сценической речи, пластики и вокала Пермского государственного института культуры с Пермской региональной общественной организацией «"Ассоциация "ЛОГОС"» (Ассоциацией логопедов, неврологов, фониатров и речевых театральных педагогов). И если в одном случае речь идет о сотрудничестве с психотерапевтами и психологами, то в другом – с логопедами, неврологами и фониатрами. Третий пример сотрудничества соединяет речевых педагогов и культурологов, о чем свидетельствуют междисциплинарные конференции Кемеровского государственного института культуры. В данном случае в течение ряда лет, в рамках международных конференций «Слово и образ в русской художественной культуре» осмыслялся вопрос обусловленности речевого искусства действующими в определенный период культуры ценностями. При этом в анализе звучащего слова преобладал междисциплинарный, культурологический аспект осмысления. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что российскими речевыми педагогами предпринимаются попытки адаптации знаний из различных научных областей к педагогике сценической речи.

Понимание обусловленности речевого искусства ценностями культуры открывает путь к выявлению причин, определивших изменения в речевом искусстве актера и в технологии присвоения им авторского текста. Искусство вообще, и речевое искусство актера в частности, не существует изолированно от типа культуры, свойственного тому или иному времени, той или иной эпохе. Соответственно и возникающие в речевом искусстве актера трансформации обусловлены культурным контекстом, типом культуры. Для аргументации мысли остановимся на рассмотрении лишь одной технологии речевого искусства актера. Речь пойдет о технологии присвоения авторского текста, изменившейся под влиянием ценностей сенситивной культуры. Полагаем, что трансформация технологии присвоения авторского текста, проявившаяся под влиянием ценностей сенситивной культуры, заключалась в сближении сценического существования исполнителя в речевом искусстве со сценическим существованием актера в драматическом спектакле. Именно это сближение позволяет именовать индивидуальное исполнение актером авторских произведений не чтецким искусством, а речевым искусством актера. Факт изменения этого вида исполнительского искусства, а также факт трансформации технологии присвоения авторского текста доказывает, прежде всего, современная практика речевого искусства актера.

Наиболее явственно обновление речевого искусства актера подтверждают конкурсы чтецов. Они служат аргументацией изменений принципа сценического существования исполнителя в речевом искусстве актера. Конкурсы чтецов, по сути дела, являются большим всероссийским смотром творческих, методических поисков и достижений педагогов разных школ. На российских чтецких конкурсах уже в конце XX столетия можно было отчётливо рассмотреть разные взгляды педагогов относительно идентификационной позиции актера в воплощенном авторском тексте. Например, педагоги Санкт-Петербургской государственной театральной школы уже в конце XX столетия отдавали предпочтение позиции от первого лица – то есть «работе исполнителя за конкретного персонажа». В то время как многие российские педагоги считали необходимым сохранять традиции и предпочитали придерживаться позиции от третьего лица – то есть «работе исполнителя в качестве рассказчика», сочувствующего наблюдателя, повествователя. В начале 2000-х годов кафедра сценической речи Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, возглавляемая профессором В. Н. Галендеевым, отказалась проводить традиционный конкурс чтецов имени Вл. Яхонтова. Российские театральные педагоги не ожидали столь решительного шага от речевых педагогов питерской театральной школы и, по сути дела, не смирились с таким отношением к чтецким конкурсам до сегодняшнего дня. Конкурсы продолжают проводиться почти во всех

театральных вузах, но не в Санкт-Петербургской академии театрального искусства. Некоторые из российских речевых педагогов, признавая авторитет В. Н. Галендеева, тем не менее, встречаясь на той или иной конференции или чтецком конкурсе нет-нет, да и выскажут с негодованием: «Что он привязался к этим конкурсам чтецов!». В свою очередь В. Н. Галендеев, безусловно, зная о реакции своих коллег, аргументирует: «Меня называют (надеюсь, не совсем всерьез) душителем художественного слова. Если это и верно, то лишь отчасти. Против чтецкого искусства как такового я, в целом, ничего не имею. Сам с удовольствием работал над моно- и дуоспектаклями по Пушкину, Бродскому, Маркесу, Булгакову… И в сей момент увлеченно занимаюсь стихами Ч. Милоша, В. Шимборской, К. Кавафиса, И. Бродского с молодыми (и не самыми молодыми) артистами МДТ – Театра Европы. Вечера С. Юрского (а рядом, увы, поставить некого) – из моих самых сильных художественных впечатлений. Облагораживающие воспоминания я сохраняю от выступлений Д. Журавлева, С. Кочаряна, В. Ларионова, В. Сомова, Я. Смоленского, А. Кутепова. Но я против того, чтобы педагоги по сценической речи, занимаясь художественным словом, делали вид, что они занимаются сценической речью. Художественное слово – это вид искусства. Им должны заниматься те, кто имеет специальную склонность к нему, а никак не все, кого приняли в театральную школу как будущего актера и режиссера. Вероятно, какие-то первичные навыки в этом направлении должны получить все, но и в этом я не уверен. Многим это просто противопоказано» [2, с. 91–92]. Предложение В. Н. Галендеева о разделении речевого искусства на «Сценическую речь актера» и «Художественное слово» снимает конфликт. Однако выступления участников чтецких конкурсов демонстрируют большое влияние актерского мастерства на технологию «Художественное слово» (или «Художественного чтения»). Все больше исполнителей при воплощении авторского текста опираются на позицию от первого лица, «работают» за конкретного персонажа. Этот факт указывает на обновление речевого искусства актера, а также на трансформацию технологии присвоения авторского текста. На рубеже XX–XXI столетий «озвучивание литературы», иллюстрирование текста [6, с. 55–61] практически отошло на задний план. С конца 1980-х годов мастерство сценической речи на таких конкурсах постепенно разрывало связь с риторическим типом речевого искусства, где актер выступал всего лишь доверенным лицом автора. Высказанную мысль аргументируют выступления исполнителей из разных театральных школ. В чтецких конкурсах 2000-х годов чаще одерживали победу исполнители, предлагающие яркую именно актерскую трактовку мысле-чувственного содержания авторского текста. Одерживали победу выступления, обогащенные яркой речевой характерностью в трактовке материала от имени конкретного персонажа, а не иллюстрирующие через рассказчика позицию автора литературного произведения.

По ходу замечу, что и термин «искусство художественного чтения», на мой взгляд, утратил прежнее значение, потерял актуальность. Скорее это проявление речевого мастерства правильнее именовать «искусством речевого исполнительства», считать частью речевого искусства актера. К этому подталкивает убежденность в том, что термин «художественное чтение» уже не отражает сути мастерства, свойственного актерам, выходящим на сценические подмостки с исполнением литературных произведений.

Наряду с приведенным замечанием позволим по ходу еще одну ссылку. Понятие чтец активно используется не только в светской культуре, но и в религиозной. И вот в религиозной культуре это понятие не имеет аналога. В церковной декламации (которая по-прежнему именуется именно так) сохраняется не только приоритет, но абсолютный пиетет перед текстом (словом-первоисточником). Уточним, что имеем в виду церковную декламацию, в которой и в настоящее время слово-первоисточник решает все. В церковной декламации любой конфессии чтение духовных текстов требует главенства слова над индивидуальным отношением того, кто его произносит. Для того чтобы не уйти от главной линии своих рассуждений (то есть от речевого искусства актера), избежим подробных исторически подкрепленных доводов, но аргументируем свою мысль фактами современной культуры. Например, в настоящее время абсолютный пиетет перед текстом (словом-первоисточником) подтверждают конкурсы чтецов Корана в мусульман-

ской культуре (крайне популярные сейчас!) [13] и деканальные съезды чтецов в культуре католичества. На значимость и главенство духовного текста указывают Положения международных конкурсов чтецов Корана и высказывания участников деканальных съездов чтецов. Так, одна из участниц четвертого деканального съезда чтецов в Храме Непорочного Сердца Пресвятой Девы Марии (г. Кемерово, март 2014 года) отмечает: «Чтец – это пророк в современном мире, выходя к амвону, его задача донести Божье Слово всем людям – он говорит не от себя, а то, что уже сказал Бог. Донести Бога... И здесь важно все: твой внешний вид и твои жесты, то, как ты говоришь, или поешь, но самое главное твое осознание – ты читаешь Его послание к народу» [5]. В церковной декламации действие канона «приоритет текста» обосновано духовно-религиозной идеей. Следование канону «приоритет текста» продиктовано функцией трансляции содержащихся в тексте идейных смыслов. Именно канон «приоритет текста» определяет «иллюстративность» речевого искусства. В настоящее время речевые педагоги, работая со студентами над присвоением авторского текста, стремятся уйти от «иллюстративности», от так называемого «раскрашивания» текста. Задача состоит в том, чтобы вскрыть действенную и мысле-чувственную основу авторского текста. Это происходит под влиянием диктата (в хорошем смысле) актерского мастерства. Конечно, мастерство актера в XX столетии претерпело значительные изменения. Опуская рассуждения о возникновении режиссерского искусства, о реформе К. С. Станиславского, заметим, что эти изменения в театральном искусстве в целом и речевом искусстве актера в частности обусловлены влиянием ценностей сенситивной культуры.

Как известно, «чувственная (сенситивная) культура» – это одно из ключевых понятий социально-культурной динамики известного российско-американского социолога и культуролога Питирима Сорокина. Для сенситивной культуры свойственно сосредоточение на чувственном восприятии как на главной ценности. П. Сорокин отмечал: «Чувственная ментальность считает реальностью только то, что дано органам чувств. Она не верит ни в какую сверхчувственную реальность и не ищет ее, самое большее, что она может, так это – в своем ослабленном варианте – занять агностическую позицию по отношению ко всему миру, лежащему по ту сторону ощущений. Чувственная реальность мыслится как становление, процесс, изменение, течение, эволюция, прогресс, преобразование. Потребности и стремления носителя чувственной ментальности – в основном физические, и все делается для того, чтобы эти потребности были максимально удовлетворены. Способ их реализации заключается не в преобразовании или эксплуатации духовного мира индивидов, а в преобразовании и эксплуатации внешнего мира» [8, с. 65–66]. Начиная с XVI века в Европе равномерно стала доминировать сенсорная, утилитарная, светская, «соответствующая этому миру» культура. По мысли П. Сорокина, чувственный склад ума считает реальностью то, что воспринимается «здесь и сейчас». Все потребности и цели носят материально-практический нрав, их ублажение становится главной задачей жизни [9, с. 430]. Незапятнанная и возвышенная духовность отходит на второй план. Появляются новый склад ума и другой тип личности. Все оказывается подчиненным чувственным удовольствиям, актуальным наслаждениям, практической полезности. Для выявления содержательных составляющих в произошедшей трансформации технологии присвоения авторского текста сосредоточим свое внимание собственно на ценностях сенситивной культуры – то есть на тех категориях, которые обозначают социально обусловленные значения материальных и духовных явлений и определяют смыслы бытия человека и общества в целом.

Полагаясь на размышления известного российско-американского социолога и культуролога Питирима Сорокина, мы отобрали ценности сенситивной культуры, соотносящиеся с трансформацией технологии присвоения авторского текста. На наш взгляд, изменение театральных приемов, методов и способов обучения в целом (а также трансформация технологии присвоения авторского текста в частности) обусловило следующие ценностные установки:

1) соотнесение с реальностью только того, что дано органам чувств;

2) сосредоточение на восприятии «здесь и сейчас»;

3) восприятие реальности как процесса (становления, изменения, течения, эволюции, прогресса, преобразования);

4) стремление к максимальному удовлетворению потребностей;

5) реализация удовлетворения потребности не благодаря преобразованию духовного мира индивидов, а через преобразование и эксплуатацию внешнего мира.

Полагаем, что ценностная установка, которую можно кратко сформулировать как *«реальность только того, что дано органам чувств»*, определила сначала поворот от декламации к проживанию авторского текста, а вслед за этим – поворот от рассказчика к персонажу. Рассмотрим детально фазы этой трансформации. Первая стадия выразилась в отказе от канона «приоритет текста». Под влиянием ценностной установки *«реальность только того, что дано органам чувств»* постепенно произошел отказ от канона «приоритет текста». Текст автора, позиция, изложенная им в произведении, уступили свое лидерство индивидуальному восприятию актера, его чувствам, рождающимся «здесь и сейчас», его позиции. Это потянуло за собой следующую фазу трансформации. И вторая стадия состояла в изменении идентификационной позиции исполнителя в процессе присвоения авторского текста. В связи с тем, что в процессе присвоения авторского текста приоритет перешел к исполнителю, его личностным чувствам, рождающимся «здесь и сейчас», его позиции – «рассказчик» уступил свое место «персонажу». Как известно, в учебных пособиях по сценической речи студентам предлагается осуществить выбор исполнительской позиции: «рассказчика» или «персонажа». И в современных учебных изданиях мы еще встречаемся с предложением выбора исполнительской позиции: 1) «рассказчик» или 2) «персонаж». Однако в своей практике многие речевые педагоги активно ищут технологические приемы лишь в направлении: исполнитель-«персонаж». В процессе работы над текстом студенту задается вопрос: «Кто ты в этом произведении – от лица, какого персонажа ты вышел действовать?». Позволю себе привести цитату из статьи пермского педагога Л. А. Шубиной: «Нами была поставлена задача: найти литературное произведение или отрывки максимально приближенные к ролевому материалу. Такой текст, который бы содержал подробность существования персонажа, внутренний монолог, принятие решения или подробные физические действия персонажа. Лучше всего для таких целей подходят, как нам показалось, эпизоды из романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Мы стали искать сцены, где герои романа накануне решительного поступка или душевного поворота, открытия. Мы хотели увидеть во всех деталях процесс принятия решения или исполнение задуманного. <…> Найденные сцены позволили нам отнестись к материалу, как пробе на роль в спектакле. Важно не прочесть бегло, а войти в мысли и видения, уловить свои ощущения от происходящих событий. Погружение в обстоятельства эпизода, характера персонажа происходили в процессе произнесения вслух только что прочитанной фразы» [12, с. 18–19]. Как видим, в указанной работе уже абсолютно отсутствует шатание в сторону позиции третьего лица, наблюдателя, рассказчика, повествователя. Приоритет отдан пробе на роль – погружению актера в предлагаемые обстоятельства, избрана позиция – исполнитель-персонаж. В публикации Л. А. Шубиной совершенно отчётливо сформулирован методический аспект, касающийся идентификационной позиции актера в процессе присвоения авторского текста. В данном случае проявлением определяющего влияния сенситивной культуры служит то, что «чувственная ментальность считает реальностью только то, что дано органам чувств». Иными словами реальными являются только те эмоции, которые актер может пережить, поставив себя в предлагаемые обстоятельства персонажа.

Третья стадия в трансформации технологии присвоения авторского текста в речевом искусстве актера связана с актуализацией художественно-творческого материала, с рельефно выписанной позицией персонажа. Отказ от канона «приоритет текста», изменение идентификационной позиции исполнителя в процессе присвоения авторского текста актуализировали материал, в котором выпукло выписана позиция персонажа (либо имеется возможность сделать яркой, отчетливой позицию персонажа). Дистанцирование от образа «рассказчика» обусловило для многих преподавателей снижение актуальности авторских текстов описательного характера.

И наконец, четвертая стадия в трансформации технологии присвоения авторского текста в

речевом искусстве актера соотносится с заменой повествования на активное действие. Дистанцирование от образа «рассказчика», приближение к образу «персонажа» неизбежно привели к необходимости фокусирования на действии. Главным требованием в речевом искусстве актера утвердился запрос действия, а не рассказывания и повествования. Причем, требуемую действенность должна отличать характеристика «здесь и сейчас». Иными словами, с актера спрашивается не повторение когда-то найденного, а рождение мыследействия на глазах у зрителей. Такого рода сценическое поведение обязано быть насыщено эмоционально и пронизано внутренним движением – действием. Утвердившееся в XX столетии такого рода сценическое поведение абсолютно соотносится с ценностными установками: «реальность только того, что дано органам чувств», а также «восприятие реальности как процесса» (становления, изменения, течения, эволюции, прогресса, преобразования).

Таким образом, причиной, определившей изменения в речевом искусстве актера и обусловившей обновление технологии присвоение авторского текста, является влияние ценностей сенситивной культуры. На обновление технологии присвоения авторского текста большее влияние оказали следующие ценностные установки сенситивной культуры: 1) соотнесение с реальностью только того, что дано органам чувств; 2) сосредоточение на восприятии «здесь и сейчас»; 3) восприятие реальности как процесса (становления, изменения, течения, эволюции, прогресса, преобразования). В свою очередь процесс обновления технологии присвоения авторского текста в русле ценностей сенситивной культуры формировали как минимум, четыре стадии: 1) отказ от канона «приоритет текста»; 2) изменение идентификационной позиции исполнителя; 3) актуализация художественно-творческого материала с рельефно выписанной позицией персонажа; 4) смена повествования активным действием. Ценностные установки сенситивной культуры обусловили поворот от дистанцированного повествования от имени рассказчика к «включенному» в активное проживание от имени персонажа. Полагаем, что именно «включенность» в активное проживание от имени персонажа следует рассматривать как существенный признак речевого искусства актера новейшего времени и атрибут, указывающий на факт его обновления.

Литература

1. Галендеев В. Н. Диалоги о сценической речи с Л. Д. Алферовой // Не только о сценической речи. – СПб.: СПГАТИ, 2006. – 383 с.
2. Галендеев В. Н. 50 лет в театральной педагогике // Сценическая речь. Теория. История. Практика: кол. моногр. – СПб.: СПбГАТИ, 2013. – С. 91–92.
3. Васильев Ю. А. Три этюда о сценической дикции // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Искусство в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2013. – Вып. 11. – 319 с.
4. Васильев Ю. А. Сценическая речь: ритмы и вариации: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПГАТИ, 2009. – 416 с.
5. Комолова Н. Провозглашение Божьего Слова [Электронный ресурс] // Католическая община Покрова Пресвятой Богородицы Царицы Святого Розария: сайт. – URL: http://catholic.tomsk.ru/2014/03/11/.html-1 (дата обращения: 12.10.2014).
6. Прокопова Н. Л. Иллюстративный подход в сценическом речевом искусстве // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: Диалог культур: сб. науч. тр. – Кемерово: КемГУКИ, 2015. – Вып. 13. – С. 55–61.
7. Речевое творчество актера: данность и предчувствие: кол. моногр. – СПб.: Изд-во РГИСИ, 2017. – 600 с.
8. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
9. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
10. Чепурина В. В. Конкурсы чтецов в профессиональном воспитании студентов специальности «Актерское искусство» // Художественное слово: автор, рассказчик, слушатель: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Художественное слово: автор, рассказчик, слушатель». – Новосибирск: НГТИ, 17 апр. 2014 года. – Новосибирск, 2015. – С. 95–100.
11. Чепурина В. В. Современные тенденции в искусстве художественного слова (по итогам конкурса чтецов в рамках открытого международного фестиваля театрального искусства «Надежда России», посвященного

150-летию со дня рождения К. С. Станиславского) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 25. – С. 177–183.
12. Шубина Л. А. Из опыта работы над прозаическим материалом // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: в поисках художественного образа: сб. науч. тр. – Кемерово: Кемеров. гос. ин-т культуры, 2016. – Вып. 14. – С. 15–21.
13. IX Московский Международный конкурс чтецов Корана [Электронный ресурс]. – URL: http://muslim.msk.ru/articles/120/2129/ (дата обращения: 12.10.2014).

References

1. Galendeev V.N. Dialogi o stsenicheskoy rechi s L.D. Alferovoy [Dialogues about scenic speech with L.D. Alferova]. *Ne tol'ko o stsenicheskoy rechi [Not only about stage speech]*. St. Petersburg, SPGATI Publ., 2006. 383 p. (In Russ.).
2. Galendeev V.N. 50 let v teatral'noy pedagogike [50 years in the theatrical pedagogy]. *Stsenicheskaya rech'. Teoriya. Istoriya. Praktika: Kollektivnaya monografiya [Scenic speech. Theory. History. Practice: Collective monograph]*. St. Petersburg, SPbGATI Publ., 2013, pp. 91-92. (In Russ.).
3. Vasilyev Yu.A. Tri etyuda o stsenicheskoy diktsii [Three sketches about scenic diction]. *Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriya i opyt: Iskusstvo v kul'turno-istoricheskom kontekste [Art and art history: theory and experience: Art in the cultural and historical context]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and Arts Publ., 2013, iss. 11. 319 p. (In Russ.).
4. Vasilyev Yu.A. Stsenicheskaya rech': ritmy i variatsii [Scenic speech: rhythms and variations]. St. Petersburg, SPGATI Publ., 2009. 416 p. (In Russ.).
5. Komolova N. Provozglashenie Bozh'ego [Proclamation of God's Word]. *Katolicheskaya obshchina Pokrova Presvyatoy Bogoroditsy Tsaritsy Svyatogo Rozariya: sayt [Catholic community of the Protection of the Blessed Virgin Mary of the Queen of the Holy Rosary. Website]*. (In Russ.). Available at: http://catholic.tomsk.ru/2014/03/11/.html-1 (accessed 12.10.2014).
6. Prokopova N.L. Illyustrativnyy podkhod v stsenicheskom rechevom iskusstve [An Illustrative Approach in Scenic Speech Art]. *Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriya i opyt: Dialog kul'tur [Art and Art History: Theory and Experience: Dialogue of Cultures]*. Kemerovo, KemGUKI Publ., 2015, iss. 13, pp. 55-61. (In Russ.).
7. *Rechevoe tvorchestvo aktera: dannost' i predchuvstvie: kollektivnaya monografiya [Speech creativity of the actor: a given and a premonition. Collective monograph]*. St. Petersburg, RGISI Publ., 2017. 600 p. (In Russ.).
8. Sorokin P.A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika [Social and cultural dynamics]*. Moscow, Astrel' Publ., 2006. 1176 p. (In Russ.).
9. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [The Man. Civilization. Society]*. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p. (In Russ.).
10. Chepurina V.V. Konkursy chtetsov v professional'nom vospitanii studentov spetsial'nosti "Akterskoe iskusstvo" [Competitions of readers in professional education of students of the specialty "Actor's art"]. *Khudozhestvennoe slovo: avtor, rasskazchik, slushatel': materialy Vserossiyskoy nauch.-prakt. konf. "Khudozhestvennoe slovo: avtor, rasskazchik, slushatel'" [Art word: author, narrator, listener: materials of the All-Russian scientific-practical conference]*. Novosibirsk, NGTI Publ., 2015, pp. 95-100. (In Russ.).
11. Chepurina V.V. Sovremennye tendentsii v iskusstve khudozhestvennogo slova (po itogam konkursa chtetsov v ramkakh otkrytogo Mezhdunarodnogo festivalya teatral'nogo iskusstva "Nadezhda Rossii", posvyashchennogo 150-letiyu so dnya rozhdeniya K. S. Stanislavskogo) [Modern trends in the art of artistic expression (based on the results of the contest of readers in the framework of the open International festival of theatrical art "Hope of Russia" dedicated to the 150th anniversary of the birth of K.S. Stanislavsky)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 25, pp. 177-183. (In Russ.).
12. Shubina L.A. Iz opyta raboty nad prozaicheskim materialom [From the experience of working on prose material]. *Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriya i opyt: v poiskakh khudozhestvennogo obraza [Art and Art History: Theory and Experience: In Search of an Artistic Image]*. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture Publ., 2016, iss. 14, pp. 15-21. (In Russ.).
13. *IX Moskovskiy Mezhdunarodnyy konkurs chtetsov Korana [IX Moscow International Contest of Koran readers]*. (In Russ.). Available at: http://muslim.msk.ru/articles/120/2129 (accessed 12.10.2014).

УДК 792.071; 792.09

ТРЕНИНГ К СПЕКТАКЛЮ: ОТ ГОЛОСОРЕЧЕВОЙ НАСТРОЙКИ АКТЕРА К ГОЛОСОРЕЧЕВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ СЦЕНИЧЕСКОГО ОБРАЗА

Чепурина Вера Владимировна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры театрального искусства, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: chepurina1@mail.ru

Статья посвящена поиску средств голосоречевой выразительности в соответствии с требованиями и запросами современного театра. Автор утверждает, что техника современного артиста должна быть универсальной. В качестве примеров выразительности актерской речи приводятся: смена речевых манер, соединение разных способов общения, передача содержания на ритмо-мелодическом уровне, высокая темпо-ритмическая, звуковысотная, эмоционально-чувственная подвижность речи и др. Особое внимание в процессе воспитания голосоречевой техники предлагается сосредоточить на возможностях направленного тренинга как эффективном способе перехода от голосоречевой настройки актера к голосоречевой выразительности сценического образа. Акцент сделан также на тренинге к спектаклю, основанием для которого являются содержание, звуковой состав и интонационно-мелодическая структура текста, предназначенного для сцены. Разработка тренинга, который организуется в учебной аудитории и в репетиционном зале профессионального театра, позволяет приблизить развитие психотехники актера к реальной практике. Важным условием тренинга является не отождествление его с репетициями спектакля и точным закреплением голосоречевого рисунка, а стремление к максимально полной возможности исследовать мир автора, сохранять стихию импровизации и вести поиск голосоречевой выразительности в разных направлениях.

Ключевые слова: речевое искусство, голосоречевая техника, направленный тренинг, тренинг к спектаклю, выразительность сценического образа.

TRAINING TO PERFORMANCE: FROM ACTOR'S VOICE-SPEECH SETTINGS TO VOICE-SPEECH EXPRESSIVENESS ON STAGE

Chepurina Vera Vladimirovna, PhD in Culturology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Theatre Arts, Kemerovo State Universuty of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: chepurina1@mail.ru

The article actualizes the search for means of expressiveness, conditioned by the requirements of theatrical art. The author claims that the technique of a modern actor must be universal for the variety of forms of modern theater. Examples of the expressiveness of an actor's speech include: change of speech manners, connection of different modes of communication, transfer of a content at the rhythmic-melodic level, high tempo-rhythmic, pitch-sound, emotional mobility of speech, etc. Particular attention in the process of education of voice technology is proposed to focus on the possibilities of directed voice-speech training as an effective way of transition from a voice-talking adjustment of an actor to a voice-expressive expression of a stage image. The accent is also made on training for the play, the basis for which is the content, sound composition, intonation-melodic structure of the text. Exercises should give the right emotional mood, grope for the necessary characteristics of sound, search for a figurative expression of content. Searches and tests suggest both "home" writing, and improvisational statements on topics related to the problems and stylistics of the play. The advantages of directional training and training for the performance are associated with the consideration of specific circumstances, the emergence of real training necessity, the correspondence of exercises with the structure of oral speech, focusing on specific features of the speech of stage characters. The development of the

training, which is organized in the classroom and the rehearsal hall of the professional theater, makes it possible to bring the development of the psychotechnics of the actor closer to real practice. An important condition for such training is the desire to the fullest possible opportunity to explore the author's world, preserve the elements of improvisation and conduct a search for voice-expressiveness in different directions.

Keywords: art of speech, voice-speech technique, directed training, training to performance, expressiveness on stage.

Выразительность сценического образа является главным предметом сосредоточения, помыслов, устремлений актера и одновременно критерием его профессионального мастерства. Предчувствие создания оригинального и колоритного образа мотивирует исполнителя на творческий поиск средств выразительности, в том числе в области голоса и речи. Однако само понятие выразительности в разные периоды развития сценического искусства и в разных художественных системах понималась неоднозначно.

Отличительной особенностью современного театра является его крайняя неоднородность. С одной стороны, он опирается на традиции классического психологического театра, с другой стороны, театральное пространство уверенно занимают условные формы с особой экспрессией, метафоричностью и эксцентрикой. Самостоятельным вектором является направление документального театра и его ответвления «вербатим» и «сторителлинг» с отказом от литературного текста и с особым требованием подлинности и достоверности поведения. В различных постмодернистских проектах и инсталляциях вообще наблюдается отказ от театральной выразительности в ее привычном понимании.

Пересмотр классических принципов создания спектаклей в современном театре касается и сферы речевого искусства. В условиях наметившейся тенденции, связанной с возвратом на приоритетные позиции слова, поиск новых техник и приемов выразительности в значительной степени связываются с голосоречевыми возможностями актера. По словам профессора Кемеровского государственного института культуры Н. Л. Прокоповой, «в современном речевом искусстве отсутствует идеологическое и эстетическое единство» [6, с. 142]. Исследователь аргументирует данный феномен наличием разных ценностных установок, что приводит не только к контаминации (переплетению, смешению), но и к модификации типов речевого искусства [6, с. 142].

Указанные процессы контаминации и модификации типов речевого искусства проявляются в реальной театральной практике. На материале спектаклей кузбасских театров[1] попытаемся обозначить некоторые особенности актерской речи, которые позволяют идентифицировать их как значимые приметы сценической выразительности. К наиболее значимым признакам отнесем следующие:

- быстрое, почти мгновенное, переключение с одной речевой манеры на другую (прием постдраматического театра, где один исполнитель транслирует текст нескольких персонажей или сочетает его с авторским текстом);
- соединение разных способов общения персонажей, в том числе через зрительный зал;
- передача содержания не только на семантическом уровне и не только на уровне подтекста, но и на уровне ритмо-мелодическом, с использованием стихотворного текста или ритмизированной прозы в сочетании с активным физическим движением, танцем и использованием музыкальных инструментов;
- предельно высокая темпо-ритмическая, звуковысотная, эмоционально-чувственная подвижность речи;
- использование объемных речевых периодов;
- изменение голосового звучания с помощью усиливающей аппаратуры и др.

---

[1] «Макбет» по пьесе У. Шекспира (Кемеровский областной театр драмы им. А. В. Луначарского, реж. К. Шахмардан); «Летние осы кусают нас даже в ноябре» по пьесе И. Вырыпаева (Кемеровский областной театр драмы им. А. В. Луначарского, реж. Н. Бетехтин); «Charley & его тетя» по мотивам пьесы Б. Томаса «Тетушка Чарли» (Музыкальный театр Кузбасса им. А. Боброва, реж. М. Сабелев); «Хорошие новости» по пьесе Ю. Тупикиной (Прокопьевский драматический театр, реж. Д. Чащин); «Всякое бывает» по рассказам В. Шукшина (Новокузнецкий драматический театр, реж. М. Лебедев) и др.

Исходя из того, что современный театр предъявляет высокие и чрезвычайно разнообразные требования к актеру, напрашивается вывод, что современный артист должен быть готов к любой сценической ситуации, что его техника должна быть универсальной и что голосоречевую подготовку следует вести в соответствии с требованиями различных форм современного театра. Нет оснований утверждать, что в театральных классах не ведутся пробы и эксперименты по совершенствованию голосоречевых навыков в приближении к современной театральной реальности. Однако большинство учебных пособий, посвященных воспитанию голоса и речи, отражают лишь начальный этап тренировки. Методическая разработанность этой проблемы явно недостаточна. Подтверждение этой мысли содержится в высказывании профессора кафедры сценической речи Российского государственного института сценических искусств Ю. А. Васильева: «Предполагаю, что еще надолго останутся актуальными два вопроса:

1) каким образом сегодняшняя практика театра влияет на перемены в приемах обучения;

2) чему должны обучаться студенты на занятиях по сценической речи?» [2, с. 50].

В связи с заявленной темой особенно интересны размышления Ю. А. Васильева относительно сегодняшней практики театра: «...может ли быть практика театра “вообще”? Или целесообразнее говорить о театре Додина и обучать актеров для театра Додина? Говорить о театре Захарова, Волчек, Яновской, Пази или Спивака и готовить актеров для работы в этих театральных коллективах?» [2, с. 50]. Эти и другие вопросы, которыми задается Ю. А. Васильев, не являются праздными. Они акцентируют внимание на мысли о том, что способность выражать стилистику спектакля и особый почерк режиссера требуют от актера особой голосоречевой готовности и пластичности.

Одним из возможных вариантов решения проблемы является дифференциация задач голосоречевого тренинга как на каждом конкретном этапе обучения, так и на каждом конкретном этапе подготовки к выходу актера на сценическую площадку. Заметим, что тренинг актерской психотехники может быть вполне самостоятельным и полностью отделенным от репетиционной работы. Его главной функцией является эмоциональная и технологическая готовность к сценическому творчеству. Однако на каком-то этапе подготовительной работы актера возникают более определенные цели, связанные со сценическим существованием в конкретном упражнении, этюде, спектакле или с воплощением конкретного художественного текста. Возникает необходимость специального, условно говоря, направленного тренинга.

Возможности направленного тренинга неограниченны и могут быть сконцентрированы на самых разных проблемах актерского мастерства. Так, В. Л. Прокопов и Н. Л. Прокопова акцентируют внимание на потенциале тренинга самораскрытия, идеи которого в 1930-е годы сформулировал польский режиссер Е. Гротовский и в последней трети XX – начале XXI столетия активно развивали в своем творчестве режиссеры и театральные педагоги. Тренинг Гротовского, как отмечают исследователи, «трансформировался из разминок отдельных частей психофизического аппарата актера (голосо-речевого, пластического) в процесс самораскрытия и развития личностной природы актера» [5, с. 137]. Основу тренинга самораскрытия, как указывают В. Л. Прокопов и Н. Л. Прокопова, составили упражнения, опирающиеся на приемы психофизической релаксации, концентрации внимания, побуждения к выплеску психической энергии, глубокого погружения в материал, образной вербализации ощущений [5, с. 139].

Примером направленного тренинга является тренинг к конкретному спектаклю, в состав которого должны включаться как технологические задачи (разборчивость и слышимость в конкретных условиях архитектоники и акустики сцены), так и задачи художественные (создание с помощью голооречевых средств образа персонажа или жанрово-образных характеристик спектакля в целом).

Проблема несоответствия тренировки и сценической практики актера до сих пор является актуальной, поэтому не стоит видеть в направленной голосоречевой подготовке лишь утилитарные задачи. Тренинг к спектаклю может служить пространством перехода от голосоречевой настройки актера к голосоречевой выразительности образа сценического персонажа, своеобразным мостом, соединяющим эти два нередко самостоятельно существующих берега.

Интересные примеры такой подготовительной работы обнаруживаются в практике российских педагогов по сценической речи. Необходимость ритмо-мелодической разминки студентов актерского курса в преддверии работы над поэзией М. Цветаевой убедительно обосновывает заведующий кафедрой сценической речи Российского государственного института сценических искусств В. Н. Галендеев [3, с. 316]. Смелым и интересным В. Н. Галендеев называет экспериментальный тренинг педагогов школы-студии МХАТ Д. В. Кошмина и В. В. Мархасёва на материале трагедии Эсхила «Прометей прикованный» [3, с. 305]. Эффективными способами голосоречевого совершенствования на материале сказок А. С. Пушкина делится заведующая кафедрой сценической речи и вокала Самарского государственного института культуры Е. А. Лазарева [4].

Очевидно, некоторые из технологических задач в области сценической речи являются универсальными, постоянными, «сквозными» на протяжении довольно длительного процесса голосоречевой тренировки. Они связаны с приобретением навыка верного дыхания, достижением свободы речевого рупора и подвижности артикуляционных мышц, со способностью к импровизации и т. д. Однако отправной точкой в этой работе может стать стилистика литературно-сценического текста, его звуковой состав и интонационно-мелодическая структура. Такого рода тренировка предполагает и активную мыслительную деятельность, обусловленную необходимостью анализировать и «вскрывать» пласты содержания.

Преимущества тренинга к спектаклю можно сформулировать в следующих положениях.

Во-первых. Голосоречевое поведение актера в тренинге к спектаклю оправдывается предлагаемыми обстоятельствами пьесы и роли. Анализ литературного материала (в том числе драматургического) каждый раз подтверждает вариативность прочтения, неоднозначность и многоуровневость смыслов. Сложный комплекс предлагаемых обстоятельств провоцирует актера на разнообразные, нетривиальные формы речевого поведения, наполненные тончайшими оттенками и подробностями. Упражнения с учетом конкретных обстоятельств содержательны, осмыслены, психологически наполнены, что и провоцирует актера на выразительное голосо- и речеведение.

Во-вторых. В процессе осознания определенных целей на материале конкретной ситуации, смоделированной автором, возникает настоящая тренировочная необходимость, что повышает мотивацию актера к поискам и делает перестройку с обиходной речи на речь сценическую более эффективной.

В-третьих. Опора на содержание литературного текста снимает проблему формального, механистического подхода к приобретению голосоречевых навыков, а комплексность возникающих задач позволяет преодолеть раздельные методы тренировки.

В-четвертых. Артикуляционные программы, использующиеся в специфическом комплексе голосоречевой настройки к спектаклю, опираются на конкретный литературный текст и позволяют избежать фонетических «ляпов», неточностей и промахов, то есть неправомерного сосредоточения на тех звуковых сочетаниях, которые не соответствуют строю устной речи.

В-пятых. Общеразвивающий («универсальный») голосоречевой тренинг не захватывает полный объем потенциальных характеристик звучания. Он (что вполне обоснованно) опирается на правила и закономерности национального языка. Прислушаемся к Ю. А. Васильеву, который настойчиво обращает внимание на то, чтобы подбор слов для упражнений обязательно увязывался с фонетическими особенностями русского языка, с нормами русского сценического произношения [1, с. 22]. В то же время в условиях голосоречевого тренинга к спектаклю внимание сосредотачивается на конкретных особенностях речи персонажей, которые иногда могут вступать и в противоречие с нормированным сценическим произношением. Возможность мелодического и орфофонического разрушения строя русской речи вполне может быть обусловлена стилистикой спектакля, например, работой над говором, акцентом или другим видом голосоречевой характерности.

Пространство тренинга к спектаклю может быть очень объемным. Тем не менее, все без исключения тренировочные задачи на одном конкретном этапе подготовки выполнить не возможно. Не существует и единого методического подхода к построению такого тренинга. Целесообразным видится подход к голосоречевой

тренировке в опоре на наиболее проявленные особенности художественного материала. Однако следует заметить, что тренировочные зоны не ограничиваются использованием литературных (драматургических) текстов. Упражнения должны давать верный эмоциональный настрой, «нащупывать» необходимые характеристики звучания, вести поиск образного выражения содержания. Поиски и пробы предполагают и «домашнее» сочинительство, и импровизационные высказывания на темы, связанные с проблематикой и стилистикой спектакля.

В целом разработка тренинга к спектаклю, который организуется и в учебной аудитории, и в репетиционном зале профессионального театра, позволяет приблизить необходимое развитие психотехники актера к реальной практике. Важным условием такого тренинга является не отождествление его с репетициями сцен спектакля и точным закреплением голосоречевого и пластического рисунков, а стремление к максимально полной возможности исследовать мир автора, сохранять стихию импровизации и вести поиск голосоречевой выразительности в разных направлениях.

Литература

1. Васильев Ю. А. О дикции (проблемы и поиски) // Дикция. Актуальное. – СПб.: РГИСИ, 2015. – С. 8–23.
2. Васильев Ю. А. Педагогика сценической речи: у прошлого в плену // Дикция. Актуальное. – СПб.: Изд-во РГИСИ, 2015. – С. 44–59.
3. Галендеев В. Н. Диалоги о сценической речи с Л. Д. Алфёровой // Не только о сценической речи. – СПб.: СПБГАТИ, 2006. – С. 302–344.
4. Лазарева Е. А. Воспитание навыков голосо-речевой выразительности на материале сказок А. С. Пушкина: из опыта работы // Искусство и искусствоведение: теория и опыт: искусство в культурно-историческом контексте: сб. науч. тр. – Кемерово: КемГУКИ, 2013. – Вып. 11. – С. 46–57.
5. Прокопов В. Л., Прокопова Н. Л. Самораскрытие актера: содержание понятия и приемы эмоционального обнажения // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств, 2017. – № 38. – С. 134–139.
6. Прокопова Н. Л. Художественная значимость речевого искусства как результат объединения разных ценностных установок (на материале спектакля «ФутуризмЗрим») // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств, 2014. – № 26. – С. 141–154.

References

1. Vasilyev Yu.A. O diktsii (problemy i poiski) [About diction (problems and searches)]. *Diktsiya. Aktual'noe [Diction. Actual]*. St. Petersburg, RGISI Publ., 2015, pp. 8-23. (In Russ.).
2. Vasilyev Yu.A. Pedagogika stsenicheskoy rechi: u proshlogo v plenu [Pedagogy of scenic speech: the past is in captivity]. *Diktsiya. Aktualnoe [Diction. Actual]*. St. Petersburg, RGISI Publ., 2015, pp. 44-59. (In Russ.).
3. Galendeev V.N. Dialogi o stsenicheskoy rechi s L.D. Alferovoy [Dialogues about scenic speech with L.D. Alferova]. *Ne tol'ko o stsenicheskoy rechi [Not only about stage speech]*. St. Petersburg, SPBGATI Publ., 2006, pp. 302-344. (In Russ.).
4. Lazareva E.A. Vospitanie navykov goloso-rechevoy vyrazitel'nosti na materiale skazok A.S. Pushkina: iz opyta raboty [Education of skills of voice-speech expressiveness on the material of Pushkin's fairy tales: from work experience]. *Iskusstvo i iskusstvovedenie: teoriya i opyt: iskusstvo v kul'turno-istoricheskom kontekste [Art and art history: theory and experience: art in the cultural and historical context]*. Kemerovo: KemGUKI Publ., 2013, iss. 11, pp. 46-57. (In Russ.).
5. Prokopov V.L., Prokopova N.L. Samoraskrytie aktera: soderzhanie ponyatiya i priemy ehmocionalynogo obnazheniya [Self-disclosure of the actor: the content of the concept and receptions of emotional exposure]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universuteta kul'tury i iskusstv [Bulletin Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2017, no. 38, pp. 134-139. (In Russ.).
6. Prokopova N.L. Khudozhestvennaya znachimost' rechevogo iskusstva kak rezul'tat ob"edineniya raznykh tsennostnykh ustanovok (na materiale spektaklya "FuturizmZrim") [The artistic significance of speech art as a result of the unification of different values (on the material of the play "FuturismZrim")]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universuteta kul'tury i iskusstv [Bulletin Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2014, no. 26, pp.141-154. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 37

ПЕДАГОГИКА ИГРОВОГО СООБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ В СФЕРЕ ДОСУГА

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры режиссуры театрализованных представлений и праздников, проректор по научной и творческой деятельности, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: ponomarev63@mail.ru

В статье игра рассматривается как пространство социально-культурной коммуникации, где игровое сообщество выступает формой достижения социального идеала – солидарности, «обоюдности», которые выражаются в слове «мы». Игровое сообщество учит его участников правильному отношению к миру человека. Социальное чувство не дается человеку от природы. Понимание общего смысла игры, включение в действие «другого», сопереживание – основы социального ориентирования человека. Взаимное оценивание участников является источником эмоциональной жизни в игровом сообществе, а взаимная симпатия, дружба, эмоциональная отзывчивость ведут к высшим формам социального опыта – открытию в других людях внутренней жизни (эйективации).

Совместная игра – это форма усвоения групповых идеалов, которые и являются основой социальной этики. Правила игры, добровольно принятые участниками, – основа игрового права. В игровом сообществе каждый учится согласовывать свои интересы с другими. Совместная игра в сообществе участников становится ценностно-ориентированным взаимодействием, когда индивидуальная свобода играющих опирается на императивы игрового права. Игра в этом случае возможна только на принципах добровольной конвенции – взаимных соглашений, договоренностей и компромиссов.

В игровом сообществе, посредством исполнения участниками различных ролей, реализуется оптимальное применение природных способностей личности, развивается ее индивидуальность, неповторимость. А согласованность с игровыми правилами подвигает участников на совершение поступка – игровая деятельность преобразуется в нравственно окрашенное поведение участников игрового сообщества. Таким образом, социальное творчество личности в рамках игрового сообщества приобретает свое законченное содержание.

Следовательно, первичное и непосредственное нравственное переживание человеческого взаимодействия является основой социального творчества личности в условиях игрового сообщества сверстников.

Важным качеством игрового сообщества является его социальная проективность – способность самосохраняться в социальном пространстве и времени. Товарищество, рожденное в игровом сообществе, способно переноситься и на другие формы социального взаимодействия – досуг, обучение, политику и т. д. Игровые сообщества в этом случае развивают способность к социальному ориентированию в окружающей человека действительности.

Ключевые слова: игровое сообщество, игровое право, этика игры, социальное творчество, ролевые стратегии, проективность игрового сообщества.

PEDAGOGY OF THE GAME COMMUNITY AND SOCIAL CREATIVITY OF THE PERSON IN THE SPHERE OF LEISURE

Ponomarev Valeriy Dmitrievich, Dr of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Department of Directing Theatrical Performances and Festivals, Vice-rector for Scientific Research and Creative Activities, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ponomarev63@mail.ru

In the article, the game is viewed as a space of socio-cultural communication, where the gaming community acts as a form of achieving the social ideal -- solidarity, "mutuality"-- which is expressed in the word "we." The gaming community teaches its participants the right attitude to the world of man. Social feeling is not given to man by nature. Understanding the general meaning of the game, including in action the "other," empathy is the basis of social orientation of man. Mutual assessment of participants is the source of emotional life in the gaming community, and mutual sympathy, friendship, emotional responsiveness lead to higher forms of social experience: the discovery in other people of inner life (ejectivation).

A joint game is a form of assimilation of group ideals, which are the basis of social ethics. The rules of the game, voluntarily accepted by the participants are the basis of the game law. In the gaming community, everyone learns to coordinate their interests with others. A joint game in the community of participants becomes a value-oriented interaction, when the individual freedom of the players is based on the imperatives of the game law. The game in this case is possible only on the principles of a voluntary convention: mutual agreements, agreements and compromises.

In the gaming community through the performance of various roles by participants, an optimal application of the natural abilities of an individual is realized, its individuality, uniqueness develops. The consistency with the game rules encourages participants to commit an act -- the game activity -- is transformed into a morally colored behavior of participants in the gaming community. Thus, the social creativity of an individual within the gaming community acquires its complete content.

Consequently, primary and immediate moral experience of human interaction is the basis of social creativity of an individual in conditions of a game community of peers.

An important quality of a gaming community is its social projectivity, an ability to self-conserve in social space and time. A partnership born in a gaming community can be transferred to other forms of social interaction: leisure, training, politics, etc. Gaming communities, in this case, develop ability to social orientation in reality of the world around a person.

Keywords: game community, game law, game ethics, social creativity, role strategy, projectivity of the gaming community.

Определяющей чертой сферы досуга современной молодежи являются интерактивные формы – компьютер и Интернет, которые изменили реалии традиционных форм игры и ее предметной среды.

Виртуальные игровые площадки, основанные на цифровых текстах (электронных матрицах), языки игрового взаимодействия формируют неодушевленную (виртуальную) «картину мира» современного человека и носят социально изолирующий человека характер досуга («уход в мир иллюзий»).

В условиях новых игровых ландшафтов и современных интерактивных технологий игры остаются не исследованными вопросы социально-педагогической и социально-психологической поддержки личности, формирования ценностно-ориентированного сознания человека, его духовно-творческой активности на территории виртуального игрового пространства.

Учитывая определяющий статус игры как явления социальной и индивидуальной жизнедеятельности человека в современном обществе, для современной теории и практики социально-культурной деятельности проблема формирования культуротворческой стратегии человека *в контексте игры* является одной из актуальнейших.

Под реальностью мира человек понимает все, с чем он вынужден считаться. Поэтому реальность человеческого мира – это не только

я сам (индивидуальность), но еще и *другой* человек, с кем (даже помимо своей воли) необходимо считаться, дружить, общаться, то есть – сосуществовать.

Социокультурной основой устойчивого существования сообществ является социальная солидарность, базирующаяся на сложившейся в сообществе иерархии ценностей и соответствующих способах социальной коммуникации. Социальная солидарность обеспечивает социокультурную целостность сообществ, их самоорганизацию и развитие.

Собственно личность – это всегда результат социального развития путем целенаправленного включения индивида в систему социальных отношений, предполагающее усвоение социальных норм, ценностей, знаний, приобретение навыков, освоение образцов поведения, то есть – в условия и формы социальной солидарности. Саму же деятельность, в процессе которой происходит становление личности, следует рассматривать как социальное творчество.

Важно определить посредством какой предметной деятельности индивид включается в процесс активного социального творчества?

Первоначальный опыт сотрудничества, «обоюдности» человек приобретает в таком доступном и эмоционально привлекательном для него виде деятельности, как *игра*. Игра выступает эффективной формой социально-культурной коммуникации, где *игровое сообщество* как социальная микросреда развития личности является возможной зоной достижения социального идеала – солидарности. В условиях игрового сообщества происходит трансляция и обмен элементами социально-культурного опыта, личностная рефлексия и корректировка социального знания, проверка навыков социального взаимодействия, освоение основ социальной этики и комплиментарности. Это позволяет рассматривать игровое сообщество как форму социального творчества «человека играющего» [1, с. 126].

Не игра сама по себе, а именно игровое сообщество есть та форма социального творчества, в которой и происходит развитие личности. Понимание общего смысла игры, включение в действие другого – объединяет участников и заставляет действовать согласованно (конвенционально) в пространстве игрового сообщества, на основе взаимного интереса, адекватной взаимной оценки и игровых переживаний, соответствующих ожиданий (согласно логике ролевого поведения) участников друг от друга. Именно в этом случае обеспечивается социальное ориентирование и становление социального чувства «человека играющего».

Игровое сообщество – инициативное и организационно оформленное, педагогически управляемое и связанное игровой потребностью объединение, или игровой коллектив, в сфере досуга и формах социально-культурной деятельности.

Интеграция участников совместных игр на основе усвоения групповых идеалов, корпоративные и социализирующие возможности совместной игры приводят к необходимости рассмотрения важных тем:

1. Этапы развития игрового сообщества как формы организации детской жизни.
2. «Опережающая инициатива» (педагогическое влияние на игровую деятельность) в становлении игровых сообществ.
3. Становление личности в формах игрового сообщества в освоении социальной традиции.
4. Проективная возможность игрового сообщества в социально-педагогической практике.

В реальности человеческого мира игровые сообщества, «игровые ассоциации» обладают качеством социальной проективности, так как «игровая ассоциация обладает общей склонностью самосохраняться, консервироваться, даже когда игра уже сыграна. Не каждая партия игры в камушки или в бридж ведет к образованию клуба. Но объединяющее партнеров по игре чувство, что они пребывают в некоем исключительном положении, вместе делают нечто важное, вместе обособляются от прочих, выходят за рамки всеобщих норм жизни, – это чувство сохраняет свою колдовскую силу далеко за пределами игрового времени» [2, с. 23].

Психологической предпосылкой «вступления» в игровое сообщество является изменение социальной ситуации в жизни ребенка: система «ребенок – взрослый (семья)» дополняется взаимодействием в системе «ребенок – ребенок». Такое влияние факта изменения социальной ситуации заключается в следующем: взаимодействие в кругу семьи способно удовлетворить (и, с другой стороны, ограничить) потребность в оценке,

поскольку взрослые в семье осуществляют эталонную совокупность признанных ценностей; однако, возможность адекватной взаимной оценки в этом случае ограничена, с одной стороны, социальной ролью «младшего», с другой стороны, стремлением к эмоциональному единству, эмоциональной близости членов семьи. Гармония и целостность психологических компонентов взаимодействия представлены именно в общении со сверстниками: идентификация со сверстниками открывает возможность наиболее адекватно удовлетворять и потребность в оценке, и потребность самому оценивать партнера по игре.

Именно взаимное оценивание является источником эмоциональной жизни в игре. Усложняясь и углубляясь, эмоциональное пространство игры в дальнейшем приобретает формы состязания, соперничества, взаимной симпатии, дружбы в структуре игрового сообщества. Возникающие начальные формы симпатии к сверстнику, положительное эмоциональное оценивание по существу определяют динамику (в ее глубине и длительности) игровых сообществ, «обоюдность» в совместных играх обогащается эмоциональной отзывчивостью, солидарностью и ведет уже к совершенному духовному проявлению эмоциональной жизни – эйективации.

Такая совместность, «обоюдность» выражается в слове «мы» и является духовным качеством совместной игровой деятельности, выступая одновременно и как определенный результат, и как одна из сторон готовности к высшей форме опыта со-существования – этики игровых сообществ.

Е. А. Покровский так определяет существенные аспекты этики игровых сообществ: «Игровые сообщества требуют соучастия большего или меньшего количества других детей. В этом распределении игр, без сомнения, кроется та цель, чтобы с помощью их, с одной стороны, лучше приучить детей к общению между собой, взаимным услугам, взаимному сохранению своих интересов; с другой – приучить к возбуждению соревнования, взаимной критики, признания достоинств или недостатков, поощрения тех, кто показал в игре больше ловкости, искусства, достоинства, и, наоборот, порицания тех, кто так или иначе сплоховал в игре. Чтобы на терять за игрой во мнении товарищей, каждый, очевидно, должен, прежде всего, надлежащим образом изучить ее, усвоить ее особенности и приемы и только тогда он может получить звание достойного соучастника в игре, только тогда он может с удовольствием говорить о себе, что “я играл с таким-то”, “я пробовал то-то и то-то с таким-то”. При таком соучастии в игре, каждый непременно вносит в нее что-нибудь свое и вносит постольку, поскольку может. Нередко здесь хорошо одаренный ребенок ведет за собой вперед менее способного, – один другому помогает совершенствоваться, а, в конце концов, все в этом друг другу помогают; но вместе с тем все, в сущности, остаются в одинаковых правах…» [3, с. 36].

Становление игрового сообщества происходит на основе опыта индивидуальных игровых действий, то есть при наличии определенных индивидуальных знаний, умений и навыков игровой деятельности; следовательно, совместная игровая деятельность сверстников – это, в первую очередь, передача индивидуального игрового опыта.

Каждому ребенку нужно войти в игровое сообщество, найти в нем *свое* место, закрепиться в игровом сообществе. Без этого нет слаженной совместной игровой деятельности сверстников и, следовательно – жизни детей. По мнению А. П. Усовой [4], нужны особые качества, которые возможно определить, как качества «общественности»: способность входить в общество играющих, определенным образом действовать в условиях совместной игры, устанавливать связи со сверстниками, подчиняться требованиям игрового сообщества и правилам собственно игры, умение адекватно оценивать сверстников в игре.

Именно на факты развития качеств «общественности» в педагогической практике игры уже в 1913 году обращал внимание В. П. Вахтеров в своей работе «Основы новой педагогики» [5].

Общие детские игры, отмечает В. П. Вахтеров, несомненно, развивают общественные чувства. Здесь зарождаются и развиваются чувства товарищества, солидарности, общественности и справедливости. Ребенок, попадая в общество играющих товарищей, приучается признавать права других, привыкает добровольно подчиняться решением большинства, свои личные интересы приводить в равновесие и соглашение с интересами других товарищей; подавлять свои капризы во имя справедливости, приспособляться к общественной среде; но в то же время он привыкает

и сам принимать участие в постановлении решений (какую выбрать игру, какие принять условия и прочие) и отстаивать свои мнения и личную свободу. В некоторых играх детям приходится делиться на две партии; возникают поводы для разномыслия, для споров, желания наталкиваются на препятствия; приходится согласовывать свои поступки с волею большинства, уживаться с товарищами [5, с. 477].

Применительно к возрастному развитию личности ребенка игровое сообщество формируется как социальное явление и представляет собой способ жизни в обществе сверстников. Качества общественности в детском возрасте развиваются по своим возрастным этапам и связаны с тем, как ребенок овладевает способностью жить своей самостоятельной жизнью, постепенно расширять сферу качеств общественности и достигать возможностей совместной игровой деятельности в игровом сообществе.

Ниже мы даем описание этапов игровых взаимодействий, отражающих последовательную динамику становления игровых сообществ сверстников:

1. *Игры рядом* опираются на достаточно сформировавшуюся у ребенка сосредоточенность на своей игровой деятельности. Это позволяет ему спокойно действовать, не отвлекаться игрой соседа. Общественность здесь еще очень нейтральна. Но и это существенно, так как позволяет детям быть в группе рядом друг с другом, соблюдая «дисциплину расстояния».

2. *«Механическое взаимодействие»* в игре[1]. Общественность начинает проявляться более активно тогда, когда ребенок переходит к совместному действию с кем-то из детей.

3. Возникает процесс взаимодействия, вызывающий детей на общение, на установление отношений друг с другом. Проявляется взаимодействие по-разному. Оно может быть чисто механическим слиянием действий, по существу разнородных. Тогда происходит как бы мирное течение двух индивидуальных игр. Даже действия детей, переплетаясь, остаются каждое в своем плане. Это похоже на игры рядом.

4. *«Игровое взаимодействие»* на основе личных предпочтений детей. Взаимодействие может быть и на основе интереса друг к другу. Здесь участвует личное отношение, предпочтение, знакомство и т. д. На уровне овладения детьми взаимодействием появляются первые общественные образования – *играющие группы*; они немногочисленны, кратковременны, но они существуют и организуют детей. Это показатели социального развития – ребенок становится членом игрового сообщества детей.

«Опережающая инициатива» в формировании культуры игры, понимаемая как «педагогическое руководство игровой деятельностью» игровых сообществ, выражается в обеспечении условий (моделировании) такой формы жизнедеятельности, как игровое сообщество.

Отношение человека к миру, в котором он живет, действует, общается, – это отношение не только к миру явлений и предметов, а, в первую очередь, к миру человека. Дети всегда играют *только* в человека. Эмоциональная насыщенность и глубина игрового общения обуславливают постоянно возобновляющуюся потребность в нем и, следовательно – в игровом сообществе и отношениях в нем.

Р. Г. Надеждина (см. [4]) определяет следующие основные компоненты взаимоотношений сверстников в условиях игрового сообщества:

- взаимоотношения, определяемые сюжетом игры или ее правилами;
- взаимоотношения, возникающие «вокруг» и «по поводу» игры (договоры и соглашения, в какую игру играть, ситуация распределения ролей и т. д.);
- «личностные» взаимоотношения, привносимые в саму игру и в отношения по поводу её из более широкого окружения (взаимоотношения из социального опыта сверстников, действие усвоенной социальной традиции);
- взаимоотношения ребенка и взрослого («мир детства» и «мир взрослых» в игре).

Действительно реальные «личностные» взаимоотношения и позиции сверстников «накладываются» на их отношения по поводу игры (соответственно – укрепляют или разрушают игровое сообщество), выступают как «основания» для

[1] В англоязычной научной литературе, например, Gesell A., Thompson H. Infant behaviour: its genesis and growth. McGraw-Hill, 1934, эта группа игр определяется, как «ассоциативная игра», то есть когда сверстники явно участвуют в игре с другими детьми, но каждый занят только собой, своей ролью в ней.

разрешения конфликтов, для выполнения тех или иных ролей и т. д.

Особенно отчетливо выступает то обстоятельство, что «личностные» взаимоотношения, возникшие «вокруг» игры, в спорах и борьбе по поводу ролей, переносятся затем во взаимоотношения, определяемы сюжетом и правилами игры. Сюжетные отношения здесь становятся формой, в которой другие, в данном случае более глубокие «личностные» взаимоотношения сверстников проявляются, доминируют и придают сюжетным отношениям новое реальное содержание и новый смысл, в том числе и этический смысл.

Существенной особенностью игрового сообщества сверстников, как социального факта, является некоторое *единство*, сближающее участников игровых сообществ. Степень устойчивости, глубины и продолжительности установившегося единства определяется возможностью социального творчества в условиях совместной игровой деятельности.

Игровое сообщество сверстников – это не только установление взаимоотношений, но и осуществление той или иной конкретной ролевой стратегии поведения.

Определенная ролевая дифференциация внутри игрового сообщества позволяет предлагать педагогической практике игровые ситуации как модели общения, в которых решаются проблемы выхода из кризисного состояния группы (игровые психотренинги), вырабатываются новые решения (деловые и ролевые игры), познаются возможности каждого участника в отдельности (игровые формы терапии искусством, психодрама и др.), определяются свои «пределы», снимаются стрессы, развиваются коммуникативные навыки и т. д. Ролевые стратегии здесь представляют способ приобщения к особенностям социально-психологической, нравственной и этической реальности игрового сообщества, которая непосредственно зависит от конкретного содержания игровой роли и от того, что становится для сверстников в игровом сообществе достойным подражания, а что отрицается.

Однако не наличие возможного ролевого репертуара, складывающегося в условиях игрового сообщества, а именно ролевые стратегии – возможность попробовать себя в *различных* ролях – определяет факт социального творчества и развития личности.

Собственно вариативность ролевого репертуара в отношении каждого, с одной стороны, обеспечивает приобретение социального опыта и способствует социальному ориентированию личности, с другой – развивает в личности ее индивидуальность, неповторимость, реализует оптимальное применение природных способностей.

Именно с позиции вариативности ролевого репертуара в игровом сообществе сверстников игровая деятельность «становится поведением» [6], а само «вхождение» ребенка в игровую роль, создание игрового образа следует рассматривать как развитие поступка, который в основе своей имеет алгоритм.

Первая фаза алгоритма ролевого поведения ребенка представляет собой процесс своеобразного его освоения: приобретение «эмоционального опыта». Он включает: а) освоение норм и правил действий конкретной игровой роли (включая как сюжетный, так и социальный контекст); б) освоение, иногда опробование всего ролевого репертуара (выбор). Вторая фаза алгоритма характеризуется процессом выработки личностной концепции действий ребенка («личностной окраски») в рамках ролевого репертуара (отношение). Третья фаза – оформление личностной концепции ребенка в конкретную программу коммуникативно-игровых действий (социально-игрового взаимодействия) – поступок(и). Только в этом алгоритме ролевая стратегия, как стратегия поступка, получает эмпирическую определенность.

Социальная реальность человеческого мира в своем выражении представлена социальными контактами, *взаимо*-действием, «обоюдностью», или *со*-существованием. Следовательно, социальная реальность определяется фактом, когда поведение, поступки одного человека направлены на других, а поведение и поступки других, в свою очередь, соотносятся с действиями этого человека. Взаимная необходимость считаться друг с другом («обоюдность») выступает здесь как признак социального взаимодействия.

В становлении социального чувства ребенок стремительно проходит путь от «существования в одиночку», «изначального одиночества» (Х. Ортега-и-Гассет) до появления способности уверенно существовать среди людей, искать формы солидарности, сотрудничества и эффективно осваивать нравственно-эстетическую сферу

человеческих отношений, строящуюся на удовлетворении притязаний к признанию, доброте, честности, долженствованию. Однако свобода духовно-нравственного самосозидания не дана ребенку от природы. И здесь одним из решающих факторов является само общество сверстников, в котором формируется «социальное чувство» (или «общественность») человека на основе совместного действия с кем-то из детей. Возникает процесс взаимодействия, вызывающий детей на общение, на установление отношений друг с другом.

Общества сверстников – исключительно игровые сообщества, в которых зарождается и устанавливается «социальное чувство», усваиваются моральные истины на основе открытого поведения и сопереживающего понимания в условиях игрового сообщества. Через понимание общего смысла игры и включение в действие другого, что объединяет сверстников и заставляет их действовать согласованно (конвенционально), на основе интереса друг другу, где участвуют дружба, личное отношение, предпочтение, знакомство и т. д., обеспечивается социальное ориентирование и становление социального чувства личности.

Собственно социальное ориентирование и становление социального чувства личности и составляют путь освоения и усвоения социальной традиции, когда социальное творчество личности приобретает свое законченное содержание.

Совместная игра сверстников – путь соединения в душе ребенка чувства индивидуальной свободы с этическими ценностями человеческого сообщества. Следовательно, социальное творчество играющих (освоение социальной традиции) выступает, в первую очередь, как ценностно-ориентированное взаимодействие.

Возможность осуществления совместной игровой деятельности среди сверстников зависит не только от одного играющего, но и от действий его партнеров по игровому сообществу. В этом случае всегда появляется необходимость выстраивать открытые отношения с действиями партнера(ов) по игре, согласовывать свои действия с действиями других, наконец договариваться о распределении ролей, о начале и конце игры, решать возникающие по ходу игровой деятельности конфликты, принимать возможные изменения правил игры, то есть допускать различного рода конвенции.

Игровые конвенции способствуют открытому поведению «человека играющего», сопереживающему пониманию в условиях игрового сообщества. Именно на конвенциональном уровне «человек играющий» приобретает эмоциональную отзывчивость на все то, что происходит в игровом сообществе, реализует возможность понимания и познания, на основе эмоционального сближения, внутреннего мира других играющих. Различного рода конвенции (соглашения, договоренности, компромиссы) по ходу игрового движения, способствуют *эйективации* – открытию в других людях внутренней жизни.

Ценность возникшей человеческой связи в условиях игрового общения – направленность на партнера, взаимный интерес друг к другу, эйективация, «музыкальное вживание в чужую душу». В этом – проявление полноты и человечности игрового времени и игрового пространства. В этом – «особость», исключительность, специфика игрового общения – эмоциональная насыщенность и праздничная приподнятость.

«Человек играющий» не стремится к самоутверждению за счет других, игровое состязание, соперничество – «a fair play» различающихся личностей, вкусов, мнений, чувств, опыта т. д.

Следовательно, первичное и непосредственное нравственное переживание человеческой среды как таковой, являющееся основой социального творчества личности, лежит в основе игрового сообщества сверстников. При этом нравственными критериями социального творчества личности выступают такие понятия, как:

- *эмоциональная отзывчивость*, на основе которой и развивается собственно влечение к людям;
- *социальный стыд* как условие высокой чувствительности к оценкам окружающих людей и, соответственно – самоограничение, то есть моральная привычка считаться с людьми;
- *солидарность* как сознание единства участников социального целого (в нашем случае, участников игрового сообщества), как путь сотрудничества, дружбы, товарищества.

Устойчивость и глубина этих чувств в социальном творчестве личности развивают не только способность к социальному ориентированию, но выступают как источник целостного становления личности.

Литература

1. Пономарев В. Д. Педагогика игры в сфере досуга: теория, технология, профессиональная культура. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 280 с.
2. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. – М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. – 464 с.
3. Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. – СПб.: Ланс, 1994. – 387 с.
4. Психология и педагогика игры дошкольника: материалы симпозиума / под ред. А. В. Запорожца и А. П. Усовой. – М.: Просвещение, 1968. – 350 с.
5. Вахтеров В. П. Основы новой педагогики. Гл. 6. Разд. 4. Игры. – М.: Изд. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. – С. 446–499.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2. – 328 с. – (Тр. д. чл. и чл.-кор. АПН СССР).

References

1. Ponomarev V.D. *Pedagogika igry v sfere dosuga: teoriya, tekhnologiya, professional'naya kul'tura [Pedagogy of the game in the sphere of leisure: theory, technology, professional culture]*. Saarbrucken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 280 p. (In Russ.).
2. Kheyzinga Y. *Homo Ludens. V teni zavtrashnego dnya [Homo Ludens. In the shadow of tomorrow]*. Moscow, Progress, Progress-Akademiya Publ., 1992. 464 p. (In Russ.).
3. Pokrovskiy E.A. *Detskie igry, preimushchestvenno russkie [Children's games, mostly Russian]*. St. Petersburg, Lans Publ., 1994. 387 p. (In Russ.).
4. *Psikhologiya i pedagogika igry doshkol'nika: materialy simpoziuma [Psychology and pedagogy of preschool play: symposium materials]*. Edited by A.V. Zaporozhets and A.P. Usova. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 350 p. (In Russ.).
5. Vakhterov V.P. *Osnovy novoy pedagogiki. Gl. 6. Razd. 4. Igry [The fundamentals of the new pedagogy. Ch. 6. Sect. 4. Games]*. Moscow, Izdanie Tovarishchestva I.D. Sytina Publ., 1913, pp. 446-499. (In Russ.).
6. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii: v 2 t. [Fundamentals of General Psychology. In 2 volumes]*. Moscow, Pedagogika Publ., 1989, vol. 2. 328 p. (In Russ.).

УДК 792.8

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА КУЛЬТУРОСООБРАЗНОСТИ В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ХОРЕОГРАФОВ)

Давыдов Виктор Петрович, профессор кафедры классической и современной хореографии, Кемеровский государственный институт культуры, заместитель художественного руководителя Московского областного государственного театра «Русский балет», заслуженный артист Российской Федерации (г. Москва, РФ). E-mail: davip02051964@mail.ru

Реформы отечественного образования последних лет, в том числе введение компетентностного подхода в реальную педагогическую практику, ставят перед специалистами хореографического искусства проблему научной рефлексии накопленного в прошлом практического опыта, а также задачу его введения в теоретическое пространство общей педагогики. Одним из таких принципов, лежащих в основе обучения специалистов-хореографов, является принцип культуросообразности, введенный в научный обиход немецким педагогом Ф. Дистервегом и раскрытый в работах выдающихся русских педагогов К. Ушинского, П. Каптерева, Е. Гессена и др. Рассмотрению особенностей его реализации в хореографической педагогике (а точнее – в системе подготовки специалистов хореографов) посвящена данная статья. Подобная тема в хореографической педагогике затрагивается впервые. Опираясь на анализ исторически сложившихся традиций хореографического образования в России, автор показывает значение культуросообразности в качественной организации воспитательного и образовательного

процессов в учебных заведениях культуры и приходит к выводу о его значительной роли. По мысли автора культуросообразность в хореографической педагогике проявляется, прежде всего, в опоре на классические традиции отечественной балетной школы, и, прежде всего, на систему А. В. Вагановой. Заложенная в ней логика и последовательность выступают основой для исполнительской и педагогической деятельности выпускников хореографических факультетов вне зависимости от того, в каком хореографическом направлении они работают. И в этом смысле система А. Я. Вагановой является сокровищем отечественной культуры, формирующем ее неповторимый облик.

Ключевые слова: общая педагогика, педагогические принципы, принцип культуросообразности, педагогика искусства, балетная педагогика, хореографическая педагогика, хореографическое образование, образовательная программа, балет, танец, искусство, общечеловеческие ценности, система А. Я. Вагановой.

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF CULTURAL CONFORMITY IN CHOREOGRAPHIC PEDAGOGY (A CASE STUDY OF CHOREOGRAPHER TRAINING)

Davydov Viktor Petrovich, Professor of Department of Classical and Modern Choreography, Kemerovo State University of Culture, Deputy Artistic Director of Moscow Regional State Theatre “Russian Ballet”, Honorary Artist of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: davip02051964@mail.ru

Recent reforms in the Russian education system, including the introduction of the competence approach in the actual teaching practice, created the need for choreography specialists to conceptualise the experience accumulated in the past and incorporate it into the theoretical dimension of general pedagogy. One of such principles underlying the training of choreographers is the principle of cultural conformity suggested by German educator V. Diesterweg and developed in the work of renowned Russian educators K. Ushinsky, P. Kapterev, Y. Gessen, and others. This article looks at the implementation of this principle in dance training (more specifically, within the system of choreographer training). This aspect has not been discussed in the literature on choreographic training before. Drawing on the analysis of historical traditions in the Russian choreographic education, the author shows the significance of culture conformity in an effective training process at arts educational institutions. The author believes that cultural conformity in dance training is achieved through the application of classical traditions of the Russian ballet school, the Vaganov method in particular. Its logic and structure serve as a basis for the performing and teaching activities of graduates from choreography departments, regardless of what dance style they choose. In this sense, the Vaganov method is a true treasure of the Russian culture shaping its unique image.

Keywords: general pedagogy, teaching principles, principle of culture conformity, art pedagogy, ballet pedagogy, choreographic pedagogy, choreographic education, educational program, ballet, dance, art, universal human values, Vaganov system.

Принцип культуросообразности введен в общую педагогику немецким педагогом и либеральным политиком Ф. Дистервегом (Friedrich Diesterweg) (1790–1866). Сторонник светской школы, он считал, что воспитание ребенка должно осуществляться с учетом места проживания и времени рождения: «…необходимо принимать во внимание условия места и времени, в которых родился человек или предстоит ему жить, одним словом, всю современную культуру в широком и всеобъемлющем смысле слова, в особенности культуру страны, являющейся родиной ученика» [7, с. 189]. Культуру он видел состоящей из двух частей – внешней (нормы быта, морали, потребления) и внутренней (духовная жизнь человека), а воспитание внесословным, и не шовинистическим («Человек – моё имя, немец – прозвище»), имеющим исторический характер, отражающий актуальное состояние культуры конкретного народа и общественной среды, и потому должно рассматриваться в естественно-историческом движении [7, с. 190].

Подходы Дистервега нашли отражение в работах многих отечественных педагогов. В частности, у Ушинского они предстают в идее народности: «…Воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях или заимствованных у другого народа...» [3]. П. Ф. Каптерев рассматривал воспитание и социальных условий в связи с культурой, которую считал совокупностью религиозных воззрений, бытовых традиций и нравственности народа [4, с. 43–44]. С. И. Гессен писал о необходимости создания особой «областной педагогики» (развивая идеи французского педагога Ж. Оруза) и рассматривал культуросообразность как единство школы с обществом и нацией [1].

В современном понимании принцип культуросообразности реализуется, если цели, содержание, методы воспитания учитывают сложившиеся исторически в конкретном обществе традиции и стиль социализации и основываются на общечеловеческих ценностях.

Важной задачей, стоящей перед отечественной хореографической педагогикой, является ее включение в пространство общей педагогической теории. В частности, назрела необходимость выявления особенностей реализации педагогических принципов в хореографической педагогике. В этом направлении имеются определенные подвижки. Так, в диссертационном исследовании А. А. Алферова «Педагогические условия использования видеотехники в процессе обучения классическому танцу» [2] в качестве методологической базы взят принцип наглядности, показана эволюция ее функций и раскрыта специфика в обучении классическому танцу. Рассмотрение наглядности как системного принципа предпринято в статье А. В. Фомкина «Особенности реализации принципа наглядности в балетной педагогике» [12]. Однако пионером в изучении педагогических принципов в хореографии является известный ученый А. Л. Гройсман, предпринявший первый опыт их формулирования в статье, помещенной в приложении к фундаментальному труду Е. П. Валукина «Система мужского классического танца» [5]. При этом А. Л. Гройсман не выделил культуросообразность в качестве самостоятельного педагогического принципа, хотя, на наш взгляд, он является одним из значимых в обучении хореографов.

Целью данной статьи является выявление характера реализации принципа культуросообразности в хореографической педагогике на основе анализа результатов учебно-воспитательного процесса ведущих вузов России и Европы, выпускающих специалистов-хореографов (Кемеровского государственного университета культуры, Санкт-Петербургского государственного института культуры, Парижской высшей национальной консерватории музыки и танца – Conservatoire national supérieur de musique et de danse de Paris, Университетского танцевального колледжа Стокгольма – Danshögskolan).

Культуросообразность рассматривается нами как совокупность сообразности учебно-воспитательного процесса общечеловеческим ценностям, нормам (включая национальные и региональные) и профессиональным хореографическим традициям, ценностям и нормам (включая национальные и региональные их особенности).

На рис. 1 графически представлена структура принципа культуросообразности, реализуемого в хореографической педагогике. Данная схема является гипотетической. Мы надеемся подтвердить ее как результатами анализа, проведенного и представленного в данной статье, так и дальнейшими исследованиями.

Рисунок 1. Структура принципа культуросообразности, реализуемого в хореографической педагогике

Несмотря на то, что существование общечеловеческих ценностей оспаривается рядом ученых (Ф. И. Гиренок, Н. Я. Данилевский и др.), нам представляется, что они выступают ценностной основой человеческой культуры (и образовательной системы, как ее части), поскольку никакое сообщество людей не существует изолированно и для мирного сосуществования разных сообществ необходимо наличие некоторой общей системы ценностей (Фрэнсис Фукуяма) [9, с. 93].

Вслед за Милтоном Рокичем [11] мы относим к общечеловеческим ценностям 36 конечных – 1) безбедная жизнь, 2) равенство и братство, 3) интересная и активная жизнь, 4) забота о близких, 5) свобода и независимость, 6) здоровье, 7) внутренний мир, 8) зрелая любовь, 9) безопасность, 10) веселье, 11) спасение, 12) самоуважение, 13) чувство достижения, 14) уважение общества, 15) дружба, 16) мудрость, 17) мир во всём мире, 18) понимание красоты и инструментальных ценностей – 1) амбициозный, 2) непредубеждённый, 3) компетентный, 4) аккуратный, 5) твёрдый, 6) прощающий, 7) помогающий, 8) искренний, 9) творческий, 10) самодостаточный, 11) последовательный, 12) любящий, 13) верный, 14) послушный, 15) вежливый, 16) ответственный, 17) сдержанный. Указанные ценности транслируются через культурные институты, среди которых один из основных – система образования.

Исследование проводилось в три этапа.

На первом этапе была исследована роль получаемого образования в формировании общечеловеческих ценностей студентов-хореографов. Для этого был составлен опросник, включающий перечень общечеловеческих ценностей (по Рокичу), из которого предлагалось выбрать те, которые формируются и развиваются в процессе обучения или на формирование которых получаемое образование оказало наибольшее влияние. В опросе приняло участие 65 испытуемых студентов-хореографов: 30 россиян (16 женщин, 14 мужчин) и 30 (15 женщин и 15 мужчин) европейцев. Студентам разрешалось добавить в перечень ценности, которые на их взгляд формируются в процессе обучения. Сводные данные по опроснику общечеловеческих ценностей студентов-хореографов приведены на следующих гистограммах (см. рис. 2, 3, 4).

Рисунок 2. Результаты выбора конечных ценностей (ряд 1 – европейские студенты, ряд 2 – российские студенты)

Рисунок 3. Результаты выбора инструментальных ценностей (ряд 1 – европейские студенты, ряд 2 – российские студенты)

Рисунок 4. Результаты выбора профессиональных ценностей (ряд 1 – европейские студенты, ряд 2 – российские студенты)

Визуальный анализ гистограммы на рис. 2 позволяет констатировать, что европейцы в большей степени склонны отводить системе образования более значительную роль в формировании ценностного мира обучающегося, чем россияне. К ценностям, в значительной степени формируемым в образовательном процессе, большая часть европейских студентов отнесла такие ценности, как: 1) безбедная жизнь, 2) равенство и братство, 3) интересная и активная жизнь, 5) свобода и независимость, 7) внутренний мир, 8) зрелая любовь, 10) веселье, 12) самоуважение, 13) чувство достижения, 18) понимание красоты. Что касается соотечественников, их выбор распределился следующим образом: 1) безбедная жизнь, 13) чувство достижения, 14) уважение общества, 17) мир во всём мире, 18) понимание красоты. При этом выбор обеих категорий испытуемых совпал в ценностях: 1) безбедная жизнь, 13) чувство достижения, 18) понимание красоты. К ценности в наименьшей степени формируемой образовательным процессом европейцы и россияне отнесли – 9) безопасность. При этом низкие показатели у россиян также по ценностям: 2) равенство и братство, 34) забота о близких. Дополнительных ценностей в список ни один их участников исследования не предложил.

Что касается инструментальных ценностей, обе категории испытуемых выделили такие ценности, как: 9) творческий, 10) самодостаточный и 16) ответственный. Кроме того, европейцы дополнительно выбрали как значимые – 8) искренний, а россияне: 1) амбициозный, 3) компетентный. Ценность – 9) творческий – была определена как формируемая в образовании в наименьшей степени.

В целом данный этап исследования показал, что образовательный процесс подготовки хореографов в европейских и отечественных образовательных организациях осуществляется в едином ценностном поле и может быть признан культуросообразным.

На втором этапе нами был разработан перечень профессиональных ценностей: 1. Профессионализм (высокий профессиональный уровень владения техникой танца), 2. Умение танцевать (исполнение танца), 3. Самопожертвование ради профессии, 4. Владение методикой преподавания классического танца, 5. Знание тонкостей преподавания танца, 6. Наличие профессии, которая позволит найти работу, 7. Самореализация в профессиональной деятельности, 8. Мобильность (возможность благодаря профессии перемещаться по миру), 9. Открытость новому в профессии, 10. Развитие и познание собственного тела, 11. Развитие физических способностей к танцу, 12. Повышение собственной социальной роли, 13. Саморазвитие благодаря профессии, 14. Наличие собственных профессиональных достижений, которые поднимают над другими, 15. Способность завязывать профессиональные контакты, 16. Возможность выразить себя в танце.

Под профессиональными ценностями нами понимаются ценности более широкого порядка, которые выступают в качестве необходимых личности и обществу для удовлетворения социальных и личных потребностей. Данный вид ценностей формируется в процессе социализации, и наиболее ярко они проявляются в интересах, идеалах и убеждениях человека. Иначе говоря, профессиональные ценности – ориентиры, которые позволяют человеку осуществлять выбор и профессиональную деятельность.

Тем же обучающимся, которые принимали участие в первом этапе исследования, было предложено выбрать профессиональные ценности, которые на их взгляд формируются в учебном процессе. Как и на предыдущем этапе, студенты могли дополнить список.

Как видно из гистограммы на рис. 4, наибольшее число испытуемых европейцев выбрало такие ценности: 1. Профессионализм, 6. Наличие профессии, которая позволит найти работу, 7. Самореализация в профессиональной деятельности, 8. Мобильность (возможность благодаря профессии перемещаться по миру), 9. Открытость новому в профессии, 10. Развитие и познание собственного тела, 15. Способность завязывать профессиональные контакты. Россияне осуществили свой выбор следующим образом: 1. Профессионализм (высокий профессиональный уровень владения техникой танца), 3. Самопожертвование ради профессии, 4. Владение методикой преподавания классического танца, 5. Знание тонкостей преподавания танца, 7. Самореализация в профессиональной деятельности, 11. Развитие физических способностей к танцу, 12. Повышение собственной социальной роли, 13. Саморазвитие благода-

ря профессии, 14. Наличие собственных профессиональных достижений, которые поднимают над другими, 16. Возможность выразить себя в танце.

На наш взгляд, полученные результаты характеризуют педагогический процесс в отечественных вузах как культуросообразный, проявляющийся в сплетении национальных и национально-профессиональных ценностей и норм. Это сплетение может быть описано в следующих позициях.

Опора на традиции классического танца. Вне зависимости от того, каким техникам танца обучается студент в российском вузе, важнейшее место в образовательной программе отводится классическому танцу. Это – отличительная черта отечественной хореографической культуры, в отличие от европейской. Известно, что классический танец интернационален. Однако в каждой стране и культуре он проходит процесс национального осмысления. В России его отличительной особенностью является не только техническое совершенство, но особая одухотворенность, содержательность, выразительность. Вероятно, именно поэтому студенты-россияне выбрали в качестве основной ценности владение методикой преподавания классического танца и связанное с ней развитие физических способностей, которые дают основу для собственных профессиональных достижений и повышения собственной социальной роли, саморазвития, самореализации. У европейских студентов этот показатель значительно ниже (6). В образовательных программах европейских вузов классический танец не играет ключевой роли, он занимает незначительный объем часов, чего не скажешь о современном танце с его приоритетом осознанного движения, вниманием к телу и его свободе. Поэтому все европейские студенты единодушно выбрали такую ценность, как развитие и познание собственного тела (россияне в три раза меньше).

Стремление к самопожертвованию как одна из основных черт русского характера [6] находится в тесной связи с центральной ролью классического танца в отечественной хореографической культуре и образовании, что, на наш взгляд, является своеобразной проекцией на хореографию и такой ценности русской культуры, как устремленность к некоему высшему, трансцендентному смыслу, который становится своеобразным объектом для служения. Овладение техникой классического танца настолько сложно, что без самопожертвования практически невозможно. Именно поэтому те, кто хочет достичь значительных результатов в этом виде танца, могут пожертвовать всем и подчинить ему весь свой образ жизни. Поэтому, вероятно, самопожертвование ради профессии выбрало 100 % испытуемых россиян. Интересно, что у европейских студентов значение данного показателя в разы меньше.

Выбор россиянами следующей ценности – 11) развитие физических способностей к танцу – может быть интерпретирован как проявление терпения, наряду с последовательным воздержанием, самоограничением, которые близки к страданию. Это профессиональная добродетель. Как отмечают исследователи, «вечное для русского человека желание пострадать – это желание самоактуализации, завоевания внутренней свободы, необходимой, чтобы творить в мире добро, завоевать свободу духа» [6, с. 76]. Постижение классического танца становится для русского человека способом своеобразного завоевания свободы духа, свободы от телесных ограничений, способом преодоления плотского начала.

Ценностный выбор европейских студентов можно назвать более практически направленным: для них важны мобильность, самореализация в профессиональной деятельности, открытость новому в профессии, знание тонкостей преподавания танца – профессионализм, который ценен не сам по себе, а как средство – возможность найти работу и успешно адаптироваться на рынке труда. Важную роль для них играет развитие и познание собственного тела – именно познание, а не его приведение к определенным нормам, которых требует классический танец, как это имеет место у россиян. Данный выбор европейцев может быть проявлением таких особенностей европейской культуры, как личностностное начало (человек есть гражданин полиса), «человек – мера всех вещей» (Протагор), богочеловечество Иисуса Христа; рационализм (разум есть основа поведения людей и познания мира); открытость (инновационный творческий характер европейской культуры).

Подготовка хореографов в вузах культуры России ведется на основе федерального государственного образовательного стандарта по направ-

лению подготовки 52.03.01 «Хореографическое искусство» (далее – ФГОС). Необходимо отметить, что во ФГОС культуросообразность раскрывается на организационно-педагогическом уровне в заявленных результатах обучения (компетенциях). В частности, во ФГОС указывается, что выпускник должен овладеть такими общепрофессиональными компетенциями, как способность осознавать социальную, культурную значимость своей будущей профессии, обладать высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности, осознавать роль искусства и культуры в человеческой жизнедеятельности, развивать собственное художественное восприятие и вкус.

В заключение хотелось бы отметить, что проблема реализации принципа культуросообразности в хореографической педагогике не может быть решена в рамках одной статьи. Необходимо всестороннее ее изучение, что позволит нам – россиянам – глубже познавать отечественную школу хореографической педагогики – богатство, переданное нам предшественниками.

Литература

1. Алексеев П. В. Гессен Сергей Иосифович. Основы педагогики. Введение в прикладную философию [Электронный ресурс]. – М.: Школа-пресс, 1995. – URL: http://textarchive.ru/c-1655102-pall.html.
2. Алферов А. А. Педагогические условия использования видеотехники в процессе обучения классическому танцу: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2007. – 188 с.
3. Амосова Н. В. К. Д. Ушинский о воспитании [Электронный ресурс]. – URL: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36629.php.
4. Баранникова Н. Б. П. Ф. Каптерев о воспитании общечеловеческого и национального у детей дошкольного возраста // Ист.-пед. журн. – 2014. – № 3. – С. 42–57.
5. Валукин Е. П. Система мужского классического танца. – М.: ГИТИС, 1999.
6. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
7. Дистервег А. Избр. пед. соч. – М.: Учпедгиз, 1956. – 374 с.
8. Дряхлов Н. И., Давыденко В. Социокультурные ценности россиян // Социс. – 1997. – № 7. – С. 143–149.
9. Константинов Н. А. История педагогики. – М.: Просвещение, 1974.
10. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. – Л., 1984.
11. Рокич М. Природа человеческих ценностей. – N.Y.: Свободная пресса, 1973. – 153 с.
12. Фомкин А. В. Особенности реализации принципа наглядности в балетной педагогике // Самар. науч. вестн. – 2016. – № 1 (14). – С. 192–196.
13. Хрестоматия по истории педагогики. – Минск: Высш. шк., 1971.

References

1. Alekseev P.V. *Gessen Sergey Iosifovich. Osnovy pedagogiki. Vvedenie v prikladnuyu filosofiyu [Gessen Sergei Iosifovich. Fundamentals of pedagogy. Doing in applied philosophy]*. Moscow, Shkola Press Publ., 1995. (In Russ.). Available at: http://textarchive.ru/c-1655102-pall.html.
2. Alferov A.A. *Pedagogicheskie usloviya ispol'zovaniya videotekhniki v protsesse obucheniya klassicheskomu tantsu: dis. kand. pedagogicheskikh nauk [Pedagogical conditions of use of video technology in the course of training to classical dance. Diss. PhD in pedagogy]*. Moscow, 2007. 188 p. (In Russ.).
3. Amosova N.V. *K.D. Ushinskiy o vospitanii [K.D. Ushinsky About education]*. (In Russ.). Available at: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36629.php.
4. Barannikova N.B. P.F. Kapterev o vospitanii obshchechelovecheskogo i natsional'nogo u detey doshkol'nogo vozrasta [P.F. Kapterev on the education of the universal and national in preschool children]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal [Historical and pedagogical journal]*, 2014, no. 3, pp. 42-57. (In Russ.).
5. Valukin E.P. *Sistema muzhskogo klassicheskogo tantsa [System of male classical dance]*. Moscow, GITIS Publ., 1999. (In Russ.).
6. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. *Osnovy mezhkul'turnoy kommunikatsii: uchebnik dlya vuzov [Foundations of intercultural communication: textbook for universities]*. Moscow, YuNITI-DANA Publ., 2003. 352 p. (In Russ.).
7. Disterveg A. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected Pedagogical Works]*. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 374 p. (In Russ.).

8. Dryakhlov N.I., Davydenko V.A. Sotsiokul'turnye tsennosti rossiyan [Sociocultural values of Russians]. *Sotsis [Socis]*, 1997, no. 7, pp. 143-149. (In Russ.).
9. Konstantinov N.A. *Istoriya pedagogiki [History of pedagogy]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974.
10. Panchenko A.M. *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform [Russian culture on the eve of Peter's reforms]*. Leningrad, 1984. (In Russ.).
11. Rokich M. *Priroda chelovecheskikh tsennostey [The nature of human values]*. New-York, Svobodnaya pressa Publ., 1973. 153 p. (In Russ.).
12. Fomkin A.V. Osobennosti realizatsii printsipa naglyadnosti v baletnoy pedagogike [Features of the implementation of the principle of visibility in ballet pedagogy]. *Samarskiy nauchnyy vestnik [The Samara's scientific bulletin]*, 2016, no. 1 (14), pp. 192-196. (In Russ.).
13. *Khrestomatiya po istorii pedagogiki [Reader on the history of pedagogy]*. Minsk, Vysshaya shkola Publ., 1971. (In Russ.).

УДК 378:023.5

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦИАЛИСТОВ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ТРЕБОВАНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Скипор Инна Леоновна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры технологии автоматизированной обработки информации, проректор по учебной работе, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: skiporil@mail.ru

В статье характеризуется роль проектной деятельности библиотечно-информационных учреждений в контексте современных требований. Проектное развитие рассматривается как инструмент инновационного менеджмента, позволяющий решать широкий круг задач по освоению перспективных направлений деятельности библиотек, внедрению новых информационно-библиотечных технологий, совершенствованию форм обслуживания пользователей, привлечению новых источников финансирования.

Анализируется Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) направления подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» с позиций, закрепленных стандартом профессиональных задач в сфере проектной деятельности и требований к формированию соответствующих профессиональных компетенций. Рассматривается проект модернизированного ФГОС ВО по данному направлению в контексте требований к формированию готовности выпускника к осуществлению проектной деятельности. Приводится состав трудовых функций специалиста в области библиотечно-информационной деятельности, закрепленных соответствующими профессиональными стандартами.

Описывается опыт моделирования образовательных программ по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» в Кемеровском государственном институте культуры. Приводится состав учебных дисциплин, направленных на формирование профессиональных компетенций выпускников в области проектной деятельности. Отмечается роль курсового проектирования и выпускных квалификационных работ в формировании готовности выпускников к самостоятельной проектной деятельности в условиях библиотечно-информационного производства.

Ключевые слова: модернизация высшего образования, проектная деятельность библиотек, образовательные программы, Федеральные государственные образовательные стандарты, профессиональные стандарты, кадры библиотечно-информационных учреждений

PROJECT ACTIVITY OF SPECIALISTS OF LIBRARY AND INFORMATIONAL INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF REQUIREMENTS OF PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL STANDARDS

Skipor Inna Leonovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of Automated Information Processing Department, Vice-rector for Academic Affairs, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federetion). E-mail: skiporil@mail.ru

The article characterizes a role of project activity of library and informational institutions in the context of modern requirements. Project development is considered as an instrument of innovation management, enabling to solve a wide range of tasks for the development of perspective directions of library activities, to introduce new library information technologies, to improve services for users, and to attract new financial sources.

The article analyzes Federal State Educational Standard of Higher Education (FSES HE) of the Specialty "Library and Information Activity 51.03.06," according to professional tasks in the field of project activity and requirements for necessary professional competencies, set by the standard. The article examines the project of the modernized FSES HE on this specialty in the context of the requirements for readiness of graduate students to implement project activity. The structure of employment functions of specialists in the field of library information activity, set by the relevant professional standards, is given in the article.

The article highlights the experience of modelling the educational programs on the Specialty "Library Information Activity 51.03.06" in Kemerovo State University of Culture. The article contains the description of structure of educational disciplines, directed on formation of a range of professional competencies of graduate students in the field of project activity. The article points out the role of course projects and gradational projects in readiness of graduate students for independent project activity in the context of library information activity.

Keywords: modernization of higher education, project activity of libraries, educational programs, Federal State Educational Standards, professional standards, professionals for library information institutions.

Модернизация российского высшего образования, сопряжение Федеральных государственных образовательных стандартов и профессиональных стандартов, реализация компетентностного подхода при формировании образовательных программ определяют приоритетность учета требований работодателей к уровню подготовки выпускников вузов. Традиционной для вузов культуры является подготовка кадров для библиотечно-информационных учреждений. Определяющим фактором эволюции подготовки кадров для данных учреждений всегда были и остаются потребности библиотечно-информационной практики.

На современном этапе библиотека как социальный институт вынуждена искать новые векторы развития. С одной стороны, в последние годы во всём мире обсуждается проблема библиотеки как социального института – её места, роли и функций. Появились весьма настораживающие суждения об отмирании библиотеки в век Интернета и её ненужности в информационном обществе. В условиях динамичного развития информационно-коммуникационных технологий создаётся иллюзорное представление о том, что функции библиотек по накоплению и передаче информации можно переложить на компьютер и исключить необходимость библиотекаря [9, с. 48–49]. С другой стороны, происходит трансформация деятельности библиотек, существенно расширяется состав функций, которые возлагаются на современные библиотеки. Так, «Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки» (утвержден 31.10.2014) закрепляет на государственном уровне следующие требования к библиотеке: «Общедоступные библиотеки должны стать центрами культурного просвещения и воспитания, в том числе организовывать культурно-просветительские акции с участием ученых, политиков, педагогов, писателей, библиофилов, в совершенстве использовать современные инфор-

мационно-коммуникационные технологии, предоставлять информационные услуги в различных сферах общественной жизни, создавать собственный краеведческий контент, отражающий местную историю» [2, с. 2]. Особые требования к библиотечно-информационным учреждениям предъявляются и в контексте решения задач построения информационного общества, в котором они играют важную роль. Таким образом, в деятельности библиотечно-информационных учреждений, наряду с традиционными, реализуются новые направления работы, обеспечивающие не только удовлетворение разнообразных потребностей пользователей, но и устойчивое развитие библиотек в условиях динамично изменяющегося общества.

Происходящие в стране экономические, политические, социальные реформы существенно меняют роль библиотеки – она становится активным субъектом рыночной экономики. Все это стимулирует библиотечно-информационные учреждения к внедрению новых форм организации работы. Одной из таких форм в настоящее время является реализация проектной деятельности, которая позволяет решать достаточно широкий круг задач, в том числе:

• осваивать наиболее перспективные направления деятельности;

• обеспечивать эффективное использование новых библиотечно-информационных технологий и информационных ресурсов;

• целенаправленно осуществлять взаимодействие со всеми заинтересованными социальными партнерами;

• выступать как эффективный механизм развития творческой активности библиотечного и информационного сообщества;

совершенствовать формы и методы социального партнерства и привлечения новых источников финансирования.

Проектное развитие библиотечно-информационных учреждений сегодня рассматривается как ключевой приоритет нового времени, базовый инструмент инновационного менеджмента [3, с. 3].

Принципиально новые требования к кадрам библиотечно-информационной сферы с особой актуальностью выдвигают задачу переосмысления их профессиональной подготовки в современной высшей школе. Необходимость формирования готовности выпускника направления подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» к проектной деятельности отражает Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования, который закрепляет профессиональные задачи, решаемые выпускником данного направления в сфере проектной деятельности:

• участие в реализации комплексных инновационных проектов и программ развития библиотечно-информационной деятельности;

• участие в проектировании и реализации библиотечно-информационных продуктов и услуг для различных категорий пользователей;

• участие в моделировании развития и модернизации библиотечно-информационных организаций и систем [7].

В соответствии с данными задачами выпускник должен обладать следующими профессиональными компетенциями в сфере проектной деятельности:

• готовностью к применению результатов прогнозирования и моделирования в профессиональной сфере (ПК-20);

• готовностью к участию в реализации комплексных инновационных проектов и программ развития библиотечно-информационной деятельности (ПК-21);

• способностью к участию в проектировании библиотечно-информационных услуг для различных групп пользователей (ПК-22);

• готовностью к предпроектному обследованию библиотечных и информационных организаций (ПК-23) [7].

В настоящее время подготовлен проект модернизированного ФГОС ВО по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» [8], в котором проектная деятельность также определена в качестве одного из типов профессиональной деятельности выпускника. Следует заметить, что в составе универсальных компетенций в качестве категории (группы) универсальных компетенций выделена «Разработка и реализация проектов», которая определяет необходимость формирования следующей компетенции: «УК-2. Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптималь-

ные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений». На уровне формирования государственных требований к общепрофессиональным компетенциям в категории (группе) общепрофессиональных компетенций «Профессионализация» определена компетенция «ОПК-1. Способен применять полученные знания в области культуроведения и социокультурного проектирования в профессиональной деятельности и социальной практике». Следует заметить, что в модернизированных ФГОС ВО состав общепрофессиональных компетенций устанавливается для укрупненной группы направлений 51 «Культуроведение и социокультурные проекты». Таким образом, закрепляется требование формирования компетенций в области проектной деятельности к выпускникам по всем направлениям подготовки, входящим в данную группу направлений.

Как известно, разработка модернизированных ФГОС ВО связана с необходимостью сопряжения требований образовательных и профессиональных стандартов.

В соответствии с ФГОС ВО, «профессиональные компетенции, устанавливаемые программой бакалавриата, формируются на основе профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников (при наличии), а также, при необходимости, на основе анализа требований к профессиональным компетенциям, предъявляемых к выпускникам направления подготовки на рынке труда, обобщения зарубежного опыта, проведения консультаций с ведущими работодателями, объединениями работодателей отрасли, в которой востребованы выпускники в рамках направления подготовки, иных источников» [8].

В проекте ФГОС ВО определены следующие профессиональные стандарты, соответствующие профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу бакалавриата по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность»:

- 01.001 Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»;
- 01.003 Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых»;
- 01.005 Профессиональный стандарт «Специалист в области воспитания»;
- 06.013 Профессиональный стандарт «Специалист по информационным ресурсам»;
- 07.002 Профессиональный стандарт «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией».

Анализ данных профессиональных стандартов показывает, что всеми стандартами предусмотрены трудовые функции, связанные с осуществлением проектной деятельности. Так, профессиональные стандарты 01.001 «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)», 01.003 «Педагог дополнительного образования детей и взрослых», 01.005 «Специалист в области воспитания» устанавливают трудовые функции, связанные с проектированием образовательных программ и созданием программ в области воспитательной деятельности. Профессиональные стандарты 06.013 «Специалист по информационным ресурсам» и 07.002 «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией» определяют перечень трудовых функций, связанных с созданием и использованием информационных ресурсов.

К сожалению, на момент разработки нового ФГОС ВО по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» еще не утвержден профессиональный стандарт «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности» [4], который прошел процедуру публичного обсуждения и был одобрен библиотечно-информационным сообществом. Анализ содержания проекта данного профессионального стандарта свидетельствует об особом месте проектной деятельности в работе специалиста библиотечно-информационной сферы. Так, из семи обобщенных трудовых функций, определенных данным стандартом, в четырех требования к трудовым функциям, связанным с проектной деятельностью, выражены эксплицитно (см. табл. 1).

Таблица 1

Трудовые функции специалиста в области БИД в сфере проектной деятельности

Обобщенные трудовые функции	Трудовые функции
C Организация справочно-поискового аппарата библиотеки	• Создание и эксплуатация электронных информационных ресурсов (базы данных, сайты, электронные коллекции, электронные библиотеки, электронные хранилища и др.)
D Справочно-библиографическое и информационное обслуживание пользователей	• Создание информационной продукции библиотеки (библиографической, аналитической, рекламной) в печатной и электронной форматах
F Предоставление культурно-просветительных и досуговых услуг пользователям библиотеки	• Организация и проведение культурно-просветительных и интеллектуально-досуговых мероприятий. • Участие в разработке и реализации социокультурных проектов и программ. • Организация и проведение историко-краеведческих акций и мероприятий
G Научно-аналитическая, методическая и консультационная работа в области библиотечно-информационной деятельности	• Организация и проведение профильных научных и прикладных исследований (социологических, маркетинговых и пр.). • Разработка текущих и перспективных планов, программ развития, библиотечных нормативных документов

Следует заметить, что в библиотечной сфере в настоящее время действуют «Типовые отраслевые нормы труда на работы, выполняемые в библиотеках» [6], которые на нормативном уровне задают состав работ, выполняемых в различных типах библиотек в условиях как традиционного, так и автоматизированного производства. Анализ состава этих работ позволяет установить, что компетенции в области проектной деятельности необходимы сотруднику библиотеки при реализации большинства библиотечных технологических процессов.

Приведенные выше требования образовательных и профессиональных стандартов, а также социальный заказ библиотечно-информационных учреждений к подготовке современных кадров являются определяющими при разработке образовательных программ по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность». На факультете информационных и библиотечных технологий Кемеровского государственного института культуры в рамках данного направления осуществляется подготовка по трем профилям: «Информационно-аналитическая деятельность», «Библиотечно-педагогическое сопровождение школьного образования», «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем». Следует заметить, что для кемеровской библиотечной школы является традиционным формирование готовности выпускников к проектной деятельности. Методологической базой проведения на факультете научных исследований, моделирования образовательных программ подготовки библиотечно-информационных кадров является технологический подход [5], который предполагает нацеленность, прежде всего, на разработку и активное использование образовательных и проектных технологий.

Моделирование образовательных программ в соответствии с требованиями ФГОС ВО и профессиональных стандартов, потребностями современного рынка труда предполагает соблюдение принципов системного подхода, преемственности, интеграции, дифференциации требований (в контексте подготовки по различным профилям). В связи с этим определение состава учебных дисциплин в целом и обеспечивающих подготовку выпускников к проектной деятельности, в частности, осуществлялось с учетом следующих факторов:

1) необходимость формирования компетенций выпускников в сфере проектной деятельности,

определенных ФГОС ВО по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность»;

2) учет тенденций развития современных библиотечно-информационных учреждений с позиций реализуемых ими проектов (в том числе социально-культурных, образовательных проектов, проектов автоматизации, создания информационных продуктов и информационных ресурсов, предоставления информационных услуг на основе информационно-коммуникационных технологий и т. п.);

3) потребность подготовки бакалавров, способных квалифицированно выполнять различные виды работ библиотечно-информационного производства с использованием проектного подхода.

Результаты моделирования образовательных программ в части обеспечения формирования готовности выпускников бакалавриата по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» к проектной деятельности отражены в таблице 2.

Реализация требований к формированию профессиональных компетенций в области проектной деятельности осуществляется комплексом учебных дисциплин, предусмотренных образовательной программой

Таблица 2

Учебные дисциплины, формирующие профессиональные компетенции выпускника направления подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» (уровень бакалавриата) в сфере проектной деятельности

Профиль «Информационно-аналитическая деятельность»	Профиль «Библиотечно-педагогическое сопровождение школьного образования»	Профиль «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем»
Менеджмент БИД	Менеджмент БИД	Менеджмент БИД
Маркетинг БИД	Маркетинг БИД	Маркетинг БИД
Аналитические технологии		Автоматизированные библиотечно-информационные технологии
Технологическое проектирование	Технологическое проектирование	Проектирование АБИС Технологии создания ЭИР
Формирование баз данных	Формирование баз данных	Проектирование Интернет-ресурсов
Социокультурные технологии	Учебно-методическое обеспечение образовательной деятельности	Информационное обеспечение АБИС Лингвистическое обеспечение АБИС Технологическое обеспечение АБИС Программно-техническое обеспечение АБИС
Информационно-аналитические продукты		Информационные продукты и услуги АБИС

Как видно из таблицы 2, ряд учебных дисциплин изучается студентами всех профилей и обеспечивает формирование компетенций, предусмотренных ФГОС ВО. В то же время специфика реализуемых профилей определяет необходимость включения в учебный план дисциплин, позволяющих обеспечить дифференциацию подготовки в рамках того или иного профиля.

В наибольшей степени проявление готовности студентов к выполнению проектной дея-

тельности происходит в ходе выполнения курсовых проектов и выпускных квалификационных работ. Все курсовые проекты и выпускные квалификационные работы по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» связаны с разработкой и реализацией какого-либо проекта на базе библиотечно-информационных учреждений Сибирского региона. Опыт организации курсового и дипломного проектирования в Кемеровском государственном институте культуры отражен в ряде публикаций [1; 5]. В частности, в них отражается концепция подготовки по профилю «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем». Следует заметить, что образовательная программа по данному профилю нацелена на подготовку специалистов, решающих задачи создания и эксплуатации электронных информационных ресурсов для библиотечно-информационных учреждений различных типов. В связи с этим выполнение выпускной квалификационной работы предполагает не только проектирование, но и создание электронных информационных ресурсов, а также их передачу в опытную эксплуатацию в конкретное библиотечно-информационное учреждение. Таким образом, выпускник должен разработать и представить к защите уже реализованный на базе конкретного библиотечно-информационного учреждения проект.

Такой подход позволяет обеспечить реализацию требований образовательных и профессиональных стандартов, учет реальных потребностей библиотечно-информационных учреждений при выборе объектов проектирования в рамках выпускных квалификационных работ и непосредственную заинтересованность заказчиков (то есть библиотечно-информационных учреждений) в разработке и внедрении в свою деятельность создаваемых выпускниками вуза электронных информационных ресурсов.

Таким образом, разработанные и реализуемые в Кемеровском государственном институте культуры образовательные программы по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность», профили: «Информационно-аналитическая деятельность», «Библиотечно-педагогическое сопровождение школьного образования», «Технология автоматизированных библиотечно-информационных систем», в полной мере обеспечивают формирование готовности выпускников к проектной деятельности с позиций требований как Федеральных государственных образовательных, так и профессиональных стандартов.

Литература

1. Колкова Н. И., Скипор И. Л. Дипломное проектирование технологов автоматизированных информационных ресурсов: синтез достижений теории и потребностей практики // Библиосфера. – 2012. – № 3. – С. 27–35.
2. Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки: Рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам муниципальной власти [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rba.ru/cms_rba/news/upload-files/news/2014/04_12/modstandart.pdf.
3. Программно-целевая и проектная деятельность библиотек: метод. рекоменд. – Вологда: ВОЮБ, 2014. – 50 с.
4. Профессиональный стандарт «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rba.ru/cms_rba/news/upload-files/news/2014/23_09/4.pdf.
5. Скипор И. Л. Технологический подход как методологическая база проведения научных исследований и моделирования образовательных программ подготовки кадров библиотечно-информационной сферы // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. 1. – С. 32–51.
6. Типовые отраслевые нормы труда на работы, выполняемые в библиотеках [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70921222.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/510306.pdf.
8. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность (уровень бакалавриата) [Электронный ресурс]. – URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjFGOSVO3++/Bak3++/510306_B_3plus_17072017.pdf.
9. Шунков А. В. Система подготовки кадров для библиотечно-информационных учреждений региона: векторы развития в контексте вызовов современного общества // Научные и технические библиотеки. – 2017. – № 1. – С. 44–51.

References

1. Kolkova N.I., Skipor I.L. Diplomnoe proektirovanie tekhnologov avtomatizirovannykh informatsionnykh resursov: sintez dostizheniy teorii i potrebnostey praktiki [Diploma design of technologists of automated information resources: synthesis of achievements of theory and the needs of practice]. *Bibliosfera [Bibliosphere]*, 2012, no. 3, pp. 27-35. (In Russ.).
2. *Model'nyy standart deyatel'nosti obshchedostupnoy biblioteki: Rekomendatsii organam gosudarstvennoy vlasti sub''ektov Rossiyskoy Federatsii i organam munitsipal'noy vlasti [Model standard for the activities of the public library: Recommendations to government authorities of the constituent entities of the Russian Federation and municipal authorities]*. (In Russ.). Available at: http://www.rba.ru/cms_rba/news/upload-files/news/2014/04_12/modstandart.pdf.
3. *Programmno-tselevaya i proektnaya deyatel'nost' bibliotek: metodicheskie rekomendatsii [Programmatic and project activities of libraries: methodical recommendations]*. Vologda, VOYuB Publ., 2014. 50 p. (In Russ.).
4. *Professional'nyy standart "Spetsialist v oblasti bibliotechno-informatsionnoy deyatel'nosti [Professional standard "Specialist in the field of library and information activities"]*. (In Russ.). Available at: http://www.rba.ru/cms_rba/news/upload-files/news/2014/23_09/4.pdf.
5. Skipor I.L. Tekhnologicheskiy podkhod kak metodologicheskaya baza provedeniya nauchnykh issledovaniy i modelirovaniya obrazovatel'nykh programm podgotovki kadrov bibliotechno-informatsionnoy sfery [Technological approach as a methodological base for conducting research and modeling educational programs for the training of library and information personnel]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22/1, pp. 32-51. (In Russ.).
6. *Tipovye otraslevye normy truda na raboty, vypolnyaemye v bibliotekakh [Typical sectoral labor standards for work performed in libraries]*. (In Russ.). Available at: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70921222.
7. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.06 Bibliotechno-informatsionnaya deyatel'nost' (uroven' bakalavriata) [Federal state educational standard of higher education in the field of training 51.03.06 Library and information activities (bachelor's level)]*. (In Russ.). Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/510306.pdf.
8. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.06 Bibliotechno-informatsionnaya deyatel'nost' (uroven' bakalavriata) [Federal state educational standard of higher education in the field of training 51.03.06 Library and information activities (bachelor's level)]*. (In Russ.). Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/ProjFGOSVO3++/Bak3++/510306_B_3plus_17072017.pdf.
9. Shunkov A.V. Sistema podgotovki kadrov dlya bibliotechno-informatsionnykh uchrezhdeniy regiona: vektory razvitiya v kontekste vyzovov sovremennogo obshchestva [The system of personnel training for library and information institutions in the region: vectors of development in the context of the challenges of modern society]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki [Scientific and technical libraries]*, 2017, no.1, pp. 44-51. (In Russ.).

УДК 023

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сергеева Алина Юрьевна, аспирант, кафедра издательского дела и библиотековедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры (г. Белгород, РФ). E-mail: alinasergeeva91@mail.ru

Особая роль во всех сферах общества сегодня отводится средствам массовой информации. Средства массовой информации постепенно начинают занимать доминирующие позиции в смысловом производстве общества, что оказывает огромное влияние на жизнь каждого отдельного человека – на его сознание, эмоции, чувства, на характер его социальных практик и отношений. Однако необходимо учитывать тот факт, что они существуют в определенном специфическом социальном контексте, и на них действуют разного рода факторы и условия. Немаловажная роль в средствах массовой информации отводится профессиональным периодическим издания, которые выступают одной из форм коммуникации. Поэтому в статье рассматриваются российские периодические издания в сфере культуры,

а именно библиотечной сфере, как коммуникационный канал, способствующий повышению гибкости и саморегуляции сотрудников, обучению и совершенствованию их знаний и навыков, использованию и распространению передового опыта. Это связано с тем, что в настоящее время начинается новый виток развития библиотечного дела, и в том числе происходят изменения в профессии библиотекарь. Функция современного библиотекаря, работающего в новом информационном насыщенном обществе состоит в том, чтобы организовать комфортную информационную среду библиотеки, а именно обеспечить доступ к информации, знанию, содействовать просвещению и организации досуга. Поддерживать компетенцию библиотечных специалистов на нужном уровне призвана система профессиональных коммуникаций. Одной из наиболее распространённых форм профессиональных коммуникации являются профессиональные периодические издания. Профессиональные периодические издания – это ценный источник актуальной научной и практической информации в какой-либо предметной области. Круг профессиональных периодических изданий библиотечного цикла довольно обширен. Однако проблема заключается в том, что большинство библиотек не имеет достаточного финансирования, которое влияет на возможность осуществить подписку на профессиональную периодику, лишая тем самым библиотечных работников профессионального развития и самообразования. А ведь именно профессиональные издания освещают новшества, описывают инновационные методы, на их страницах отражены интересные дискуссии и опыт работы библиотек, печатаются готовые разработки библиотечных мероприятий и многое другое. Поэтому библиотечные специалисты вынуждены самостоятельно добывать необходимую им информацию. В связи с вышеперечисленным была произведена систематизация профессиональных периодических изданий. Издания отличаются своим разнообразием и спецификой и могут быть рекомендованы для изучения библиотечными работниками.

Ключевые слова: профессиональные коммуникации, профессиональные периодические издания, библиотекарь, библиотечное дело.

PERIODICALS AS A FORM OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

Sergeeva Alina Yuryevna, Postgraduate, Department of Publishing and Library Science, Belgorod State Institute of Arts and Culture (Belgorod, Russian Federetion). E-mail: alinasergeeva91@mail.ru

A special role in all spheres of society today are given to the media. The media are gradually beginning to occupy a dominant position in the semantic production companies that has a huge impact on the life of each individual: his mind, emotions, feelings, the nature of its social practices and relations. However, it is necessary to consider the fact that they exist in a specific social context, and that there are different kinds of factors and conditions. An important role in the media is assigned to professional periodicals, which are a form of communication. Therefore, the article considers the Russian periodicals in the field of culture, namely the library field as a communication channel contributing to the increase of flexibility and self-regulation of employees, training and improvement of their knowledge and skills, use, and dissemination of best practices. This is due to the fact that at the present time a new round of development of librarianship, including the modification of the profession of librarian, begins to stand out. Professional journals are a valuable source of the latest scientific and practical information in any subject area. The range of professional periodicals in a library cycle is quite extensive. However, the problem is that most libraries do not have sufficient funding, which affects the ability to subscribe to professional periodicals, depriving the librarians professional development and self-education. And it is a professional publication covering the innovations to describe the innovative techniques on their pages that reflects an interesting debate and experience of libraries, print ready design for library events, and more. Therefore, library professionals are forced to produce the information they need. In connection with the above, the systematization of professional periodicals was performed. Publications are characterized by their diversity and specificity and can be recommended to study by library staff.

Keywords: professional communication, professional periodicals, librarian, librarianship.

Современное общество характеризуется высоким уровнем развития процессов коммуникации, среди которых особое место занимают профессиональные коммуникации. Профессиональные коммуникации дают возможность совместного обсуждения профессиональных проблем, оказания методической помощи и поддержки, подготовки и выпуска совместных публикаций, участия в мероприятиях по повышению квалификации и переподготовки, знакомства и использования опыта работы других информационных учреждений. Кроме того, в современном информационном обществе система профессиональных коммуникаций динамично расширяется за счет широкого внедрения электронных технологий: телеконференции, веб-форумы, чаты, интернет-конференции, электронные журналы, электронные библиотеки, доступные через Интернет. По мнению И. Н. Розиной, вышеперечисленные коммуникативные технологии не заменяют существующие средства профессиональной коммуникации, а укрепляют их, тем самым обогащая традиционные средства профессионального общения [2].

Существует множество определений профессиональной коммуникации, в которых она рассматривается и как процесс обмена информацией, и как система распространения профессиональной информации, однако в целом под системой профессиональных коммуникаций может пониматься информационное пространство, в рамках которого формируются и распространяются профессиональные знания и опыт практической деятельности. Профессиональная коммуникация является главным каналом передачи информации в профессиональной среде и одновременно системой профессионального общения между представителями библиотечного сообщества. Профессиональная коммуникация библиотекарей состоит из различных компонентов, а именно – традиционных и электронных средств и методов профессионального взаимодействия [4]. Процесс коммуникации при этом может быть представлен разными формами: научными конференциями, семинарами; тренингами, презентациями, созданием и распространением профессиональных журналов и газет; личными контактами и встречами ученых, преподавателей, студентов. Немаловажное значение имеет и такая форма профессиональных коммуникаций, как профессиональные периодические издания. Подтверждением, этого является мнение М. Г. Вохрышева о том, что в качестве важнейшей формы профессиональных коммуникаций могут выступать публикации результатов исследований и обобщения практического опыта, которые непосредственно размещаются в профессиональных периодических изданиях. Периодические издания – это ценный источник актуальной научной и практической информации в любой предметной области [1].

Периодика является наиболее активно развивающимся сегментом отечественного рынка средств массовой информации. Численность периодики и ее типологическое разнообразие являются отличительными характеристиками отечественной системы книгоиздательской продукции. В данной системе огромную роль играет профессиональная периодика, которая выступает как центр объединения профессионалов, источник повышения квалификации, место обсуждения научных вопросов и проблем профессионального развития.

Профессиональная периодика – это важный элемент системы непрерывного образования библиотечного специалиста. Систематическое изучение периодических изданий способствует повышению компетентности специалиста, его информированности и является важным источником формирования информационной культуры и уровня образованности. Кроме того, развитие библиотек, ее информационно-аналитических, культурных [3], образовательных, воспитательных ресурсов непосредственно зависит от кадрового обеспечения и профессиональной готовности библиотечных специалистов, которые производят модернизацию отрасли. Современный библиотекарь должен обладать новыми знаниями, умениями и навыками, отвечать на вызовы общества и соответствовать задачам социального развития страны. Поэтому с целью осуществления эффективной профессиональной деятельности используют профессиональные периодические издания. Во многих случаях для экономии рабочего времени библиотечных специалистов, чтобы облегчить поиск информации, разрабатываются путеводители, навигаторы по профессиональным изданиям, все чаще статьи сопровождаются краткими и точными рефератами.

Основываясь на вышеперечисленном, мы предлагаем вам познакомиться с перечнем периодических изданий для профессионального чтения.

«Библиография» – научный журнал по библиографоведению и книговедению, где отражены актуальные проблемы информационно-библиографического и книговедческого характера.

«Библиополе» – это издание, которое обобщает и представляет читателю опыт библиотек страны, рассказывает о проблемах финансирования и комплектования, оказывает методическую и консультативную помощь библиотекарям.

«Библиосфера» – журнал по библиотековедению, библиографоведению, книговедению и информатике.

«Библиотека» – профессиональный иллюстрированный журнал, в котором освещаются вопросы специфики работы различных видов библиотек, проблемы социологии чтения, фондоведения, подготовки и повышения квалификации библиотечных работников, внедрения новых технологий, краеведческие материалы.

«Библиотека в школе» – методический журнал для библиотек, работающих с детьми, в нем публикуются разработки библиотечных уроков, обзоры учебников, правила библиографического описания.

«Библиотека и закон» – юридический журнал-справочник, где представлены тексты юридических документов, комментарии, консультации.

«Библиотека предлагает» – журнал, который содержит материалы по чтению, по поддержке книжной культуры, материалы о библиотечных объединениях, проектной деятельности, опыте построения социального партнерства.

«Библиотекарь: юридический консультант» – издание, в котором публикуются федеральные законы, постановления Правительства, ведомственные нормативные документы, комментарии, статьи по гражданскому, трудовому, земельному, наследственному, авторскому правам, охране и организации труда, функционирующие в библиотечной среде [6].

«Библиотеки учебных заведений» – научно-методический журнал для вузовских библиотек.

«Библиотековедение» – научно-практический журнал о библиотечном и книжном деле в пространстве информационной культуры, который затрагивает вопросы содержания и организации деятельности библиотек, историю, теорию и практику библиотечного дела.

«Библиотечное дело» – специализированное научно-практическое издание, посвященное исследованию теории и практики современной библиотеки. Его авторы – российские и зарубежные ученые и практики – рассматривают вопросы природы чтения, информационного анализа, классификаций и каталогизации фонда, сотрудничества, этики и психологии, конфликтологии обслуживания.

«Библиотечное дело – XXI век» – научно-практический сборник, приложение к журналу «Библиотековедение», содержит информацию о работе библиотек в России и за рубежом, аналитические материалы по актуальным проблемам библиотечного дела, знакомит с информационными ресурсами.

«Библиотечные фонды» – электронный журнал по проблемам библиотечного фондоведения. Направлен на расширение профессиональных контактов отечественных специалистов с зарубежными коллегами, изучает комплектование, организацию библиотечных фондов, их хранение, доступность.

«Ваша библиотека» – в журнал, в котором представлены новости библиотечного мира, официальные материалы деятельности библиотек, аналитические обзоры, методические рекомендации для специалистов библиотечного дела.

«Выставка в школьной библиотеке» – приложение к журналу «Школьная библиотека», которое представляет собой наглядные иллюстративные материалы о творчестве писателей.

«Информационные ресурсы России» – научно-практический журнал, направленный на освещение вопросов информационной политики, теории и практики информатики.

«Информационный бюллетень РБА» – журнал, в котором рассматриваются основные тенденции и направления развития российского и международного библиотечного сообществ.

«Книга в пространстве культуры» – цветной, иллюстрированный, научно-практический сборник, который содержит информацию об истории книжной культуры, искусстве книги, библиотеках, библиофилах и коллекционерах, книжных собраниях, современных проблемах книгоиздания.

«Книжная индустрия» – профессиональное издание, адресованное специалистам книжно-

го дела. В журнале делается акцент на глубоких аналитических материалах, всесторонних исследованиях российского книжного рынка.

«Медиатека и мир» – научно-практический журнал нацелен на межбиблиотечный обмен знаниями в сфере информационных технологий и развитие международных культурных связей между библиотеками России.

«Мир библиографии» – профессиональный журнал, который знакомит читателей с мнением специалистов о современных проблемах библиографической работы.

«Книжное обозрение» – издание, которое описывает события, происходящие в мировом книжном рынке [5].

«Молодые в библиотечном деле» – ежемесячный профессиональный журнал, в котором освещаются культурологические и информационные аспекты библиотечного дела.

«Научные и технические библиотеки» – научное издание по проблемам формирования информационного общества и библиотечной профессии, политики государства в области библиотечного дела, истории, организации и экономики библиотечного дела, библиотечного и справочно-информационного обслуживания.

«Независимый библиотечный адвокат» – журнал, публикующий дискуссии по поводу законопроектов, касающихся культурной политики; комментарии к законодательным актам; списки новых книг по праву.

«Про книги» – периодическое издание, предназначенное для книжных коллекционеров, раскрывает широкий круг библиофильских интересов, в том числе освещает вопросы истории книжного дела, частных книжных собраний и книгоиздательства, библиографии, истории книжного знака и переплета.

«Пульс: новые книги для библиотек» – журнал, на страницах которого обсуждаются важнейшие специализированные книжные мероприятия, акции, выставки, конференции, презентации.

«Российская библиотечная ассоциация. Информационный бюллетень РБА» – издание, в котором освещается деятельность РБА, публикуются её документы и материалы, а также информация о наиболее важных событиях в библиотечной жизни.

«Современная библиотека» – научно-практический журнал об актуальных проблемах развития библиотечно-информационных и образовательных учреждений, современных информационных технологий в библиотеках.

«Справочник директора театра, музея, библиотеки, концертной организации и выставочного зала» – журнал, в котором публикуются федеральные законы, постановления Правительства, ведомственные нормативные документы, комментарии, регулирующие деятельность библиотеки.

«У книжной полки» – журнал, основанный фондом «Пушкинская библиотека», в котором активно публикуются интересные материалы о жизни и творчестве писателей.

«Университетская книга» – журнал, в содержание которого входит обсуждение проблем распространения учебной, научной, деловой и справочной литературы.

«Хроники краеведа» – журнал, посвященный теории и практике краеведческой работы в библиотеке.

«Читаем вместе. Навигатор в мире книг» – журнал, в котором представлены книжные новинки, материал о жизни писателей, истории знаменитых книг, выставках и ярмарках, направленных на продвижение чтения.

«Читаем, учимся, играем» – ежемесячный журнал-сборник сценариев досуговых мероприятий, проводимых в библиотеке.

«Школьная библиотека» – профессиональный информационно-методический журнал для специалистов, организующих библиотечное обслуживание детей и юношества.

«Школьная библиотека: сегодня и завтра» – информационно-методический журнал для школьных библиотекарей, методистов, специалистов детских библиотек.

«Электронные библиотеки» – российский электронный журнал, изучающий деятельность электронных библиотек [6].

Таким образом, в статье было представлено многообразие различных профессиональных периодических изданий, без использования которых невозможна успешная работа современного специалиста, осуществляющего профессиональную коммуникацию. Информация, представленная в профессиональных изданиях, позволяет достигать смыслового и эмоционального контакта при общении и во многих других профессиональных сферах.

Литература

1. Вохрышева М. Г. Теория библиографии: учеб. пособие. – Самара: СТАКИ, 2004. – С. 346–354.
2. Розина И. Н. Педагогическая и профессиональная коммуникация в академических интернет-сообществах // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 314–333.
3. Скворцов Д. Д. Профессиональные коммуникации в системе подготовки специалиста // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. – 2011. – № 13. – С. 590–592.
4. Потехина Ю. В. Профессиональные коммуникации в новых информационных условиях [Электронный ресурс]. – URL: https://fessl.ru/Pdfki/Lider/pote.pdf (дата обращения: 31.10.2017).
5. Обзор профессиональной печати [Электронный ресурс]. – URL: http://www.libsakh.ru/specialistam/izdanija/obzor-professionalnoi-pechati (дата обращения: 06.11.2017).
6. Профессиональные периодические издания [Электронный ресурс]. – URL: http://bibl-sysert.ru (дата обращения: 06.11.2017).

References

1. Vokhrysheva M.G. *Teoriya bibliografii: uchebnoe posobie [Theory bibliography. Textbook]*. Samara, STAKI Publ., 2004, pp. 346-354. (In Russ.).
2. Rozina I.N. Pedagogicheskaya i professional'naya kommunikatsiya v akademicheskikh internet-soobshchestvakh [Pedagogical and professional communication in academic online communities]. *Aktual'nye problemy teorii kommunikatsii: sbornik nauchykh trudov [Current issues of communication theory. Collection of scientific works]*. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGPU Publ., 2004, pp. 314-333. (In Russ.).
3. Skvortsov D.D. Professional'nye kommunikatsii v sisteme podgotovki spetsialista [Professional communication in the system of specialists training]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Samara scientific center, Russian Academy of Sciences]*, 2011, no. 13, pp. 590-592. (In Russ.).
4. Potekhina Yu.V. *Professional'nye kommunikatsii v novykh informatsionnykh usloviyakh [Professional communication in the new information environments]*. (In Russ.). Available at: https://fessl.ru/Pdfki/Lider/pote.pdf (accessed 31.10.2017).
5. *Obzor professional'noy pechati [Overview professional printing]*. (In Russ.). Available at: http://www.libsakh.ru/specialistam/izdanija/obzor-professionalnoi-pechati (accessed 06.11.2017).
6. *Professional'nye periodicheskie izdaniya [Professional periodicals]*. (In Russ.). Available at: http://bibl-sysert.ru (accessed 06.11.2017).

УДК 37.012.85

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ – В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Ерина Юлия Сергеевна, аспирант, кафедра педагогики, Северо-Осетинский государственный педагогический институт, главный специалист по дистанционному образованию и сайту (г. Владикавказ, РФ). E-mail: juliya-erina@mail.ru

Кокаева Ирина Юрьевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры начального образования, Северо-Осетинский государственный педагогический институт (г. Владикавказ, РФ). E-mail: irina_kokaeva@mail.ru

В статье на основе анализа компетенций, которые должен получить бакалавр направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», предложены способы формирования культуры информационной безопасности студентов – будущих педагогов – в процессе их профессиональной подготовки. Формирование этой культуры должно осуществляться при изучении всех дисциплин основной образовательной программы, а также в рамках специально разработанного автором спецкурса «Основы культуры информационной безопасности» (18 часов).

В статье рассматривается необходимость формирования культуры информационной безопасности студентов – будущих педагогов, поскольку в период обучения им не только приходится перерабатывать большие объемы информации, но и готовиться к реализации информационной, ориентировочной и гностической функции учителя. Формирование этой культуры осуществляется в информационно-образовательной среде педагогического вуза.

Практическая реализация условий по формированию у студентов культуры информационной безопасности в ГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный педагогический институт» позволила сделать выводы об их целесообразности. Студенты овладели навыками безопасной работы с информацией (декодирование, преобразование информации), рациональной организацией своего личного информационного пространства, демонстрировали культуру поведения в сети Интернет и успешно использовали свои знания и умения на педагогической практике в школе.

Ключевые слова: культура информационной безопасности, студенты – будущие учителя, информационная компетентность, электронная информационно-образовательная среда.

FORMATION OF INFORMATION SECURITY CULTURE OF STUDENTS -- FUTURE TEACHERS -- IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING

Erina Yuliya Sergeevna, Postgraduate, Department of Pedagogy, North Ossetian State Pedagogical Institute, Chief Specialist of Remote Education and Website (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: juliya-erina@mail.ru

Kokaeva Irina Yuryevna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor of Department of Primary Education, North Ossetian State Pedagogical Institute (Vladikavkaz, Russian Federation). E-mail: irina_kokaeva@mail.ru

The article on the basis of the analysis of competences which the bachelor has to get in Training Direction 44.03.01 Pedagogical Education, ways of formation of culture of information security of students – future teachers – in the course of their vocational training are offered. Formation of this culture has to be carried out when studying all disciplines of the main educational program and also within the special course “A basis of culture of information security” (18 hours) which is specially developed by the author.

The article informs about formation of culture of information security of students – future teachers – as during training they not only should process large volumes of information but also to prepare for realization of information, approximate and Gnostic function of the teacher. Formation of this culture is carried out in the information and education environment of pedagogical higher education institution.

Implementation of conditions on formation at students of culture of information security in SBEI HE “North Ossetian State Pedagogical Institute” has allowed to draw conclusions on their expediency. Students have skills of safe work with information (decoding, transformation of information), rational organization of the personal information space, show culture of behavior on the Internet and successfully use the knowledge and abilities in teaching at school.

Keywords: culture of information security, students – future teachers, information competence, electronic information and education environment.

Информационно-коммуникационные технологии стремительно вошли в современную школу и стали неотъемлемым атрибутом системы образования. Дети и молодежь активно используют их в процессе социализации. Социализация молодых людей в информационном обществе не столько включает их в информационное пространство, сколько предполагает формирование у них нового мышления, понимания мира и своего места в нем, активное использование обучающимися информационных и коммуникационных технологий в процессе развития как индивидуума и как личности [6, с. 56–58].

В связи с развитием у детей и молодежи навыков свободной ориентации в информационной среде, широким использованием Интернета, по-

вышается уровень IT-угроз. Современные средства массовой информации предлагают свои собственные модели, стандарты поведения и потребления, действуя в качестве информационного фильтра. Трудности в определении этих угроз состоят в том, что студенты вузов взаимодействуют с информационным полем более крупного масштаба, который, кроме того, неравномерен. В то же время приоритеты информационного взаимодействия учащихся определяются динамикой их возрастного развития в процессе и структуре их как общей, так и информационной социализации.

Возрастающая роль информации в жизни современного человека становится не безопасной для детей и молодежи. В связи с этим в профессиональной подготовке бакалавров – будущих учителей, – среди прочих профессиональных компетенций, культура информационной безопасности должна занять достойное место. Необходимо, чтобы формирование культуры информационной безопасности осуществлялось на всех ступенях образования. Однако студент – будущий учитель начальной школы – должен стать образцом информационной грамотности и культуры и обеспечить информационную безопасность своих учеников [7]. В процессе профессиональной подготовки требуется, чтобы бакалавры приобрели компетентность по анализу возможных угроз в поступающей информации и объективной ее оценке.

Поэтому целью настоящей работы стал поиск условий формирования культуры информационной безопасности у студентов направления подготовки 44.03.01 Педагогическое образование в процессе их профессионального обучения.

Проблемами формирования информационной безопасности обучающихся занимались Л. В. Астахова, В. Ю. Гайкович, В. А. Герасименко, Г. В. Емельянов, В. А. Минаев, С. П. Расторгуев, А. А. Стрельцов Л. Н. Тихонова и мн. др. В исследованиях этих ученых анализируется правовой, социологический, технический, психологический аспекты информационной безопасности. По нашему глубокому убеждению, проблема формирования культуры информационной безопасности студентов как проблема педагогическая разработана не достаточно. Важную роль и большой потенциал в формировании культуры безопасного поведения играет профессиональное образование, которое формирует целый комплекс информационных компетенций. Если ранее эту культуру формировали только у учителей информатики, то сейчас мы говорим о необходимости формирования этой культуры у всех учителей, в том числе и у будущих учителей начальной школы.

Для этого, в свою очередь, необходимо у студентов педагогических вузов сформировать целостное и достаточно полное представление о предметной области «Информационная культура».

Важно не только научить подростков объективной аналитике и оценке информации, поступающей к ним с учетом возможных угроз, содержащихся в ней. По нашему мнению, один из важнейших аспектов социализации подростков – это формирование у них навыков по обеспечению информационной безопасности, интеграция в социальную структуру.

В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» под информационной безопасностью понимается «состояние защищенности национальных интересов в информационной сфере», определяющееся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства [1]. Интересы личности в информационной сфере заключаются в «реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации для осуществления юридической деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность» [1]. Общественный интерес заключается «в обеспечении интересов личности в этой области, укреплении демократии, создании правового социального государства, достижении и поддержании социальной гармонии и духовного возрождения России» [1]. Интересы государства заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, политической, экономической и социальной стабильности, безусловного положения закона и порядка, развития равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества» [1]. Эти интересы в совокупности отчасти находят свое отражение в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования (44.03.01 «Педагогическое образование») и среднего профессионального образования (44.02.02

«Преподавание в начальных классах»). В соответствии с требованиями ФГОС СПО, формирование культуры информационной безопасности можно реализовать через готовность: «оценивать риски и принимать решения в нестандартных ситуациях (ОК-3); осуществлять поиск, анализ и оценку информации, необходимой для постановки и решения профессиональных задач, профессионального и личностного развития (ОК-4): использовать информационно-коммуникационные технологии для совершенствования профессиональной деятельности» (ОК-5) [3]. Требованиями ФГОС ВО предусмотрено формирование у бакалавров таких компетенций, как: «способность использовать естественно-научные и математические знания для ориентирования в современном информационном пространстве (ОК-3); способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия» (ОК-4) [2]. Необходимость формирования культуры информационной безопасности как компонента информационной культуры находит свое отражение в программах и учебных планах ГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный педагогический институт». Метапредметные результаты освоения основной образовательной программы (ООП) отражают: умение использовать средства ИКТ в решении когнитивных, коммуникативных и организационных задач с соблюдением требований правовых и этических норм, норм информационной безопасности. На обеспечение этических аспектов информационных технологий направлены многие дисциплины ООП: «Математика и информатика», «Безопасность жизнедеятельности». Они должны отражать: формирование навыков и умений безопасного и целесообразного поведения при работе с компьютерными программами в Интернете, соблюдения нормы информационной этики и права. Они направлены на формирование и развитие компетенций обучающихся в области использования информационно коммуникационных технологий на уровне общего пользователя, включая владение основами информационной безопасности, умением безопасного использования средств ИКТ и сети Интернет.

В требованиях ФГОС ВО четко прописано, что студенты должны использовать сервисы и информационные ресурсы информационно-коммуникационной сети «Интернет» в своей профессиональной деятельности, при этом ни в одном из требований ничего не сказано о культуре информационной безопасности.

В вузовских учебниках под информационной безопасностью понимают «состояние информационной защищенности среды и общества от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие в интересах граждан, организаций, государств» [4, с. 216]. Целью информационной безопасности является предотвращение влияния неблагоприятных событий (угроз) или обеспечение минимального ущерба от них в информационной среде [6]. Однако, по нашему мнению, целесообразнее использование дефиниции «культура информационной безопасности» студента – будущего учителя.

Под культурой информационной безопасности мы понимаем интегральное качество личности, которое формируется в системе непрерывного образования, но имеет особое значение в профессиональной подготовке будущего учителя.

Культура информационной безопасности человека должна быть заключена в невозможности нанесения ему вреда как индивидууму или личности, социальная деятельность которой (личности) в большинстве своем основывается на «переваривании» полученной информации, на взаимодействиях с другими индивидами.

Человеческая безопасность в области информации создается за счет формирования условий для свободной реализации и защиты информационных прав граждан, защиты личных секретов и другой конфиденциальной информации, принадлежащей гражданам, защиты от преступлений в сфере информационной безопасности, в том числе защиты против нарушений прав в информационной сфере.

Культура информационной безопасности студента – будущего учителя – обеспечивает состояние защищенности жизнедеятельности личности, при которой риск причинения вреда информацией минимизируется, либо угроза вовсе отсутствует.

Она включает в себя информационно-технические, информационно-идеологические и информационно-психологические компоненты.

Информационно-техническая безопасность предполагает защиту от преднамеренных и случайных воздействий вне зависимости от их естественного или искусственного характера, чреватых последствиями в виде нанесения ущерба.

Информационно-идеологическая безопасность – это защита личности от преднамеренного или непреднамеренного воздействия с нарушением прав или свобод личности в итоге.

Информационно-психологическая безопасность – это состояние защищенности отдельных лиц или групп лиц от негативных воздействий, что связаны с личностью, обществом и государством в целом в информационной сфере.

Результаты констатирующего этапа эксперимента, проведенного среди студентов первого курса, показали низкий уровень культуры информационной безопасности. Нами был разработан спецкурс «Основы культуры информационной безопасности».

Таким образом, педагогический вуз выступает одним из главных субъектов обеспечения информационно-психологической безопасности личности и, как показал теоретический анализ, общества в целом.

Ориентируясь на принципы культурологического подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности личности, главным фактором становления будущего специалиста, способного не только обеспечить защищенность, но и создать условия безопасной информационной среды, мы обосновываем культуру информационно-психологической безопасности личности.

Были продуманы педагогические условия по формированию культуры информационной безопасности студентов:

• соответствие содержания учебных дисциплин компонентам видовой структуры культуры информационной безопасности;

• организация самодиагностики культуры информационно-психологической безопасности студентов на основе оценки потребностей и угроз их реализации; внедрение в учебный процесс электронных учебно-методических комплексов по самостоятельному освоению студентами стратегий обеспечения информационно-психологической безопасности в реальной информационной среде.

В результате реализации намеченных мероприятий по формированию информационной безопасности и комплекса педагогических условий в процессе профессиональной подготовки было установлено наличие статистически значимого роста числа студентов – будущих учителей – с высоким и средним уровнями культуры информационной безопасности.

Комплексность педагогических условий обеспечивается за счёт методологической взаимосвязи цели-результата формирования, содержания, структуры культуры информационно-психологической безопасности личности и возрастных особенностей студентов. Компетентностный подход к развитию культуры информационно-психологической безопасности будущих специалистов определяет образовательный процесс содержательно и методически.

Методика развития культуры информационно-психологической безопасности студентов вуза обеспечивает целенаправленный поэтапный (ориентировочный, деятельностный, стабилизационный этапы) переход на качественно более высокий уровень развития культуры информационно-психологической безопасности.

Развитию культуры информационной безопасности способствует воспитательная работа со студентами, которая, так же как педагогическая практика, должна содержать задачи, цели, планируемые результаты духовно-нравственного развития, воспитания и социализации обучающихся.

Цель обучения при развитии культуры информационной безопасности заложена в требованиях к результатам освоения базы курса информатики, предполагающих понимание основополагающих правовых аспектов использования ПО во время работы в сети Интернет.

При этом можно в общем виде обозначить модель электронной информационно-образовательной среды, в которой в настоящее время реализуется формирование компетенций, развивающих культуру информационной безопасности студента (рис. 1).

Рассмотрим некоторые специфические принципы обеспечения развития культуры информационной безопасности студентов педагогического вуза:

– превентивный характер проведения мероприятий информационной безопасности по отношению к мероприятиям других видов безопасности;

– адекватная информированность объектов безопасности, в том числе и международных. Можно утверждать, учитывая эти принципы, что моделирование является наиболее приемлемым способом изучения подсистем обеспечения информационной безопасности.

Рисунок 1. Модель электронной информационно-образовательной среды педагогического вуза

Компонентами концептуальной модели безопасности информации являются:объекты угроз;

- угрозы;
- источники угроз;
- цели угроз со стороны злоумышленников;
- источники информации;
- способы неправомерного овладения конфиденциальной информацией (способы доступа);
- направления защиты информации;
- способы защиты информации;
- средства защиты информации.

На основе вышеизложенного нами была построена модель обучения, развивающая культуру информационной безопасности студентов в процессе профессиональной подготовки (рис. 2).

Рисунок 2. Модель формирования культуры информационной безопасности студентов – будущих педагогов – в процессе профессиональной подготовки

В результате реализации рассмотренной модели у студентов – будущих учителей – происходит формирование знаний о принципах обеспечения культуры информационной безопасности, средствах, способах и методах защиты от внешних и внутренних воздействий, а также их предотвращения для дальнейшего надежного функционирования.

При этом необходимо учитывать, что с развитием современных информационных технологий увеличивается и число возможных угроз, расширяется спектр потенциальных способов защиты от воздействий, следовательно, в ходе обучения невозможно охватить все аспекты ИБ, что повышает важность и значимость самостоятельного обучения студентов, развитие их саморегуляции (самокоррекции) и активизация познавательных действий, а также понимания ответственности за свою судьбу, здоровье и жизнь в целом.

В результате формирования компетенций культуры информационной безопасности студенты обучаются уважительно относиться к частной информации и информационным правам и свободам других людей, соблюдать нормы и информационную этику, права и культуру, обеспечивать собственную безопасность.

Обучающийся осваивает навыки использования кодирования, преобразования информации, рациональной организации своего личного пространства, в том числе информационного, с использованием персональных носителей данных (накопителей), облачных интернет-сервисов (например, Google Drive), кроме того, он должен уметь соблюдать основы норм информационного права и этики.

При этом студент педагогического вуза будет иметь возможность убедиться в том, насколько полна, верна, актуальна и достоверна полученная информация, есть ли доказательства, подтверждающие эту информацию, познакомиться с различными подходами к оценке достоверности информации (анализ оценки надежности источника информации, сравнение данных из разных источников в различное время), получить знание о существовании международных и национальных стандартов в области информатики, ИКТ.

По нашему глубокому убеждению, достижению информационной безопасности студентов способствует их духовно-нравственное развитие и успешная социализация.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 дек. 2016 года № Пр-646) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 – Педагогическое образование. Квалификация (степень) «бакалавр». – М., 2015. – 27 с.
3. Приказ «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 44.02.02 – Преподавание в начальных классах» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.11.2014 № 34864). Приказ Минобрнауки России от № 1353 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/.
4. Беляев М. А., Лысенко В. В., Малинина Л. А. Основы информатики: учебник для вузов. – Ростов н/Д.: Феникс. 2006. – 275 с.
5. Бетрозти Т. И., Кокаева И. Ю. Влияние компьютера на организм младшего школьника // Научные исследования и разработки в эпоху глобализации: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 7 ч. – Пермь: АЭТЕРНА, 2016. – Ч. 4. – С. 16–19.
6. Гафарова Г. Г., Смелянская В. В. Информационная безопасность личности [Электронный ресурс] // Безопасность личности: состояние и возможности обеспечения»: мат-лы конф. – Пенза: Социосфера, 2012. – URL: http://sociosphera.com/files/conference/2012/k-21-5-12.pdf.
7. Кокаева И. Ю., Тубеева Ф. К. Информационная компетентность бакалавров как показатель профессионализма и педагогического мастерства // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 5. – С. 24–31.

References

1. *Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (utv. Prezidentom RF 5 dekabrya 2016 goda № Pr-646) [Doctrine of information security of the Russian Federation (Russian President on December 5, 2016 No. Pr-646)]*. (In Russ.). Available at: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71456224/.

2. *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya napravleniyu podgotovki 44.03.01 – Pedagogicheskoe obrazovanie. Kvalifikatsiya (stepen') "bakalavr" [Federal state educational standard of the higher education direction of preparation 44.03.01 Pedagogical education. Qualification (degree) "bachelor"]*. Moscow, 2015. 27 p. (In Russ.).
3. *Prikaz "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego professional'nogo obrazovaniya po spetsial'nosti 44.02.02 Prepodavanie v nachal'nykh klassakh" (Zaregistrirovano v Minyuste Rossii 24.11.2014 № 34864). Prikaz Minobrnauki Rossii ot № 1353 [The order "About the Approval of the Federal State Educational Standard of Secondary Professional Education in 44.02.02 Teaching in Initial Classes" (It is registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation 11/24/2014 No. 34864). The order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation from No. 1353]*. (In Russ.). Available at: http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/.
4. Belyaev M.A., Lysenko V.V., Malinina L.A. *Osnovy informatiki: uchebnik dlya vuzov [Fundamentals of informatics. The textbook for higher education institutions]*. Rostov on Don, Feniks Publ., 2006. 275 p. (In Russ.).
5. Betrozti T.I., Kokaeva I.Yu. Vliyanie komp'yutera na organizm mladshego shkol'nika [Influence of the computer on an organism of the younger school student]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki v epokhu globalizatsii: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 7 chastyakh [Research and development during an era the globalization. Collection of articles of the International scientific and practical conference. In 7 part]*. Perm, AETERNA Publ., 2016, part 4, pp. 16-19. (In Russ.).
6. Gafarova G.G., Smelyanskaya V.V. Informatsionnaya bezopasnost' lichnosti [Informational safety of the person]. *"Bezopasnost' lichnosti: sostoyanie i vozmozhnosti obespecheniya": materialy konferentsii ["Security of the person: the status and capabilities of software". Materials of the conference]*. Penza, Sotsiosfera Publ., 2012. (In Russ.). Available at: http://sociosphera.com/files/conference/2012/k-21-5-12.pdf.
7. Kokaeva I.Yu., Tubeeva F.K. Informatsionnaya kompetentnost' bakalavrov kak pokazatel' professionalizma i pedagogicheskogo masterstva [Information competence of bachelors as indicator of professionalism and pedagogical skill]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov [Economic and humanitarian researches of regions]*, 2016, no. 5, pp. 24-31. (In Russ.).

УДК 343.85

ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ СТУДЕНЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сингач Артем Николаевич, директор Инновационного учебно-методического концертно-продюсерского центра, Алтайский государственный институт культуры (г. Барнаул, РФ). E-mail: singach@inbox.ru

Социально-педагогическая значимость профилактики молодежного экстремизма, необходимость реализации поставленной научной проблемы и отсутствие научно обоснованных технологий в теории, методике и организации социально-культурной деятельности, посвященных профилактике молодежного экстремизма, обусловили целесообразность выбора темы исследования. В статье осуществлена попытка анализа научной литературы, раскрывающего состояние разработанности понятий «экстремизм», «молодежный экстремизм». Определены области научного интереса к феномену экстремизма исследователей различных научных направлений – юридических, социологических, психологических, педагогических и др. Особое внимание было уделено исследованиям в области проблемы молодежного экстремизма, а также трудам методологов и практиков в сфере досуговой деятельности. Разносторонний анализ, затрагивающий политический, социологический, юридический и др. контексты позволил уточнить сущность понятия «экстремизм», было выявлено существенное расхождение его смысловой нагрузки – от приверженности к крайним взглядам и насильственным мерам, противоправным действиям до социально активного позитивно отклоняющегося общественно допустимого поведения.

С позиций социально-культурной деятельности понятие «экстремизм» было определено как деструктивное явление, представляющее собой общественно опасную противоправную деятельность, попирающую законы демократии, права, свободы личности и гражданина, а также широкий круг социальных девиаций, терпимость и одобрение общественно опасного поведения. Были выявлены факторы, провоцирующие молодежь к проявлениям экстремизма – определенные социально-экономические условия, в которых оказывается тот или иной молодой человек, аддиктивное поведение, провоцирующее стремление к уходу от действительности путем изменения своего психического состояния, спровоцированного употреблением различных психоактивных веществ и др.

Профилактика молодежного экстремизма с позиций нашего исследования была определена как сложная система педагогического воздействия, осуществляемого в условиях досуга, основанная на сочетании и взаимодействии всех сторон социально-педагогического процесса – содержания, методов, форм его организации и т. д.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, профилактика, технологии социально-культурной деятельности, социально ответственное поведение, досуг.

THE PROBLEM OF THE PREVENTION OF STUDENT EXTREMISM IN THE CONTEXT OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH

Singach Artem Nikolaevich, Director of Innovative Teaching and Concert Production Center, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russian Federation). E-mail: singach@inbox.ru

The socio-pedagogical significance of the prevention of youth extremism, necessity to implement a scientific problem and lack of scientifically based technologies in the theory, methodology and organization of socio-cultural activities devoted to prevention of youth extremism, led to the expediency of choosing the topic of research. The article attempts to analyze scientific literature revealing the state of development of concepts “extremism,” and “youth extremism.” The stated areas of scientific interest in the phenomenon of extremism for researchers in various scientific areas: legal, sociological, psychological, pedagogical, etc. The essence of the concept is clarified from the standpoint of socio-cultural activity, which in the study is presented as a destructive phenomenon, accepted as socially dangerous illegal activity that violates the laws of democracy, rights and freedoms of an individual and a citizen. Attention was paid to the research in the field of the problem of youth extremism, as well as to the work of methodologists and practitioners in the sphere of leisure activities. A diverse analysis, involving the political, sociological, legal and other contexts, made it possible to clarify the essence of the concept of “extremism,” it revealed a significant discrepancy in its semantic load from adherence to extreme views and violent steps, unlawful actions to socially active positively diverting socially acceptable behavior. From the standpoint of socio-cultural activities, the concept of “extremism” was defined as a destructive phenomenon, which is a socially dangerous illegal activity that violates the laws of democracy, rights and freedoms of an individual and a citizen, as well as a wide range of social deviations, tolerance and approval of socially dangerous behavior. Factors provoking the young people to manifestations of extremism were revealed as certain socio-economic conditions in which a young man turns out to addictive behavior that provokes the desire to escape from reality by changing his mental state provoked by the use of various psychoactive substances, etc.

Prevention of youth extremism from the standpoint of our research was defined as a complex system of pedagogical influence carried out in conditions of leisure, based on the combination and interaction of all aspects of the social pedagogical process, content, methods and forms of its organization, etc.

Keywords: youth extremism, prevention, technologies of socio-cultural activities, socially responsible behavior, leisure.

Внимание к проблемам молодежи, как самого мобильного и в то же время социально неадаптированного пласта общества, является не случайным, учитывая сложность и противоречивость ситуации в современном обществе, одной их характеристик которого является резко возросший уровень экстремизма. И наибольшее распространение это негативное явление получило именно в молодежной среде. Как подчеркивается в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной 20 ноября 2013 года Президентом Российской Федерации, распространение экстремистских настроений среди молодежи вызывает особую озабоченность [2]. С позиций нашего исследования профилактика экстремизма студенческой молодежи представляет собой сложную систему «педагогического воздействия, осуществляемого в условиях досуга, структура разработанной модели основана на сочетании и взаимодействии всех сторон социально-педагогического процесса – содержания, методов, форм его организации и т. д., что позволяет достигнуть необходимой эффективности в достижении цели, определить общее направление, содержание, совокупность и логику применяемых средств» [6].

Операционализация понятия «экстремизм» тесно связана с социально-политическим состоянием общества. Во многом этим обусловлено достаточно большое количество разночтений, неоднозначностью этого понятия. Этимологически сущность понятия «экстремизм» основывается на его первоначальном значении (от латинского extremus – крайний), то есть приверженность кого-либо к крайним взглядам. Такая трактовка лишь отчасти дает представление о сути этого явления.

Абсолютно обусловленным является интерес исследователей различных научных направлений к феномену экстремизма – юридических, социологических, психологических, педагогических и других наук. Такая ситуация определена многозначностью, противоречивостью и до сих пор недостаточной изученностью этого явления. Так, определение характера и сущности экстремистских проявлений, анализ направлений деятельности государственных и социальных институтов по выявлению и предотвращению проявлений экстремизма, статистический анализ и их количественный учет находится в поле зрения социологов. Интересом ученых-психологов и педагогов являются мотивы, провоцирующие социально опасное поведение личности. Интерпретация понятия «экстремизм» с позиций нормативных правовых актов, законодательное закрепление определения этого явления является сферой юриспруденции. В целом можно достоверно утверждать отсутствие единой позиции в смысловой интерпретации понятия «экстремизм».

С позиций данного исследования было важным проанализировать формы проявления молодежного студенческого экстремизма в сфере молодежного досуга. Было предпринято осмысление проблемы на трех уровнях: философском, общенаучном и конкретно-научном. Теоретико-методологической основой нашего исследования на философском уровне стали воззрения на сущность и социальные предпосылки досуга Аристотеля, Н. А. Бердяева, М. С. Кагана и др., методологические основы формирования личности и роль деятельности как основы личностного развития Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и др. На общенаучном уровне мы опирались учения о направлениях и условиях формирования личности, развития ее способностей (Б. В. Асафьев, А. А. Бодалев, П. Ф. Лесгафт, И. Н. Трофимова); исследования, посвященные методологии возрастной психологии (Л. С. Выготский, И. Кон, Н. Леонтьев, Л. Ф. Обухова, В. А. Сластенин); исследования в области психологии и педагогики, посвященные различным аспектам диагностики развития психических процессов и личности (В. В. Бойко, Л. С. Выготский, В. И. Слободчиков, Д. И. Фельдштейн). Конкретно-научный уровень представлен трудами по различным аспектам социально-культурной деятельности М. А. Ариарского, И. Арнольдова, Д. М. Генкина, А. Д. Жаркова, Ю. А. Стрельцова, В. Е. Триодина, Н. Н. Ярошенко и др.; подходами, формирующими культуру межнациональных отношений, выявление проблем общения и социальной зрелости личности, и, в частности, педагогические аспекты этих проблем (А. Н. Джуринский, В. И. Матис и др.).

Следует особо выделить изыскания в области проблемы молодежного экстремизма и труды методологов и практиков в сфере досуговой деятельности, рассматривавших методы реали-

зации проектной деятельности (Е. И. Григорьева, Ю. Д. Красильников, Е. О. Кубякин, А. В. Кузьмин, И. В. Малявкина, Г. Н. Новикова, Г. К. Селевко, Л. Е. Судоргина и др.).

Анализ Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности», Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденных Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р, Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной 20 ноября 2013 года Президентом Российской Федерации, Государственной программы Алтайского края «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае» на 2015–2019 годы – информационная база исследования.

Для более полной характеристики и классификации использованных источников и литературы рассмотрим их подробнее. Мониторинг состояния изученности проблемы выявил наличие определённого количество трудов, осветивших вопросы осмысления сущности понятия «экстремизм». Так, вопросам методологии изучения экстремизма посвящены труды А. Г. Никитина, А. В. Римского, С. А. Сергеева, К. Б. Толкачева, С. И. Чудинова. Среди исследований, проведенных зарубежными авторами, мы выделяем труды в области общеметодологических проблем терроризма и экстремизма Дж. Белла, Б. Дженкинса, Ч. Добсона, Д. Карлтона, У. Лакера, Р. Пейна, А. Шмидта, П. Уилкинсона и др. Различные формы проявления экстремизма (религиозного, политического, национального, информационного и т. д.) были проанализированы в трудах Н. Б. Бааль, А. Ю. Евтюшкина, В. Э. Мозгового, Е. П. Олиференко, Е. П. Сергуна, К. М. Ханбабаева. Вопросы предупреждения проявлений экстремизма в молодежной среде с позиций криминологии, социологии, психологии и других наук были рассмотрены в трудах А. В. Кузьмина, С. Е. Пролетенковой, Е. В. Сальникова, А. А. Свиридова, О. А. Селивановой, Ю. В. Сергеевой, М. А. Хадысова, С. Н. Фридинского.

Изучению сущности феномена экстремизма в молодежной среде посвятили свое внимание такие ученые, как Ю. М. Антонян, Н. Б. Бааль, С. В. Векленко, А. И. Долгова, Ю. Н. Зеленов, Д. З. Зиядова, Е. О. Кубякин, А. В. Кузьмин, Н. Ф. Кузнецова, Г. М. Миньковский, Е. П. Олиференко, К. Н. Поливанова, К. Н. Салимов, Ю. В. Сергеева, А. В. Сериков, К. Н. Шевелев, И. И. Щиголев, П. М. Якобсон и др.

Для уточнения сущности экстремизма и учитывая его сложность и многозначность, нами был проведен его разносторонний анализ, затрагивающий политический, социологический, юридический и др. контекст: от приверженности к крайним взглядам и мерам, насильственного принуждения всего общества к диктатуре на идеократической основе (Е. П. Олиференко), противоправной деятельности, способной причинить существенный вред основам конституционного строя или конституционным основам межличностных отношений (А. Г. Хлебушкин), неприятия основополагающих принципов демократии (Е. П. Сергун) до понимания экстремизма как негативных установок, ненависти, неприязни, одобрения радикальных действий по отношению к представителям других национальностей (И. В. Вехов), неприятия консенсуса, прав личности и ее самоценности (В. В. Устинов), социально активного, позитивно отклоняющегося, основанного «на крайних оценках существующих общественных отношений и их участников поведения, не запрещенного правом и допустимого им в части обеспечения неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина» [5, с. 190].

Определенным аспектам социально-профилактической деятельности в подростковой и молодежной среде уделено внимание отечественных ученых-педагогов – Ш. А. Амонашвили, Б. Г. Ананьева, В. С. Афанасьева, Л. С. Выготского, А. А. Габиани, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, Д. Б. Эльконина и др.

Интерес с позиций данного исследования представляют труды известных ученых в области психологии и педагогики, где были рассмотрены вопросы особенностей психофизиологического развития человека (Л. С. Выготский, И. В. Дубровин, И. С. Кон и др.). Вопросы анализа социально-педагогических оснований организации свободного времени представителей различных социально-демографических групп и, как особой социальной категории, – молодежи, посвящены работы

Р. Н. Азаровой, И. Н. Ерошенкова, М. Б. Зацепиной, Т. С. Комаровой, Г. В. Олениной, Э. В. Соколова, Б. А. Титова, С. А. Шмакова и др.

Среди работ, посвященных теоретическому и эмпирическому осмыслению оптимизации деятельности в области организации подростково-молодежного досуга, следует выделить исследования М. А. Ариарского, Г. М. Бирженюка, Г. В. Брындиной, А. П. Маркова, А. А. Сукало, В. Я. Суртаева, Б. А. Титова и др.

Проблемы разработки комплекса технологий социально-культурной деятельности, а также основы межкультурного взаимодействия, вопросы художественно-творческой деятельности рассмотрены в работах Т. И. Баклановой, С. Б. Брижатовой, Т. И. Головко, Е. И. Григорьевой, В. И. Матиса, В. П. Пешковой, Г. К. Селевко, Е. И. Смирновой, Ю. А. Стрельцова, Л. Е. Судоргиной.

В работах исследователей в сфере социально-культурной деятельности (М. А. Ариарского, Т. И. Баклановой, Г. М. Бирженюка, Е. И. Григорьевой, А. Д. Жаркова, Л. С. Жарковой, С. Н. Иконниковой, Ю. Д. Красильникова, Р. А. Литвак, А. В. Соколова, Ю. А. Стрельцова, В. Я. Суртаева, Б. А. Титова В. В. Туева, В. М. Чижикова Н. Н. Ярошенко и др.) анализируются воспитательный потенциал, функции, принципы, средства социально-культурной деятельности, а также методы влияния социально-культурной деятельности на становление личности, необходимость включения потенциала социально-культурной деятельности в практику работы с молодежью, формирование ее личностных качеств, необходимость специально организованной работы по профилактике этнического экстремизма, формированию среди молодежи «культуры межнационального общения как совокупности специальных знаний, позволяющих на основе межкультурной компетентности быстро и безболезненно достигать взаимопонимания и согласия в общих интересах» [4, с. 344].

Основываясь на результатах проведенного анализа обозначенных выше исследований, было уточнено понятие «экстремизм» с позиций социально-культурной деятельности как деструктивное явление, представляющее собой общественно опасную противоправную деятельность, попирающую законы демократии, права, свободы личности и гражданина. В отличие от юриспруденции, исследователи в сфере социально-культурной деятельности включают в понятие «экстремизм» не только делинквентное поведение, а широкий круг социальных девиаций, терпимость и одобрение общественно опасного поведения.

Основными содержательными чертами молодежного экстремизма были определены высокая демонстративность, агрессия (физическая, вербальная, психологическое давление и травля); повышенная криминогенность, высокая неумеренность и эскалация насильственных форм, протестный характер, отсутствие толерантности и негативное отношение к каким-либо «социальным группам (обычно к другим национальностям); пропаганда своих идей, демонстрация символики, своего превосходства; неприятие социальных норм и ценностей окружающих людей, игнорирование законов; массовость, групповой характер экстремистских проявлений, а также многообразие форм проявления» [1].

К факторам, провоцирующим молодежь к проявлениям экстремизма, были отнесены определенные социально-экономические условия, в которых оказывается тот или иной молодой человек. Среди предпосылок формирования экстремистского поведения отдельную позицию занимает деструктивная форма, представляющая собой аддиктивное поведение (от лат. addiction – пагубная привычка, порочная склонность), провоцирующая стремление к уходу от действительности путем изменения своего психического состояния, спровоцированного употреблением различных психоактивных веществ [3].

В целом анализ литературы по проблеме исследования показал, что, несмотря на имеющиеся разночтения в трактовке понятия «экстремизм», подавляющее большинство ученых сходится в понимании социальной опасности этого явления, в понимании экстремизма как угрозы современному обществу, проблемы, требующей целого комплекса действий различных институтов (общественных, государственно-политических, юридических, социальных и других), анализа причин возникновения его различных проявлений, поиска путей профилактики данного негативного явления, включающего вовлечение молодежи в социально-одобряемую деятельность.

Литература

1. Кирсанов А. И., Давыдов Д. Г., Завальский А. В., Скрибцова Н. А. Экстремизм в молодежной среде и его профилактика в образовательной организации (по результатам экспертного опроса) [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. – 2014. – Т. 6, № 1. – URL: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.phtml.
2. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденная 20 ноября 2013 года Президентом Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/19653.
3. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Психосоциальная аддиктология. – Новосибирск: Олсиб, 2001. – 251 с.
4. Матис В. И. К вопросу о методологии формирования государственной политики в сфере культуры, искусства и образования // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6 (37). – С 342–345.
5. Никитин А. Г. Виды и классификации экстремистского поведения: общетеоретические и правовые проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 1 (29). – С. 186–194.
6. Сингач А. Н. Профилактика молодежного экстремизма проектными технологиями социально-культурной деятельности // Научное обозрение: реф. журн. – 2016. – № 2. – С. 49–53.

References

1. Kirsanov A.I., Davydov D.G., Zavalskiy A.V., Skribtsova N.A. Ekstremizm v molodezhnoy srede i ego profilaktika v obrazovatel'noy organizatsii (po rezul'tatam ekspertnogo oprosa) [Extremism among young people and its prevention in educational organization]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2014, vol. 6, no. 1. (In Russ.). Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/1/Kirsanov_Davydov_Zavalskij_Skrib.phtml.
2. *Kontseptsiya obshchestvennoy bezopasnosti v Rossiyskoy Federatsii, utverzhdennaya 20 noyabrya 2013 goda Prezidentom Rossiyskoy Federatsii [The concept of public safety in the Russian Federation, approved on November 20, 2013 by the President of the Russian Federation]*. (In Russ.). Available at: http://www.kremlin.ru/acts/19653.
3. Korolenko Ts.P., Dmitrieva N.V. *Psikhosotsial'naya addiktologiya [Psychosocial addiction]*. Novosibirsk, Olsib Publ., 2001. 251 p. (In Russ.).
4. Matis V.I. K voprosu o metodologii formirovaniya gosudarstvennoy politiki v sfere kul'tury, iskusstva i obrazovaniya [On the question of the methodology of the formation of state policy in the sphere of culture, art and education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture, education]*, 2012, no. 6 (37), pp. 342-345. (In Russ.).
5. Nikitin A.G. Vidy i klassifikatsii ekstremistskogo povedeniya: obshcheteoreticheskie i pravovye problemy [Types and classification of extremist behavior: general theoretical and legal issues]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Actual problems of economics and law]*, 2014, no. 1 (29), pp. 186-194. (In Russ.).
6. Singach A.N. Profilaktika molodezhnogo ekstremizma proektnymi tekhnologiyami sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [The youth extrimism preventative measures with the means of the social cultural activity's project technologies]. *Nauchnoye obozreniye: referativnyy zhurnal [The scientific review. Abstract journal]*, 2016, no. 2, pp. 49-53. (In Russ.).

УДК 373

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Вагайцева Елена Сергеевна, учитель, МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 24» (г. Кемерово, РФ). E-mail: dialog_24@list.ru

Игонина Татьяна Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научно-методической работе, Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования (г. Кемерово, РФ). E-mail: t.b.igonina@mail.ru

В статье представлены результаты педагогического эксперимента по формированию гражданственности старших школьников в современном обществе. Описана педагогическая модель фор-

мирования гражданственности старших школьников в современном обществе, содержащая следующие компоненты: целевой, функциональный, содержательный, в котором отражены этапы формирования гражданственности, организационные формы и формы организации деятельности субъектов рассматриваемого процесса, методы, средства, и критериально-оценочный аппарат. Подробно представлен содержательный компонент указанной педагогической модели, реализующийся как в урочной, так и во внеурочной деятельности старших школьников. Представлен анализ урочной деятельности старших школьников как основного источника получения гражданских знаний. Рассмотрена деятельность старших школьников по созданию образовательных продуктов гражданской тематики, необходимых для решения обнаруженных школьниками социально значимых проблем, что позволяет проявить старшим школьникам гражданские знания, гражданские умения, гражданскую позицию на практике. Представлен ход и результат предшествующей непосредственно организации деятельности по формированию гражданственности старших школьников работы с педагогами по подготовке модераторов указанного процесса; описана работа с родителями старших школьников, принимающих участие в формировании их гражданственности. Результативность проведенного эксперимента подтверждена данными комплексной оценки уровня сформированности гражданственности старших школьников в современном обществе.

Ключевые слова: гражданственность, интегративное качество, формирование гражданственности, реализация педагогической модели, педагогические условия.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF THE FORMATION OF CIVIC CONSCIOUSNESS OF SENIOR SCHOOLCHILDREN IN MODERN SOCIETY

Vagaytseva Elena Sergeevna, Teacher, Secondary Comprehensive School No. 24 (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: dialog_24@list.ru

Igonina Tatyana Borisovna, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Vice-Rector on Scientific and Methodical Work, Kuzbass Regional Institute of Advanced Training and Retraining of Educators (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: t.b.igonina@mail.ru

The article presents the results of a pedagogical experiment on formation of civic consciousness of senior schoolchildren in modern society. The article describes the model of the formation of civic consciousness of senior schoolchildren in modern society. The article contains the following components: target, functional and informative which reflects the stages of the formation of civic consciousness, organizational forms and forms of organization of activity of subjects of a process under consideration, methods, means, and criterion-evaluation apparatus. The article presents informative component of a pedagogical model which is realized in the curriculum as well as extra curriculum activity of senior schoolchildren. There is an analysis of a curriculum of senior schoolchildren as the main source of civic knowledge acquirement. The article considers activity of senior schoolchildren on creating the educational products on civic consciousness, which are necessary to solve social problems detected by them, such activity allows senior schoolchildren to display civic knowledge, civic abilities, and civic consciousness in practice. The article presents the process and result of work with educators on preparation of moderators on the formation of civic consciousness of senior schoolchildren which precedes activity of senior schoolchildren, the article also describes work with parents of senior schoolchildren who take part in formation of their civic consciousness. The effectiveness of the experiment is confirmed by data of integrated assessment of a level of maturity of civic consciousness of senior schoolchildren in modern society.

Keywords: civic consciousness, integrated quality, formation of civic consciousness, implementation of pedagogical model, pedagogical conditions.

Будущее страны во многом зависит от того, как и каким будет воспитано подрастающее поколение. Смена политического режима в конце 1990-х годов, повлекшая за собой экономический, политический, нравственный хаос, обернулась ценностной катастрофой для граждан нашей страны. Сегодня уходит поколение людей, воспитанных советской школой, отличающейся прочной идеологией, сформированной воспитательной системой, высоким уровнем гражданственности и патриотизма ее выпускников, на смену приходит «поколение 1990-х», времени крушения прежних идеалов, потери нравственных ориентиров, что были у их родителей, за ними – те, кто сегодня еще только готовится стать полноправным членом гражданского общества новой России, то есть нынешние школьники. Именно им предстоит обеспечить консолидацию общества вокруг нравственных ценностей, идеалов и общих интересов при социальном расслоении населения, национальном разнообразии, поликонфессионализме, угрозе мирового терроризма. Залогом политического, социально-экономического развития и национальной безопасности Отечества является сформированность гражданственности как личностного качества.

Формирование гражданственности школьников в настоящее время – одна из ведущих задач отечественной системы образования. Ее приоритетность определяется осознанием необходимости преодоления последствий ценностного вакуума, возникшего в результате масштабных социально-политических изменений начала 1990-х годов; стремлением России достичь устойчивого развития, построить гражданское общество, основанное на принципах демократии, рыночной экономики, с преобладающей ролью в сфере производства и общественных отношений информации.

Центром гражданского воспитания школьников сегодня является образовательная организация, на педагогов возложены функции воспитания социально активного, соблюдающего законы и нормы правопорядка, соотносящего свои поступки с нравственными ценностями, осознающего и выполняющего свои обязанности перед семьёй, обществом, страной гражданина и патриота.

Содержание понятия гражданственности как качества личности, согласно утверждению А. С. Гаязова [2], необходимого во все времена существования государства, обусловлено конкретными историческими предпосылками, следовательно, работа по формированию данного качества у школьников должна быть выстроена с учетом реалий современности, в соответствии с достижениями научно-технического прогресса, развитием педагогической мысли, современными требованиями к уровню подготовки выпускников школы.

Следуя воззрениям большинства ученых (А. А. Арламова, О. С. Газман, А. В. Гололобовой, А. М. Князева, А. Ю. Коджаспирова, А. Ф. Никитина, Е. С. Рапацевич, В. А. Сластенина, М. В. Чельцова и др.), гражданственность мы определяем как интегративное качество личности, которое представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных гражданских качеств, гражданских убеждений, гражданской позиции, позволяющих человеку проявлять свою гражданскую активность в соблюдении норм гражданского общества, принятых на данном этапе его исторического развития и отражающих его ценности, и участии в социально-значимой деятельности. Компонентами гражданственности являются гражданские качества, гражданские убеждения, гражданская позиция.

Формирование гражданственности старших школьников в современном обществе – это целенаправленный, специально организованный, управляемый процесс, обеспечивающий усвоение старшими школьниками гражданских знаний, проявление гражданских убеждений и гражданской позиции в их деятельности, направленной на решение обнаруженных социально-значимых проблем, осуществляемой на основе использования информационно-коммуникационных умений. Информационно-коммуникационные умения (осознание потребности в информации; принятие решения о способе восполнения недостатка информации; конструирование стратегии обнаружения информации; сравнение и оценка информации, полученной из разных источников; владение различными способами передачи информации; создание на основе отобранной информации нового знания; владение компьютерной грамотностью), по нашему мнению, являются связующим звеном между компонентами гражданственности

и обеспечивают проявление гражданских качеств, гражданских убеждений и гражданской позиции человека в современном обществе.

Для формирования гражданственности старших школьников в современном обществе нами была разработана педагогическая модель с учетом особенностей развития современного общества, нашедших свое отражение в системе образования, а также факторов, способствующих и препятствующих указанному процессу, реализованная в опытно-экспериментальной работе.

Разработанная нами педагогическая модель формирования гражданственности старших школьников в современном обществе включает следующие компоненты: целевой, функциональный, содержательный, в котором отражены этапы формирования гражданственности, организационные формы и формы организации деятельности субъектов рассматриваемого процесса, методы, средства и критериально-оценочный аппарат. Модель имеет трехчастную структуру и ориентирована на взаимодействие всех субъектов образовательной деятельности: школьников, их родителей, педагогов, при их социальном партнерстве с институтами гражданского общества. В данном случае наша позиция близка воззрениям Г. Н. Филонова, считающего, что возникновение своеобразного психолого-педагогического пространства, стимулирующего совместную деятельность школьников, родительского актива, педагогов по формированию ценностных представлений школьников о гражданственности, будет способствовать проявлению данного качества [8].

На диагностическом этапе для всех субъектов образовательного процесса необходимо было определить уровень сформированности гражданственности как личностного качества. Для выявления уровня сформированности гражданственности нами были отобраны критерии: когнитивно-ценностный, эмоционально-волевой, рефлексивно-деятельностный критерии. По каждому критерию определены показатели. По когнитивно-ценностному критерию показателями были: наличие у старших школьников знаний о гражданском обществе, осознание значимости для себя лично и общества в целом гражданских правил и норм. Показателями эмоционально-волевого критерия были: наличие выраженных гражданских чувств, а также готовность и способность школьников к саморегуляции поведения, самостоятельной мобилизации воли в интересах себя самого, общества, государства. Рефлексивно-деятельностный критерий предполагает проявление гражданских знаний в поведении старших школьников, опыте социально-значимой деятельности в условиях современного общества, в оценке собственной деятельности самим школьником.

Определяя уровни сформированности гражданственности старших школьников в современном обществе, мы придерживались позиции большинства исследователей и выбрали шкалу «высокий уровень», «средний уровень», «низкий уровень».

Разделяя убеждение, что личный пример педагога оказывает существенное влияние на воспитанников, мы определили уровень сформированности гражданственности как личностного качества у родителей школьников и у педагогов, принимающих участие в реализации содержания данной модели.

Для организации деятельности по созданию образовательных продуктов гражданской тематики также необходимо было выявить и наличие соответствующего опыта. Создание образовательных продуктов потребовало определенных навыков и умений. На диагностическом этапе нам также нужно было выявить степень развития коммуникативных качеств и коммуникационно-информационных умений, а именно: владение способами позитивного общения и взаимодействия с окружающими, владение приемами письменной и устной коммуникации, владение способами хранения, переработки и передачи информации и др. Полученные на данном этапе результаты определили особенности организации деятельности по формированию гражданственности старших школьников: позволили определить очередность и содержание работы с субъектами воспитательно-образовательной деятельности, вовлеченными в деятельность по формированию гражданственности старших школьников.

Организация собственно деятельности по формированию гражданственности старших школьников в современном обществе потребовала определенной предварительной подготовки, в первую очередь, педагогов, затем родителей школьников.

Подготовка педагогов к организации деятельности по формированию гражданственности старших школьников в современном обществе заключалась в отборе и подготовке модераторов указанного процесса. Среди педагогов, планирующих быть модераторами формирования гражданственности старших школьников, был проведен опрос, позволивший установить, что педагоги (в том числе заместители директора образовательной организации по воспитательной работе) испытывают ряд затруднений при организации деятельности, способствующей формированию гражданственности старших школьников. Все затруднения классифицированы нами как затруднения общеметодического характера и практической направленности. К затруднениям общеметодического характера мы относим: отсутствие у педагогов четкого представления о гражданственности как интегративном качестве личности; недостаточное знание нормативно-правовой базы для формирования гражданственности старших школьников; недостаточное знание о методах, приемах, формах работы, направленных на формирование их гражданственности; отсутствие четкого представления о технологическом процессе создания информационного продукта гражданской тематики, недостаток опыта создания такого продукта. Педагоги отмечали, что размытость представления о гражданственности как качестве личности затрудняет организацию данного процесса, «методический голод» проявляет себя в недостаточном количестве знаний о воспитательных программах гражданской направленности, системе мероприятий, об оценке качества и результативности данного процесса. Затруднения практической направленности связаны, в первую очередь, с отсутствием достаточного количества знаний и умений применения информационно-коммуникационных технологий в образовательной практике, отсутствием опыта (или его недостаточностью), необходимого для создания образовательных продуктов гражданской тематики. Содержание образовательного продукта представлялось педагогам ясным (это нормы и ценности гражданского общества, гражданские правовые знания, значимые исторические факты и события, история малой родины, семьи, социальные проблемы); форма же образовательного продукта, в большей степени видео-, аудиообразцы и мультимедийные продукты, вызывала ряд затруднений. Подготовка модераторов, устранение выявленных затруднений были осуществлены в ходе реализации разработанного нами плана работы с педагогами.

Сравнительный анализ результатов определения уровня готовности педагогов к организации деятельности по формированию гражданственности старших школьников в современном обществе на начальном этапе работы с педагогами и по завершении таковой свидетельствует о повышении количества педагогов, готовых к выполнению функций модераторов процесса формирования гражданственности старших школьников в современном обществе. Доля педагогов, относящихся к группе с низким уровнем готовности к формированию гражданственности старших школьников, уменьшилась на 58 %, на 10 % уменьшилось количество педагогов, вошедших на начало эксперимента в группу со средним уровнем готовности, а число педагогов, вошедших в группу с высоким уровнем готовности увеличилось на 68 % и составило 78 % от общего количества педагогов, участвующих в экспериментальной работе. На педагогов из группы с высоким уровнем готовности были возложены функции модераторов по подготовке педагогов к формированию гражданственности старших школьников, заключающиеся в контроле и корректировке воспитательной работы педагогов на местах в каждой образовательной организации – участнике эксперимента.

Работа с родителями школьников была подчинена следующему алгоритму: диагностика, разработка плана работы, собственно работа с родителями, включенность родителей в организацию деятельности по формированию гражданственности старших школьников в современном обществе. Содержание и ход работы были определены в соответствии с уровнем сформированности гражданственности как качества личности, а также степенью владения информационно-коммуникационными технологиями. Полученные результаты диагностики позволили установить закономерность между тремя параметрами: возраст родителей, уровень сформированности гражданственности как качества личности, степень владения информационно-коммуникационными технологиями. Уровень сформированности граж-

данственности родителей более старшего возраста (52 года – 45 лет) выше, чем родителей среднего возраста (44–33 года), при этом степень владения информационно-коммуникационными технологиями старших родителей ниже, чем родителей среднего возраста. Работа с родителями старших школьников включала следующие виды деятельности – информационная, психолого-педагогическая, совместная деятельность с детьми – и была подчинена таким принципам, как добровольность, вариативность, завершенность. Она заключалась в организации проблемно-ориентированных семинаров, мастер-классов, тематических консультаций, направленных на расширение представлений об организации процесса формирования гражданственности старших школьников в современном обществе, приобретение соответствующих умений и навыков.

Основной особенностью этого этапа в предлагаемой нами модели являлась организация межпоколенческого диалога между субъектами воспитательно-образовательной деятельности, вовлеченными в процесс формирования гражданственности старших школьников. Межпоколенческий диалог мы рассматриваем как выстраивание взаимовыгодной коммуникации между людьми разных возрастов (поколений), являющимися носителями различных ценностей и опыта. Важным условием организации коммуникации между людьми разных возрастов (поколений) являлась именно диалогичность этого процесса, то есть способность представителей одного поколения быть услышанным представителями другого поколения, так как очень часто при встрече людей разного возраста «диалог не получается», «вместо него есть два монолога, которые, исчерпав себя, не имеют продолжения» [1].

Организованный в ходе проведенного нами педагогического эксперимента межпоколенческий диалог имел различную направленность, определяющую характер взаимодействия его участников, являющихся субъектами и/или его объектами: освоение школьниками норм и ценностей гражданского общества, присущих представителям среднего и старшего поколений, трансляция традиций и этических правил, способствующих формированию гражданственности старших школьников (объектная позиция школьников, субъектная – родителей и педагогов); осознание людьми старшего поколения своей востребованности (преодоление чувства одиночества, отчужденности) (субъект-субъектная позиция участников диалога); приобретение представителями разных поколений умений и навыков использовать информационно-коммуникационные технологии, в том числе для выражения своей гражданской позиции, в социально-полезной деятельности (объектная позиция родителей и педагогов, субъектная – школьников).

Установление межпоколенческого диалога особо значимо при формировании гражданственности старших школьников в современном обществе, в условиях которого изменяется характер межличностных отношений: они становятся менее устойчивыми, «кратковременные отношения функционального характера, каждый из участников которых взаимозаменяем» [6] доминируют над длительными (отношения внутри семьи между родственниками) и среднесрочными (отношения между друзьями, соседями, коллегами) отношениями. Межпоколенческий диалог, организованный в ходе формирования гражданственности старших школьников, позволяет укрепить как длительные, так и среднесрочные отношения между представителями разных поколений.

Содержание модели формирования гражданственности старших школьников в современном обществе реализуется в ходе урочной, внеурочной деятельности, социального партнерства, социальных практик. Урочная деятельность дает возможность школьнику получить гражданские знания, являющиеся основой для формирования гражданских убеждений, которые, в свою очередь, побуждают старших школьников действовать в соответствии с усвоенными гражданскими нормами и ценностями.

Анализ рабочих программ предметов разных образовательных областей с целью определения доли гражданских знаний в содержании учебных предметов показал, что, в первую очередь, предметы гуманитарного цикла – «Обществознание», «Отечественная история», «Право», «Литература», – в сравнении с предметами естественно научного цикла, обладают большими возможностями для усвоения школьниками гражданских знаний. Так, например, в результате освоения учебного

материала предмета «Обществознание» у обучающихся формируются представления о том, что человек, обладая индивидуальными чертами, является существом социальным, и деятельность его должна быть направлена на укрепление социальных связей, общественное благо. Содержание таких тем, как «Духовная культура», «Мораль и религия» способствует формированию у обучающихся нравственных установок и ценностей. Предмет «История» связан с изучением основных фактов, процессов и явлений, характеризующих целостность и системность отечественной истории; учебный материал представляет различные версии и трактовки основных проблем истории России, знакомит с деятельностью выдающихся личностей, внесших неоценимый вклад в развитие государства и его процветание, описывает быт и культуру народов России в разные исторические периоды. Опираясь на исторически сложившиеся культурные, религиозные, национальные традиции, нравственные и социальные установки, идеологические доктрины, предмет «История» призван воспитывать в школьниках гражданственность, национальную идентичность, развивать мировоззренческие убеждения и способность понимать историческую обусловленность явлений и процессов современного мира, определять собственную позицию по отношению к окружающей реальности, соотносить свои взгляды и принципы с исторически возникшими мировоззренческими системами; сформировать целостное представление о месте и роли России во всемирно-историческом процессе. Изучая историю Отечества, обучающиеся овладевают умениями и навыками поиска, систематизации и комплексного анализа исторической информации; приобретают способность рассматривать события и явления с точки зрения их исторической обусловленности, сопоставляют различные версии и оценки исторических событий и личностей, определяя собственное отношение к дискуссионным проблемам прошлого и современности. Стоит отметить, что школьники знакомятся не только с теми событиями, что говорят о мощи и силе государства Российского, но и оценивают ошибки и промахи правителей, общественных деятелей, что способствует формированию у школьников способности критически оценивать информацию, формулировать собственную позицию по обсуждаемым вопросам, используя в качестве аргументов сведения из истории Отечества.

Содержание такого учебного предмета, как «Право» представлено, главным образом, гражданско-правовыми знаниями. Одна из целей данного учебного предмета – воспитание у обучающихся гражданской ответственности и чувства собственного достоинства, дисциплинированности, а также уважения к правам и свободам другого человека, демократическим правовым ценностям и институтам, правопорядку.

Изучение художественных текстов на уроках литературы способствует формированию чувств добра и справедливости, торжествующих над ложью и неоправданным злодейством; гордости за проявленное геройство, самоотверженность, храбрость, преданность идеалам; любви к родной земле. Знакомство с биографией создателей художественных произведений, составляющих золотой фонд русской литературы, расширяет кругозор школьников, формируя чувство гордости за культурное наследие родной страны.

В предметах естественно-научного цикла доля гражданских знаний значительно меньше, нежели гуманитарных. Однако и здесь есть возможность формирования гражданских качеств и чувств, что обеспечено включением в учебный материал определенных заданий, например, задач патриотического содержания или задач, содержащих фоновую дополнительную информацию. Например, в ходе изучения предмета «Математика» школьники знакомятся с выдающимися учеными-математиками: С. В. Ковалевской, Н. И. Лобачевским, М. В. Остроградским, П. Л. Чебышевым, их ролью в развитии науки, общественной деятельностью, что способствует формированию чувства гордости за родную страну, предоставляет возможность найти положительный пример для подражания.

Анализируемая нами в ходе эксперимента урочная деятельность школьников, соответствуя ФГОС общего образования, не предполагала усвоения суммы знаний. Школьники приобретали знания и овладевали способами их применения в практической жизни. В связи с этим на основе предметных знаний школьники учились различными способами получать и анализировать информацию, систематизировать информацию из разных источников, критически осмысливать ее,

опираясь на полученные результаты определять собственную позицию и высказывать собственную точку зрения, чему способствовало применение продуктивных методов, использование информационно-коммуникационных технологий, применение личностно-ориентированного, индивидуального и дифференцированного подходов.

Работа со школьниками с низким уровнем усвоения учебного материала была направлена на повышение их мотивации к учению и развитие познавательных способностей. Педагоги создавали ситуации успеха, предлагая выполнить посильные дополнительные задания, связанные с поиском и переработкой необходимой информации, организовывали работу в группах диффузного состава, работу в парах по взаимному выполнению заданий, по взаимопроверке. Школьники с высоким уровнем освоения материала выполняли задания повышенной сложности, становились экспертами при проведении предметных конкурсов и викторин, в отдельных случаях, выступая инициаторами их проведения. Следуя требованиям ФГОС общего образования, педагоги уделяли особое внимание таким этапам урока, как рефлексия и целеполагание. Это позволяло каждому школьнику продуктивно работать на уроке, выявлять собственные затруднения и предпринимать шаги к их устранению (самостоятельно или с помощью педагога).

Таким образом, в ходе проведенного нами эксперимента старшие школьники в урочной деятельности, осваивая предметные знания, создавали учебные проекты, доклады, сообщения, слайдовые презентации, которые были представлены не только на уроках, но и на научно-практических конференциях, становились участниками очных и заочных конкурсов исследований, проводимых школьниками, например, Международного конкурса научно-исследовательских и творческих работ учащихся «Старт в науке», Всероссийского детского конкурса научно-исследовательских и творческих работ «Первые шаги в науке», областной научно-практической конференции исследовательских работ обучающихся «Диалог» и др.

Широкие возможности использования полученных гражданских знаний, проявления гражданских убеждений в практической деятельности предоставляет внеурочная деятельность. При организации внеурочной деятельности старших школьников, направленной на формирование их гражданственности, педагогами ставилась цель приобретения ими социального опыта, опыта решения обнаруженных социальных проблем. Такие формы организации деятельности старших школьников, как диспут, беседа, час общения при инициировании активности школьников позволяли им самим прийти к выводу о необходимости своего посильного участия в решении обнаруженных социальных проблем. Разнообразная тематика обсуждаемых вопросов: экология окружающейсреды,здоровыйобразжизни,хозяйственно-экономическая деятельность, межличностное общение, взаимодействие с представителями законодательной и исполнительной власти, общественными организациями, правовая грамотность населения, использование достижений информационного общества в повседневной практике и другое позволяла старшим школьникам проявить свою гражданскую позицию в различных направлениях. Старшие школьники становились участниками экологических десантов, гражданско-патриотических акций, членами волонтерских отрядов, представителями школьного ученического самоуправления и т. д.

В рамках внеурочной деятельности старшие школьники были вовлечены в отношения социального партнерства, развернувшиеся между субъектами воспитательно-образовательной деятельности (школьники – родители; школьники – педагогический коллектив; школа – микросоциум); между субъектами воспитательно-образовательного процесса и другими социальными группами; между субъектами воспитательно-образовательной деятельности и другими внешними структурами (общественные организации, институты власти). Суть социального партнерства для школьников – получение опыта социально-полезной деятельности, для родителей и педагогов – создание условий для получения школьниками опыта социально-полезной деятельности. Участие старших школьников в преобразовании социальной среды, направленное на формирование гражданственности старших школьников, есть форма организации социальной практики. В рамках социальной практики были организованы и профессиональные пробы. Профессиональная проба позволяла старшим школьникам «примерить на себя» достоинства и

недостатки выбранной профессии, получить сведения об элементах деятельности различных специалистов, на собственном опыте узнать о своих индивидуальных качествах и способностях, а главное, соотнести свой природный и накопленный потенциал с требованиями конкретной практической деятельности в различных сферах труда. Профессиональная проба могла быть выражена как результат внеурочной деятельности (материальные изделия, образовательные продукты, номера художественной самодеятельности и др.), как некоторая самостоятельно смоделированная имитация деятельности профессионала, как имитационная (деловая) игра. Деятельность по созданию образовательных продуктов гражданской тематики допускала возможность организации социально-профессиональной практики. Так, сотрудничество с редакцией газеты «Кузбасс» позволило школьникам попробовать себя в роли журналиста, корректора, верстальщика, фотографа, художника-оформителя, дизайнера, редактора печатных и/или электронных СМИ, видеооператора, режиссера монтажа, звукооператора и др. Ди-джеи открытой студии «Авторадио» предоставили старшим школьникам возможность занять их места в эфире и быть радиоведущими и звукорежиссерами. В результате сотрудничества с центром реабилитации инвалидов Рудничного района г. Кемерово, с территориальным управлением каждый школьник получил опыт решения социальной проблемы и проявил свою гражданскую позицию. Старшие школьники организовывали уроки компьютерной грамотности для пожилых людей; привлекали внимание жителей к вопросам пожарной безопасности как в жилых помещениях, так и на природе; участвовали в акциях по сбору вторсырья (пластик и макулатура), инициируя активность жителей и т. д.

В условиях развития современного общества социальная практика может быть организована не только в реальном, но и в виртуальном пространстве. Электронная почта, поиск информации, общение в социальных сетях, игры, обмен текстовыми сообщениями, аудио-, видеофайлами – это далеко неполный список различных социальных практик виртуального пространства современных школьников, осуществляемых преимущественно с целью организации досуга и значительно реже – в образовательных целях.

При организации внеурочной деятельности педагогами создавались такие ситуации, при которых старшие школьники в ходе решения обнаруженной ими социальной проблемы приходили к выводу о необходимости создания какого-либо образовательного продукта. Так, для привлечения внимания населения к вопросу экономии электроэнергии и воды в жилых домах были созданы листовки соответствующего содержания, размещенные на информационных досках жилых домов и касс расчетно-сервисных центров, принимающих оплату за услуги ЖКХ. Для организации общения ветеранов педагогического труда школы с нынешними учениками был проведен вечер встречи, в ходе подготовки к которому определена тематика беседы, составлены вопросы, изготовлены афиша и приглашения, видеозапись встречи позволила создать такой образовательных продукт, как видеоролик с последующим его размещением на сайте образовательной организации. С целью выражения признательности участникам Великой Отечественной войны за совершенный ими подвиг были созданы поздравительные открытки-плакаты, размещенные на информационных досках домов, где проживает ветеран, а адреса ветеранов предоставлены территориальными управлениями города при организации социального партнерства.

Деятельность старших школьников по созданию образовательного продукта гражданской тематики подчинена определенному, разработанному нами алгоритму, заключенному в следующей последовательности действий: тема образовательного продукта влечет за собой определение его формы; форма обусловливает (в случае необходимости) поиск партнеров; функционально-ролевое распределение предшествует собственно созданию образовательного продукта (данный этап включает в себя работу с информацией, технологический процесс и представление или размещение образовательного продукта); завершающим этапом является рефлексия. Освоение школьниками данного алгоритма предполагало наличие следующих навыков: анализ социальной ситуации (для определения значимости проблем социума и оценки возможности личного участия для их решения); способность вести конструктивный диалог; владение приемами позитивного общения; оценка собственного опыта деятельности

(для функционально-ролевого распределения); поиск и анализ информации (полнота, достоверность, соответствие поставленной задаче и т. п.); рефлексия.

Наблюдение за деятельностью старших школьников по созданию образовательных продуктов гражданской тематики, осуществляемой в группах с разным уровнем сформированности гражданских знаний, коммуникативных качеств, информационно-коммуникационных умений и опыта создания подобных продуктов, подтвердило, что на каждом из этапов создания образовательного продукта старшему школьнику необходимы коммуникативные качества и коммуникационно-информационные умения. Уровень коммуникативных качеств определяет успешность поиска партнеров при создании образовательных продуктов, а также качество представления образовательного продукта пользователям. Потенциального партнера необходимо убедить в том, что деятельность, которая не может быть осуществлена без его помощи, социально значима и принесет пользу не только создателям образовательного продукта, но и его пользователям, включая самого партнера. Коммуникационно-информационные умения, связанные с наличием опыта создания образовательного продукта, позволяли успешно выполнить такой этап алгоритма создания образовательного продукта, как собственно создание образовательного продукта, а именно его подэтапы – работа с информацией и технологический процесс.

Анализ деятельности старших школьников по созданию образовательных продуктов гражданской тематики, организованной по предложенному нами алгоритму при использовании индивидуального и дифференцированного подходов, показывает, что в целом она способствует повышению уровня таких компонентов гражданственности, как гражданские знания, гражданские качества (а именно коммуникативные качества), позволяет приобрести опыт социально-значимой деятельности, проявившийся в создании образовательных продуктов гражданской тематики, а также развивает информационно-коммуникационные умения старших школьников, необходимые для формирования их гражданственности в современном обществе.

Оценочный этап экспериментальной работы по формированию гражданственности старших школьников в современном обществе представлен диагностикой изменений состояния указанного процесса на начальном (I этап, диагностический), промежуточном (II этап, деятельностный) и итоговом (III этап, оценочный) этапах. На основе использования статистических методов исследования осуществлялось управление формированием гражданственности старших школьников в современном обществе, а полученные данные позволяли вносить коррективы в указанный процесс.

Определив уровень сформированности гражданственности старших школьников по каждому из критериев, мы отслеживали динамику сформированности их гражданственности на всех этапах педагогического эксперимента. Так, на промежуточном этапе эксперимента количество школьников, совершивших переход с одного уровня сформированности гражданственности по когнитивно-ценностному критерию на другой уровень, составило 12,6 % от общего числа школьников случайной выборки, тогда как на итоговом этапе число школьников, совершивших переход, достигло 55,5 %. Оценка числа переходов школьников с одного уровня сформированности гражданственности на другой по эмоционально-волевому критерию показывает, что на промежуточном этапе эксперимента переход совершили 37 % школьников, на итоговом – 43 %. Количество переходов по рефлексивно-деятельностному критерию на промежуточном этапе и итоговом составило 36,3 % и 47 % соответственно.

Проведенная на разных этапах педагогического эксперимента комплексная оценка уровня сформированности гражданственности старших школьников в современном обществе позволила распределить школьников – участников эксперимента – по группам. На протяжении всего эксперимента изменялся количественный состав групп старших школьников с разным уровнем сформированности их гражданственности. Так, если на начальном этапе эксперимента низкий уровень сформированности гражданственности наблюдался у 29,4 % школьников – участников эксперимента, то на промежуточном этапе – у 22,3 %, а на итоговом низкий уровень был диагоностирован только у 3 % старших школьников. Разница между начальным и итоговым этапами экспери-

мента в группе старших школьников с низким уровнем сформированности гражданственности составила 26,4 %. Состав групп старших школьников со средним уровнем сформированности гражданственности на начальном, среднем и итоговом этапах эксперимента составил 42 %, 30,1 % и 30 % соответственно. Уменьшение количества состава групп со средним уровнем сформированности гражданственности произошло за счет увеличения группы с высоким уровнем сформированности гражданственности. Разница между показателями на промежуточном этапе и итоговом незначительна – 0,1 %, что свидетельствует, с одной стороны, о стабильности произошедших изменений, с другой стороны, данный факт объясняется тем, что произошло значительное число переходов как со среднего уровня сформированности гражданственности на высокий, так и с низкого на высокий. Об этом свидетельствует сравнение результатов в группе низкого уровня сформированности гражданственности с высоким на промежуточном и итоговом этапах. 3 % школьников на итоговом этапе составляют группу с низким уровнем сформированности гражданственности и 67 % – с высоким, тогда как в группе со среднем уровнем на промежуточном и итоговом этапах существенных изменений не произошло.

Анализ результатов эксперимента по формированию гражданственности старших школьников в современном обществе позволяет констатировать, что данный процесс – управляемый, а педагогическими условиями являются: разработка и реализация педагогической модели рассматриваемого процесса с учетом особенностей современного общества и факторов, влияющих на данный процесс; взаимодействие субъектов образовательной деятельности, обеспечивающее реализацию индивидуально-дифференцированного подхода по формированию гражданственности старших школьников в современном обществе; анализ результатов сформированности рассматриваемого качества у старших школьников и внесение корректив в ходе экспериментальной работы.

Литература

1. Агапова О. Как поддержать диалог между поколениями [Электронный ресурс]: практ. курс. – URL: http://dvv-international.by/wp-content/uploads/2012/02/ %D0 %9C-2_dialog-between-generations.pdf.
2. Гаязов А. С., Баязитов С. Б., Амиров А. Ф. Социализация личности гражданина в пространстве муниципального образования. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2000. – 197 с.
3. Доржиева Л. Б. Социальное партнерство как инструмент и ресурс воспитания жизнеспособной личности в информационном обществе (из опыта работы) // Наука и школа. – 2013. – № 6. – С. 12–14.
4. Князев А. М. Акмеолого-педагогическая концепция воспитания гражданственности в системе российского образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – М., 2008. – 70 с.
5. Кочетков А. Б. Использование информационных технологий в процессе воспитания гражданственности молодежи // Вестн. Волгоград. филиала МУПК. – 2003. – Вып. 6. – С. 62–67.
6. Соловьев Э. Г. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. В 4 т. – М.: Мысль, 2001. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy-/8410.
7. Филонов Г. И. Феномен гражданственности в структуре личностного развития // Педагогика. – 2007. – № 8. – С. 38–44.
8. Филонов Г. Н. Деятельностная сущность воспитания // Педагогика. – 2008. – № 2. – С.13–19.

References

1. Agapova O. *Kak podderzhat' dialog mezhdu pokoleniyami: Practicheskiy kurs [How to support the dialogue between the generations: A practical course]*. (In Russ.). Available at: http://dvv-international.by/wp-content/uploads/2012/02/ %D0 %9C-2_dialog-between-generations.pdf.
2. Gayazov A.S., Bayazitov S.B., Amirov A.F. *Sotsializatsiya lichnosti grazhdanina v prostranstve munitsipal'nogo obrazovaniya [Socialization of a person's identity in the space of a municipal education]*. Ufa, Bashkir State University, 2000. 197 p. (In Russ.).
3. Dorzhieva L.B. Sotsial'noe partnerstvo kak instrument i resurs vospitaniya zhiznesposobnoy lichnosti v informatsionnom obshchestve (iz opyta raboty) [Social partnership as an instrument and resource of education of a viable personality in the information society (from work experience)]. *Nauka i shokola [Social partnership as an instrument*

and resource of education of a viable personality in the information society (from work experience)], 2013, no. 6, pp. 12-14. (In Russ.).
4. Knyazev A.M. *Akmeologo-pedagogicheskaya kontseptsiya vospitaniya grazhdanstvennosty v systeme rossiyskogo obrazovaniya. Avtoreferat dis. Doktora pedagogicheskikh nauk [Acmeological pedagogical concept of education of civic consciousness in the system of Russian education. Author's abstract of diss. Dr of pedagogical sciences]*. Moscow, Nauka Publ., 2008. 70 p. (In Russ.).
5. Kochetkov A.B. Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologiy v protsesse vospitaniya grazhdanstvennosti molodezhi [The use of information technologies in the process of educating the civic consciousness of youth]. *Vestik Volgogradskogo filiala MUPK [Bulletin of the Volgograd Branch of Moscow University of Consumer Cooperation]*, 2003, iss. 6, pp. 62-67. (In Russ.).
6. Solovyev Eh.G. *Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]*. Moscow, Mysl' Publ., 2001. (In Russ.). Available at: http:// dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy-/8410.
7. Filonov G.N. Fenomen grazhdanstvennosti v strukture lichnostnogo razvitiya. [The phenomenon of civic consciousness in the structure of personal development*]. Pedagogika [Pedagogy]*, 2007, no. 8, pp. 38-44. (In Russ.).
8. Filonov G.N. Deyatel'nostnaya sushchnost' vospitaniya [The activity essence of education]. *Pedagogika [Pedagogy]*, 2007, no. 2, pp. 13-19. (In Russ.).

УДК 37

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Костюк Наталья Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, директор научно-исследовательского института межкультурной коммуникации и социально-культурных технологий, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: kostuk1978@mail.ru

Статья посвящена анализу современных тенденций этнокультурной деятельности, особенности реализации которой в современных социокультурных условиях многонационального региона становятся одним из важных факторов формирования духовно-нравственных ценностей и воспитания подрастающего поколения. В ходе анализа автор рассматривает и взаимоувязывает генеральные цели и задачи ряда современных нормативно-правовых документов, регламентирующих социально-культурную и образовательную деятельность в контексте укрепления национального единства, формирования и развития гражданской идентичности детей и молодежи Российской Федерации.

Результаты научного анализа позволяют автору сделать вывод о важной роли и значимости этнокультурной деятельности в направлении выстраивания гармоничного взаимодействия между представителями различных национальностей, проживающих на территории одного региона. Именно значимость этнокультурной деятельности в гармонизации межнациональных отношений, сущность и особенности организационных форм, методов и технологий определяет ее педагогический потенциал в работе с детьми и молодежью.

В качестве основной организационной формы этнокультурной деятельности выступает этнокультурный центр. Автор считает, что функционирование этнокультурных центров должно быть подчинено целям и задачам государственной политики в сфере образования и культуры, так как именно в таком случае личностно-ориентированный и воспитательный потенциал этнокультурной деятельности будет максимально раскрыт и реализован. В статье рассмотрены основные уровни и направления деятельности этнокультурных центров, а также формы, методы и средства реализации педагогического потенциала этнокультурной деятельности в реальной практической деятельности.

Ключевые слова: педагогический потенциал, этнокультурная деятельность, воспитание подрастающего поколения, формирование и развитие гражданской идентичности, педагогические и социально-культурные технологии.

PEDAGOGICAL POTENTIAL OF ETHNOCULTURAL ACTIVITY IN THE MULTINATIONAL SPACE OF THE REGION

Kostyuk Natalya Vasilyevna, Dr of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Intercultural Communication and Sociocultural Technologies, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kostuk1978@mail.ru

The article is devoted to the analysis of modern tendencies of ethnocultural activity; the peculiarities of its realization in modern sociocultural conditions of the multinational region become one of the important factors of the formation of spiritual and moral values and upbringing the younger generation.

In the course of the analysis, the author considers and interrelates the general goals and tasks of several modern regulatory and legal documents regulating sociocultural and educational activities in the context of strengthening the national unity, formation and development of civil identity of children and youth of the Russian Federation.

Results of the scientific analysis allow the author to draw a conclusion about the important role and status of ethnocultural activity in the direction of building the harmonious interaction between representatives of different nationalities living in the territory of one region

It is the importance of ethnocultural activities in the harmonization of interethnic relations, the essence and peculiarities of organizational forms, methods and technologies that determines its pedagogical potential in work with children and young people.

The ethnocultural center is the main organizational form of ethnocultural activity. The author believes that the functioning of ethnocultural centers should be subordinated to the goals and objectives of state policy in the sphere of education and culture, since it is in this case that the person-oriented and educational potential of ethnocultural activities will be maximally disclosed and realized.

The article considers the main levels and directions of the activity of ethnocultural centers, as well as the forms, methods and technologies of the realization of the pedagogical potential of ethnocultural activities in real practical events.

Keywords: pedagogical potential, ethnocultural activity, upbringing of the younger generation, formation and development of civic identity, pedagogical and sociocultural technologies.

Россия в силу исторических условий является многонациональным и многоконфессиональным государством. Само складывание русской нации происходило в условиях слияния славянских, угро-финских и тюркских народов. В отличие от многих других стран, российское правительство не проводило политики геноцида и предоставления привилегий русским, ни один народ, из включенных так или иначе в империю, не исчез с лица земли. Позднее и в Российской империи, и в Советском Союзе сосуществовали разные культуры, образуя постепенно единый сплав – культуру современной единой России, основанную на принципе единства многообразия.

Одновременно с этим необходимо подчеркнуть многонациональность большинства субъектов Российской Федерации. Так, например, на территории Кемеровской области многие десятилетия совместно проживают представители более 150 национальностей. Это и малые коренные народы – шорцы и телеуты, это и русские, татары, украинцы, немцы, чуваши, армяне, грузины и др. И именно такое взаимное общение и сотрудничество стольких народов влияет на развитие уникального, самобытного культурного фонда каждого региона в отдельности и России в целом.

Тем не менее самобытность культуры, включающая в себя, в том числе, мощные духовно-нравственные аспекты, требует соответствующих «проводников». Одним из главных проводников культуры, несомненно, является этнокультурная деятельность, которая в отечественной науке и практике трактуется двояко. С одной стороны, это исторически сложившаяся и развивающаяся деятельность этноса по созданию и развитию своей (традиционной) культуры (собственных праздни-

ков, обычаев, обрядов, самобытных произведений народного художественного творчества и т. п.), воплощающей самосознание этноса, его стереотипы и характер. С другой стороны под этнокультурной деятельностью понимается деятельность различных социально-культурных институтов, государственных и негосударственных структур, которая направлена на изучение, сохранение, развитие традиционной (народной, этнической) культуры и трансляцию ее произведений и ценностей в современное социокультурное пространство.

И первая, и вторая трактовка рассматриваемого понятия устанавливают тесную связь этнокультурной деятельности с педагогикой как в контексте проблемного поля педагогической науки (воспитание, развитие, обучение), так и в контексте форм, методов и технологий, позволяющих наиболее полно реализовать педагогический потенциал этнокультурной деятельности.

Чтобы наиболее полно раскрыть сущность педагогического потенциала этнокультурной деятельности, необходимо обратиться к этимологии этого понятия. Потенциал (от лат. potentia – сила, мощь) – это источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения какой-либо задачи, достижения определённой цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определённой области [1]. Понятие «потенциал» как педагогическая категория характеризуется наличием тех возможностей и средств, которые имеют воспитательную и развивающую направленность.

В настоящее время в отечественной науке наблюдается возрастание интереса к изучению педагогических компонентов как культуры в целом, так и отдельных явлений культуры (традиция, фольклор, народная художественная культура и т. д.). Изучение ресурсов народной (этнической) культуры привело к выделению особого культурно-педагогического феномена и введению в научный оборот отдельного понятия – «педагогический потенциал культуры» [1]. Собственно первоначальное определение понятия «культура» как «возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание» проводит прямую параллель культурной деятельности с педагогикой. Таким образом, в рамках данной научной статьи под педагогическим потенциалом этнокультурной деятельности понимается сложная интегративная система материальных и нематериальных ресурсов, присущая традиционной культуре этноса, позволяющая активизировать процессы формирования духовно-нравственных ценностей, развития и воспитания личности [3].

В данном понимании этнокультурная деятельность становится важным звеном в направлении выстраивания гармоничного взаимодействия между представителями разных национальностей, проживающих на территории одного региона. Особенно важны понимание и реализация педагогического потенциала этнокультурной деятельности в работе с подрастающим поколением россиян: детьми и молодежью.

Педагогический потенциал этнокультурной деятельности возможно раскрыть посредством реализации основных его компонентов: обучающего, развивающего, воспитывающего, ценностно-ориентационного. При этом:

- обучающий компонент обеспечит приобретение детьми и молодежью глубоких систематизированных знаний в сфере традиционной культуры этноса, особенностей ее переплетения с традиционной и современной русской культурой;
- развивающий компонент обеспечит совершенствование индивидуально-личностных качеств субъектов, а также создаст условия для увеличения сфер их жизнедеятельности;
- воспитывающий компонент обеспечит формирование у представителей подрастающего поколения духовно-нравственных ориентиров и убеждений, волевых качеств; бережного и уважительного отношения к окружающей действительности, отечественному и мировому культурному наследию; способов поведения и действий гражданина своего Отечества;
- ценностно-ориентационный компонент обеспечит формирование определённой картины мира, мировоззрения молодого человека, включающего: ценностные ориентации и отношение к явлениям и предметам действительности, культурному наследию своей Родины; социально приемлемые модели поведения в многонациональном пространстве региона, страны, мира; интериоризацию этнокультурных ценностей как стержневых образований общечеловеческой системы ценностей.

Далее обратимся ко второму подходу в определении этнокультурной деятельности, в рамках которого данная деятельность рассматривается как деятельность определенных социальных институтов и различного рода структур. В данном контексте можно утверждать, что основной организационной формой этнокультурной деятельности, посредством которой возможна наиболее полная, целенаправленная реализация ее педагогического потенциала, выступает этнокультурный центр как социальный институт, который, с одной стороны, является проводником российской культуры среди граждан России, прежде всего среди детей и молодежи, с другой стороны, призван сохранять и укреплять связь с народами, проживающими на территории региона [6].

Деятельность этнокультурного центра как учреждения сферы культуры и как организации, реализующей педагогические функции среди детей, молодежи, а также взрослого населения, регламентируется рядом нормативно-правовых актов международного, федерального, регионального и т. д. уровней.

Прежде всего, необходимо говорить об Основах законодательства Российской Федерации о культуре, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации еще в 1992 году. Данный документ создан на основе Конституции Российской Федерации в соответствии с нормами международного права, и за период более чем два десятилетия редактировался дважды. Данным документом определена основополагающая роль культуры в развитии и самореализации личности, гуманизации общества и сохранении национальной самобытности народов, утверждении их достоинства, отмечается неразрывная связь создания и сохранения культурных ценностей, приобщения к ним всех граждан с социально-экономическим прогрессом, развитием демократии, укреплением целостности и суверенитета Российской Федерации [2].

Ориентация Основ законодательства Российской Федерации о культуре на международное право не случайна. Вопросами культурного многообразия в начале нового тысячелетия активно занялись различные международные организации и прежде всего – Организация Объединенных Наций (ООН) как международная организация, созданная для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами. Первым значимым документом, посвященным вопросам культурного многообразия, стала Всеобщая декларация о культурном разнообразии, появившаяся на свет в 2001 году. В данной Декларации заложено стремление к признанию разнообразия не просто как факта, а как источника новаторства, обменов и творчества, формирующих основы человечества.

Внутреннее законодательство Российской Федерации в сфере культуры подразделяется на федеральное законодательство и законодательство субъектов Российской Федерации. В случае нормативно-правовой регламентации деятельности этнокультурного центра основным документом, являющимся ориентиром, на основании которого необходимо выстраивать этнокультурную деятельность, является Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808 «Об утверждении основ государственной культурной политики». Главным принципом Основ государственной культурной политики, в том числе, является принцип открытости и взаимодействия с другими народами и культурами, представление об отечественной культуре как о неотъемлемой части мировой культуры [7].

Кроме того, достаточный объем документов, на которые может опираться в своей деятельности этнокультурный центр, связан с нормативно-правовыми основами жизнедеятельности коренных малочисленных народов. В ряду этих документов основополагающей несомненно является сохраняющая свою актуальность Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Вопросы гармонизации межнациональных отношений и укрепления национального единства российской нации вошли и в ряд принципов государственной политики в сфере образования. Так, в статье 3 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ подчеркивается принцип единства образовательного пространства на территории Российской Федерации, защита и развитие этнокультурных особенностей и традиций народов

Российской Федерации в условиях многонационального государства.

Итак, этнокультурная деятельность регионального этнокультурного центра, с заложенным в ней педагогическим потенциалом, создает условия для нивелирования рисков, возникающих вследствие негативных проявлений дисгармоничных межнациональных отношений – ксенофобии, экстремизма и т. п. Главным ориентиром этнокультурной деятельности этнокультурного центра является сохранение российского государства как многонациональной целостности, приоритет национально-культурного единства [3].

Реализации этой цели способствует следование ряду принципов. Во-первых, необходимо выстраивать «двухуровневую» культурную систему. Первый «уровень» – это относительно самостоятельное и самобытное развитие этнических культур. Но в условиях современной действительности обязательно нужен второй «уровень», где максимально реализовывалось бы единство этих культур. При этом такое единство должно быть деятельностным, то есть культурные мероприятия должны в максимальной степени предусматривать совместную деятельность национально-культурных организаций и этнокультурных центров [8].

Второй принцип, вытекающий из вышесказанного, роль искусства в становлении единства. Именно общая деятельность представителей разных национальностей и диаспор в сфере искусства является основой единства.

Наконец, третий принцип заключается в том, что характер взаимодействия не должен иметь ни малейшего намека на насилие, принуждение к единению. То есть каждая этнокультурная группа (представители в регионе) должна осознать, что влиться в общую струю культурного развития весьма целесообразно.

Перспективный подход к организации целенаправленной этнокультурной деятельности предполагает особую ориентацию на детей и молодежь, о чем было сказано выше. Эти категории населения, с одной стороны, наиболее подвержены как позитивным, так и негативным влияниям, с другой стороны, воспитанные в юности установки определяют будущее этнокультурных отношений в стране, поэтому и с этой точки зрения роль этнокультурных центров в деятельности по воспитанию подрастающего поколения переоценить невозможно.

Приступая к вопросу о сути реализации педагогического потенциала этнокультурной деятельности, необходимо подчеркнуть, что основными средствами здесь выступают социально-культурные и педагогические технологии, формы и методы. Это связано с тем, что личность субъекта в этнокультурной деятельности в этнокультурном центре вступает во взаимодействие с культурой в трех важнейших отношениях:

- субъект усваивает культуру, являясь объектом культурного воздействия;
- субъект функционирует в культурной среде как носитель и выразитель культурных ценностей;
- субъект создает культуру, будучи субъектом культурного творчества, а совокупность применяемых форм сохранения этнокультурного наследия (вербальные и невербальные, материальные и духовные, консервативные и творческие и др.) обеспечивают ему это взаимодействие.

Приобщение подрастающего поколения – детей и молодежи к традиционной культуре, а также вовлечение взрослого населения в мероприятия этнокультурной направленности происходит посредством различных педагогических и социально-культурных технологий, облаченных в различные формы, с применением различных средств этнокультурной деятельности [5]. При этом собственно этнокультурные технологии, например, технологии возрождения национального самосознания и ментальности, технологии сохранения и возрождения родного языка, технологии этнокультурного образования и воспитания, технологии воссоздания традиционных промыслов и ремесел, развития традиционного народного творчества, технологии реставрации культурного наследия и др. включают в себя конкретные частные технологии и методы, как социально-культурной деятельности, так и педагогики. Для организации работы этнокультурного центра как организационной единицы данный вопрос является достаточно важным.

Представленные основания реализации педагогического потенциала этнокультурной деятельности, функционирования этнокультурных

центров позволяют утверждать, что под формой этнокультурной деятельности необходимо понимать способ ее реализации, а также способы и приёмы организации субъектов деятельности (детей и молодежи); под методами этнокультурной деятельности – пути достижения поставленной цели, способы и приёмы практической реализации деятельности; под средствами – инструменты, с помощью которых осуществляется этнокультурная деятельность, то есть своеобразный «механизм» доведения содержания деятельности до ее субъектов.

Таким образом, в число основных направлений деятельности этнокультурных центров, позволяющих эффективно и адекватно целям и задачам этнокультурной деятельности реализовать ее педагогический потенциал, входят:

- популяризация народной (этнической) культуры;
- возрождение и сохранение национального языка и культуры;
- приобщение подрастающего поколения к художественному творчеству;
- этнографическое краеведение;
- этноэкология;
- научно-поисковая работа;
- культурно-досуговая деятельность.

Культура этнических сообществ, проживающих в многонациональных пространствах, является фактором качества культурной жизни региона и создает условия для формирования мировоззрения последующих поколений.

Именно культура регионов России аккумулирует множество национальных традиций сохранившихся этнических культур. Поэтому решение задачи реализации педагогического потенциала этнокультурной деятельности и этнокультурное развитие регионов ложится на большинство социально-культурных институтов, включая и этнокультурные центры. Содержание этнокультурной деятельности, а соответственно, деятельности этнокультурного центра обязательно облекается в определенную форму. При использовании различных педагогических, социально-культурных форм работы необходимо учитывать главное условие: форма должна соответствовать содержанию, так как именно в этом случае личностно-ориентированный и воспитательный потенциал этнокультурной деятельности будет максимально раскрыт и реализован.

Литература

1. Гаврилова А. О. Сущность педагогического потенциала русской народной культуры // Фундамент. исслед. – 2015. – № 2–19. – С. 4280–4285.
2. Закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 окт. 1992 года № 3612-I [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/104540/#friends.
3. Костюк Н. В. Культура межнациональных отношений в образовательной среде вузов Кемеровской области // Мир образования – образование в мире. – 2014. – № 3 (55). – С. 80–89.
4. Костюк Н. В. Формирование готовности будущих менеджеров в сфере культуры к реализации инновационных моделей управления социально-культурной деятельностью в условиях изменяющегося рынка труда // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 22, ч. 1 – С. 178–180.
5. Костюк Н. В. Формирование гражданской идентичности в многонациональном пространстве непрерывного профессионального образования // Теория и практика воспитания: педагогика и психология: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. – М.: Изд-во Москов. психол.-соц. ун-та, 2016. – С.735–739.
6. Литвак Р. А. Роль социокультурной среды региона в социализации личности подростка // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 34. – С. 204–211.
7. Основы государственной культурной политики: Указ Президента Российской Федерации от 24 дек. 2014 года № 808 [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru/acts/bank/39208.
8. Юдина А. И. Алгоритм социально-культурного прогнозирования деятельности организаций сферы культуры // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2017. – № 38. – С. 166–175.

References

1. Gavrilova A.O. Sushchnost' pedagogicheskogo potentsiala russkoy narodnoy kul'tury [Essence of pedagogical potential of Russian folk culture]. *Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental research]*, 2015, no. 2-19, pp. 4280-4285. (In Russ.).

2. *Zakon Rossiyskoy Federatsii "Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o kul'ture" ot 9 oktyabrya 1992 goda № 3612-I [The Law of the Russian Federation "Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture". October 9, 1992, no. 3612-I]*. (In Russ.). Available at: http://base.garant.ru/104540/#friends.
3. Kostyuk N.V. Kul'tura mezhnatsional'nykh otnosheniy v obrazovatel'noy srede vuzov Kemerovskoy oblasti [Culture of interethnic relations in the educational environment of universities of the Kemerovo region]. *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire [The world of education is education in the world]*, 2014, no. 3 (55), pp. 80-89. (In Russ.).
4. Kostyuk N.V. Formirovanie gotovnosti budushchikh menedzherov v sfere kul'tury k realizatsii innovatsionnykh modeley upravleniya sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nost'yu v usloviyakh izmenyayushchegosya rynka truda [Formation of readiness of future managers in the sphere of culture to realizing innovative models of management of socio-cultural activity in the conditions of a changing labor market]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no. 22/1, pp. 178-180. (In Russ.).
5. Kostyuk N.V. Formirovanie grazhdanskoy identichnosti v mnogonatsional'nom prostranstve nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya [The formation of civil identity in the multinational space of continuous vocational education]. *Teoriya i praktika vospitaniya: pedagogika i psikhologiya: materialy mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konferentsii [Theory and practice of education: pedagogy and psychology: materials of the international. scientific and practical conference]*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo universiteta Publ., 2016, pp. 735-739. (In Russ.).
6. Litvak R.A. Rol' sotsiokul'turnoy sredy regiona v sotsializatsii lichnosti podrostka [The role of the socio-cultural environment of the region in the socialization of the adolescent's personality]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2016, no. 34, pp. 204-211. (In Russ.).
7. *Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 24 dekabrya 2014 goda № 808. [The fundamentals of the state cultural policy: Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014, no. 808]*. (In Russ.). Available at: http://kremlin.ru/acts/bank/39208.
8. Yudina A.I. Algoritm sotsial'no-kul'turnogo prognozirovaniya deyatel'nosti organizatsiy sfery kul'tury [Algorithm of socio-cultural prediction of the activity of cultural organizations]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2017, no. 38, pp. 166-175. (In Russ.).

Алфавитный указатель авторов

Алексеева Л. С.	111
Амгаланова М. В.	93
Антипов А. Г.	49
Вагайцева Е. С.	199
Виджай Кумар Шарма	13
Волкова Т. А.	55
Гордеева Т. Ю.	23
Гумерова О. А.	128
Давыдов В. П.	166
Двуреченская А. С.	36
Егле Л. Ю.	29
Ерина Ю. С.	186
Звягин С. П.	75
Игонина Т. Б.	199
Кокаева И. Ю.	186
Костюк Н. В.	210
Кульков Е. А.	61
Майзик Е. И.	105
Макарчук С. В.	75
Марков В. И.	29
Марьина М. Г.	36
Мритунджей Шарма	19
Нетребина Л. А.	85
Оленич Л. В.	111
Пономарёв В. Д.	159
Прокопов В. Л.	145
Прокопова Н. Л.	145
Русинова Е. А.	138
Рыбникова Е. Е.	49
Сергеева А. Ю.	181
Сингач А. Н.	194
Скипор И. Л.	174
Соловьёв В. А.	66, 70
Сырыгин Д. С.	99
Тимербулатов Д. Р.	75
Фаттахова Л. Р.	122
Филин Д. А.	42
Цыремпилова И. С.	85
Чепурина В. В.	154

List of Authors in Alphabetical Order

Alekseeva L.S.	111
Amgalanova M.G.	93
Antipov A.G.	49
Vagaytseva E.S.	199
Dr. Vijay Kumar Sharma	13
Volkova T.A.	55
Gordeeva T.Yu.	23
Gumerova O.A.	128
Davydov V.P.	166
Dvurechenskaya A.S.	36
Egle L.Yu.	29
Erina Yu.S.	186
Zvyagin S.P.	75
Igonina T.B.	199
Kokaeva I.Yu.	186
Kostyuk N.V.	210
Kulkov E.A.	61
Mayzik E.I.	105
Makarchuk S.V.	75
Markov V.I.	29
Maryina M.G.	36
Dr. Mritunjay Sharma	19
Netrebina L.A.	85
Olenich L.V.	111
Ponomarev V.D.	159
Prokopov V.L.	145
Prokopova N.L.	145
Rusinova E.A.	138
Rybnikova E.E.	49
Sergeeva A.Yu.	181
Singach A.N.	194
Skipor I.L.	174
Solovyev V.A.	66, 70
Syrygin D.S.	99
Timerbulatov D.R.	75
Fattakhova L.R.	122
Filin D.A.	42
Tsyrempilova I.S.	85
Chepurina V.V.	154

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(Выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (http://vestnik.kemguki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатором журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (250–300 слов, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 (Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления) и в References на латинице (транслитерация) и английском языке. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5]. Количество цитируемых источников – от 8 до 20.

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала
УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну). E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: …

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке….

Ключевые слова на английском языке:….

Текст….

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

…

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

…

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).
3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:

по адресу: 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГИК, научное управление;

- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогические науки.
2. Искусствоведение.
3. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

С более полной информацией о правилах публикации можно ознакомиться на официальном сайте журнала: http://vestnik.kemguki.ru

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Цена 550 рублей
Дата выхода номера в свет 16.11.2017

Подписано в печать 16.10.2017
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 5.
Уч.-изд. л. 21,9. Усл. печ. л. 25,7
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского государственного института культуры:
Кемеровская область, 650056, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17. Тел.: (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Price 550 roubles
Issue released on November 16, 2017

Signed for print on September 16, 2017
Format 60x84 1/8.
Offset paper. Font «Times».
Order № 5.
Author's sheets 21,9. Printer's sheets 25,7
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State University of Culture:
Kemerovo region, 650056, Kemerovo, 17 Voroshilov Street. Phone: (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru